

2078-8975 (PRINT)
2078-8983 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Bulletin of Kemerovo State
University

Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo
universiteta

TOM 24 № 2
2022

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-67989.

Выдано Роскомнадзором.

Издается с 1999 года. Выходит 4 раза в год.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
+7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге
«Пресса России» – 42150.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов
Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал включен в базы данных: EBSCO, ErichPlus, DOAJ,
Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств
Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала,
проходят двойное слепое рецензирование (Double-blind review).

Статьи распространяются на условиях лицензии
CC BY 4.0 International License.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив
полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания:
<https://vestnik.kemsu.ru>

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher
Education "Kemerovo State University".

Certificate of registration: PI no. FS 77-67989. Registered in the Federal
Service for Supervision of Communications, Information Technology
and Mass Communications.

Founded in 1999. Published 4 times a year.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online).

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo,
Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000.
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region
(Kuzbass), Russia, 650000.
+7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Subscription indices: 42150 – in the United catalogue
"The Press of Russia".

The Bulletin is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals
recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian
Federation.

The journal is registered in the following databases: EBSCO,
ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those
of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have
to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal,
undergo double-blind peer review.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International
License.

For more information about our publishing politics, instructions for
authors, and archives of full-text issues, please visit our website:
<https://vestnik.kemsu.ru>

16+

Контакты для сотрудничества / Contacts for co-operation:

Серый Андрей Викторович, главный редактор (КемГУ)
Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief
avgrey@yahoo.com

Васютин Сергей Александрович, заместитель главного редактора
по направлению «История» (КемГУ)
Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History
vasutin2012@list.ru

Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь (КемГУ)
Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary
+7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru, vestkemsu@gmail.com

Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор по направлению
«Филология» (КемГУ)
Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary Studies
tatianakuznetsova86@mail.ru

Вестник Кемеровского государственного университета – национальный рецензируемый журнал, публикующий результаты новейших научных исследований в области истории, археологии, психологии и языкознания. Междисциплинарность издания раскрывается в оригинальных и обзорных статьях, рецензиях, посвященных толерантности, идентичности, межкультурной коммуникации в современности и ретроспективе, поликультурному образовательному пространству, истории языка, билингвизму, психолингвистике, национальным, этническим и этнокультурным вопросам (национальной политике, определению себя в рамках нации, национальным языкам). Журнал ориентирован на интегрирование основных тенденций и достижений современных научных исследований, на установление и укрепление научных связей между учеными из разных регионов России и других стран.

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф., КемГУ
(Кемерово, Россия).
Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.),
Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент,
КемГУ (Кемерово, Россия).
Sergey A. Vasyutin, Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.
(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia).

Редакционная коллегия / Editorial board

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН,
Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).
Alexander E. Anikin, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Member of the Russian Academy of Sciences (RAS),
Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS
(Novosibirsk, Russia).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Vladimir V. Bobrov, Dr.Sci.(Hist.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).
Galina A. Zhilicheva, Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk
State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Vasily P. Zinoviev, Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State
University (Tomsk, Russia).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).
Yuriy V. Kobenko, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk
Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург,
Россия).
Vladimir N. Kolotov, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof.,
Saint Petersburg State University (St. Petersburg,
Russia).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет
Эксетера (Экстер, Великобритания).
Ekaterina Kolpinskaya, PhD in Politics,
Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск,
Россия).
Ilya V. Kuznetsov, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk,
Russia).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Oleg V. Lukyanov, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk
State University (Tomsk, Russia).

Лушников Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).
Galina I. Lushnikova, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Humanities and Education Science Academy (branch)
of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta,
Russia).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Natalia V. Melnik, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).
Anastasiya V. Miklyaeva, Dr.Sci.(Psychol.), Assoc.
Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia
(St. Petersburg, Russia).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт
археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск,
Россия).
Vyacheslav I. Molodin, Dr.Sci.(Hist.), Prof.,
Member of the RAS, Institute of Archeology and
Ethnography of the Siberian Branch of the RAS
(Novosibirsk, Russia).

The Bulletin of Kemerovo State University is a Russian peer-reviewed journal that provides the latest research achievements of history, archeology, psychology, and linguistics. The Bulletin publishes research papers, review articles, and book reviews. As an interdisciplinary periodical, we publish articles that promote tolerance and identity issues. Our authors write about intercultural communication, multicultural education, language history, bilingualism, and psycholinguistics. They develop both national and ethnocultural issues, e.g. national politics, self-identification, national languages, etc. Our mission is to promote the main trends and achievements of contemporary science in order to establish links between Russian and foreign scientific communities.

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Natalya V. Nalegach, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Boris P. Nevzorov, Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Vladislav A. Ovchinnikov, Dr.Sci.(Hist.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Пелех Юрий Владимирович

Dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша
(Ченстохова, Польша).
Yurii Pelekh, Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University
(Czestochowa, Poland).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Институт иностранных
языков (Санкт-Петербург, Россия).
Marina V. Pimenova, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Institute
of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Sergey G. Proskurin, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Zoya I. Rezanova, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State
University (Tomsk, Russia).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).
Svetlana V. Rudakova, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).
Vladimir P. Serkin, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher
School of Economics (Moscow, Russia).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Oleg E. Terekhov, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).
Valeriy I. Tyupa, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State
University for the Humanities (Moscow, Russia).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).
Elena V. Khakhalkina, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof.,
Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского
Университета (Оксфорд, Великобритания).
Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof.
of Department for Continuing Education,
University of Oxford (Oxford, GB).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).
Alexander V. Shunkov, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo,
Russia).

Эрдэнэболд Лхагвасурэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет
науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).
Lhagvasuren Erdenabold, Ph.D.(Hist.), Prof.,
Mongolian University of Science and Technology
(Ulan Bator, Mongolia).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).
Andrey V. Yurevich, Dr.Sci.(Psychol.), Prof.,
Corresponding Member of the RAS, Institute
of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Mikhail S. Yanitskiy, Dr.Sci.(Psychol.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Литературные редакторы – Е. А. Печенкина, Л. С. Старикова.
Корректор – Л. С. Старикова.
Литературный редактор (английский язык) – Н. В. Рабкина.
Верстка и дизайн – Н. В. Митько.

Literary editors – E. A. Pechenkina, L. S. Starikova.
Proof-reader – L. S. Starikova.
Literary editor (Eng.) – N. V. Rabkina.
Layout and design – N. V. Mitko.

Уважаемые читатели и авторы!

В данном тематическом номере представлены публикации, освещающие актуальные проблемы изучения современной лингвистики.

Открывает первый раздел **Актуальные проблемы лексикологии и дериватологии** научная статья Николая Даниловича Голева, посвященная закономерностям лексического функционирования основной единицы словообразовательной системы – словообразовательного типа. В ней автор с новаторской точки зрения подходит к изучению явления функционально-семантической вариативности внутри соответствующих словообразовательных типов, что сопряжено с применением количественного подхода и другими методами исследования.

Статьи раздела **Германистика** выполнены на материале немецкого языка, кроме того, представлен сравнительно-сопоставительный подход при изучении итеративно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности в немецком и русском языках.

В разделе **История и теория языка** предложено исследование палеографических, орфографических, фонетических особенностей экстратекстов (записей и приписок) в рукописи галицко-волинского Христинопольского Апостола XII в. Результаты данного исследования дают представления о некоторых особенностях функционирования живого древнерусского языка. Публикации по теории языка связаны с изучением актуального членения (от предложения до текста), структуры терминологических полей.

Раздел **Когнитивная лингвистика** представлен репрезентацией концептов и их описанием, авторами отмечаются особенности функционирования концептов в языковом сознании говорящих. Изучаемые понятия также рассматриваются как элементы лингвокультуры, отражающие ее ценности.

Статьи раздела **Коммуникативная лингвистика** объединены общим коммуникативным подходом к изучению языка, который предполагает описание общих факторов взаимодействия автора и читателя, их характеристик.

Часть номера составляют статьи, подготовленные авторами по материалам докладов на Международной научной конференции «Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения», посвященной памяти профессора Людмилы Алексеевны Араевой, проходившей в г. Кемерово 3–5 февраля 2022 г. Это публикации Н. Д. Голева, Т. В. Леонтьевой и В. М. Мокиенко, З. И. Резановой и О. В. Рыжовой, М. Дж. Тагаева, О. В. Фельде и Е. А. Бирюлиной, Н. Б. Лебедевой и А. С. Лебедевой.

Организаторы и участники
конференции (Ю. Н. Журавлев,
Э. М. Афанасьев, Н. В. Мельник,
А. Г. Ким, М. Дж. Тагаев и др.)

Организаторы и участники
конференции (Ф. Э. Абдуллаева,
Н. Д. Голев, А. Г. Ким,
Н. Б. Лебедева, Н. В. Мельник,
Т. Г. Рабенко и др.)

Задача конференции заключалась в обсуждении вопросов, связанных с изучением лексики и словообразования, когнитивной парадигмы в науке, лингвистической прагматики, коммуникативной лингвистики, межкультурной коммуникации, а также многих других вопросов, относящихся к изучению языка и литературы. В данных публикациях актуализированы следующие аспекты: проблемы изучения лексической интерференции, концептов, языковых номинаций, типологии авторов по материалам естественно-письменной речи. Обращение авторов к данным аспектам изучения языка оказалось сопряженным с широкой сферой современных исследований, что позволяет отнести представленные статьи к актуальным лингвистическим направлениям.

Представленные в номере разделы будут продолжены и в следующих тематических номерах по Филологии, но Редакция журнала не ограничится ими. Поэтому приглашаем к сотрудничеству исследователей, изучающих актуальные проблемы лингвистики. В частности, в ближайших планах – разделы Психолингвистика, Сравнительная лингвистика, Когнитивные исследования языка и речи.

Сатучина Татьяна Юрьевна
канд. филол. наук, доцент, кафедра русского языка и литературы КемГУ
ответственный редактор по направлению «Филология»
журнала «Вестник Кемеровского государственного университета»

Актуальные проблемы лексикологии и дериватологии

- Словообразовательный тип как функциональная единица лексической системы русского языка (в аспекте количественной дериватологии)
Голев Н. Д. 153
- Концепты *дружба* и *друг* в лексикографической парадигме (проект паремнологического словаря)
Леонтьева Т. В., Мокиенко В. М. 165
- Лексическая интерференция как речевое явление: обусловленность типом языковой ситуации и дискурсивной практики (на материале записей русской речи шорско-русских билингвов)
Резанова З. И., Рыжова О. В. 177
- Когнитивно-дискурсивное моделирование процессов языковой номинации
Тагаев М. Д. 186

Германистика

- Итеративно-таксисное межкатегориальное взаимодействие (на материале немецкого и русского языков)
Архипова И. В. 194
- Языковые средства выражения эмоции *отвращение* в современном немецком языке
Корогодина И. В. 203

История и теория языка

- Маргиналии Христинопольского Апостола XII века: состав, палеографические и орфографические особенности
Бакшаева А. А. 211
- Разработка универсального метода построения модели состава и структуры терминологических полей
Журавлев А. П. 220
- Актуальное членение предложения как средство текстовой организации
Салтанова Н. Ю. 231

Когнитивная лингвистика

- К особенностям актуализации сложного антиценностного концепта *insincerity* в комическом дискурсе английской лингвокультуры
Бочкарев А. И. 239
- Доместическая когнитивная модель в аспекте образных признаков концептов *луна* и *небо*
Ибраимова Б. М., Машанло С. А. 247
- Универсалия *гуманность* в русской лингвокультуре
Фельде О. В., Бирюлина Е. А. 255

Коммуникативная лингвистика

- Типы авторов во фронтовом эпистолярии
Лебедева Н. Б., Лебедева А. С. 266
- Новые форматы интеракции между автором и читателем как параметр лингвокреативности (на материале комиксов «Человек-паук», «Невероятный Халк» и «Сорвиголова»)
Энгель Е. А., Петрова В. А. 273

Lexicology and Derivatology

- Word-Building Type as a Functional Unit of the Lexical System
of the Russian Language in the Aspect of Quantitative Derivatology
Golev N. D. 153
- Concepts *Friendship* and *Friend* in the Lexicographic Paradigm: a Paroemiological
Dictionary Project
Leontyeva T. V., Mokienko V. M. 165
- Lexical Interference in Oral Speech of Shor-Russian Bilinguals
Rezanova Z. I., Ryzhova O. V. 177
- Cognitive-Discursive Modeling of Language Nomination
Tagaev M. Dzh. 186

Germanic Philology

- Iterative-Taxis Intercategorical Interaction in German and Russian
Arkhipova I. V. 194
- Linguistic Representations of *Disgust* in the Modern German Language
Korogodina I. V. 203

History and Theory of Language

- Marginalia of the Apostolus Christinopolitanus of the XII Century: Composition,
Paleography, and Orthography
Bakshaeva A. A. 211
- Versatile Method of Modeling Content and Structure of a Terminological Field
Zhuravlev A. P. 220
- Topic-Comment Relation as a Means of Textual Organization
Saltanova N. Yu. 231

Cognitive Linguistics

- Actualizing the Complex Anti-Value Concept of Insincerity
in Comic Discourse of English Linguistic Culture
Bochkarev A. I. 239
- Domestic Cognitive Model: Figurative Signs of the *Moon* and the *Sky* Concepts
Ibraimova B. M., Mashanlo S. A. 247
- Humanity* as a Universal of Russian Linguistic Culture
Felde O. V., Biryulina E. A. 255

Communicative Linguistics

- Front Lines Correspondence: Typology of Letter-Writers
Lebedeva N. B., Lebedeva A. S. 266
- New Formats of Interaction Between the Author and the Reader as a Parameter
of Linguistic Creativity in *Spider-Man*, *The Incredible Hulk*, and *Daredevil* Comic Books
Engel E. A., Petrova V. A. 273

Оригинальная статья

Словообразовательный тип как функциональная единица лексической системы русского языка (в аспекте квантитативной дериватологии)

Голев Николай Данилович

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-0559-3007>

ngolevd@mail.ru

Поступила в редакцию 06.01.2022. Принята после рецензирования 24.03.2022. Принята в печать 04.04.2022.

Аннотация: Настоящая статья принадлежит такому направлению поиска экспланаторных функциональных моделей словообразования, при котором автор стремится найти детерминанты не вне, а внутри языковой системы – в лексических и синтаксических подсистемах. Исследование включено в ряд работ, использующих данные поисковых систем Рунета. Цель – выявить квантитативные закономерности лексического функционирования словообразовательной системы русского языка, в частности ее центральной единицы – словообразовательного типа. В качестве метода исследования предлагается использовать квантитативные характеристики слова, отражающие его употребительность в речи. Результаты свидетельствуют о том, что словообразовательный тип объединяет производные лексические единицы с разным потенциалом квантитативного функционирования (неодинаковой частотностью). Это является одним из факторов функционального расслоения словообразовательного типа. Выявлены закономерности такого расслоения. Результаты квантитативного исследования русских отсубстантивных дериватов и их употребительности в речевой деятельности показали эффективность примененного подхода для выявления функционально-семантической вариативности внутри соответствующих словообразовательных типов. Статистические данные поисковых систем Интернета дают возможность описывать лексические реализации словообразовательных типов, гнезд и парадигм в квантитативном плане и проецировать реализационные возможности во внутренние характеристики таких единиц.

Ключевые слова: словообразовательная система, производная лексика, потенциал словообразовательной системы, потенциальное слово, дериват, поисковые системы Интернета

Цитирование: Голев Н. Д. Словообразовательный тип как функциональная единица лексической системы русского языка (в аспекте квантитативной дериватологии). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 2. С. 153–164. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-153-164>

Full article

Word-Building Type as a Functional Unit of the Lexical System of the Russian Language in the Aspect of Quantitative Derivatology

Nikolay D. Golev

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-0559-3007>

ngolevd@mail.ru

Received 6 Jan 2022. Accepted after peer review 24 Mar 2022. Accepted for publication 4 Apr 2022.

Abstract: The author chose to look for explanatory functional models of word formation not outside, but inside the language system, i.e., in its lexical and syntactic subsystems. The research used Runet search engines to identify the quantitative patterns of the Russian word-formation system, namely the word-formation type as its central unit. The quantitative characteristics of the word reflect its speech use and thus can serve as research method. The word-formation type appeared to combine derived lexical units with different quantitative potentials, i.e., unequal frequency. This phenomenon is a factor of the functional stratification of the word-formation type. The study revealed the patterns of this stratification. The quantitative study of Russian substantive derivatives and their use in speech proved the effectiveness of the applied approach in identifying the functional and semantic variability within the corresponding word-formation types. Internet statistics made it possible to give a quantitative description of the lexical implementation of word-formation types, as well as word nests and paradigms, and to project their potential into their internal characteristics.

Keywords: word-formation system, derivative vocabulary, potential of word-formation system, potential word, derivative, Internet search engines

Citation: Golev N. D. Word-Building Type as a Functional Unit of the Lexical System of the Russian Language in the Aspect of Quantitative Derivatology. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(2): 153–164. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-153-164>

Введение. Постановка проблемы в историко-лингвистическом контексте

Русская структурно-семантическая лингвистика в 1960–1970-х гг. переживала большой подъем. Особенно заметен он был в области словообразования, превратившегося за эти годы из периферийной области лингвистических исследований в полигон испытания передовых идей, значимых для всей российской лингвистики. Этот этап развития русского словообразования завершился созданием раздела «Словообразование» в Грамматике-70¹ и Грамматике-80², удостоенной в 1982 г. Государственной премии. Из многих особенностей, отличающих описание словообразовательной системы (СС) в Грамматике-70 и Грамматике-80, отметим органическую связь единиц макроуровня и микроуровня данной системы и их последовательную проекцию на лексический уровень. Исходным пунктом описания явилась такая единица микроуровня, как словообразовательный тип (СТ), объединяющий реальные производные слова определенной структурно-семантической разновидности и представляющий данную разновидность как модель образования потенциальной лексики.

СТ с самого начала ощущал «тесноту» в структурно-семантических рамках. В Грамматике-80 это нашло отражение в демонстрации его вариативного потенциала. Такой потенциал неизбежно возникал вследствие того, что СТ как структурно-схематическая схема производных слов, выступающая в роли их инварианта, подвергалась воздействию реальной лексики с ее бесконечным разнообразием как в функционально-семантическом плане, так и в плане формально-структурном. К такому воздействию СТ «вынужден» был приспосабливаться, в результате чего внутри единой структурной схемы как инварианта возникает множество вариантов. Грамматика-80 системно последовательно зафиксировала их, отражая состояние СС русского языка 1960–1970-х гг. Таким образом, варьирование СТ является следствием противоречия лексики и грамматики (и словообразования как ее части), функционального плана словообразования, который оказывается глубоко погруженным в лексику и синтаксис, и его структурно-семантического плана. В результате такого противоречия происходит приспособление второго к первому и, как следствие, внутреннее развитие СС под воздействием внешних для нее факторов. Такая модель словообразования после Грамматики-80 представлена в ряде работ [1–8].

Развитие словообразования как науки в 1960–1970-е гг. осуществлялось не только путем реализации внутренней вариатологии. Значительную роль играл выход словообразования за границы современного синхронного бытия СС и обращение к другим временным ее эпохам [9–11]. Другое направление выхода дериватологии за границы, очерченные Грамматикой-80, – обращение к нелитературным формам существования СС русского языка, к его территориальным, социальным и функциональным разновидностям, где также обнаруживались значительные отклонения от ее (системы) канонических состояний [12–14].

Особенно интенсивно в 1960–1980-е гг. изучалось диалектное словообразование, ему посвящали свои исследования такие российские лингвисты, как Л. В. Сахарный, И. С. Торопцев, В. И. Максимов, Г. А. Романовская, В. Г. Варина и др. В этом ряду наиболее заметное место занимала Л. А. Араева. Изучению диалектных особенностей СТ посвящено множество ее работ [1; 15–21], в том числе кандидатская и докторская диссертации. Одна из наиболее значимых особенностей ее подхода, подтвержденная результатами исследования, – представление о целостности СС русского языка, несмотря на многие черты вариативности словообразования в разных диалектах. При этом внутри диалекта и говора «словообразование подчинено тем же особенностям и тенденциям, которые действуют в литературном языке» [15, с. 5]; «однако, совпадая в своей основе с системой словопроизводства в литературном языке, словообразование анализируемой подсистемы [верхнекетского говора Томской области – прим. автора] имеет ряд отличительных особенностей» [15, с. 9]; на уровне СТ – это его частные значения и мотивационные подтипы.

1980–1990-е гг. в лингвистике характеризуются ее парадигмальным разворотом, который Е. С. Кубрякова описывала через четыре ее установки: «экспансионизм, антропоцентризм, функционализм, или, скорее, неофункционализм, и, наконец, экспланаторность» [22, с. 207]. Несомненно, названные установки взаимосвязаны: стремление к объяснительности (экспланаторности) в противовес описательности, когниции в противовес коммуникации (ср. [23]) предполагает обращение к функциональным истокам, объясняющим происхождение, функционирование и развитие языковых систем.

¹ Дмитренко С. Н., Лопатин В. В., Улуханов И. С. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. С. 37–302.

² Авилова Н. С., Бондарко А. В., Брызгунова Е. А., Шведова Н. Ю. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1982. С. 133–452.

Разворот касается всех дисциплин, включая словообразование. Экстенсивное направление развития словообразования как научной дисциплины (вширь), которое мы отметили выше, сменяется направлением развития вглубь, поиском глубинных причин существования языка во всех его подсистемах. Важно подчеркнуть, что такой поиск лингвисты осуществляли в разных направлениях в зависимости от своих научных презумпций, в частности от их исходного системно-центризма, восходящего к Ф. де Соссюру, или антропоцентризма, восходящего к В. фон Гумбольдту.

Трансформация лингвистической парадигмы затронула и дериватологические интересы Л. А. Араевой, которая в последние годы своего научного творчества стремилась увязать словообразование с категориями мышления и сознания, реализуя учение В. фон Гумбольдта как объяснительное по отношению к русскому словообразованию. В названиях ее последних дериватологических работ находим такие важные понятия-термины когнитивной лингвистики, как *категоризация, картина мира, пропозиция, фрейм, энергейя* [17; 19; 24]. Термин *словообразовательный тип* заменяется в этой парадигме понятием *словообразовательная ниша* [21].

Словообразовательный тип в аспекте квантитативного функционирования производной лексики

Настоящая статья принадлежит другому направлению поиска экспланаторных функциональных моделей словообразования. Автор стремится найти детерминанты не вне, а внутри языковой системы – в лексических и синтаксических подсистемах. В этом смысле мы согласны с И. А. Углановой, трактующей смену лингвистических парадигм как обращение к идеям синергетики: «Лингвистика истинного постмодерна – область динамического напряжения (динамического равновесия) между лингвистикой языка и лингвистикой речи. В качестве методологического (подчеркиваю) основания такого динамического равновесия вполне реально рассматривать синергетику» [25]. Эти идеи применительно к словообразованию автор настоящей статьи ранее стремился реализовать в монографии «Динамический аспект лексической мотивации», в которой словообразование как глобальный процесс (и каждый его отдельный акт) включался в общеязыковой процесс, названный термином «непрерывный деривационно-мотивационный процесс» (гл. 4) [26]. Источником энергетики такого процесса, по нашему мнению, выступают речевые лексико-семантические потребности, и в этом плане семантическая и формальная деривация слова рассматривались как разные формы единого процесса развития лексического состава русского языка, каждая из которых имела свои функциональные особенности, о чем отмечено в монографии (гл. 5) [26] и в статье Н. Д. Голева [27]. В более поздних наших работах

лингвосинергетика языка на методологическом уровне была представлена в предисловии к коллективной монографии «Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка» [28].

В методическом плане для описания такого рода зависимостей автор предлагал использовать квантитативные характеристики слова, отражающие его употребительность в речи. В первых работах данного направления мы использовали данные частотных словарей [29; 30]; в последних исследованиях – данные поисковых систем Рунета [31].

Частотность производных слов, формирующих словообразовательный тип, как его функциональная характеристика

Статья находится в ряду работ, использующих данные поисковых систем Рунета. Цель – выявить квантитативные закономерности лексического функционирования СС русского языка, в частности ее центральной единицы – СТ. В первую очередь нас интересует такая характеристика, как продуктивность – «способность служить образцом для производства слов»³. Полагаем, что эта характеристика наименее детализирована в представлении СТ в Грамматике-80, особенно в параметре вариативности. Регулярно отмечаются лишь изменения продуктивности по линии семантических подтипов. В параграфе 200, теоретически репрезентирующем продуктивность, данная характеристика тесно увязывается с индивидуальными новообразованиями, поскольку в них она проявляется в наибольшей мере. Однако обращение к окказионализмам осуществлялось в Грамматике-80 эпизодически, они привлекались в основном как иллюстративный материал. Это обстоятельство отмечено И. С. Улухановым: «Все описания русского словообразования, в частности раздел "Словообразование" [в Грамматике-80 – прим. автора] и "Словообразовательный словарь русского языка" сделаны на базе узуальной лексики. Неологизмы и окказионализмы используются, как правило, лишь для иллюстрации степени и сферы продуктивности словообразовательных типов» [2, с. 4]. Понятно, что опора в основном на узуальную лексику несколько отдаляет реконструируемую синхронную модель словообразования от ее непосредственно функционального плана, поскольку узуальные слова, как правило, имеют свою собственную историю, детерминируемую сугубо лексическими факторами, осложняющими отношения чистой производности и / или мотивированности в словообразовательной паре. Нельзя не отметить, что интерес к новообразованиям является не только не затухающим, но, напротив, возрастает в последнее время в силу высокой активности словотворчества во многих сферах русской речи. Укажем, в частности, работы Л. А. Араевой [1], Э. С. Денисовой [6], Н. Д. Голева [27; 31], И. С. Улуханова [32; 33] и М. Г. Шкуропацкой [34].

³ Там же. С. 137.

Однако проекция функционального словообразования в сферу лексических новообразований не столь проста, она требует обсуждения как в теоретическом плане, так и в плане практических измерений.

Само понятие *новообразование* достаточно трудно квалифицировать, в частности определить его место на шкале «потенциальное слово – индивидуально-авторское употребление (окказионализм) – неологизм». Обычно этот вопрос решают, прибегая к критерию фиксированности: не зафиксировано – потенциальное слово, зафиксировано однажды – окказиональное, зафиксировано несколько раз – неологизм. Источник фиксации применяется разный, чаще всего это словари, но во многих работах в качестве отсылок используются и другие источники – пресса, художественная литература, реклама. Ненадежность таких источников очевидна. Встретилось или не встретилось слово исследователю или лексикографу – факт случайный, сколько раз встретилось (и сколько раз было зафиксировано) тоже не входит в ряд онтологических закономерностей языка. В качестве примера рассмотрим способ, используемый авторами серии словарей «Новое в русской лексике. Словарные материалы», вышедшей в 1970–1980-х гг. В серии последовательно разграничиваются три группы слов: новые слова, слова одноразового употребления и старые слова с новым значением. Рассмотрим вторую группу слов, фиксируемых в указанных источниках в косых скобках более мелким шрифтом. Далее приводим примеры, извлеченные способом сплошной выборки из книги «Новое в русской лексике. Словарные материалы – 80»⁴, рядом дается статистика Google по данным на 29 августа 2014 г.: *авиаблокнот* (3900), *автогенерация* (57100), *автоначальник* (855), *акварельно-прозрачный* (1070), *антибеседа* (398), *антилосиный* (205), *антимессия* (6400), *антипокой* (10600), *анэрология* (83), *аплодисментный* (3710), *архисовременный* (10200), *бабье-летний* (1960), *беззубый* (185000), *безморье* (1880), *безречный* (7620). Таким образом, приведенные слова отнюдь не «одноразовые», и контраст данных Словаря и поисковой системы Интернета обусловлен не столько разными периодами бытия слова, сколько качеством выборки. Нет никаких оснований утверждать, что приведенные слова в восьмидесятих годах были индивидуально-авторскими и никем более не употреблялись, и лишь в дальнейшем обрели более высокую частотность употребления.

То, что фиксация того или иного деривата в словаре, – дело случая или субъективных решений при отсутствии определенно выраженных теоретических принципов разделения потенциальных и реальных слов, ярко показывает и любой толковый словарь. Пользователь словаря (как профессиональный лингвист, так и рядовой носитель языка – здесь они равны) не сможет уяснить, исходя из данных самих словарей, те логические основания, по которым в словарь включается или

не включается то или иное слово, скажем, включено *анти-алкогольный*, но не включено *антитабачный* (по данным Google *антитабачный* отмечено 712000 раз), *антибольшевизм*, но не *антирадикализм* (1180), *антиимпериалистический*, но не *антикапиталистический* (1300000), *досверлить*, но не *додолбить* (95400), *дополоть*, но не *дополить* (5106), *доболтать*, но не *дошептать* (128000) или *добормотать* (6750), *груздик*, *груздочек*, но не *опеночек* (50400), *еришишко*, но не *окунишко* (6420), *жабообразный*, но не *лягушкообразный* (742); в словарях представлены лексемы *шестикрылый*, *шестимоторный*, *шестиполосный*, *шестисильный*, *шестисложный*, но не находится место лексемам *семикрылый*, *семимоторный*, *семиполосный*, *семисильный*, *семисложный*. Напротив, в них есть *семиколосный*, *семиламповый* при отсутствии *шестиколосный*, *шестиламповый*. Разумеется, отсутствующие слова также легко обнаруживаются в Интернете: *семикрылый* (8120), *шестиламповый* (4370) и т. д. Для выборки зафиксированных слов использовались данные Сводного словаря современной русской лексики, в котором собраны словники 14 наиболее популярных словарей русского языка⁵. Как видно из примеров, Интернет, не решая проблемы дифференциации реальных и потенциальных слов, существенным образом передвигает границу между ними «влево», расширяя пространство реальной лексики.

В последнее время лингвисты, не удовлетворенные интуитивным решением проблемы формирования лексического состава словарей, все чаще прибегают к Национальному корпусу русского языка и данным Интернета, а также к лингвистическому эксперименту как более надежным источникам. Нет никакой необходимости абсолютизировать их количественную мощность и их исследовательские возможности, однако трудно сомневаться в том, что выборка их, в частности из Интернета, в сотни раз превосходит выборку большинства словарей, в том числе частотных, и что возможности использования их для решения многих (разумеется, далеко не всех) научных проблем весьма широки. Достаточно подробно достоинства данного лингвистического источника и типы задач, которые можно решать на их основе, рассмотрены в статье Н. Д. Голева [35]. Экспериментальные способы выявления и измерения лексической реализации словообразовательных моделей проверялись на материале префиксальных глаголов в статье Н. Б. Лебедевой [36].

Словообразовательный тип в его отношениях к потенциальной и реальной лексике

Одно из дериватологических преимуществ данных Интернета, позволяющих применять их для измерения функциональных характеристик СТ, в том числе различных особенностей его лексической реализации, заключается, во-первых, в возможности целенаправленного поиска

⁴ Новое в русской лексике. Словарные материалы – 80, под ред. Н. З. Котеловой. М.: Рус. яз., 1984. С. 13–26.

⁵ Сводный словарь современной русской лексики, под ред. Р. П. Рогожниковой. М.: Рус. яз., 1991. Т. 1. А–О. 800 с. Т. 2. О–Я. 739 с.

заданных слов, включая слова, предварительно оцениваемые как потенциальные, во-вторых, в возможности по этой причине описывать в аспекте лексической реализации крупные лексико-деривационные образования, в том числе широкие пространства лексических реализаций СТ и словообразовательного гнезда (СГ). Первый опыт такого исследования на материале приставочных глаголов был осуществлен нами в статье [31].

Статистические данные Интернета тем не менее дают возможность более качественной оценки порождающей силы словообразовательной модели и мотивирующего потенциала мотиватора. Они достаточно надежно фиксируют «выход» дериватов на шкале их наличия / отсутствия, значительно уменьшая зону отсутствия, а на шкале наличия – достаточно точно фиксируют его количественную сторону. Это позволяет ставить вопрос о соотношении словообразовательного (потенциального) и лексического (реального) статусов в деривационном функционировании лексики. Наличие опорных (типовых) показателей лексических реализаций фиксирует деривационный потенциал модели и позволяет осуществить прогнозирование его лексического бытия. Частотность слова-мотиватора в словообразовательной паре или вершинного слова в СГ – важный, хотя и не единственный показатель их мотивирующего потенциала: как правило, более частотное слово является более активным в деривационном отношении, оно имеет более регулярную и весомую по частотности реализацию в СГ и в словообразовательной парадигме. Отклонения от типовых показателей являются зеркалом, отражающим особенности лексического функционирования мотиватора (вершинного слова) и / или мотивата. Для выявления и описания таких особенностей дериватологам еще предстоит немало потрудиться. И. С. Улуханов по этому поводу заметил: «Как известно, потенциальная единица языка может соответствовать всем свойствам системы и тем не менее быть нереализованной; и, наоборот, реализованной может быть единица, не соответствующая или не полностью соответствующая системным закономерностям» [37, с. 291].

Отмеченная неопределенность границ между системой и нормой создает ситуацию непредсказуемости включения / невключения дериватов в словарь. Интуиция лексикографа – несомненно хороший инструмент в решении этой задачи, однако на каком-то этапе развития лексикографии требуется разработка объективных критериев. Данная статья (как и ряд предшествующих, указанных ранее) является начальным этапом поиска таких критериев.

Возвращаясь к исходным положениям статьи, отметим, что для решения вопросов, связанных с выявлением и описанием закономерностей функционирования СС языка, нет необходимости окончательно и определенно решать вопрос о границе между потенциальной и реальной производной лексикой. Здесь гораздо более эффективными оказываются тезисы об отсутствии границ между ними и о градуально-полевым устройстве признака лексической новизны на шкале потенциальности – окказиональности – узуальности.

В следующем высказывании Ф. де Соссюра мы находим отправную формулу для выстраивания эволютивной модели функционально-динамического словообразования: «Непрерывная деятельность языка, заключающаяся в разложении наличных в нем элементов на единицы, содержит в себе не только все предпосылки для нормального функционирования речи, но также и все возможности аналогических образований. Поэтому ошибочно думать, что процесс словотворчества приурочен точно к моменту возникновения новообразования; элементы нового слова были даны уже раньше. Импровизируемое мной слово, например, *in-décor-able* "такой, которого невозможно украсить", уже существует потенциально в языке <...>, а его реализация в речи есть факт незначительный по сравнению с самой возможностью его образования» [38, с. 200]. В контексте обсуждаемых вопросов в этом высказывании принципиальны два момента, подчеркиваемые лингвистом: 1) тезис о непрерывности деривационных процессов в языке⁶, 2) тезис о незначительности роли «момента возникновения новообразования» для языка и речи. Последнее обстоятельство актуализирует существенный методологический принцип – потенциальные слова и новообразования-креативы являются не «отрицательным материалом»⁷, а как раз тем материалом, который позволяет максимально «положительно» выявить глубинные свойства СС и механизмы ее лексической реализации, представляющие собой непрерывный деривационно-мотивационный процесс.

Исследование словообразовательного типа в аспекте частотности производной лексики (на материале отсубстантивных глаголов и прилагательных)

Покажем плотность лексической реализации СТ на примере производных от названий затвердевающих строительных материалов. Выборка осуществлялась по Русскому семантическому словарю⁸.

⁶ Подробнее об этом см. [26]. Полагаем, что в идее эволютивного словообразования, трактуемого нами как накопление и постепенная реализация деривационного потенциала слова-мотиватора и модели, содержится основа лингвосинергетического описания СС.

⁷ Ср. название раздела «Детские речевые инновации как специфическая разновидность "отрицательного языкового материала"» в книге С. Н. Цейтлин «Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи» (М.: Знак, 2009. С. 3). Кавычки, в которые заключен термин «отрицательный языковой материал», являются в тексте цитируемой работы отсылкой на его автора – Л. В. Щербу.

⁸ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений, под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2000. Т. 2. С. 210–211.

Глаголы

Асфальт: асфальтировать (112000), асфальтовать (697), асфальтить (922), асфальтничать (2).

Бетон: бетонировать (77900), бетоновать (5080)⁹, бетонить (2230), бетонничать (2).

Битум: битумировать (61), битумовать (1), битумить (101), битумничать (0).

Гудрон: гудронировать (115000), гудроновать (0), гудронить (2940), гудронничать (0).

Железобетон: железобетонировать (29), железобетоновать (0), железобетонить (62700), железобетонничать (1).

Раствор: растворировать (0), растворовать (6)¹⁰, растворить (549000)¹¹, растворничать (0).

Цемент: цементировать (51000), цементовать (26900), цементить (341), цементничать (0).

Шлакобетон: шлакобетонировать (0), шлакобетоновать (0), шлакобетонить (0), шлакобетонничать (0).

Штукатурка: штукатуривать (1), штукатуровать (4), штукатурить (322000), штукатурничать (9).

Пример хорошо иллюстрирует лексическое функционирование СС, в которой на фоне конкуренции синонимических моделей проявляется конкуренция по таким линиям, как узуально-нормативное и креативно-ненормативное, воспроизводимое и производимое. Понятно, что если в ряду производных есть устоявшийся, воспринимаемый как нормативный дериват (например, *асфальтировать, штукатурить*), то он имеет существенные преимущества в частоте речевого употреблении, однако наличие продуктивности у таковых моделей предполагает возможность автоматического «включения» и производство на их основе конкурирующих дериватов (*асфальтить, асфальтовать, штукатуровать*). Очевидно, что в данном фрагменте СС русского языка доминирует модель на *-ирова(ть)*, ей заметно уступают «живые» и «креативные» (для данного фрагмента) модели на *-ова(ть)* и *-и(ть)*. Отметим устойчивую (проходящую по всем рядам глаголов) активность модели на *-и(ть)*, которая, однако, заметно уступает активности модели на *-ирова(ть)*. Это говорит о том, что в данной сфере конкуренция проходит и по линии *книжное – разговорное*: модель на *-ирова(ть)* явно содержит налет терминологичности (официальности).

Функциональную (креативную) действенность СТ хорошо иллюстрирует глагол *штукатурничать*, активность которого определяется мотивацией со стороны наименования профессии *штукатур* и вхождением в СТ с семантикой «занятия, поступки, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим существительным»¹².

Стилистический фактор обнаруживает себя в «пристрастии» иноязычных основ, доминирующих в данном фрагменте, к суффиксу *-ирова(ть)*, тогда как основы собственно русского происхождения *раствор-* так же, как и основательно «обрусевшая» *штукатур(к)-*, как раз демонстрируют неприятие этого варианта.

Особого комментария заслуживает бросающаяся в глаза лексическая пассивность СТ *железобетон* и *шлакобетон*. Отчасти это зависит от их осложненной словообразовательной структуры: известно, что по мере отдаления от корневого слова активность словообразовательных процессов затухает. Влияет и морфонология – усложненность фонемной и слоговой структуры слова-мотиватора. Но, по-видимому, более действенным здесь является ономаσιологический фактор. Наличие узуального глагола *бетонировать* создает номинативную избыточность – нет необходимости в создании выделенного лексического деривата при возможности использования обобщающего слова, способного описать конкретную ситуацию. Если строят шлакоблочный дом, то ясно, что *бетонировать* обозначает соответствующую ситуацию, если же при этом доме бетонируют дорожку, то ясно, что бетонируется она без шлака. Иными словами, сами процедуры со шлакобетоном и железобетоном не настолько специфичны, чтобы их специально обозначать. В этом плане активные прилагательные *железобетонный* и *шлакоблочный* как раз фиксируют потребность в разделении видов артефактов: железобетонное покрытие, шлакоблочный дом и т. п. – актуальные характеристики для изготовителей и потребителей данной продукции.

Пассивность СТ *раствор* связана с уже названным выше фактором отдаленности от исходного слова¹³, а также фактором «занятости» возможного деривата реальным дериватом (затруднительно назвать штукатурка-женщину словом *штукатурка*, т. к. это слово уже обозначает другое явление). Таковым, на наш взгляд, является глагол *растворить* (см. также примеч. 6).

Прилагательные

Асфальт: асфальтный (657000), асфальтовый (450000), асфальтистый (9), асфальтчатый (0).

Бетон: бетонный (950000), бетоновый (8080), бетонистый (452), бетончатый (2).

Битум: битумный (699000), битумовый (0), битумистый (0), битумчатый (0).

Гудрон: гудронный (142000), гудроновый (123000), гудронистый (284), гудрончатый (9).

Железобетон: железобетонный (3280000), железобетоновый (34), железобетонистый (5), железобетончатый (0).

⁹ В списке данных Google дает глагол *бетоновать* вместе с существительным *бетонование*.

¹⁰ Все производные – искажения глаголов *растворить, растворять*.

¹¹ Представлен только глагол *растворить*, а не его омограф *растворить*, каким должен бы быть производный глагол от *раствор* (ср. также прим. 10).

¹² Авилова Н. С., Бондарко А. В., Брызгунова Е. А., Шведова Н. Ю. Русская грамматика... С. 341.

¹³ Отдаленность здесь актуальна как по формальной (*растворить – раствор*), так и по семантической линии (*раствор-1 – раствор-2: спец.*).

Раствор: растворный (344000), растворовый (2300)¹⁴, раствористый (192)¹⁵, растворчатый (11700)¹⁶.

Цемент: цементный (493000), цементовый (10700), цементистый (7), цементчатый (0).

Шлакобетон: шлакобетонный (37000), шлакобетонный (5), шлакобетонистый (1), шлакобетончатый (0).

Штукатурка: штукатурный (334000), штукатуровый (2), штукатуристый (204), штукатурчатый (1180).

Дериватологам хорошо известна конкуренция моделей образования прилагательных от существительных на -н(ый) и -ов(ый), ср.: *апельсинный* – *апельсиновый*. Во фрагменте образований от существительных, обозначающих строительные материалы, первая из названных моделей явно доминирует. Здесь принципиально важно отметить наличие фактора распределения лексической активности моделей по семантическим группам слов-мотиваторов. Так, в сфере прилагательных, образованных от названий растений, доминирующее положение занимает модель на -ов(ый), которая тем не менее не исключает «креативных» (для данной группы) порождений по модели на -н(ый). В Русском семантическом словаре¹⁷ в разделе «Косточковые» зафиксированы варианты: *абрикосовый* / *абрикосный*, *кизильовый* / *кизильный*, *мирабелевый* / *мирабельный*, *ренклодный* / *ренклодовый*, *маслиновый* / *маслиный* / *масличный*, *оливковый* / *оливный*¹⁸. Прилагательные *алычовый*, *вишневый*, *персиковый*, *сливовый*, *терновниковый*, *терновый*, *черешневый* приведены в словаре в единственном варианте. Подобная картина распределения вариантов наблюдается и в сфере прилагательных, образованных от названий цитрусовых и других (экзотических) культур, возможно, это общая особенность для всех отфитонимических названий (*ромашковый*, но не *ромашечный*, *дубовый*, но не *дубный*)¹⁹. Интернет решительным образом подтверждает эту тенденцию: *абрикосовый* (12300000) / *абрикосный* (82600), *алычовый* (43800) / *алычный* (7490)²⁰, *вишневый* (1270000) / *вишненый* (23400), *кизильовый* (29900) / *кизильный* (5720), *персиковый* (603000) / *персичный* (7410), *ренклодовый* (916) / *ренклодный* (210) и т. д. Отклонение от рассматриваемой тенденции и противоречие данным Русского семантического словаря наблюдается в соотношениях

мирабелевый (3620) / *мирабельный* (4170) (объяснения этому мы не находим), *ренклодовый* (916) / *ренклодный* (210) (в словаре первичным вариантом указан вариант *ренклодный*). Подводя итог конкуренции моделей, отметим, что на действие словообразовательной аналогии оказывают влияние не только формально-грамматический фактор (*мамин*, *папин*, но *отцов*, *братов*), фактор структурно-формальный (*дамский*, но *бамовский*), морфонологический, региональный [39; 40], лексико-семантический (*земля-1* – *земной*, *земля-2* – *земляной*, *земля-3* – *земельный*)²¹, но и фактор тематический, о котором здесь идет речь. Он хорошо известен в дериватологии, отмечается во многих работах, в том числе в Грамматике-80: в §§ 631–632 указаны семантико-валентностные свойства вариантов суффикса -ск- (*-овск-*, *-анск-*, *-инск-*) и зависимость их выбора от типа значения мотивирующего слова: собственные / нарицательные, имена лиц / имена неодушевленных предметов, названия учреждений и предприятий и т. п.

Некоторые закономерности квантитативного функционирования словообразовательного типа

Как показывают рассмотренные нами примеры, тематический фактор аналогии имеет и другие проявления, еще в полной мере не описанные. Главное в таком описании заключается не в расширении списка тем, обнаруживающих свои закономерности в аналогии, а в том, что на материале «креативно-ненормативных» образований описание выходит за рамки простой констатации класса и становится объяснительным, т. к. моделирует деривационное поведение говорящих. Эту особенность описания словообразовательной системы на материале потенциальных слов отметил И. С. Улуханов: «Во-первых, в процессе такого описания неизбежно встает вопрос о причинах, предопределяющих как наличие / отсутствие тех или иных клеток системы, так и их заполнение или незаполнение; это означает переход от констатирующего способа описания, представленного в существующих грамматиках, к объяснительному... <...> Во-вторых, такое описание способствует полному представлению всей системы со всеми ее связями. Оно не может быть атомарным в силу самой своей природы» [2, с. 8].

¹⁴ Значительное место в этой статистике занимает фамилия *Растворов*.

¹⁵ В основном производные от глагола *растворить*.

¹⁶ Производные от других значений слова *раствор*.

¹⁷ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений, под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. Т. 1. С. 523–524.

¹⁸ *Оливный* отмечено как устаревшее.

¹⁹ Там же. С. 524–525.

²⁰ По сути, здесь должна стоять цифра 0, однако не удалось найти среди примеров отсылку на слово *алыча*. Большинство из них – искажение слова *алыный*. Искажение весьма любопытное для лингвиста, но к теме настоящего исследования не имеющее отношения.

²¹ В приведенных примерах прослеживается и такой момент связи семантики и словообразования, который можно назвать семантическим согласованием форманта и мотивирующей основы. Форманты *-ист(ый)* и *-чат(ый)* имеют качественное значение, и оно соответственным образом актуализирует качественный смысл у мотивирующих слов. *Бетончатый* предполагает, что бетон – не столько строительный материал, сколько вещество определенного качества. Определенным образом в мотиваторе формируется вторичный АСВ. Это означает, что не только лексическое значение определяет устройство и функционирование словообразовательных единиц, но и имеет место обратное направление детерминации (во всяком случае, с позиции носителя языка, воспринимающего данные дериваты).

Статистические данные поисковых систем Интернета дают возможность описывать лексические реализации словообразовательного типа, словообразовательного гнезда и парадигм в количественном плане и проецировать реализационные возможности во внутренние характеристики таких единиц. В этом аспекте интересна «осторожная» гипотеза о том, что каждый тип имеет некий устойчивый среднестатистический коэффициент соотношения мотивирующего и мотивированного слов [30]. Инвариантом такого соотношения несомненно выступает общий принцип мотивации – мотивирующее слово (как более простое по семантике и, соответственно, более употребительное, чем мотивированное). Это правило, знающее исключения.

Мотивация есть принцип объяснения сложного через простое, сложного – через его элементы. Однако степень количественного различия слова-мотиватора и слова-мотивата не может быть жестко фиксированной из-за громадного числа факторов, которые определяют лексическое функционирование того и другого.

Остается открытым вопрос о том, может ли быть словообразовательный тип, охарактеризован по этому признаку. Бесспорно, общие тенденции присутствуют. Скажем, нагляден и понятен существенный количественный разрыв между двумя группами мотивационных пар: у существительных и мотивированных ими прилагательных с общеотносительным значением разрыв будет значительно меньшим, чем между теми же существительными и прилагательными с качественным значением на *-ист(ый)* и *-чат(ый)*.

Можно предположить также, что в сфере модификационных значений ближе по количеству употреблений к мотиватору-существительному будут существительные с уменьшительно-ласкательным значением суффикса, чем существительные с увеличительным значением.

Модификаты

Асфальт (3800000), *асфальтик* (290000), *асфальтишко* (123) / *асфальтишка* (10), *асфальтище* (8360). *Бетон* (5220000), *бетончик* (85600), *бетонишко* (4) / *бетонишка* (8), *бетонище* (7600).

Цемент (3800000), *цементик* (382000), *цементишко* (8) / *цементишка* (1), *цементище* (1830).

Гудрон (334000), *гудрончик* (6070), *гудронишко* (0) / *гудронишка* (3), *гудронище* (375).

Шлакобетон (105000), *шлакобетончик* (2), *шлакобетонишко* (13100), *шлакобетонище* (0).

Штукатурка (2490000), *штукатурочка* (614000), *штукатуришка* (3), *штукатурище* (65) / *штукатурища* (5).

Нетрудно увидеть в приведенных примерах статистические тенденции, подтверждающие высказанное предположение о частотности употребления деминутивов и суперлативов. Причем среди деминутивов уменьшительно-ласкательные дериваты явно преобладают над уменьшительно-пренебрежительными на *-ишк(о,а)*. Столь же легко обнаружить и несоответствие указанным тенденциям. Скажем, в СГ *шлакобетон* пренебрежительное *шлакобетонишко* вопреки среднестатистическим соотношениям количественно превосходит ласкательное *шлакобетончик*. Гораздо менее жестки статистические отношения в сфере прилагательных. Соотношения в парах *асфальт* (3800000) / *асфальтный* (657000) и *бетон* (5220000) / *бетонный* (950000) практически совпадают (что удивительно): в первом случае оно равняется 5,5 (на каждое употребление прилагательного приходится 5,5 употреблений существительного), во втором – 5,8. Другие пары отходят от этих (возможно, типовых) соотношений как в большую сторону, например, *цемент* / *цементный* – 7,7; *штукатурка* / *штукатурный* – 7,5, так и в меньшую, например, *шлакобетон* / *шлакобетонный* – 2,3. Мы не владеем инструментарием для объяснения многих из таких отклонений. Полагаем, что частично их причины лежат в плоскости особенностей лексического функционирования мотиваторов и мотиватов, частично – в особенностях статистики Интернета²².

Заключение

Результаты количественного исследования русских отсубстантивных дериватов и их употребительности в речевой деятельности показали эффективность примененного подхода для выявления функционально-семантической вариативности внутри соответствующих СТ. Некоторые из ее проявлений имеют потенциал перехода из речевой вариативности в вариативность системную, на этой основе могут сформироваться частные словообразовательные значения типа, синонимические СТ могут в дальнейшем наполняться специфическими значениями и приобретать статус самостоятельных типов. Использование статистических данных поисковых систем Интернета для решения задач словообразования является надежной методикой количественной дериватологии, однако многие моменты такого использования нуждаются в дальнейшей верификации.

Функциональность СТ не исчерпывается количественно-речевыми проявлениями, отражающими ее семантическую зависимость от лексики и приводящими к ее содержательному расщеплению. Развитие словообразовательных типов проявляется и в других измерениях. Так, большой интерес вызывает ассоциативное измерение. Сопоставление ассоциативных производных слов разных типов способно показать их неоднородность [41; 42]. Перспективной методикой

²² Например, иначе, чем как парадоксальную, не можем оценить статистику в паре *железобетон* / *железобетонный* (428000 / 3250000); прилагательное здесь в 7,6 раза превосходит в количественном отношении существительное. Однако не исключаем, что этот парадокс имеет свои доводы, не замечаемые поверхностным взглядом.

изучения вариативности СТ является его рассмотрение в зеркале лексико-семантических процессов, которые часто выступают в роли детерминант формально-семантического развития [3; 26; 34].

Представляет интерес проекция семантической и формальной деривации слова в сферу межъязыковой деривации. Переводимость (или непереводимость) производных слов одного типа является лакмусовой бумажкой, способной выявить степень функциональности данного типа и степень его самостоятельности (выделенности и ее оформленности)²³.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Междунар. научн. конф. «Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения», посвященной памяти проф. Л. А. Араевой. Кемерово, 3–5 февраля 2022 г.

Acknowledgment: The article is based on the report presented at the International Scientific Conference *Actual Issues of Linguistics and Literary Studies*, held in Kemerovo on February 3–5, 2022, and dedicated to the memory of Prof. L. A. Araeva.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 20-412-420004 p_a «Лингвистический мониторинг социальной напряженности в Кузбассе».

Funding: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-412-420004 p_a "Linguistic monitoring of social tension in Kuzbass".

Литература / References

1. Араева Л. А. Парадигматические отношения на словообразовательном уровне. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1990. 77 с. Araeva L. A. *Paradigmatic relations at the word-formation level*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1990, 77. (In Russ.)
2. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: Б. и., 1996. 221 с. Ulukhanov I. S. *Units of the word-formation system of the Russian language and their lexical implementation*. Moscow, 1996, 221. (In Russ.)
3. Антипов А. Г. Алломорфное варьирование суффикса в словообразовательном типе (на материале русских говоров). Томск: ТГУ, 2001. 185 с. Antipov A. G. *Allomorphic variation of the suffix in the word-formation type in Russian dialects*. Tomsk: TSU, 2001, 185. (In Russ.)
4. Петров О. В. Гніздовий таумачно-словоотворчий словник композитів. Сімферополь: ТНУ ім. В. І. Вернадського, 2003. 286 с. Petrov O. V. *Family of words explanatory and word-formation dictionary of composites*. Simferopol: V. I. Vernadsky TNU, 2003, 286. (In Russ.)
5. Зенков Г. С. Принципы организации словообразовательных элементов в системе и возможности ее описания. Бишкек: КНУ, 2004. 346 с. Zenkov G. S. *Organization of word-forming elements in the system: principles and description*. Bishkek: KNU, 2004, 346. (In Russ.)
6. Денисова Э. С. Особенности речевого и ментального функционирования окказионального слова (на материале газетного дискурса). Томск: ТГПУ, 2008. 232 с. Denisova E. S. *Features of speech and mental functioning of the occasional word in newspaper discourse*. Tomsk: TSPU, 2008, 232. (In Russ.)
7. Соколов О. М. Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике. Нежин: Гідромакс, 2009. 330 с. Sokolov O. M. *Issues of structural and semantic divergence in vocabulary*. Nizhyn: Hidromaks, 2009, 330. (In Russ.)
8. Жаналина Л. К. Интегративное словообразование. Алматы: КазНПУ им. Абая, 2011. 491 с. Zhanalina L. K. *Integrative word formation*. Almaty: Abai University, 2011, 491. (In Russ.)
9. Азарх Ю. С. Проблема связи словообразования и формообразования в истории русского языка (Имя существительное): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1983. 451 с. Azarkh Yu. S. *Word formation vs. form formation in the history of the Russian language: the noun*. Dr. Philol. Sci. Diss. Moscow, 1983, 451. (In Russ.)

²³ Наше исследование в данном аспекте производных слов от цветочных прилагательных показало высокую степень переводимости производных модификаторов с суффиксом *-оват-* и фактическую непереводимость уменьшительно-ласкательных дериватов с суффиксом *-еньк-*. Степень переводимости у отагдєктивных глаголов на *-єсть* значительно уступает степени переводимости глаголов на *-ить* (переводимыми оказываются даже окказиональные глаголы типа *серить, рьжить, малиновить*).

10. Николаева Н. Г. Русское историческое словообразование в функциональном аспекте. *Диалектное словообразование, морфемика и морфонология*, под ред. Е. Н. Шабровой. СПб.-Вологда: Наука; ВГПУ, 2007. С. 29–50.
Nikolaeva N. G. Russian historical word formation in a functional aspect. *Dialect word formation, morphemics, and morphology*, ed. Shabrova E. N. St. Petersburg-Vologda: Nauka; VSPU, 2007, 29–50. (In Russ.)
11. Улукханов И. С. Историческое словообразование. Историческая лексикология. М.: ЛЕКСРУС, 2012. 365 с.
Ulukhanov I. S. *Historical word formation. Historical lexicology*. Moscow: LEKRUS, 2012, 365. (In Russ.)
12. Абдулина А. А. Словообразовательные модели молодежного сленга в русскоязычных социальных сетях. *Современные лингвистические парадигмы: традиции и новации*, отв. ред. О. П. Касимова. Уфа: БашГУ, 2020. С. 3–9.
Abdullina A. A. Word-formation models of youth slang in Russian-language social networks. *Modern linguistic paradigms: traditions and innovations*, ed. Kasymova O. P. Ufa: BSU, 2020, 3–9. (In Russ.)
13. Елистратов А. А. Тематическая группа жаргонных наименований, относящихся к спортивной фармакологии (на материале английского и русского языков): происхождение, словообразование, семантика. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 7. С. 46–51.
Elistratov A. A. Thematic group of slang names in English and Russian sports pharmacology: origin, word formation, and semantics. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (7): 46–51. (In Russ.)
14. Ефимова О. А. Происхождение и словообразование жаргона пользователей сотовых телефонов. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2009. № 4-2. С. 47–50.
Efimova O. A. The background and the word-building in mobile-phone users' jargon. *Herald of Vyatka State Humanitarian University*, 2009, (4-2): 47–50. (In Russ.)
15. Араева Л. А. Словообразовательные типы имен существительных в системе говора: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1981. 19 с.
Araeva L. A. *Word-formation types of nouns in the dialect system*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Tomsk, 1981, 19. (In Russ.)
16. Араева Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема: суффиксальные субстантивы (на материале русских говоров): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994. 331 с.
Araeva L. A. *Word-formation type as a semantic microsystem: suffixal substantives in Russian dialects*. Dr. Philol. Sci. Diss. Moscow, 1994, 331.
17. Араева Л. А. Словообразовательный тип как средство категоризации языковой картины мира (в свете современного когнитивного подхода). *Языковая категоризация (части речи, словообразование, теория номинации): мат-лы круглого стола, посвященного Е. С. Кубряковой по тематике ее исследований*. (Москва, 1–31 октября 1997 г.) М.: ИЯЗ РАН, 1997. С. 3–6.
Araeva L. A. Cognitive approach to word-formation type as a means of categorizing the linguistic worldview. *Language categorization (parts of speech, word formation, theory of nomination): Proc. of the round table dedicated to E. S. Kubryakova*, Moscow, 1–31 Oct 1997. Moscow: IL RAS, 1997, 3–6. (In Russ.)
18. Араева Л. А. Словообразовательный тип в аспекте новой научной парадигмы. *Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии*, под ред. О. И. Блиновой. Томск: ТГУ, 1998. С. 205–211.
Araeva L. A. Word-formation type in the new scientific paradigm. *Problems of lexicography, motivology, and derivatology*, ed. Blinova O. I. Tomsk: TSU, 1998, 205–211. (In Russ.)
19. Араева Л. А. Антинomia моно- и полимотивации как энергетическая сущность словообразовательного типа. *Русский язык. Теория. История. Риторика. Методика*: сб. тр. конф. (Лесосибирск, 19–20 ноября 2003 г.) Красноярск: КрасГУ, 2003. Вып. 3. С. 11–15.
Araeva L. A. Antinomy of mono- and polymotivation as an energetic essence of word-formation type. *The Russian language. Theory. History. Rhetoric*: Proc. Conf., Lesosibirsk, 19–20 Nov 2003. Krasnoyarsk: KrasSU, 2003, iss. 3, 11–15. (In Russ.)
20. Араева Л. А. Словообразовательный тип: традиционное и современное видение. *Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 9. Филология*. 2004. № 4. С. 110–115.
Araeva L. A. Word-formation type: traditional and modern vision. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*, 2004, (4): 110–115. (In Russ.)
21. Араева Л. А. Словообразовательная ниша как эксплициатор механизма восприятия и систематизации мира обыденным сознанием (на материале диалектных производных с -ище). *Актуальные проблемы современного словообразования*: мат-лы Междунар. науч. конф. (Кемерово, 3–5 июля 2008 г.) Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. Вып. 2. С. 151–156.
Araeva L. A. The word-formation niche as an explicator of the mechanism of perception and systematization of the world by everyday consciousness: dialect derivatives of the suffix -ище. *Relevant issues of modern word formation*: Proc. Intern. Sci. Conf., Kemerovo, 3–5 Jul 2008, Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008, iss. 2, 151–156. (In Russ.)
22. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа). *Язык и наука конца 20 века*, под ред. Ю. С. Степановой. М.: РГГУ, 1995. С. 144–238.

- Kubryakova E. S. Language and science in the late XX century: experience of paradigmatic analysis. *Language and science in the late XX century*, ed. Stepanov Iu. S. Moscow: RSUH, 1995, 144–238. (In Russ.)
23. Колмогорова А. В., Чистова Е. В., Мартынюк К. В., Уканаква Н. В., Радевич В. В., Варламова О. Н., Мжельских М. К. «Ризоморфный клубок»: когниция vs коммуникация. Красноярск: СФУ, 2017. 251 с.
Kolmogorova A. V., Chistova E. V., Martynyuk K. V., Ukanakova N. V., Radevich V. V., Varlamova O. N., Mzhelskikh M. K. "Rhizomorphic tangle": cognition vs communication. Krasnoyarsk: SFU, 2017, 251. (In Russ.)
 24. Араева Л. А. Словообразовательный тип как ментально-языковая категория. *Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири (СИБРЕСУРС-8-2002)*: докл. 8-й Междунар. науч.-практ. конф. (Кемерово, 26–27 сентября 2002 г.) Томск: ТГУ, 2002. Ч. 2. С. 91–95.
Araeva L. A. Word-formation type as a mental-linguistic category. *Natural and Intellectual Resources of Siberia (SIBRESURS-8-2002)*: Proc. 8th Intern. Sci.-Prac. Conf., Kemerovo, 26–27 Sep, 2002. Tomsk: TSU, 2002, pt. 2, 91–95. (In Russ.)
 25. Угланова И. А. Существует ли мейнстрим в современной лингвистике? *Филологические заметки*. 2006. Т. 4. № 1. Режим доступа: <https://journals.ukim.mk/index.php/philologicalstudies/article/view/812> (дата обращения: 10.01.2022).
Uglanova I. A. Is there a mainstream in modern linguistics? *Philological Studies*, 2006, 4(1). Available at: <https://journals.ukim.mk/index.php/philologicalstudies/article/view/812> (accessed 10 Jan 2022). (In Russ.)
 26. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск: ТГУ, 1989. 252 с.
Golev N. D. *Dynamic aspect of lexical motivation*. Tomsk: TSU, 1989, 252. (In Russ.)
 27. Голев Н. Д. Словообразование как эволютивный процесс. *Русский язык в школе*. 2010. № 12. С. 39–44.
Golev N. D. Word formation as an evolutionary process. *Russian Language at School*, 2010, (12): 39–44. (In Russ.)
 28. Голев Н. Д., Лебедева Н. Б., Халина Н. В., Мурзин Л. Н., Карпухина В. А., Чернышова Т. В., Чувакин А. А., Бринев К. И., Трубникова Ю. В. Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. Барнаул: АлтГУ, 1998. 252 с.
Golev N. D., Lebedeva N. B., Khalina N. V., Murzin L. N., Karpukhina V. A., Chernyshova T. V., Chuvakin A. A., Brinev K. I., Trubnikova Yu. V. *Essays on linguistic determinology and derivatology of the Russian language*. Barnaul: ASU, 1998, 252. (In Russ.)
 29. Голев Н. Д. Количественный аспект мотивационно-словообразовательных отношений (на материале отыменных образований русского языка). *Словосочетание, словосложение, аффиксация как способы словообразования*, отв. ред. Б. И. Бартков. Владивосток: ДВО АН СССР, 1990. С. 132–140.
Golev N. D. Quantitative aspect of motivational-word-formation relations: denominative formation of the Russian language. *Word combination, word composition, and affixation as ways of word formation*, ed. Bartkov B. I. Vladivostok: Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences, 1990, 132–140. (In Russ.)
 30. Голев Н. Д. Некоторые проблемы лексической и словообразовательной мотивации на оси частотности (к построению теории квантитативной мотивологии). *Человек – коммуникации – текст. Вып. 1. Человек в свете его коммуникативного самоосуществления*, под ред. А. А. Чувакина. Барнаул: АлтГУ, 1997. С. 90–97.
Golev N. D. Some problems of lexical and word-formation motivation on the frequency axis: construction of the theory of quantitative motivology. *Man – communications – text. Iss. 1. Man and communicative self-realization*, ed. Chuvakin A. A. Barnaul: ASU, 1997, 90–97. (In Russ.)
 31. Голев Н. Д. Лексическое функционирование словообразования и лексико-словообразовательная системность русского языка в свете статистики Интернета. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2011. № 1. С. 22–31.
Golev N. D. Lexical functioning of word-building and the lexical-word-building system of the Russian language in the light of Internet statistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2011, (1): 22–31. (In Russ.)
 32. Улуханов И. С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы. *Вопросы языкознания*. 1984. № 1. С. 44–50.
Ulukhanov I. S. Customary and occasional units of the word-formation system. *Voprosy Jazykoznanija*, 1984, (1): 44–50. (In Russ.)
 33. Улуханов И. С. Неология и заимствования. *Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование*: тр. и мат.-лы Междунар. науч. симп. «Славянские языки и культуры в современном мире», докл. XI Междунар. науч. конф. Комиссии по славянскому словообразованию при Междунар. комитете славистов (Москва, 24–26 марта 2009 г.) М.: Макс Пресс, 2010. С. 25–36.
Ulukhanov I. S. Neology and borrowings. *New phenomena in Slavic word formation: system and functioning*: Proc. Intern. Sci. Symposium "Contemporary Slavic Languages and Cultures", Proc. XI Intern. Sci. Conf. the Commission on Slavic Word Formation at the Intern. Committee of Slavists, Moscow, 24–26 Mar 2009. Moscow: Maks Press, 2010, 25–36. (In Russ.)

34. Шкуропацкая М. Г. Словообразовательная парадигма и ее лексическая реализация. *Человек и язык в коммуникативном пространстве*. 2014. Т. 5. № 5. С. 63–69.
Shkuropatskaya M. G. Word-formation paradigm and its lexical realization. *Chelovek i iazyk v kommunikativnom prostranstve*, 2014, 5(5): 63–69. (In Russ.)
35. Голев Н. Д. Поисковые системы Интернета как лингвистический источник (на примере решения некоторых теоретических и прикладных вопросов русского словообразования). *Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование*: тр. и мат-лы Междунар. науч. симпозиума «Славянские языки и культуры в современном мире», докл. XI Междунар. науч. конф. Комиссии по славянскому словообразованию при Междунар. комитете славистов (Москва, 24–26 марта 2009 г.) М.: Макс Пресс, 2010. С. 197–212.
Golev N. D. Internet search engines as a linguistic source: theoretical and applied issues of Russian word formation. *New phenomena in Slavic word formation: system and functioning*: Proc. Intern. Sci. Symposium "Contemporary Slavic Languages and Cultures", Proc. XI Intern. Sci. Conf. the Commission on Slavic Word Formation at the Intern. Committee of Slavists, Moscow, 24–26 Mar 2009. Moscow: Maks Press, 2010, 197–212. (In Russ.)
36. Лебедева Н. Б. Экспериментальное исследование производного слова: соотношение выводимости как словообразовательного признака и узуальности как лексического признака. *Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование*: тр. и мат-лы Междунар. науч. симпозиума «Славянские языки и культуры в современном мире», докл. XI Междунар. науч. конф. Комиссии по славянскому словообразованию при Междунар. комитете славистов (Москва, 24–26 марта 2009 г.) М.: Макс Пресс, 2010. С. 390–400.
Lebedeva N. B. Experimental study of a derived word: the ratio of derivability as a word-forming feature and usability as a lexical feature. *New phenomena in Slavic word formation: system and functioning*: Proc. Intern. Sci. Symposium "Slavic Languages and Cultures in the modern world", Proc. XI Intern. Sci. Conf. the Commission on Slavic Word Formation at the Intern. Committee of Slavists, Moscow, 24–26 Mar 2009. Moscow: Maks Press, 2010, 390–400. (In Russ.)
37. Улуханов И. С. О причинах, влияющих на степень системности и нормативности языковых единиц. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1991. Т. 50. № 4. С. 291–304.
Ulukhanov I. S. Reasons affecting the degree of consistency and normativity of language units. *Izvestiia AN SSSR. Seriiia literatury i iazyka*, 1991, 50, (4): 291–304. (In Russ.)
38. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М: Прогресс, 1977. 695 с.
Saussure F. de. *Works in Linguistics*. Moscow: Progress, 1977, 695. (In Russ.)
39. Голев Н. Д. Некоторые проблемы изучения русских адъектонимов в региональном аспекте. *Русские говоры и топонимия Алтай в их истории и современном состоянии*, отв. ред. И. А. Воробьева. Барнаул: АлтГУ, 1993. С. 15–26.
Golev N. D. Some problems of studying Russian adjectonyms in the regional aspect. *Russian dialects and toponymy of Altai in their history and current state*, ed. Vorobyov I. A. Barnaul: ASU, 1993, 15–26. (In Russ.)
40. Голев Н. Д. Статус и место асемантических элементов в морфодеривационной структуре слова. Статья 2. Системно-структурный, функциональный и генетический факторы. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2012. № 4-1. С. 205–211.
Golev N. D. Non-semantic elementss' status and rank in the morphoderivational word structure paper 2: systemic and structural, functional and genetic factors. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (4-1): 205–211. (In Russ.)
41. Болдина О. П. Экспериментально-теоретическое исследование семантического расстояния деривационно связанных слов в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Бийск, 2006. 214 с.
Boldina O. P. *Experimental and theoretical study of the semantic distance of derivationally related words in the Russian language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Biysk, 2006, 214. (In Russ.)
42. Болдина О. П. Ассоциативный потенциал деривационного слова. *Ассоциативное измерение системных отношений в лексике*, отв. ред. М. Г. Шкуропацкая. Бийск: АГАО, 2012. С. 34–45.
Boldina O. P. Associative potential of a derivational word. *Associative dimension of system relations in vocabulary*, ed. Shkuropatskaya M. G. Biysk: ASAE, 2012, 34–45. (In Russ.)

Оригинальная статья

Концепты *дружба* и *друг* в лексикографической парадигме (проект паремиологического словаря)

Леонтьева Татьяна Валерьевна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, г. Екатеринбург
<https://orcid.org/0000-0002-7213-1582>

Мокиенко Валерий Михайлович

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, г. Екатеринбург
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, г. Санкт-Петербург
<https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>
mokienko40@mail.ru

Поступила в редакцию 02.12.2021. Принята после рецензирования 28.01.2022. Принята в печать 10.03.2022.

Аннотация: Представлен проект паремиологического словаря концептов *дружба* и *друг*. Эти концепты являются универсальными и отражены в паремиологии разных языков. В русских пословицах и поговорках они создают мощную аксиологическую энергетику и генерируют большие вариантные и синонимические ряды. Обосновывается актуальность создаваемого авторами паремиологического словаря, характеризующего концепты *дружба* и *друг*. Отмечается, что имеющиеся на сегодняшний день словарные описания указанных концептов сосредоточены прежде всего на характеристике соответствующих лексем, в то время как в языковых единицах малого фольклора они гораздо более многообразны и семантически многоплановы. В толковых словарях русского языка паремии (термин *паремия* в европейской фольклористике и лингвистике давно является обобщенным обозначением *пословиц* и *поговорок*) с соответствующими компонентами немногочисленны и приводятся лишь как иллюстрации к дефиниции лексем *друг* и *дружба*. Предлагаемый проект «ДРУГ и ДРУЖБА: паремиологический словарь» призван восполнить эту лакуну в отечественной лексикографии. Задачей Словаря является не только комплексная, концентрированная обработка этого обильного материала, но и его последовательная лексикографическая характеристика по единому принципу, исходящему из семантического ядра концептов *друг* и *дружба*. Объединяющим моментом станет расположение описываемых паремий по соответствующим стержневым словам. В статье дана характеристика структуры, состава словаря и других его лексикографических параметров.

Ключевые слова: паремиология, пословица, поговорка, фразеологизм, крылатое слово, лексикография, паремиография, проект словаря

Цитирование: Леонтьева Т. В., Мокиенко В. М. Концепты *дружба* и *друг* в лексикографической парадигме (проект паремиологического словаря). Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 2. С. 165–176. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-165-176>

Full article

Concepts *Friendship* and *Friend* in the Lexicographic Paradigm: a Paroemiological Dictionary Project

Tatyana V. Leontyeva

Ural Federal University, Russia, Ekaterinburg
<https://orcid.org/0000-0002-7213-1582>

Valerij M. Mokienko

Ural Federal University, Russia, Ekaterinburg
St. Petersburg State University, Russia, St. Petersburg
<https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>
mokienko40@mail.ru

Received 2 Dec 2021. Accepted after peer review 28 Jan 2022. Accepted for publication 10 Mar 2022.

Abstract: The article presents a draft of a paroemiological dictionary exemplified by the concepts of *friendship* and *friend* in the Russian language. These concepts are universal and are reflected in the paroemiology of different languages. In Russian proverbs and sayings, they create a powerful axiological energy and generate numerous variants and synonyms. The article substantiates the relevance of the paroemiological dictionary. Most currently available dictionaries focus on the corresponding lexemes. However, folklore linguistic units are much more diverse and semantically multifaceted. In the explanatory dictionaries of the Russian language, proverbs with the corresponding components are scarce, their sole purpose being to illustrate the lexemes of *friend* and *friendship*. The proposed project is intended to fill this gap in the Russian lexicography. The new

dictionary is a result of a comprehensive processing of this abundant material. It classifies the lexicographic characteristics according to a single principle, i.e., based on the semantic core of the concepts *friend* and *friendship*. The article describes the structure, composition, and other lexicographic parameters of the dictionary.

Keywords: friend, friendship, concept, paroemiology, proverb, saying, phraseological unit, catchword, lexicography, paroemigraphy, draft dictionary

Citation: Leontyeva T. V., Mokienko V. M. Concepts *Friendship* and *Friend* in the Lexicographic Paradigm: a Paroemiological Dictionary Project. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(2): 165–176 (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-165-176>

Введение

Преждевременный уход Людмилы Алексеевны Араевой побуждает всех, кто был обогрет ее научным вдохновением и человеческим теплом, посвятить эти строки в честь ее светлой памяти. И вновь вспомнить международные конференции и лингвистические школы, где царил дух научного единения. И снова перечитать и осмыслить труды Людмилы Алексеевны по словообразованию, проблемам современной риторики, стилистики и культуры речи, диалектологии, герменевтики, когнитивистики. Мы, авторы этих строк, посвящаем кемеровской *Spiritus movens* свой лексикографический проект, в котором пословицы, поговорки и крылатые слова описываются в русле культурологии. Ведь в диалектной лексикографии Л. А. Араева оставила яркий след как соавтор знаменитого «Вершининского словаря» под редакцией О. И. Блиновой¹, а лексикографическая лингвокультурология стала для нее импульсом для составления сборника пословиц, поговорок, загадок, примет и фразеологизмов «Малые фольклорные жанры в телеутской лингвокультуре»². И не случайно, что наш словарь посвящается многоаспектной характеристике концепта *дружба*. Термин *концепт* при этом понимается традиционно – как исторически сложившийся целостный, понятийно нерасторжимый комплекс языковых значений, которые характеризуют основополагающую ментальную, духовную или жизнеобразующую сферу бытия человека. Цель и задачи настоящей статьи – раскрыть основные принципы построения этого словаря и продемонстрировать структуру некоторых его словарных статей.

Лексические и фразеологические репрезентанты универсального концепта *дружба* часто становятся объектами

словарного описания. Русский язык, естественно, здесь не исключение: слова *дружба* (*дружьба*) и *друг* (*дружь*) фиксируются уже с первых азбучников. Показательно, что семантика этих слов сохраняла свою преемственность на протяжении веков, обогащая либо сокращая свою амплитуду лишь в незначительной мере. Так, в древнерусском языке *дружь* употреблялся в значениях *amicus*, *товарищ*, *слуга* и *близкий*³, в живом великорусском языке далаевского периода *друг* – такой же, равный, другой ты; ближний, всякий человек другому, приятель, хорошо знакомый, связанный узами дружбы⁴, в языке предвоенного советского периода – близкий приятель, лицо, связанное с кем-н. дружбой (применяется и по отношению к женщинам), сторонник, защитник кого-чего-н. (книжн.), употр. в знач. вежливого или снисходительного обращения (разг.)⁵, в современном языке – человек, связанный с кем-л. отношениями дружбы, о любимом человеке, возлюбленном, дружеское обращение (обычно к близкому или знакомому человеку, (разг.) в обращении к чужому, незнакомому человеку⁶.

Спектр словарных значений слов *друг* и *дружба* свидетельствует о сложности обозначаемых понятий и объективных трудностях в их толковании (см. об этом одну из наших статей [1]). В 17-томном Словаре современного русского литературного языка дефиниции слов *друг*⁷ и *дружба*⁸ разнятся по набору семантических квалификаторов: *друг* трактуется через концепты *доверие*, *преданность*, *любовь*, а *дружба* – через *расположенность* и *привязанность*. В Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой⁹ и Толково-комбинаторном словаре современного русского языка¹⁰ в дефинициях слов *друг*, *дружба* выделена в качестве

¹ Вершининский словарь. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. Т. 1–7.

² Малые фольклорные жанры в телеутской лингвокультуре: сборник пословиц, поговорок, загадок, примет, фразеологизмов, сост. Л. А. Араева и др. Кемерово: КемГУ, 2019. 89 с.

³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Тип. ИАН, 1893. Т. I: А–К. С. 726–727.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1981–1982. Т. I. С. 495–496.

⁵ Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл., ОГИЗ, 1935. Т. 1. А–Кюрины. Стб. 803.

⁶ Большой толковый словарь русского языка, сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. С. 285.

⁷ Словарь современного русского литературного языка. М.: Наука; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. Т. 1. С. 1128.

⁸ Там же. С. 1131.

⁹ Словарь русского языка, под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. С. 449.

¹⁰ Жолковский А. К., Мельчук И. А. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1984. С. 292–316.

ключевой сема, не отмеченная в материалах других словарей: *общность духовных ценностей или интересов*. Иная – психологизированная – интерпретация слова *друг* предложена в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка: «тот, кого человек X любит и хорошо знает, с кем ему приятно проводить время и кто относится к X-у так же»¹¹. Лексикографические трактовки слов *друг* и *дружба* свидетельствуют о многокомпонентности понятия дружбы, из-за чего различные его смысловые кластеры оказываются в поле зрения составителей словарей.

Этот сложно организованный понятийный комплекс зафиксировал В. В. Колесов в Словаре русской ментальности¹², составив лапидарную и точную характеристику концепта *друг*: ДРУГ – *другой* «я», близкий по *духу* и *мысли* и равный *делом*, способный понять, помочь («друг познается в беде») и принести *жертву* («для милого друга и сережку из ушка», и даже «больше той любви не бывает, как друг за друга умирает»). Социально друзья сильны взаимной дружбой, которая создает *чету* (*другой* как *иной*, т. е. «заединщики»: «друг о друге, а Бог обо всех»), но не *родством*, как *брат*, и не *таинством*, как *брак*, и прежний *враг* может обернуться Д.-ом, а Д. – врагом. Обрести истинного Д.-а – *счастье* и *удача* («не имей сто рублей, а имей сто друзей»), которые нужно заслужить и к которым следует стремиться («нет друга, так ищи, а нашел, так береги»).

Далее в словарной статье размещены сведения о происхождении слова *друг*, его сочетаемости, значениях, цитаты, принадлежащие П. А. Флоренскому, С. Л. Франку, П. Я. Чаадаеву, Е. Н. Трубецкому, и контекстные иллюстрации из книг А. Т. Твардовского и Э. В. Лимонова.

Слова *друг* и *дружба*, попавшие в орбиту лексикографического внимания В. В. Колесова, интересуют многих современных лингвистов. Например, основательный очерк его семантико-синтаксического описания в Толково-комбинаторном словаре современного русского языка¹³ (Е. М. Вольф, А. К. Жолковский, И. А. Мельчук и В. Н. Телия) и оригинальный этюд А. Д. Шмелёва [2] о концепте *дружба*. В них многоаспектно раскрывается семантическая и функциональная амплитуда этого русского слова, явленная в многочисленных контекстных употреблениях.

При всем многообразии такого рода словарных описаний концептов *друг* и *дружба* нетрудно заметить, что они сосредоточены прежде всего на характеристике соответствующих лексем. Фразеологизмы (resp. поговорки) и пословицы с соответствующими компонентами немногочисленны в современных словарях русского языка и приводятся в основном

лишь как иллюстрации к дефинициям лексем *друг* и *дружба*. В классическом же словаре В. И. Даля они, в сущности, используются как своеобразный языковой «плавильный котел», в котором и кристаллизуются предлагаемые составителем словаря семантические характеристики. Так, для документализации лишь первого приведенного значения на материале народной (включая разговорно-просторечную и диалектную) фразеологии и паремиологии «собирателем слов» дается 11 паремий: *Не пожелай другу, чего себе не желаешь; Друг по другу, а Бог по всем; Над другом посмеяться, над собою поплачешь; Не смейся другу, не изжив веку*¹⁴ и др.

В классический словарь русских пословиц В. П. Жукова¹⁵, где обильно приводятся иллюстративные контексты, свидетельствующие о высокой употребительности пословиц, включено всего 8 паремий с компонентом *друг*: *Для друга (для милого друга) <и> семь верст не околица* (с. 103–104); *Для милого друга и сережка (сережку) из ушка* (с. 103); *Конь узнается при горе, а друг при беде; Свой своему поневоле друг (брат)* (с. 290); *Старый друг лучше новых двух* (с. 316); *Друзья познаются в беде* (с. 109); *Не говори худо о себе, твои друзья об этом позаботятся* (с. 206); *Не имей (не держи) сто рублей, <а> имей (держи) сто друзей* (с. 208, 211). Почти все они воспроизводятся и в других современных паремиологических сборниках, рассчитанных на широкую читательскую публику.

В целом российскими лингвистами накоплен значительный опыт создания паремиологических словарей, притом как одноязычных, так и двуязычных, поэтому в своих публикациях они уделили много внимания вопросам отбора и организации материала в таких словарях [3–11], их способности служить лингвокультурологическими и краеведческими источниками [12–14]. Предметом осмысления становятся словари образных средств языка, в содержании которых паремиология занимает существенное место; М. В. Грекова вслед за Е. А. Юриной предлагает называть это направление «фигуративной лексикографией» [15, с. 18].

Паремиология не перестает привлекать внимание исследователей своим аксиологическим потенциалом (ср. исследования паремиологических комплексов, репрезентирующих ценности *здоровье*, *милосердие*, *мир*, *хлеб* и др. [16–23]), поэтому паремиологические словари остаются востребованными. К числу ценностей принадлежит и дружба, поэтому создание специального паремиографического словаря с описанием концептов *друг* и *дружба*, где были бы собраны фразеологизмы, поговорки, пословицы, крылатые выражения, цитаты о дружбе, обладает актуальностью.

¹¹ Урысон Е. В. Друг, товарищ, приятель. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. 2-е изд.-е, испр. и доп. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. С. 297–299.

¹² Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 1: А–О. С. 227–228.

¹³ Жолковский А. К., Мельчук И. А. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка ...

¹⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. С. 495–496.

¹⁵ Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд., испр. и доп. М.: Рус.яз., 1991. 534 с. (Далее в абзаце в скобках приведены страницы, на которых расположены примеры.)

Проект паремиологического словаря дружбы

Предлагаемый проект «ДРУГ и ДРУЖБА: паремиологический словарь» призван восполнить эту лакуну в отечественной лексикографии. Такая лакуна восполнима уже потому, что набор фразеологизмов и паремий с компонентами *друг* и *дружба* в живом русском языке весьма широк и сейчас значительно обогатился благодаря материалу диалектных русских словарей, изданных в послевоенный период. Они во многом нашли отражение в общих паремиологических собраниях полного типа¹⁶. Задачей проектируемого Словаря является не только комплексная, концентрированная обработка этого обильного материала, но и его последовательная лексикографическая характеристика по единому принципу, исходящему из семантического ядра концептов *друг* и *дружба*. Объединяющим моментом поэтому станет расположение описываемых паремий по соответствующим стержневым словам, напр.:

ДРУГ:

Добрый друг лучше ста родственников.
Друг денег дороже (дороже денег).
Друг познается в беде как золото в огне.
Не тот друг, кто в беде не оставит, а тот, кто на ум наставит.
Свой своему поневоле (по неволе) друг.
С другом по-братски, с врагом по-солдатски.

ДРУЖБА:

Добрая дружба дороже богатства.
Дружба не гриб – в лесу не найдёшь.
Солдатская дружба сильнее смерти.
Крепкую дружбу и топором не разрубишь.

ДРУЖЕН:

Скажи, с кем ты дружен, и я скажу, кто ты таков.

ДРУЖИТЬ:

Крепче дружить – легче жить.

ДРУЖОК:

Нет такого дружка, как родимая матушка.

Структура Словаря ориентируется на собственно языковую специфику тех единиц, которые входят в его состав, и включает следующие разделы:

I. ДРУГ и ДРУЖБА: русские пословицы

- I.1. Слово *друг* в составе пословиц
- I.2. Дериваты слова *друг* в составе пословиц
- I.3. Синонимы слова *друг* в составе пословиц
- I.4. Пословицы о друзьях, дружбе, в структуре которых отсутствуют слова с морфемой *-друг-*

II. ДРУГ и ДРУЖБА: поговорки, фразеология и крылатые выражения русского литературного языка

- II.1. Слово *друг* в составе поговорок, фразеологизмов и крылатых выражений
- II.2. Дериваты слова *друг* в составе поговорок, фразеологизмов и крылатых выражений

II.3. Синонимы слова *друг* в составе поговорок, фразеологизмов и крылатых выражений

II.4. Поговорки, фразеологизмы и крылатые выражения о друзьях, дружбе, в структуре которых отсутствуют слова с морфемой *-друг-*

III. Русская диалектная фразеология дружбы

III.1. Слово *друг* в составе поговорок и фразеологизмов

III.2. Дериваты слова *друг* в составе поговорок и фразеологизмов

III.3. Синонимы слова *друг* в составе поговорок и фразеологизмов

III.4. Поговорки и фразеологизмы о друзьях, дружбе, в структуре которых отсутствуют слова с морфемой *-друг-*

IV. Библиография научных трудов, посвященных паремиологии дружбы

Важной особенностью репрезентируемого материала является то, что устойчивые конструкции со словом *друг*, его синонимами и аналогами делятся на две большие группы. Эти два лексических массива будут представлены отдельно, в отдельных параграфах указанных выше разделов словаря.

1. Одни паремии описывают собственно человеческую коммуникацию, отношения особого качества (теплые, близкие) между людьми:

Неразливная дружба. Пск., Смол. Крепкая дружба, такая, что водой не разольешь.

Ватажить дружбу с кем. Иркут. Дружить с кем-л.

2. Другие паремии с этими словами в своей структуре именуют совершенно другие концепты, характеризуют иные реалии и типы отношений, напр.:

Четвероногий друг. Публ. Собака.

Зелёный друг. Публ. Патет. Устар. Лес, зелёные насаждения, растительный покров.

Друг степей калмык. Публ. О калмыке или о каком-л. восточном народе, входящем в состав России.

Пугать белого друга. Жарг. Страдать рвотой.

Предложенный комплексный подход к описанию столь обширного материала, естественно, требует детализации и специализации соответствующих блоков Словаря. Отсюда – разные приемы описания и квалификации входящих в названные разделы языковых единиц, прежде всего пословиц и поговорок (resp. фразеологизмов). Если пословицы как синтаксически законченные структуры обычно не требуют развернутых дефиниций, то поговорки, устойчивые сравнения и довольно большая часть крылатых выражений снабжаются ими в обязательном порядке. Напр.:

Друг дома. Книжн. 1. Человек, пользующийся в чьей-л. семье сердечным расположением. 2. Шутл. Любовник хозяйки дома.

¹⁶ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 201–202; Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 177–178; Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 299–305.

Закадычный друг. Прост. Иногда – Ирон. или Шутл. Близкий, задушевный друг, приятель.

Сослужить другу медвежью услугу. Ленингр., Пск. Оказать кому-л. неумелую, неуместную помощь, причиняющую неприятности.

Неразливная дружба. Пск., Смол. Крепкая дружба, такая, что водой не разольешь.

Дружные как лист с травой. Ирк. Одобр. О дружно живущих друг с другом людях.

Друг мой, Аркадий [Николаевич], не говори красиво. Ирон. Реплика, иронически оценивающая излишнее красноречие, особенно если от говорящего требуются точность, простота и логичность рассуждений. Выражение из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети».

Для поговорок и крылатых выражений необходимым лексикографическим параметром является стилистическая характеристика, в то время как для пословиц она (по сложившейся в паремииграфии традиции) не дается или дается крайне редко. Региональная (ареальная) же характеристика имплицитно отражена в виде географической пометы к каждой паремии. Приведем несколько примеров стилистической маркировки описываемых в предлагаемом словаре языковых единиц:

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ МАРКИРОВКА

Друг свободы. / **Свободы друг.** Книжн. Высок. Подвижник, служащий общему благу.

Дружба на все времена. Публ. О нерушимости и долговечности дружбы.

Дружить против кого, чего с кем. Нов. Разг. Шутл.-Ирон. Объединяться на почве общей вражды к кому-, чему-л.

Со товарищи. Разг. Ирон. Со своими верными друзьями, сотрудниками. < Оборот, употреблявшийся в древнерусском языке и сохранивший архаичную форму тв. п. мн. ч.

РЕГИОНАЛЬНАЯ (ДИАЛЕКТОГРАФИЧЕСКАЯ) МАРКИРОВКА

В другозьбах (вдругозьбах). 1. Вят. У соседей. 2. Волог. В гостях.

Друг тайный. Пск. Фольк. Шутл. О ком-, чем-л., дружба или пристрастие к кому-, чему-л. (напр., к табаку, алкоголю) скрывается.

По недружбам. Пск. Из-за неприязненного, враждебного отношения.

Собрались два друга, дуга да подпруга. Вост.-рус. Ирон. О противоположных, не подходящих по характеру и образу жизни друзьях.

Ср. некоторые стилистические маркировки пословиц:

Бесталанный да горемычный – друг у друга не в зависти. Устар. < Бесталанный – неудачливый, горемычный.

Друг сердечный – таракан запечный. Шутл. О своих, домашних гостях.

Человек человеку – друг, товарищ и брат. Публ. Люди должны помогать друг другу так, как это делают друзья, родные.

Знакомых тьма, а друга нет. Книжн.-поэт. Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Всегда так будет».

Один из важных параметров Словаря, значительно способствующий более точной семантизации пословиц и поговорок, вошедших в литературный язык, – контекстные иллюстрации. Они даются в возможной полноте из многих источников, отражая широкий спектр употребления этих единиц в классической и современной русской литературе и публицистике:

Друг дома. / **Домашний друг.** Книжн. 1. Человек, пользующийся в чьей-л. семье сердечным расположением. 2. Шутл. Любownik хозяйки дома. < Калька с фр. *ami de la maison*. ► *Благопристойные мужья / Для умных жен необходимы; / При них домашние друзья / Иль чуть заметны, иль незримы* (Пушкин А. С. Послание Родзянке).

Друг-враг. Нов. Мол. жарг. Проф. жарг. Человек, связанный с кем-либо длительными отношениями, характеризующимися одновременно близостью и напряженностью; тот, чье манипулятивное поведение в дружеских отношениях оказывает неприятное давление на партнера и вызывает у него переживания. ► *Около половины наших знакомых можно отнести к категории так называемых друзей-врагов* (Дэвид Робсон. BBC Future. 2015). ► *Встреча с нашими друзьями-врагами вызывает у нас даже больший стресс, чем общение с кем-либо. Отчасти, это связано с ненадежностью таких друзей* (Дэвид Робсон. BBC Future. 2015)¹⁷.

Не в службу, а в дружбу. Об оказании помощи (услуги) в знак приятельских отношений между кем-л. Говорится тогда, когда просят оказать услугу по доброте, из любезности, а не по обязанности. Рифмованный характер пословицы свидетельствует о её исконности в русском и близкородственных восточнославянских языках – ср. белорус. *Не ў службу, а ў дружбу*, укр. *Не в службу, а в дружбу*. ► – *Не в службу, а в дружбу, девушка, сбегай и цех к матери, скажи, что секретарь горкома велел ей кланяться* (Полевой Б. Глубокий тыл). ► *Слушай, Альбертик, не в службу, а в дружбу, сделай доброе дело. Ей-богу, за мной не заржавеет. Передай потерпевшего Ермолину Всё равно чаи гоняет* (Башкиров Г. Черный кот на рояле, 2019). ► *Не в службу, а в дружбу: кто и как по ночам убивает Томск от снега* (РИАТомск. 2017). ► *Чемпионат не в службу, а в дружбу! Кто бы, что не говорил, а согласитесь, чемпионат по футболу сделал доброе дело нашей стране* (Никитский. LiveJournal. 2018).

Значимыми представляются предлагаемые читателю по мере возможностей историко-этимологические и лингвокультурологические сведения. Напр.:

Закадычный друг. Прост. Иногда Ирон. или Шутл. Близкий, задушевный друг, приятель. ► Выражение значит букв. «собутыльник», что мотивировано сочетанием

¹⁷ Подробнее об этой конструкции как слове см. [24].

залить за кадык «выпить». Версию о друге-забуддыге как будто подтверждают данные некоторых народных говоров: яросл. неодобр. *закалдышний пьяница* 'о спившемся, беспутном человеке' (СРНГ 10, 114¹⁸). И *закалдыга* 'повеса', 'забуддыга' (СРНГ 10, 114), *закалдычный (закалдышний) друг* 'о близком, любимом друге' (СРНГ 10, 114), где *закалдычный* 'близкий, любимый'. Там же: «У его в деревне-то жена, а тамоди, в Питере-то у его есь во какая *заколодышная*. Он ему *заколодышний друг-то*»; «Он у ее *заколодышний завсегдатай*» 'постоянный, частый' (СРНГ 10, 114). Возможно, однако, и иное объяснение этого фразеологизма, основанное на фактах русской народной речи. В диалектах давно зафиксированы глаголы *влад.* (1900) *закадыкать*, *закадучить* 'начать кашлять', 'зарезать, перерезать горло', *курск.* (1858), *сарат.* *закадычиться* 'умереть (обычно от угара)', *народн.* 'удавиться, зарезаться' (В. И. Даль; СРНГ 10, 112); *перм.* (1899) *закадышить* 'закашлять'; *моск.* (1968) *закадычный охотник* 'заядлый, рьяный'; *новосиб.* (1965); *яросл.* (1847) *закадышная головушка* 'об удалом, отчаянном человеке' (СРНГ 10, 112).

Друзья познаются в беде. Прочность и истинность дружеских отношений проявляются в тяжелые минуты, когда человек нуждается в помощи близких. ■ Славянские параллели: белорус. *Сябры пазнаюцца ў бядзе*. ~ *Прыяцеля ў няшчасці пазнаеш*; болг. ~ *Приятел в нужда се познава*. Ср. *Приятел се познава в неволя, като златото в огъня*; пол. *Prawdziwych przyjaciół poznajemy w biedzie*; серб. *Пријатељ се у невољи познаје [као злато у ватри]*; словац. ~ *V núdzi poznáš priateľa*; укр. *Друзі пізнаються в біді*. Ср. *При горі та в лиху годину пізнаєш вірну людину*. ср. *У пригоді пізнавай приятеля*; чеш. ~ *V pouzi poznáš přítele*. Ср. англ. ~ *The friend in need is a friend indeed*.

Дружба дружбой, а табачок врозь. Товарищеские отношения не распространяются на обладание имуществом, деньгами, материальными ценностями и т. п., которые безраздельно принадлежат определенному лицу. ■ Пословица собственно русская. В других, даже, например, близкородственных славянских языках аналогичные мысли выражаются с помощью других образов: укр. *Хоч ти брат і мій, табак кури свій*; *Друг не друг, а тютюнець окремо*; *Хліб-сіль вмісті, а табачок врозь*; *Брат мій, а хліб іж свій*; белорус. *Служба не дружба*; болг. *Дружбата си е дружба, сиренето с пари*; болг. *Ако ми е брат, не ми е ортак на кесията!*; *Братя сме, братя, ама кесииите не ни са сестри*; пол. *Kochałmy się jak bracia, a liczy [się] jak Żydzi*; серб. *Љубав за љубав, сир за паре*; *Ако смо ми браћа, наше кесе нијесу сестре*; словац. *Priatelja (Priatelmi) budme, dlhy si platme*; укр. *Свій не свій, а в горох не лизь*: *Брат братом, сват сватом, а гроші не рідня*; чеш. *Pořádek dělá přátele; Přátelé budme, dlouhy si platme*. Ср. нем. *Dienst ist Dienst, und Schnaps ist Schnaps*.

Дружбы народов надёжный оплот. Полит. Публ. Устар. О Союзе Советских Социалистических Республик (до сер. 1980-гг.). ■ Перифраза из Государственного гимна СССР А. В. Александрова на слова С. В. Михалкова и Г. Эль-Регистана (1944): «Славься, Отечество, наше свободное, / Дружбы народов надёжный оплот!».

Как видим, предлагаемая лексикографическая параметризация позволяет детализировать описываемые языковые единицы по семантической нюансировке, частотности употребления, стилистической маркированности, прозрачности или затемненности образа и т. д. Рассмотрим указанную параметризацию в более обобщенном виде.

Семантическая дифференциация в лексике дружбы: нюансировка дружеских отношений

Такая дифференциация отражает различные нюансы концепта *дружба* в зеркале фразеологии. Обороты *быть в дружбе с кем*; *водить дружбу с кем*; *водить хлеб-соль с кем* характеризуют, так сказать, бытовую, будничную, повседневную и привычную дружбу, приятельские отношения, в то время как фразеологизмы *быть на дружеской ноге с кем*; *быть на короткой ноге с кем*; *быть накоротке с кем* подчеркивают более близкие, неофициальные и даже иногда нецеремонные отношения с кем-л. Еще более тесные дружеские узы связывают тех, кто характеризуется оборотом *водой не разлить (не разольешь) кого*: здесь появляется сема *неразлучность*, которая придает выражению несколько шуточный характер.

Выражения *(жить) душа в душу*; *в любви и согласии*; *в ладу (в ладах)* подчеркивают такие качества дружеского союза, как бесконфликтность и гармоничность отношений, полное согласие во всем, любовь – словом, «единодышие» и *единодушие*. Оборот *быть (действовать) заодно с кем* маркирует общность намерений и взглядов, проявляющуюся прежде всего при выполнении каких-либо действий с учетом своих интересов, но нацеленных против интересов оппонентов (ср. современное: *дружить против кого-либо*; или известный принцип квалификации возможности союзничества в коммуникации: *Враг моего врага – мой друг*). Народное же выражение *лён не делён у кого* своей внутренней формой характеризует ту же дружескую бесконфликтность, однако эта характеристика выражена *ad adversum* – подчеркиванием потенциальной способности не делить со своим другом такого необходимого в крестьянском быту продукта, как лён, и материи, которые шьются из льняного волокна.

Остальные фразеологизмы имеют более дифференцированную, специализированную семантику. Большая часть из них акцентирует деловую, трудовую подоплеку дружеских отношений. *Рука об руку*; *рука в руку* подчеркивает способность друзей совместно трудиться, гармонично взаимодействуя и понимая друг друга.

¹⁸ Здесь и далее размещенные в приводимых для примера словарных статьях ссылки на источник, данные в круглых скобках, не расшифровываются, т. к. словарные статьи предложены в том виде, в каком их планируется включить в Словарь.

Тесное взаимное сотрудничество оценивается довольно новыми, но широко распространенными оборотами *быть в [одной] связке с кем, с чем и работать в тандеме*. Как правило, при этом речь идет о паре друзей, взаимодействующих друг с другом. Дружбу двух любящих характеризуют устойчивые сравнения *жить как голубки; жить как голубок и горлица* и фразеологический неологизм *сладкая парочка*, шуточно-иронические коннотации которого позволяют его использовать и для обозначения пары деловых партнеров.

Несколько особняком вблизи этой относительно компактной группы обозначения дружбы стоит оборот *вариться в общем котле*, семантической маркировкой которого является обозначение среды, в которой «сплавляются» истинно дружеские отношения.

Функционально-стилистическая дифференциация и частотность употребления

Функционально-стилистический и частотный рисунок нашего фразеологического концепта не менее дифференцирован, чем рисунок семантический. Здесь фактически представлены основные типы русских фразеологизмов, характерные и для других фрагментов нашей фразеологической системы.

Известно, что ее основой являются единицы разговорного стиля, и большинство из оборотов, характеризующих концепт *дружба*, принадлежит именно ему, поэтому они не маркируются особой пометой. Таковы выражения *быть в дружбе с кем; водить дружбу с кем; быть на дружеской ноге с кем; быть на короткой ноге с кем; быть накоротке с кем; быть (действовать) заодно с кем; вариться в общем котле; водой не разлить (не разольёшь) кого; жить как голубки; жить как голубок и горлица; в любви и согласии; рука об руку*.

Другие фразеологизмы по функционально-стилистическому признаку более дробны. К просторечным можно отнести *водить хлеб-соль с кем; в ладу (в ладах)*. К книжным – *жить душа в душу*. Особо здесь можно выделить оборот *лён не делён у кого*, принадлежащий народной (региональной) речи и имеющий шутовую стилистическую окраску.

Анализируемые выражения распределяются и по шкале **старое – новое**: *рука в руку* – устаревшее; в *[одной] связке с кем / с чем, работать в тандеме и сладкая парочка* – новые (хотя степень новизны и хронологический диапазон их несколько отличается друг от друга).

Последнее выражение – *сладкая парочка* – маркировано шуточно-иронической окраской, обусловленной как его функционированием в рекламном дискурсе с «прозаическим» исходным образом, так и его семантической эволюцией. Оно восходит к телерекламе шоколадных батончиков «Твикс» (с 1993 г.), одна упаковка которых содержит две одинаковые плитки – *сладкую парочку*¹⁹.

Поскольку оборот семантически и стилистически эволюционировал буквально на глазах современников, то легко проследить его семантическую и стилистическую дифференциацию. (1) Сначала он был прямым номинантом плиток шоколада «Твикс», упакованных попарно. (2) Затем стал употребляться переносно – о неразлучной паре (супругов, влюбленных), что придало ему шутовую стилистическую окраску. (3) Наконец, так сказать, двойная переносность обусловила его ироническую маркировку при характеристике пары деловых партнеров (компаний, друзей), чья деятельность или способ существования нередко оцениваются. (4) Кроме того, этот оборот стал номинацией для парных предметов или для двух объектов.

Такие стилистические маркировки доказываются обильными контекстами употребления, ср. материалы ниже, а также данные из словаря²⁰:

1. *Тот самый вкус, та самая сладкая парочка Твикс! Ностальгия, вкус знакомый с детства. Очень вкусные батончики с печеньем и карамелью в молочном шоколаде! (Сбермегамаркет, 2020). «Твикс» – сладкая парочка для сладкой парочки! (Светлана Алтарева и др. Внеклассная работа в начальных классах, 2017). Этот торт, как и сладкая парочка Твикс, сочетает в себе печенье, карамель и молочный шоколад (Supermodelsgroup). Не могла я пройти мимо и не оставить свой отзыв о таких чудо конфетках, как «твикс». С давних пор, как появилась сама «сладкая парочка», как мы часто слышали в рекламах, мне она очень пришлось по вкусу!!! (Отзовик, 2014).*

2. *Сладкая парочка шоубиза – Надя Дорофеева и Вова Дантес то и дело будоражат воображение яркими луками и семейной идиллией (Тайны звезд: сайт, 2021). И никакою нас водой не разольют. И пусть все смотрят, А мы и рады, Что нас с тобою сладкой парочкой зовут! (Татьяна Рындина, Стихи, 2015). Сладкая парочка: Джордж и Амаль Клуни по-прежнему держатся за руки – спустя 7 лет после свадьбы (Glamour, 2021). Шоколадный батончик «Твикс» тонко намекнет мужу о том, что вы сладкая парочка (Moichocolate.ru, 2018).*

3. *Были и другие инциденты с участием этой сладкой парочки. Так Мамаева во время недавних тренировочных сборов Краснодара в Австрии ловили на побеге из отеля и randevу по местным значным местам – барам и ресторанам. Что касается Кокорина, то это молодой человек неоднократно был замечен за нарушениями правил дорожного движения (Footballsmile, 2020). В своей первой самостоятельной работе (премьера – в августе 1980 года) режиссер Вячеслав Максаков, очевидно, ориентировался на вышедший двумя годами раньше италокрайм Руджеро Деодато «Живи как коп, умри как мужчина», в котором неразлучная сладкая парочка полицейских из отдела специального назначения расправлялась с преступниками, деля на двоих один мотоцикл и одну спальню (Livejournal, 2017).*

¹⁹ Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: Рус. словари, 2009. 623 с.

²⁰ Там же. С. 360–361.

4. Сладкая парочка: помидор и брокколи. Два продукта, которые помогут в два раза снизить риск рака простаты (Жить здорово!: телепрограмма, 2021). Воспользовавшись акцией «Сладкая парочка», вы можете взять в прокат два велосипеда по цене одного во вторник и четверг! (Покатушкин: прокат сноубордов и лыж).

Как видим, иллюстративные контексты (а их можно было бы предложить практически и для всех фразеологических характеристик концепта *дружба*) служат достаточно надежным мерилем частотности употребления тех или иных оборотов речи. Не углубляясь в эту проблему, можно сказать, что по этому показателю лидером анализируемой нами группы фразеологизмов является оборот *водой не разлить* (не разольешь) *кого*.

Образно-мотивационная дифференциация

Этот тип дифференциации имеет диахроническую направленность, позволяющую распределить анализируемую группу по шкале оппозиции *прозрачная мотивация* – *затемненная мотивация*:

- безобразные обороты, значение которых складывается из значения компонентов: *быть в дружбе с кем*; *в любви и согласии*; *в ладу* (в ладах);
- безобразные обороты, значение компонентов которых несколько затемнено: *водить дружбу с кем*; *быть* (действовать) *заодно с кем*;
- транспарентные (прозрачные по образу) обороты: *жить как голубки*; *жить как голубок и горлица*; *рука об руку*; *рука в руку*; *жить душа в душу*; *вариться в общем котле*; *сладкая парочка*; в [одной] *связке с кем, с чем*; *работать в тандеме*;
- образные обороты, требующие специального культурологического комментария: *водить хлеб-соль с кем*; *лён не делён у кого*;
- образные обороты, внутренняя форма которых требует специального этимологического анализа: *быть на дружеской ноге с кем*; *быть на короткой ноге с кем*; *водой не разлить* (не разольешь) *кого*.

Как легко увидеть, первые три группы фразеологизмов не нуждаются в особой расшифровке, ибо сам образ подсказывает их семантику. Две последних группы основаны на коннотативно, культурологически и этимологически зашифрованной образности и потому нуждаются в декодировке.

Для выражения *водить хлеб-соль с кем* центральным декодером является сочетание *хлеб-соль* как символ традиционного гостеприимства, который известен и другим

славянским языкам. Глагол же *водить* имеет значение *поддерживать дружеские отношения*, *связи* и употребляется также в сочетаниях *водить дружбу*, *водить компанию*, *водить знакомство*. Это значение развилось на основе фольклорного оборота *водить хоромы (круги)* (ходить с песнями кругом, взявшись за руки).

Для выражения *лён не делён у кого с кем* в качестве культурологического комментария можно предложить развернутую справку о роли льноводства на Руси, где его качественные продукты (пенька, льняные ткани, корабельные ткани и др.) экспортировались во многие страны Европы. Важным элементом такой справки является и ареальная характеристика самого выражения – оно распространено в Архангельской, Вологодской, Костромской областях и в Карелии²¹. Любопытен и вологодский вариант этого оборота – *лён поделён*, который, несмотря на отсутствие отрицательной частицы, имеет то же значение – *у них хорошие, дружеские отношения*²².

Выражения *быть на дружеской ноге с кем* и *быть на короткой ноге с кем* требуют более развернутого комментария, несмотря на то, что кажутся прозрачными по образности. Не случайно историки русской фразеологии по-разному раскрывают этот образ. Одни считают их кальками с фр. *être sur un bon pied avec qn.* или *être sur la pied de l'intimite avec qn, sur un pied convenable*. Другие обращают внимание на полное сходство с нем. *auf freundschaftlichem Fusse*²³, предполагая тем самым немецкий прототип. В пользу этой версии говорит факт, что хотя в немецком языке есть и выражения, компонентно совпадающие с фр. *être sur un bon (intim) pied avec qn.* (*auf gutem Fuß stehen mit j-m*; *auf intimen Fuß stehen mit j-m*), они входят в продуктивную фразеологическую модель: предлог *auf* + прил. + сущ. *Fuß* (в вин. или дат. падеже) + глагол: *auf einem unsicheren Fuß stehen* (букв. стоять на ненадежной ноге), *auf gutem (vertrautem) Fuß...* (на хорошей, доверительной ноге), *auf dem alten Fuß* (на старой ноге), *auf demselben Fuß* (на той же ноге), *auf solchem* (на такой ноге), *alles auf deutschen (englischen) Fuß einrichten* (организовать все на немецкий, английский лад) и др. Такие обороты давно употребительны – ср. *auf ungewissem Fuß sitzen* (у Мартина Лютера). Одним из ключевых оборотов этого ряда является *auf einem grossen (hohen) Fuß leben* (жить на большой (высокой) ноге), имеющий, правда, параллель во фр. *vivre sur un grand pied*. См. *жить на широкую ногу*. Компонент *дружеский* также встречается в разных вариантах: *auf freundschaftlichem Fuß*, *auf dem Freundschaftsfuß*, *auf dem Fuß der Freundschaft*. Такие факты свидетельствуют в пользу заимствования из немецкого.

²¹ Словарь русских народных говоров (СРНГ), ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.-Л.: СПб.: Наука, 1979. Вып. 16. С. 350; Архангельский областной словарь (АОС), под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та; Наука, 1980–2010. Вып. 10. С. 442; Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей (СРГК), гл. ред. А. С. Гера. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1994. Вып. 1. С. 445.

²² СРНГ. Вып. 16. С. 350.

²³ Михельсон М. И. Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний: удостоено Императорской Академией наук премии митрополита Макария. СПб.: [печатан в типографии Академии наук], 1902–1903. Т. 1. С. 596.

Хронология и авторство употребления оборота в XVIII в., действительно, не исключают и его калькирования из немецкого. Ср.: «[Дворабродь] Вы очень съ ней знакомы... и на дружеской ногѣ в семь домѣ. [Предынъ] Я изъ стари знакомъ съ господиномъ Собринимъ, и мы друзья съ робячества» (Екатерина II, комедия «Расстроенная семья», 1788); «— Скажу же что графъ Иванъ Григорьевичъ былъ со мною на дружеской ногѣ...» (Княжнин, 1784). Кальками с немецкого, вероятно, являются и параллели этого оборота в других славянских и неславянских языках — напр., укр. *бути на дружній нозі з ким*, болг. [съм] *на дружеска нога с някого*; х/с *biti (stajati, živjeti) na dobroj (priјateljskoј) nozi*; англ. *on a friendly footing*.

Неоднозначна и этимологическая расшифровка самой частотной фразеологической характеристики концепта *дружба* — выражения *водой не разлить (не разольешь) кого*. По традиционному объяснению исходный образ этого фразеологизма прозрачен: водой разливают сцепившихся в схватке животных или людей. Поэтому многие историки фразеологии, считая выражение собственно русским, связывают его именно с обычаем (якобы бытовавшим в русских деревнях) разливать водой дерущихся животных (быков), когда другие средства их усмирения не помогали. Отсюда и конкретная ассоциация, вызвавшая возникновение фразеологизма: друзья держатся всегда вместе, их даже водой не разольешь.

Однако правдоподобность такого объяснения несколько колеблет семантическая логика: ведь сцепившиеся в драке животные и люди — отнюдь не образец неразлучной дружбы, а наоборот — символ непримиримой вражды. Расширение языкового материала проливает, как кажется, иной свет на образные истоки оборота. Так, уже упомянутый разговорный его вариант *не разлей вода* (о неразлучных друзьях) уже не обязательно предполагает обливание водой сцепившихся в драке животных, а вызывает ассоциацию с чем-то монолитным, сросшимся друг с другом так, что даже вода не может разделить, разлить этот монолит. В какой-то степени такую ассоциацию подкрепляет и диалектный (пск., смол.) субстантивный вариант нашего выражения — *неразливная дружба* (крепкая дружба, такая, что водой не разольешь)²⁴, а также архангельский оборот *водой не размоешь чего* (о большом количестве чего-л.)²⁵. Ср. и синонимичный фразеологизм, приведенный М. И. Михельсоном к нашему выражению — *такая дружба, что топором не разрубишь*²⁶.

Еще более убедительным предлагаемое объяснение делают параллели с балтийскими языками. Литовские выражения *vanduo neperbėgtų per tarpą* (вода бы не протекла (букв. не пробежала бы) между кем-л.), *vandens lašas neperbėgtų* (капля воды не протекла бы (букв. не пробежала бы)

между кем-л.), *vandens lašas neprasisunkė* (капля воды не просочилась), *kaip vanduo* (как вода) характеризуют прежде всего неразлучную дружбу. Они, как легко увидеть, весьма напоминают русское *не разлей вода*. Исходным образом русского выражения, следовательно, было такое крепкое соединение чего-либо (а потом — и кого-либо), которое не могла отделить друг от друга даже столь могучая стихия, как вода.

Заключение

Русская фразеология позволяет охарактеризовать концепт *дружба* весьма разнообразно и экспрессивно. В русской лингвокультуре уделяется значительное место понятиям *дружбы* и *друга*. Для сравнения приведем данные Й. Кириловой, изучавшей концепты *друг* и *враг* в болгарской языковой картине мира. Она отмечает, что болгарский материал демонстрирует диспропорцию между номинациями дружбы и вражды в пользу первых: «После экскерпции паремиологического материала и последующих исследований стало видно, что налицо существенная диспропорция между этими двумя антонимичными концептами как в числе лексем, которые насчитываются лексикографическими источниками (45 — приятел, 20 — враг), так же и в числе паремий, которые их вербализуют (115 — приятел и 31 — враг)» [25, с. 278].

В проектируемом Словаре делается попытка представить концепты *друг* и *дружба* во всем их паремиологическом многообразии и аксиологической широте. В состав описываемых паремий войдут как собственно русские, исконно народные языковые единицы, так и древние интернационализмы, в разное время усвоенные русским языком. При всей их «разнокалиберности», разномасштабности и разной употребительности они, по нашим наблюдениям, и составляют объективную мозаичную картину отношения русского народа к этим универсальным понятиям. Такая картина, с одной стороны, национально специфична, с другой — отражает как паремиологические универсалии, так и пословицы и поговорки (resp. фразеологизмы), запечатлевшие следы многовековых контактов носителей русского языка. Различия в определенной степени обусловлены и собственно языковой спецификой, т. е. разной структурой и семантикой соответствующих трех типов паремий. Каждый из таких типов находит специализированное лексикографическое описание в проектируемом словаре, принципы построения которого объединены семантикой концепта *друг* и *дружба*. Такой словарь, как представляется, может быть полезен как школьникам и студентам филологического профиля, так и широкому читателю, которого интересуют судьбы родного Слова.

²⁴ СРНГ. 1986. Вып. 21. С. 140.

²⁵ АОС. Вып. 4. С. 153.

²⁶ Михельсон М. И. Русская мысль и речь... Т. 1. С. 112.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Благодарности: Статья посвящена профессору Людмиле Алексеевне Араевой, которая была другом многих лингвистов России и зарубежья и создавала вокруг себя дружескую атмосферу. Статья подготовлена по материалам доклада на Междунар. научн. конф. «Актуальные вопросы

лингвистики и литературоведения», посвященной памяти проф. Л. А. Араевой. Кемерово, 3–5 февраля 2022 г.

Acknowledgment: The article is dedicated to Professor Lyudmila A. Araeva, who was a friend of many linguists in Russia and abroad. The article is based on the report presented at the International Scientific Conference Actual Issues of Linguistics and Literary Studies, held in Kemerovo on February 3–5, 2022, and dedicated to the memory of Prof. L. A. Araeva.

Финансирование: Исследование выполнено за счет средств гранта РНФ, проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс».

Funding: The study is supported by Russian Science Foundation, project No. 20-68-46003 "The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse".

Литература / References

1. Леонтьева Т. В. Народ и народный певец о дружбе: диссонанс слов и понятий. *Пушкин как социокультурный феномен на постсоветском европейском пространстве*, отв. ред. С. Н. Пяткин. Арзамас-Н. Новгород-Комрат: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. С. 117–129.
Leontyeva T. V. Folk and folk singer about friendship: the dissonance of words and concepts. *Pushkin as a socio-cultural phenomenon in the post-Soviet European space*, ed. Pyatkin S. N. Arzamas-Nizhny Novgorod-Comrat: Arzamas Branch of Lobachevsky University, 2019, 117–129. (In Russ.)
2. Шмелёв А. Д. Дружба в русской языковой картине мира. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 289–303.
Shmelev A. D. Friendship in the Russian linguistic worldview. In: Zalizniak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Key ideas of the Russian linguistic picture of the world*. Moscow: Iazyki slavianskoi kultury, 2005, 297–300. (In Russ.)
3. Сычева Н. А., Белякова С. М. Двухязычный паремиологический словарь как текст. *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. 2019. Т. 5. № 1. С. 34–47. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2019-5-1-34-47>
Sychyova N. A., Belyakova S. M. Bilingual paremiological dictionary as text. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 2019, 5(1): 34–47. (In Russ.) <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2019-5-1-34-47>
4. Алексеева Е. М. Паремическое описание Glaube / Glauben (вера) в немецком словаре пословиц К. Ф. В. Вандера. *Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики*. 2020. № 3. С. 131–134.
Alekseeva E. M. Paremiological description of Faith in German proverb dictionary by K. F. W. Wander. *Aktualnye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki*, 2020, (3): 131–134. (In Russ.)
5. Мнацаканова Д. В. Принципы организации англоязычных словарей памятных речений. *Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики*. 2020. № 3. С. 20–28.
Mnatsakanova D. V. Structure of English-language dictionaries of memorable utterances. *Uchenye zapiski nacionalnogo obshchestva prikladnoy lingvistiki*, 2020, (3): 20–28. (In Russ.)
6. Усейнов Т. Б. Диалектологический аспект в процессе создания лексикографических изданий, отражающих крымско-татарский паремический фонд. *Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры*. 2017. № 4. С. 5–10.
Useinov T. B. Dialectological dimension in setting up the lexicographical editions, reflecting Crimean Tatar paremiological fund. *Questions of the Crimean Tatar philology, history and culture*, 2017, (4): 5–10. (In Russ.)
7. Жуков А. В. В. П. Жуков и его «Словарь русских пословиц и поговорок». *Русская речь*. 2016. № 6. С. 84–89.
Zhukov A. V. V. P. Zhukov and his "Dictionary of Russian proverbs and sayings". *Russkaya Rech*, 2016, (6): 84–89. (In Russ.)
8. Мокиенко В. М. Лексикографическое наследие В. П. Жукова и современная паремиография. *Пушкинские чтения-2017. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: мат-лы XXII Междунар. научн. конф. (Санкт-Петербург, 6–7 июня 2017 г.)* СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017. С. 376–387.

- Mokienko V. M. Lexical heritage of V. P. Zhukov and modern paremiography. *Pushkin Readings-2017. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, and text*, St. Petersburg, 6–7 Jun 2017. St. Petersburg: Pushkin LSU, 2017, 376–387. (In Russ.)
9. Иванцова Е. В. Концепция идиолектного словаря паремий сибирского старожила. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2011. № 3. С. 45–53.
Ivantsova E. V. Conception of the idiolect paroemiae dictionary of a Siberian old resident. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 2011, (3): 45–53. (In Russ.)
10. Ломакина О. В. Параметризация русских пословиц и поговорок в лексикографической практике. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2011. № 3. С. 218–225.
Lomakina O. V. Parametrization of Russian proverbs and sayings in lexicographic practice. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 2011, (3): 218–225. (In Russ.)
11. Нугайбекова М. А. Лексикографическая интерпретация русских пословиц и поговорок. *Поволжский педагогический вестник*. 2019. Т. 7. № 3. С. 18–25.
Nugaybekova M. A. Lexicographical interpretation of Russian proverbs and sayings. *Povolzhskii pedagogicheskii vestnik*, 2019, 7(3): 18–25. (In Russ.)
12. Никитина Т. Г. Сопоставительный словарь пословиц и поговорок как лингвокультурологический и лингвокраеведческий источник. *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2016. № 4. С. 142–149.
Nikitina T. G. The comparative dictionary of proverbs and phraseological units as a linguocultural and regional source. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarnye nauki*, 2016, (4): 142–149. (In Russ.)
13. Андрианова Д. В., Игнатъева Н. Д., Никитина Т. Г. Пословицы восточных славян в сопоставительной лексикографической репрезентации. *Научный диалог*. 2020. № 7. С. 9–23. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-7-9-23>
Andrianova D. V., Ignatieva N. D., Nikitina T. G. Proverbs of the Eastern Slavs in comparative lexicographic representation. *Nauchnyi dialog*, 2020, (7): 9–23. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-7-9-23>
14. Кацуба Л. Б. Паремииграфическое описание в лингвокультурном и психолингвистическом аспектах. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2011. № 3. С. 163–166.
Katsyuba L. B. Psycholinguistic and cultural linguistic aspects of paremiographic description. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 2011, (3): 163–166. (In Russ.)
15. Грекова М. В. Фигуративная лексикография и ее место в современной русистике. *Вопросы лексикографии*. 2016. № 2. С. 18–40. <https://doi.org/10.17223/22274200/10/2>
Grekova M. V. Figurative lexicography and its place in modern Russian philology. *Voprosy Leksikografii*, 2016, (2): 18–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/22274200/10/2>
16. Нелюбова Н. Ю. Особенности ценностных ориентиров носителей французского и русского языков и их представление в пословицах (на материале словарей). *Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки*. 2020. № 5. С. 79–88. <https://doi.org/10.37482/2227-6564-V051>
Nelyubova N. Yu. Specificity of value orientations of native speakers of French and Russian and their representation in proverbs (based on dictionaries). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2020, (5): 79–88. (In Russ.) <https://doi.org/10.37482/2227-6564-V051>
17. Галлямова Н. Ш., Ван Ю., Низамутдинова Г. С. Концепт «здоровье» в русской и китайской лингвокультурах. *Общественные науки*. 2017. № 6. С. 248–258.
Gallyamova N. Sh., Wang Y., Nizamutdinova G. S. "Health" concept in Russian and Chinese linguoculture. *Obshchestvennyye nauki*, 2017, (6): 248–258. (In Russ.)
18. Осадчая О. Н. Ценностная представленность милосердия как действия в английских и русских паремиях. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 12. № 9. С. 383–388. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.78>
Osadchaya O. N. Value representation of mercy as an action in the English and Russian paremias. *Philological sciences. Philology. Theory & Practice*, 2019, 12(9): 383–388. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.78>
19. Ощепкова Е. С. Ценности «богатство» и «бедность» в языковом сознании русских. *Вопросы психолингвистики*. 2014. № 22. С. 102–117.
Oshchepkova E. S. Universal values "wealth" and "poverty" in the language consciousness. *Journal of Psycholinguistics*, 2014, (22): 102–117. (In Russ.)
20. Кулькова М. А. Шкалирование положительной оценки в паремииологической системе русского и немецкого языков. *Успехи современной науки и образования*. 2017. № 7. С. 110–114.

- Kulkova M. A. Scaling positive evaluation in the paremiological system of the Russian and German languages. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2017, (7): 110–114. (In Russ.)
21. Лаврова С. Ю., Ермакова Л. А. Роль оценочных семантических оппозиций «война» / «мир», «war» / «peace» в русской и английской паремиологических сферах. *Поливановские чтения*. 2020. № 14. С. 127–134.
Lavrova S. Yu., Ermakova L. A. The role of evaluative semantic oppositions "vojna" / "mir", "war" / "peace" in Russian and English paremiological spheres. *Polivanovskie chteniia*, 2020, (14): 127–134. (In Russ.)
22. Гусейнова У. Г. К. Хлеб в картине мира русского народа. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2019. № 2. С. 28–33. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2019-2-28-33>
Guseynova U. G. Concept "bread" in the world picture of Russian people. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2019, (2): 28–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2019-2-28-33>
23. Тимербаева Л. В., Данилова Ю. Ю., Бубекова Л. Б. Функционально-семантические особенности языковой реализации лексем ум / уш в русских и марийских паремиях: диахронный аспект. *Филология и культура*. 2019. № 3. С. 86–91. <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2019-57-3-86-91>
Timerbaeva L. V., Danilova Yu. Yu., Bubekova L. B. Functional-semantic features of the lexemes "um / ush" linguistic implementation in Russian and Mari proverbs: a diachronic aspect. *Philology and Culture*, 2019, (3): 86–91. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2019-57-3-86-91>
24. Леонтьева Т. В., Щетинина А. В. Репрезентация противоположностей в слове друг-враг: контекстный анализ. *Мир русского слова*. 2020. № 2. С. 35–39. <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2020-12035>
Leontyeva T. V., Shchetinina A. V. Representation of opposites in the word friend-enemy: contextual analysis. *The World of Russian word Journal*, 2020, (2): 35–39. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2020-12035>
25. Кирилова Й. Концепты «друг-враг» в болгарской языковой картине мира. *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2013. Т. 8-2. С. 254–283.
Kirilova J. Concepts "friend" and "enemy" in Bulgarian picture of the world. *Slavic World in the Third Millennium*, 2013, 8-2: 254–283. (In Russ.)

Оригинальная статья

Лексическая интерференция как речевое явление: обусловленность типом языковой ситуации и дискурсивной практики (на материале записей русской речи шорско-русских билингвов)

Резанова Зоя Ивановна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
<https://orcid.org/0000-0002-0550-991X>
rezanovazi@mail.ru

Рыжова Ольга Владимировна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
<https://orcid.org/0000-0002-0706-730X>

Поступила в редакцию 24.11.2021. Принята после рецензирования 28.02.2022. Принята в печать 10.03.2022.

Аннотация: Представлены результаты анализа шорско-русской лексической интерференции как речевого явления, обусловленного особенностями языковой ситуации в регионе и характером дискурсов, в которых зафиксированы заимствования. Заимствования, противопоставленные по наличию vs отсутствию эквивалента в русском языке, степени освоенности, охарактеризованы по типам дискурсивных условий, актуализирующих их в русской речи. Исследование проведено на материале записей устной спонтанной речи шорско-русских билингвов в г. Шерегеш и Таштагол, пос. Большая Суэта Кемеровской области в 2017–2018 гг. Объем материала – 23 часа звучания, более 138380 словоупотреблений. При решении задач последовательно применены полевые методы сбора материала, корпусные методы его обработки и первичного анализа, приемы социолингвистического анализа анкет респондентов, а также методы лингвистического анализа текста. Показано, что интерференция как речевое явление стимулируется особыми коммуникативными условиями, к числу которых относится несбалансированность языковой ситуации: функциональное доминирование русского языка, ограничение функций современного шорского языка, используемого в качестве средства домашнего, дружеского общения и маркера этнокультурной идентичности. Значительная часть заимствований остается в статусе речевого явления, при вхождении в язык-систему заимствования оцениваются в большинстве своем как функционально ограниченные, будучи актуализированными в дискурсах шорской идентичности. Легкость системно-языковой фонетической и морфологической адаптации к русскому языку определяется высоким уровнем его освоения в исследуемом типе билингвизма.

Ключевые слова: языковые контакты, социолингвистика, языковая ситуация, лексическое заимствование, типы заимствований, функционирование заимствований, языковая адаптация

Цитирование: Резанова З. И., Рыжова О. В. Лексическая интерференция как речевое явление: обусловленность типом языковой ситуации и дискурсивной практики (на материале записей русской речи шорско-русских билингвов). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 2. С. 177–185. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-177-185>

Full article

Lexical Interference in Oral Speech of Shor-Russian Bilinguals

Zoya I. Rezanova

Tomsk State University, Russia, Tomsk
<https://orcid.org/0000-0002-0550-991X>
rezanovazi@mail.ru

Olga V. Ryzhova

Tomsk State University, Russia, Tomsk
<https://orcid.org/0000-0002-0706-730X>

Received 24 Nov 2021. Accepted after peer review 28 Feb 2022. Accepted for publication 10 Mar 2022.

Abstract: The article introduces the Shor-Russian lexical interference as a speech phenomenon. It is determined by the peculiarities of the linguistic situation in the region and the nature of discourses where borrowings are recorded. Borrowings are opposed by the presence / absence of a Russian equivalent, the degree of development, etc. They are characterized by the types of discursive conditions that actualize the borrowings in the Russian speech. The study featured recordings of spontaneous oral speech of Shor-Russian bilinguals in the towns of Sheregesh and Tashtagol and in the village of Bolshaya Sueta (Kemerovo Region, 2017–2018). The recording time is 23 hours and encompasses more than 138,380 word tokens. The data were collected by field methods and analyzed with corpus methods, sociolinguistic questionnaires, and linguistic analysis. Interference as a speech phenomenon appeared to be stimulated by special communicative conditions, the imbalance of the language situation being one of them. The Russian language dominates functionally, while the functions of the modern Shor language are limited

to intra-family communication, close groups of friends, and a marker of ethnocultural identity. Most borrowings remain a speech phenomenon. Entering the language-system, they are generally assessed as functionally limited, being actualized in the discourses of Shor identity. The ease of systemic-linguistic phonetic and morphological adaptation to the Russian language is determined by the high level of its acquisition in the studied type of bilingualism.

Keywords: language contact, sociolinguistics, language situation, lexical borrowing, types of borrowings, functioning of borrowings, language adaptation

Citation: Rezanova Z. I., Ryzhova O. V. Lexical Interference in Oral Speech of Shor-Russian Bilinguals. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(2): 177–185. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-177-185>

Введение

В XXI в. наблюдается ускоренный процесс взаимообогащения культур и языков. РФ с ее многонациональным составом является одной из стран, в различных регионах которой доминируют двуязычные и многоязычные языковые ситуации. Для подобных языковых ситуаций характерна функциональная несбалансированность, доминирование государственного русского языка. Безусловно, русский язык оказывает значительное влияние на контактирующие с ним языки, однако при этом сам испытывает их воздействие, что находит непосредственное отражение в речевых практиках говорящих на русском языке билингвов, для которых родным является язык коренного населения той или иной территории. К таким языкам принадлежит шорский язык, язык коренного населения Горной Шории. Шорцы проживают на севере Кузнецкого Алатау вдоль берегов реки Томь и ее притоков – Кондома и Мрассу [1]. Территории компактного проживания шорцев граничат с республиками Алтай и Хакасия. Перепись населения 2010 г. показала, что в РФ проживает 12888 шорцев и лишь 2839 из них, что составляет около 22 %, знают шорский¹.

Шорский язык относится к хакасской подгруппе уйгуро-огузской группы восточно-хунской ветви тюркских языков². В настоящее время в шорском языке выделяются два диалекта – мрасский (или сз-диалект, близок к хакасскому языку; лежит в основе литературного шорского языка) и кондомский (или й-диалект; обнаруживает сходства с северными диалектами алтайских языков)³.

Языковая ситуация на территории компактного проживания шорцев может быть охарактеризована как билингвальная несбалансированная, диглоссная сбалансированная. Диглоссная сбалансированность определяется тем, что два диалекта являются функционально равноправными. Несбалансированность билингвального аспекта языковой ситуации определяется доминированием русского языка во всех сферах общения, вытесняющего шорский язык в ситуации обыденной семейной и дружеской коммуникации, и проявляется основными свойствами херитажного языка,

т.е. языка, носители которого используют материнский язык только в семейном кругу, а в других ситуациях – государственный русский язык (о термине см. [2]). И в то же время шорский язык актуализирует функционирование в эстетически опосредствованной коммуникации, с выдвиганием в качестве базовой функции маркера этноязыковой идентичности [3], транслятора особой этноязыковой картины мира. Аспект миромоделирования, формирования особой картины мира применительно к близкородственному телеутскому языку был рассмотрен в работах исследователей Кемеровского государственного университета под руководством Л. А. Араевой [4–9].

Результатом активного взаимодействия двух языковых систем становится интерференция, т.е. проникновение системы одного языка, чаще всего родного, в систему второго языка. Основоположник теории языкового контактирования У. Вайнрайх определяет интерференцию следующим образом: «Те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, то есть вследствие языкового контакта» [10, с. 22]. Данное явление исследуется уже длительное время применительно к разным языковым парам, в том числе к ситуациям тюрко-русского языкового взаимодействия [11–13]. В то же время до сих пор продолжают дискуссии об отнесенности интерференции к речевым или языковым явлениям: некоторые лингвисты полагают, что интерференция, в том числе и лексическая, – факты языка, элементы, вошедшие в систему контактирующего языка (В. Ю. Розенцвейг [14], Э. Хауген [15] и др.). Другие исследователи считают, что интерференция может проявляться только в речи. Такой позиции придерживается Л. А. Лазаренко, которая считает, что интерференцию нужно связывать именно с речью, потому что в самом языке происходит только процесс закрепления уже имеющихся результатов речевой интерференции, автор называет интерференцией замену в речи билингва элементов одного языка элементами

¹ ВПН-2010. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 07.02.2020).

² Курпешко-Таннашева Н. Н., Апонькин Ф. Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово: Кн. изд-во, 1993. С. 153.

³ Шорский язык. *Большая российская энциклопедия*. Режим доступа: <https://bigenc.ru/linguistics/text/4945147> (дата обращения: 07.02.2020).

другого, квалифицируя их как отклонения, ошибки в речи билингва [16]. Но, закрепляясь, речевые отклонения через узус входят в систему другого языка. Именно в таком значении использовал этот термин У. Вайнрайх, говоря о вторжении норм языковой системы в пределы другой.

Интерференция является сложным языковым феноменом, типологизируемым по разным основаниям, важнейшим из которых является отнесенность результатов межязыкового взаимодействия к конкретным языковым уровням. Основы данной типологии были заложены уже У. Вайнрайхом, выделявшим лексическую, грамматическую и фонетическую интерференцию. Лексическую интерференцию он определял как воздействие разнообразными способами словаря одного языка на словарь другого языка, результатом этих процессов является заимствование лексем [10, с. 83].

Полагаем, что обсуждавшийся ранее аспект двойственной природы интерференции отражается и в определении заимствований как одного из ее видов, что можно наблюдать, например, в определениях заимствований в современных авторитетных терминологических и специализированных энциклопедических источниках, например: «1. Обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий...; 2. Слова, словообразовательные аффиксы и конструкции, вошедшие в данный язык в результате заимствования» [17, с. 146]; «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [18, с. 158].

Отметим, что при всей естественной соотнесенности описание типов заимствований как языковых явлений, как единиц, вошедших в систему языка, возможно, находящихся на разных этапах освоения, и выявление речевых практик, способствующих появлению в речи заимствований, требуют разных подходов, привлекаемого материала и – частично – разных методов, а также актуализируют разные исследовательские вопросы. Так, в настоящее время установлено, что одним из факторов, влияющим на процессы заимствования, шире – языкового смешения, является тип билингвизма [19]. В то же время не все типы билингвизма в этом аспекте исследованы, например, все еще «существует мало доступной информации о каком-либо типе языкового смешения среди тех, кто не использует язык семейного наследия часто (и даже, возможно, не говорит на нем много лет) и кто не контактирует с носителями родного языка» (прим. – перевод авторов статьи) [20, р. 25].

Следуя этой логике, мы интерпретируем проникновение лексики в языковые практики билингвов и – через их посредство – в русский язык. В данной работе мы интерпретируем лексические заимствования и как речевое, и как языковое

явление, сфокусировав свое внимание на речевых процессах включений иносистемных элементов.

Лексические заимствования как результат языкового взаимодействия обсуждаются в литературе весьма длительное время, результаты исследований излагаются в статьях, монографиях, учебных пособиях (О. С. Ахманова, И. Г. Голуб, А. В. Калинин, Б. А. Серебренников, В. Н. Ярцева и др.). В сфере внимания исследователей находятся прежде всего вопросы причин заимствований и их классы, выделяемые по разным типологически релевантным признакам. Заимствования классифицируются по способу проникновения в язык-реципиент – устный vs письменный (О. С. Ахманова, Д. Э. Розенталь, В. Н. Ярцева и др.); по наличию или отсутствию эквивалентных единиц во вступающих во взаимодействие языках (Р. А. Будагов, И. Г. Добродомова, А. В. Калинин и др.), по степени освоения языком-реципиентом; по характеру, направлениям освоения характеризуются фонетическая, графическая, морфолого-синтаксическая, деривационная, семантическая освоенность системой принимающего языка (С. В. Воробьева, Э. Ф. Володарская, А. П. Крысин и др.).

Цель проведенного исследования – характеристика шорско-русской лексической интерференции как речевого явления, обусловленного особенностями языковой ситуации в регионе и особенностями дискурсов, в которых зафиксированы заимствования. Характеризуя заимствования из родного языка в русской речи билингва по базовым параметрам: наличие vs отсутствие эквивалента в русском языке, степень освоенности в русском языке, – выявляем типы дискурсивных условий, актуализирующие появление заимствования из родного языка в русской речи.

Методы

Работа была выполнена в рамках проекта по исследованию речевых практик и когнитивных основ языкового взаимодействия тюркско-русских билингвов и основывалась на материале записей устной спонтанной речи шорско-русских билингвов, полученных в ходе экспедиций членов Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета в г. Шерегеш и Таштагол, пос. Большая Суэта Кемеровской области в 2017–2018 гг. Материалы составляют часть базы данных лингвистически размеченного бимодального корпуса речи тюркско-русских билингвов RuTuBiC⁴.

Объем проанализированного материала – 23 часа звучания, более 138380 словоупотреблений. Проанализированные нами тексты представляют собой следующие записи:

- интервью, направленные на сбор информации о социолингвистическом статусе билингвов на основе социолингвистической анкеты (О. А. Казакевич), состоящей

⁴ Артёменко Е. Д., Буб А. С., Васильева А. В., Душейко А. С., Машанло Т. Е., Нагель О. В., Резанова З. И., Сафиуллина Е. Ш., Степаненко А. А., Темникова И. Г. Бимодальный корпус устной речи жителей южно-сибирского региона. Свидетельство о государственной регистрации базы данных RU 2019620803, 22.05.2019.

из вопросов о времени и месте его рождения, проживания, об уровне и направленности образования, профессиональной деятельности, об особенностях приобретения и использования языков; анкета включает также вопросы, направленные на портретирование социального и языкового статуса родственников информанта на трех уровнях родства [21];

- интервью, ориентированные на собирание информации о языковом опыте респондента на основе адаптированного авторами проекта опросника Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) [22];
- беседы с респондентами на свободные темы, в которых выделяются рассуждения на темы быта, этнической культуры, социальных обстоятельств жизни респондентов, членов их семьи и друзей, характеристика интересных, значимых событий в жизни, аспектов профессиональной деятельности или учебы.

Важным следствием такого варианта сбора материала является ограниченность наших выводов их приложимостью к ситуациям общения билингвов с носителями второго, приобретенного языка, не знающих материнский язык билингва, отмеченным выше дискурсивным и жанровым ограничением.

В качестве дополнительных источников использовались данные шорской грамматики [23], шорско-русских переводных словарей и текстов, посвященных шорскому языку и культуре.

Основную часть респондентов составили люди от 35 до 65 лет, относящиеся к III возрастной группе [24] с высшим образованием, одному респонденту было 30 лет (I возрастная группа) на момент анкетирования. 5 из них начали говорить на русском с 3 лет, 1 человек – с 6 лет и 7 человек – с 7 лет. По словам билингвов, в настоящее время 90 % коммуникации ведется на русском языке, а 10 % – на шорском.

Результаты получены нами последовательно с применением полевых методов сбора материала, корпусных методов его обработки и первичного анализа, приемов социолингвистического анализа собранных анкетных данных респондентов, методов лингвистического анализа текста.

Результаты

Охарактеризуем типичные коммуникативные ситуации, в которых отмечена актуализация заимствования из шорского языка в русской речи противопоставленных по признакам наличия / отсутствия эквивалентов, степени освоенности.

Наличие / отсутствие русского эквивалента

Противопоставляются заимствования, имеющие русский эквивалент, и безэквивалентная лексика, т. н. экзотизмы.

При использовании заимствований, **имеющих русский эквивалент**⁵, они чаще всего актуализируются билингвами в ситуациях рассуждений об особенностях быта, своеобразии материальной и – реже – духовной культуры шорского народа: *Вот у меня старший сын, когда был маленьким, я его учила говорить, он помнил всё, что даже вот обиход в кухне ножик, там хлеб, всё он знал, а щас внука учу, ааа, он когда пришёл, говорю, покажи мне, где щаци, он говорит, «опять, вот щаци»* (Г.Н., с. 2)⁶; *Вот торговали вот они все время говорили на тувинцев, то есть по-нашему они соиннер, а хакасцы это сарейлер* (Р.С., в. 3); *«Бичик» – это значит букварь по-русски, то есть он и на русском и на шорском языке, да. С детьми мы изучаем* (Г.Н., с. 2); *У нас бабушка вот, ведь рассказывала сказки, что, это, шорчек, шорчек, по-шорски шорчек, а вот что что обозначает, не помню... да, шорчек – это сказка* (Г.Н., с. 2).

Респонденты в процессе разговора используют шорские лексемы и одновременно переводят их, подыскивая более точный эквивалент, зная, что собеседник не владеет шорским языком: *Харын, харын. Ну, харын – это внутренности, да, кишки, собственно* (Н.С., в. 2). Иногда респонденты сомневаются в эквивалентности понятий, что, например, отражено в следующем контексте: *Ой, не на солнышке, а это, солили и вешали в теньке, как бы объяснить, это были, по-шорски скажем «чане», а по-русски это будет, ну типа, наверное, шалаша* (Г.Н., с. 2).

В нашем материале доминируют два варианта коммуникативных ситуаций, способствующих появлению типа заимствований, имеющих русские переводные эквиваленты. Преобладают варианты актуализации заимствований в ответах на вопросы о своеобразии шорской культуры, как в следующем контексте: *Любая там болезнь, праздник это все равно идет через камлание и... надо понимать, что, ну, должен быть дар, чтобы вот так вот шаманить, камлать, это не так просто. А камлать и шамла... шаманить и камлать ну, это мы камлаем, так говорим* (Н.С., в. 2).

Второй вариант актуализации – в свободных беседах, стимулированных интересом интервьюеров к шорскому языку и культуре, в рассуждениях:

- о родстве тюркских языков: *Тюркский язык – очень близкий, но, например, мы говорим баиш, а они анчалы они говорят бас, мы говорим ээ аргыштад, а они говорят*

⁵ Рассматривая процесс заимствования как речевое явление, мы фиксируем заимствования респондентов из родного шорского языка, не ставя и не решая вопрос об этимологических корнях заимствования, о собственно шорском или общетюркском, или алтайском происхождении лексемы, транскрипция в корпусе осуществляется в русской графике, элементы шорского алфавита используются только в случаях переключения кодов, когда информант намеренно актуализирует отсутствие фонетической субституции, произношение респондентами отдельных слов может отличаться от зафиксированных в словарях.

⁶ Здесь и далее фрагменты речи приводятся из базы данных корпуса текстов тюркско-русских билингвов Южной Сибири, хранящейся в Лаборатории лингвистической антропологии ТГУ. Вследствие обязательств о конфиденциальности информации имена респондентов не приводятся. В корпусе информация хранится под кодовыми обозначениями, пользователю корпуса будут доступны только социолингвистически и психолингвистически релевантные характеристики информанта, личная идентификация недоступна. В данной статье контекст сопровождается инициальным идентификатором; фиксируется возраст на время записи; отнесённость к группе (1, 2, 3); образование (н – начальное, с – среднее, н-с – неполное среднее; с-с – среднее специальное, в – высшее).

аргызитат а у них *аргустав*, а у нас *авгастов* по шорски означает *лодырь* (И.А., в, 2);

- о своеобразии шорского языка по отношению к русскому, например, в следующем контексте информант рассуждает о наличии в шорском языке звука [ы]: Счастье – *ырыс*. *Ырыстых* – это счастливый. *Ырыстыхчи* – очастливленный... (И.А., в, 2);
- о своеобразии коммуникации в условиях билингвизма: Я ей показываю вот пальцем, я тут это самое, говорю, *шадр*, она тоже берёт палец и говорит по-русски: «*Половик*». Я повторяю: «*Половик*», – она повторяет: «*Шадр*» (В.С., с-с, 3).

Третья коммуникативная ситуация – ситуация коммуникативного сбоя; в этом случае в общей языковой ситуации абсолютного функционального доминирования русского языка в первую очередь актуализируется лексема родного языка, и на ходу, в актуальном времени ищется эквивалент в русском языке: Мелко нарезанная она вот такими вот маленькими [показывает руками], как сказать это *тегерик*, *круглешочками*, и засоленная (Н.С., в, 2).

Широко представлены в материалах корпуса речи шорских билингвов заимствования из шорского языка, не имеющие лексического эквивалента и идентичного концепта в русской языковой картине мира. При использовании в речи таких лексем, также понимая, что собеседник не знаком с использованной лексемой, наши собеседники, как правило, давали определения, характеризуя, чем отличается названное явление, предмет, событие: *Кюрмек*... с это... *кюрмек* с рыбой, *кюрмек* с колбой может, *кюрмек* с мясом. Это закрытый пирог. Когда на лист кладется тесто, а сверху рыба или мясо (У.Н., в, 2); Почему у нас ставили *арту*, то есть напиток, вместо кваса, жажду утоляло, очень вкусный напиток, а сейчас же почти никто не ставит, только в поисках ставили, больше нигде (С.Р., в, 3).

Абсолютно доминируют ситуации рассуждений респондентов о своеобразии национальной культуры: У них это называется *сабантуй*, наверное, *сабантуй*. А у нас *байрам* да, ага (Г.Н., с, 2); Ну да, конкурсы, ээ, национальная кухня, стан, национальные костюмы, и те же игры – *куреж*, спортивные мероприятия (Г.Н., с, 2).

При этом может возникать ситуация коммуникативного сбоя, связанная с поиском эквивалентов в русском языке, заканчивающимся описательным обозначением соответствующего референта: ...мы всегда скотину держали старики мы всегда говяжье мясо, у нас всегда было своё, потом *койлеп*, *койлеп*... шас на русский вспомню, как это будет. Иногда просто бывает, не могу переключиться, *койлеп*, так ... баранина, вот, вспомнила, думаю, ну как же (Н.С., в, 2).

В составе заимствований в речи наших информантов выделяется обширная группа *имен собственных*. При анализе этой группы заимствований мы опираемся на классификацию А. В. Суперанской, используя ее терминологию [25]. Из 13 классов в проанализированном материале выделяются:

- антропонимы** (имена собственные, идентифицирующие человека): Шорская, э шорское его имя *Наног*, *Наног*, шорское имя его *Наног*, а по-русски его зовут *Иван Захарыч*; А женские какие имена, например, национальные? ... Ну, *Начука*, допустим, это в переводе *Надежда*, вот, я – *Мария*, у меня *Марий*... *Марий*... можно было назвать. Ещё много (С.Г., в, 2);
- гидронимы** (названия водных объектов): Ну, эта по-русски это как э: извиваясь, текла *река Пызас*, я полюбила парня, когда был он в отлучке, сколько обо мне он подумал, сколько же раз он па-подумал обо мне (смеется); Страшное наводнение. *Мрассу*, река, огромная (Е.Н., в, 2);
- оронимы** (имена гор, холмов, низин и т. п.): Да. Но наверху там, карликовые деревья, потому что там постоянно ветра и морозы, а *Мустаг*, *Мустаг* он и был *Мустаг*; *Мустаг* это шифр названия, мусс, это лёд, так, это гора, ледяная гора (Г.Н., с, 2);
- ойконимы** (имена населенных мест): Нет, я в начальную школу... начальную школу три класса закончил в поселке *Чилису-анзас*; Ну, национальный парк, вот если с *Усть-Кабырзы* вы когда-нибудь соберётесь сплавляться, вот эту красоту вы увидите (С.Г., в, 2); Э... Да, работа. Потому что, вот *Мундыбаши* закрыли, и... ну, сам Тулеев – он вообще родом из *Мундыбаши*; А шас же там прям делают эти трассы через, вот, *Шерегеш*, и сразу *Чугунаш* (Е.Н., в, 2); Он из *Кизиса*. – *Кизис*... а это что, посёлок? ... Да, посёлок. Раньше там он большой был, там, как говорится, и магазины, и клуб, я помню, и школа – всё было (Т.З., с-с, 2);
- теонимы и мифонимы** (имена богов и мифологических персонажей): Ну дух огня... забыла как он называется. *Таэзи*? Не помню, как называется, просто волнуясь немножечко (смеется) (Э.Н., в, 1); Вот, а... шаманы, они являются а-эм... посредниками между людьми и между... наивысшим богом *Ульгеном*. У нас же *Ульген* там. ... Ну, почитаем духов, вот *Ульгена* и духов природы. И Тенгри тоже шас последнее время, как тенгрианство. Течение такое... есть же (М.А., в, 2); Ну *Альгудек*, в первую очередь, *Альгудек*, он всегда открывает праздник. *Альгудек* – это *богатырь*, да, шорский что вот, ааа, всегда вначале приходит *Альгудек*, тоже на коне приезжает, дают разрешение на проведение всего праздника (Г.Н., с, 2);
- этнонимы** (названия наций, народов, племен и т. п.): А в *Караголе*, где я училась, там семей 5 тоже было *кумандинцев*... Ну, видите, они делятся по *сеокам* (В.С., с-с, 3); *Кызай*, *Саддогич*, допустим, да... Шорке же вот, это все вот, почему, ээ, *каргэ* говорят. *Усть-Янзасс*, там в основном вот *сеок*, этот *каргэлер*, здесь *таиштер*, есть светлые, есть русые, есть вообще тёмные (Г.Н., с, 2);

- **хрематонимы** (названия предметов и продуктов духовной и материальной культуры, например, названия периодических изданий, названия книг и т. п.): ... Он в восемьдесят восьмом уже было узаконено и в восемьдесят восьмом году у нас вот здесь в Тештеготском районе начала выпускаться газета, которая называлась «**Кызил шор**» в переводе на русский означает «**Красная Шория**» (И.А., с, 2);
- **эргонимы** (названия предприятий, учреждений, союзов, обществ): Да. На таком уровне хорошем. Но друзья у неё только ансамбль «**Ак Чаяк**». С «**Чалтысом**» она не дружит (Е.Н., в, 2);
- **космонимы и астронимы** (имена зон вселенной и отдельных небесных тел) представлены в нашем материале единичными примерами, как правило, это единицы, ставшие основанием метафорического переноса при названии шорских общественных организаций, как, например, в реплике респондента, рассказывающей об ансамбле народного танца: «**Челтыс**» – это **звезда**. Светить – это... «**Челтыс**», то есть «**свети**» и «**звезда**» - одно слово. В обшем-то это звезда (З.И., с-с, 2).

Как видим, имена собственные, заимствованные из шорского / тюркских языков, представляют собой достаточно разнородную группу, количественно представленную в нашем материале неравномерно. Различаются и типовые коммуникативные ситуации, в которых было зафиксировано их употребление. Наибольшей широтой, наибольшим разбросом коммуникативных ситуаций актуализации в материалах корпуса характеризуются разные виды географических наименований, их актуализация может возникать самым естественным образом при характеристике жизни респондентов, членов их семей, событий, социальной и природной среды существования.

Степень освоенности принимающим языком

В литературе традиционно выделяют в качестве основных способов адаптации заимствований к языку-реципиенту фонетический, графический, грамматический, семантический [26; 27]. Полагаем, что важным показателем освоенности является функциональная экспансия слова в принимающем языке, выход за пределы конкретных речевых ситуаций собственно билингвального общения, а также жанровых и дискурсивных ограничений. Как показывает наш материал записей спонтанной речи билингвов, степень системно-языковой освоенности может не находиться в непосредственной корреляции с коммуникативной экспансией.

Например, слово шорского языка в речи наших респондентов может демонстрировать базовые признаки освоенности – фонетическую и грамматическую адаптацию к системе

русского языка. Респонденты, в совершенствовании владеющие русским языком, ситуативно легко в механизмах фонетической субституции и встраивания в морфологическую структуру адаптируют слово родного языка к системным закономерностям русского языка: И копали ведь не лопатами, а тяпками, вот были, ну основания были как у лопаты, так же да, **абыл**, вот этим как бы **абылем** (Г.Н., с, 2). О графическом освоении свидетельствуют официальные текстовые русскоязычные актуализации данного слова: слово **абыл** находим на сайте нацпроекта «Культура»: «Абылом называлось старинное земледельческое орудие труда, которое использовали для разрыхления почвы»⁷. И другие наименования феноменов материальной и духовной культуры шорцев, мифологические имена, названия произведений культуры и учреждений национальной культуры, актуализированные в нашем материале при обращении к соответствующей тематике в диалогах, в ответах на прямые вопросы, имеют ограниченную сферу распространения за пределами билингвальных речевых практик, как правило, будучи представлены в письменных и устных дискурсах о шорской культуре.

Среди имен собственных выделяется группа географических наименований, имеющая более широкую сферу распространения. Являясь официальными наименованиями географических, административных объектов, эти имена вошли в систему русского литературного языка, воспроизводясь в тематически неограниченных коммуникативных ситуациях.

При том что подавляющее большинство зафиксированных в нашем материале шорских заимствований относится к числу освоенных, в материале отмечены и вкрапления в русскую речь лексем шорского языка, актуализирующих в контекстах свою иносистемность. (О принципах разграничения в корпусе RuTuBic переключения кода и заимствований см. [28].) Отметим небольшое количество случаев таких контекстов, т.к. подавляющее большинство материалов корпуса представляют ситуации общения, когда билингв общался с интервьюером, не владеющим шорским языком. Ведущим показателем иносистемности является произношение лексем в соответствии с нормами шорской фонетики, реже – морфолого-синтаксическая обособленность единиц. Дополнительным маркером переключения кода могут быть указания на цитацию чужой или своей речи: А вот внук, он у меня русский, он меня понимает. Я говорю: «**Костя, кель пеере!**», – «**Иди сюда**» (Р.С., в, 3); И вот она не могла по-русски сказать: «Вот, пойдём домой, поменяемся, там это, игрушкой какой-нибудь». А, а она по-шорски говорила: «**Пульге парамас**». Это, **пурнас**, то есть, домой пойдём, поменяем (Г.Н., в, 2)⁸. Такие контексты интерпретируются нами как ситуации переключения

⁷ Абыл (Мотыга) шорский. Национальный проект «Культура». Режим доступа: <https://ar.culture.ru/ru/subject/abyly-motyga-shorskiy-1> (дата обращения: 10.10.2021).

⁸ Транскрипции и переводы шорских фрагментов подготовлены Д. М. Токмашевым.

кодов – переход говорящего с русского языка на шорский и снова на русский в линейном ряду развертывания речи. Абсолютное доминирование коммуникативных ситуаций, актуализирующих переключение кодов, – это ситуации рассуждения респондентов об особенностях шорской культуры и переход к обсуждению языкового маркирования культурного своеобразия, как в следующем фрагменте: *Ну, различные украшения чынча э..., на костные украшения – чынча..., ... ызырга – эта..., как эта... серьги... Эта..., чўстўк – эта... ... потом чўстўк* (С.Г., в, 2).

Заключение

Предметом нашего анализа была шорско-русская интерференция на лексическом уровне как речевое явление, охарактеризованы также варианты системно-языковой адаптации и степень функциональной экспансии проявлений лексической интерференции в систему русского языка. Результаты исследования согласуются с ранее полученными материалами на примере анализа других языковых пар о наличии соотнесенности тематических групп заимствований и особых дискурсов как коммуникативных каналов их вхождения в систему языка [29; 30]. Лексическая интерференция как речевое явление стимулируется особыми коммуникативными ситуациями, к числу которых относится и ситуация билингвального общения, тематическая направленность коммуникации, особенности языкового опыта коммуникантов.

К более общим, но весьма значимым факторам, влияющим на процессы интерференции, следует отнести тип языковой ситуации, характер функционального распределения языков: применительно к анализируемому материалу важным считаем несбалансированность языковой ситуации, функциональное доминирование русского языка.

Отмеченное нами ранее ограничение функций современного шорского языка, выполнение им функции средства домашнего, дружеского общения и маркера этнокультурной идентичности находит отражение в характере лексических интерферентных процессов. Значительная часть заимствований остается в статусе речевого явления, при вхождении в язык-систему такие заимствования характеризуются как функционально ограниченные, актуализируясь в дискурсах шорской этнокультурной идентичности.

Легкость системно-языковой фонетической и морфологической адаптации к системным закономерностям русского языка определяется высоким уровнем его освоения в исследуемом типе билингвизма, при котором второй

(русский) язык является освоенным на высоком уровне и функционально доминирующим.

Выделенные в соответствии с традицией группы безэквивалентных заимствований и заимствований, имеющих русскоязычные лексические соответствия, актуализируются в типовых коммуникативных ситуациях. Их иноязычность осознается говорящим и комментируется. Комментарии являются либо частью значительных по объему фрагментов беседы, посвященных метаязыковым рефлексиям информантов, стимулированных собеседниками, либо, появляясь спонтанно, актуализируют метаязыковые рефлексии «по случаю».

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Междунар. научн. конф. «Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения», посвященной памяти проф. Л. А. Араевой. Кемерово, 3–5 февраля 2022 г.

Acknowledgment: The article is based on the report presented at the International Scientific Conference Relevant Issues of Linguistics and Literary Studies held in Kemerovo on February 3–5, 2022, and dedicated to the memory of Prof. L. A. Araeva.

Финансирование: Исследование проведено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках проекта № 14.Y26.31.0014 «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур».

Funding: This study was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation as part of research topic "Linguistic and Ethnocultural Diversity of Southern Siberia in Synchrony and Diachrony: Interaction of Languages and Cultures", Grant No. 14.Y26.31.0014.

Литература / References

1. Мусаев К. М. Об отношении шорского языка к кыпчакским тюркским языкам. *Ученые записки Таврического национального университета имени В. В. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации*. 2014. Т. 27. № 3. С. 14–20.
2. Musayev K. M. About the relation of Shor language to Kipchak Turkic languages. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta imeni V. V. Vernadskogo. Seriya: Filologiya. Sotsialnye kommunikatsii*, 2014, 27(3): 14–20. (In Russ.)
3. Polinsky M., Kagan O. Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom. *Language and Linguistics Compass*, 2007, 1(5): 368–395. <https://doi.org/10.1111/j.1749-818X.2007.00022.x>

3. Резанова З. И. Образ языка в дискурсах этнолингвистической и этнокультурной самоидентификации у современных сибирских шорцев. *Interface – Journal of European Languages and Literatures*. 2020. № 13. P. 97–120. <https://doi.org/10.6667/interface.13.2020.118>
Rezanova Z. I. Modern Shors in Siberia – the image of language in the discourses of ethno-linguistic self-determination. *Interface – Journal of European Languages and Literatures*, 2020, (13): 97–120. (In Russ.) <https://doi.org/10.6667/interface.13.2020.118>
4. Языковая картина мира телеутов, науч. ред. Л. А. Араева, отв. ред. А. В. Проскурина. 2-е изд. Кемерово: КемГУ, 2018. 280 с. *The language picture of the world of Teleuts*, eds. Araeva L. A., Proskurina A. V. 2nd ed. Kemerovo: KemSU, 2018, 280. (In Russ.)
5. Араева Л. А., Ли С. И. Когнитивное моделирование языковой картины мира коренных народов Сибири (на материале фрейма «грибы»). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2020. Т. 19. № 4. С. 76–85. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.7>
Araeva L. A., Li S. I. Linguistic world view of the indigenous peoples of Siberia: cognitive modelling (exemplified by frame "mushrooms"). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 2020, 19(4): 76–85. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.7>
6. Араева Л. А., Ли С. И. Пропозициональное моделирование языковой картины мира (на материале разноструктурных языков). *Когнитивные исследования языка*. 2018. № 32. С. 126–133.
Araeva L. A., Li S. I. Propositional modeling of the construal of the world in typologically different languages. *Cognitive Studies of Language*, 2018, (32): 126–133. (In Russ.)
7. Араева Л. А., Керексibesова У. В. Уникальность языковой картины мира телеутов и теленгитов (на материале фрейма «обряд погребения»). *Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых и литературоведческих курсов*, науч. ред. Л. А. Араева. Кемерово: КемГУ, 2017. С. 8–13.
Araeva L. A., Kerekibesova U. V. The uniqueness of the language picture of the world of Teleuts and Telengits: the frame of "burial rite". *Problems of modern linguistics and methods of teaching language and literary courses*, ed. Araeva L. A. Kemerovo: KemSU, 2017, 8–13. (In Russ.)
8. Араева Л. А., Проскурина А. В. Язык и культура телеутов сквозь призму словообразования. *Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ: мат-лы Всерос. науч. конф. с Междунар. участием*. (Барнаул, 24–26 сентября 2020 г.) Барнаул: АлтГПУ, 2020. С. 200–203.
Araeva L. A., Proskurina A. V. Teleut language and culture through the prism of word formation. *Fundamental problems of the humanities: experience and development prospects of RFBR research projects*: Proc. All-Russian Sci. Conf. with Intern. Participation, Barnaul, 24–26 Sep 2020. Barnaul: AltSPU, 2020, 200–203. (In Russ.)
9. Араева Л. А., Калентьева Л. С., Кузнецова В. С., Тагаев М. Дж. Пропозициональная организация терминов некровного родства в телеутском, киргизском и китайском языках. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2016. № 3. С. 79–86. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-3-79-85>
Araeva L. A., Kalentieva L. S., Kuznetsova V. S., Tagaev M. J. Propositional organization of the terms of in-law relationships in the Teleut, Kirghiz and Chinese languages. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (3): 79–86. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-3-79-85>
10. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища шк., 1979. 263 с.
Weinreich U. *Language contacts: State and problems of research*. Kiev: Vishcha shk., 1979, 263. (In Russ.)
11. Нагель О. В., Темникова И. Г. Интерферентное влияние татарского языка в речевых практиках татарско-русских билингов. *Русин*. 2019. № 56. С. 213–225. <https://doi.org/10.17223/18572685/56/13>
Nagel O. V., Temnikova I. G. The Tatar language transfer in the speech of Tatar-Russian bilinguals. *Rusin*, 2019, (56): 213–225. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/18572685/56/13>
12. Араева Л. А., Проскурина А. В. Пропозиционально-семантическая организация деривационных систем языков коренных малочисленных народов России в аспекте изучения русского языка. *Восток-Запад: пересечения культур: II Всемирный конгресс*. (Киото, 2–6 октября 2019 г.) Киото: Tanaka Print, 2019. Т. 1. С. 569–576.
Araeva L. A., Proskurina A. V. Propositional-semantic organization of derivational systems of the languages of the indigenous peoples of Russia in the aspect of studying the Russian language. *East-West: intersections of cultures*. II World Congress, Kyoto, 2–6 Oct 2019. Kyoto: Tanaka Print, 2019, vol. 1, 569–576. (In Russ.)
13. Араева Л. А., Керексibesова У. В. Особенности разноязычного общения в селе Кош-Агач Республики Алтай. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2018. Т. 15. № 2. С. 269–276. <https://doi.org/10.22363/2312-8011-2018-15-2-269-276>
Araeva L. A., Kerekibesova U. V. Peculiarities of multilingual communication in Kosh-Agach district of the Republic of Altai. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniia: iazyki i spetsialnost*, 2018, 15(2): 269–276. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-8011-2018-15-2-269-276>

14. Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. Л.: Наука, 1972. 80 с.
Rosenzweig V. Yu. *Language contacts. Linguistic issues*. Leningad: Nauka, 1972, 80. (In Russ.)
15. Хауген Э. Языковой контакт. Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. С. 61–80.
Haugen E. *Language contact. New in linguistics. Iss. 6. Language contacts*. Moscow: Progress, 1972, 61–80. (In Russ.)
16. Лазаренко Л. А. Лексична інтерференція в усному румунському мовленні в Україні (лінгвістичний та соціолінгвістичний аспекти). *Монознавство*. 1996. № 2-3. С. 32–38.
Lazarenko L. A. Lexical interference in Romanian oral speech in Ukraine (linguistic and sociolinguistic aspects). *Monoznavstvo*, 1996, (2-3): 32–38. (In Ukr.)
17. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1966. 598 с.
Akhmanova O. S. *Dictionary of linguistic terms*. Moscow: Sov. entsikl., 1966, 598. (In Russ.)
18. Добродомов И. Г. Заимствование. *Лингвистический энциклопедический словарь*, гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: БРЭ, 2000. С. 158.
Dobrodomov I. G. Borrowing. *Linguistic encyclopedic dictionary*, ed. Yartseva V. N. 2nd ed. Moscow: GRE, 2000, 158. (In Russ.)
19. Muysken P. *Bilingual speech: a typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000, xvi+306.
20. Lipski J. M. Spanish-English code-switching among low-fluency bilinguals: Towards an expanded typology. *Sociolinguistic Studies*, 2014, 8(1): 23–55. <https://doi.org/10.1558/sols.v8i1.23>
21. Казакевич О. А. Документация исчезающих языков Сибири (на материале двух поселков Красноярского края). *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2006. № 3. С. 221–231.
Kazakevich O. A. Documentation of obsolescent languages of Siberia (based on the materials from two settlements in Krasnoyarsk Territory). *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*, 2006, (3): 221–231. (In Russ.)
22. Marian V., Blumenfeld H. K., Kaushanskaya M. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 50(4): 940–967. [https://doi.org/10.1044/1092-4388\(2007/067\)](https://doi.org/10.1044/1092-4388(2007/067))
23. Дыренкова Н. П. *Грамматика шорского языка*. М.-Л.: АН СССР, 1941. 307 с.
Dyrenkova N. P. *Grammar of the Shor language*. Moscow-Leningad: AS USSR, 1941, 307. (In Russ.)
24. Резанова З. И., Темникова И. Г., Некрасова Е. Д. Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие). *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 436. С. 56–68. <https://doi.org/10.17223/15617793/436/7>
Rezanova Z. I., Temnikova I. G., Nekrasova E. D. Dynamics of sociolinguistic processes in Southern Siberia mirrored in bilingualism (Russian-Shor and Russian-Tatar language interaction). *Tomsk State University Journal*, 2018, (436): 56–68. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/436/7>
25. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Либроком, 2012. 370 с.
Superanskaya A. V. *General theory of a proper name*. Moscow: Librokom, 2012, 370. (In Russ.)
26. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.
Krysin L. P. *Foreign words in the modern Russian language*. Moscow: Nauka, 1968, 208. (In Russ.)
27. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 888 с.
Krysin L. P. *Russian word: our own and someone else's*. Moscow: Iaz. slavian. kultury, 2004, 888. (In Russ.)
28. Резанова З. И. Фрагмент разметки в лингвистическом корпусе RuTuBiC. Переключение кода или лексическое заимствование? *Вопросы лексикографии*. 2021. № 20. С. 91–104. <https://doi.org/10.17223/22274200/20/5>
Rezanova Z. I. Markup fragment in the RuTuBiC linguistic corpus. Code-switching or lexical borrowing? *Voprosy Leksikografii*, 2021, (20): 91–104. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/22274200/20/5>
29. Букина Л. М., Лунькова Л. Н. Англицизмы в современных интернет-статьях на французском языке. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2015. № 2. С. 110–117.
Boukina L. M., Lunkova L. N. Anglicisms in the modern Internet articles in French. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2015, (2): 110–116. (In Russ.)
30. Кулешова Н. А. Англицизмы в испанских женских журналах. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2010. № 2. С. 34–41.
Kuleshova N. A. Anglicisms in Spanish women's magazines. *Russian Journal of Linguistics*, 2010, (2): 34–41. (In Russ.)

Оригинальная статья

Когнитивно-дискурсивное моделирование процессов языковой номинации

Тагаев Мамед Джакыпович

Киргизско-Российский Славянский университет им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина, Киргизия, г. Бишкек
mamed_tagaev@list.ru

Поступила в редакцию 02.12.2021. Принята после рецензирования 13.01.2022. Принята в печать 10.03.2022.

Аннотация: Вопрос о том, «как можно делать новые слова» (Л. В. Щерба), не имеет решения с позиций системно-структурной лингвистики, поскольку ее методология стремится максимально дистанцироваться от человеческого фактора и деятельности человека. В этой связи во вводной части статьи проводится анализ двух дериватологических концепций – Г. С. Зенкова, яркого представителя структурного направления в языкознании из Кыргызстана, и Л. А. Араевой, основателя Кемеровской дериватологической школы, отличием которой является антропоцентрическая направленность. В основной части статьи описываются процессы переработки знания и закрепления их способами морфемной, семантической и синтаксической деривации. Проводится мысль о том, что национально-культурный компонент в лексическом значении мотивированных слов, создаваемых путем морфемной и семантической деривации, закладывается и формируется в условиях типизированной когнитивно-дискурсивной ситуации, что обнаруживается при рассмотрении ее с позиций других языков. Язык возникает, развивается и функционирует по меркам не абстрактного человека, а конкретного, причем с учетом национально-культурного, ландшафтного и хозяйственного пространства, в котором исторически формируется этнос. Следовательно, процессы создания новых слов не могут изучаться абстрактно и формально, а должны рассматриваться как ответ на запросы и вызовы конкретного этнического коллектива.

Ключевые слова: деривация, пропозиционально-фреймовый анализ, типизированная ситуация, мотивация, системно-структурный подход, человеческий фактор, антропоцентрическая лингвистика

Цитирование: Тагаев М. Дж. Когнитивно-дискурсивное моделирование процессов языковой номинации. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 2. С. 186–193. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-186-193>

Full article

Cognitive-Discursive Modeling of Language Nomination

Mamed Dzh. Tagaev

Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyzstan, Bishkek
mamed_tagaev@list.ru

Received 2 Dec 2021. Accepted after peer review 13 Jan 2022. Accepted for publication 10 Mar 2022.

Abstract: Systemic and structural linguistics has no answer to the question of how one can make new words, as formulated by Prof. L. V. Shcherba. Its methodology strives to distance itself from the human factor and human activity. The present article introduces an analysis of two derivatological concepts. The first one was developed by G. S. Zenkov, a prominent representative of the structural direction in Kyrgyz linguistics. The second belonged to L. A. Araeva, the founder of the Kemerovo derivatological school with its anthropocentric orientation. The processes of knowledge processing are consolidated by means of morphemic, semantic, and syntactic derivation. The national and cultural component of lexical meaning of motivated words, created by morphemic and semantic derivation, develops in a particular cognitive and discursive situation. This situation becomes clear if approached from the standpoint of another language. A language appears, develops, and functions not by the standards of an abstract person, but by those of a particular language user as part of a particular national, cultural, natural, and economic environment that gave rise to a particular ethnos. Consequently, the processes of creating new words cannot be studied abstractly and formally, but only as a response to the requests and challenges of a particular ethnic community.

Keywords: derivation, propositional-frame analysis, typified situation, human factor, motivation, systemic-structural approach, anthropocentric linguistics

Citation: Tagaev M. Dzh. Cognitive-Discursive Modeling of Language Nomination. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(2): 186–193. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-186-193>

Введение

Л. А. Араева, известный ученый и необыкновенная личность, щедро делившаяся своими знаниями, идеями с коллегами и учениками, открыла новые горизонты в развитии словообразовательной когнитологии, заострив внимание на том непреложном факте, что процессы создания новых слов непосредственным образом связаны с человеческим фактором. Созданная ей Кемеровская дериватологическая школа, которой она руководила в течение многих лет, внесла огромный вклад в словообразовательную науку и теорию номинации. Как лидер этого направления Л. А. Араева придала новый импульс словообразовательной науке, благодаря чему совершился ее кардинальный разворот в сторону антропоцентрической лингвистики. Исследования К. М. Аносова, А. Г. Антипова, О. А. Булгаковой, Э. С. Денисовой, И. В. Евсеевой, П. А. Катышева, М. Н. Образцовой, М. А. Осадчего, А. В. Проскуриной и других ученых, относящих себя к представителям этой научной школы, находятся в центре внимания лингвистов Кыргызстана.

Можно провести некоторые параллели словообразовательной концепции Кемеровской дериватологической школы с учением о словообразовании профессора Г. С. Зенкова (Кыргызстан). Эти теории являются двумя крайними полюсами в методологических подходах к описанию и объяснению процессов языковой номинации.

Для Г. С. Зенкова единственно значимым было понимание языка как имманентной системы, когда язык, следуя известному выражению Ф. де Соссюра, изучается «в самом себе и для себя». Главная цель его учения – обоснование теоретической концепции относительно устройства и функционирования словообразовательной системы языка, состава структурно-функциональных единиц, положенных в основу ее описания. В одной из своих основополагающих работ еще в 1969 г. Г. С. Зенков писал, что «общая теория словообразования до сих пор не обсудила по-настоящему вопроса о принципах организации словообразовательных элементов в систему» [1, с. 7]. Над решением этой проблемы ученый работал на протяжении всей жизни. Концепция Г. С. Зенкова относительно системного устройства словообразовательного уровня языка получила окончательное завершение в его монографии 2004 г. [2].

Согласно концепции, словообразовательный ярус языка имеет два уровня членения: структурологический и генератологический. Структурологический уровень описывает результаты словообразовательного процесса, которые представлены в языке как лексический корпус из мотивированных слов. Основным методом изучения структуры мотивированных слов является анализ, а цель такого анализа – определить инвентарь морфем и провести их идентификацию на основании функционального тождества.

При генератологическом описании внимание исследователя переключается со структуры готовых слов на процессуальные стороны их создания. Для описания этих процессов необходимо было привлечение такой структурно-функциональной единицы, которая наилучшим образом отражала бы и динамику этих процессов, и синхронические отношения словообразовательной выводимости одной единицы из другой. Единицей, отвечающей данным условиям, явился словообразовательный тип, использование которого для системного описания словообразования оказалось настолько плодотворным и эффективным, что во многих грамматиках, в том числе и в академической (1980 г.), словообразовательная система была представлена как «совокупность словообразовательных типов языка в их взаимодействии»¹.

Постановка проблемы

Несмотря на достигнутые успехи, словообразование оставалось наукой описательной, т.к. ученые фиксировали языковые факты как таковые и не пытались их объяснить или находили объяснение в рамках имманентной лингвистики, методологические принципы которой не давали исследователю возможности выхода из строго очерченных рамок. Концепция Г. С. Зенкова была направлена на то, чтобы «описать потенциальные возможности, заложенные в языке как системе функциональных инвариантов, и установить закономерности актуализации (точнее – предрасположенности, способности актуализации) этих инвариантов на уровне нормы языка» [2, с. 254]. Чувствуя, что системно-структурная лингвистика не способна объяснить мотивы создания новых слов, ученый часто сравнивал словообразовательные процессы с механизмом действия «черного ящика», который вскрыть невозможно, а о том, что в нем делается, можно было судить по результатам, получаемым на выходе, т.е. по производным единицам². Ограниченность методологии системно-структурной лингвистики заключалась в том, что она, стремясь к максимальному нивелированию человеческого фактора в языке, к фактам, имеющимся на входе и выходе, относилась только к тем, которые постулировались внутренней лингвистикой как принадлежащие сфере формальной логики. «Такая точка зрения верна только в том случае, если участниками коммуникации являются неодушевленные механизмы. Диалог предполагает принципиальное коммуникативное равенство участников общения и не сводится только к передаче информации. Это не столько обмен мыслями, сколько установление общего смыслового поля» [3, с. 29].

Естественно, на таких основаниях невозможно было объяснить механизм действия «черного ящика», т.е. работу человеческого мозга по созданию новых слов, где берет свое начало язык как «мир, лежащий между миром внешних

¹ Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология, гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. С. 135.

² Система, которую представляют как «черный ящик», рассматривается как имеющая некий «вход» для ввода информации и «выход» для отображения результатов работы, при этом процессы, происходящие в ходе работы системы, наблюдателю неизвестны.

явлений и внутренним миром человека» [4, с. 304], где большей частью взаимодействуют явления нелингвистического порядка, такие как образное мышление, восприятие, интенции, аксиология, ассоциации, воображение, эмоции, в совокупности создающие национально-культурное видение мира. Именно эти факторы становятся «духовной силой» (или движущей энергией), активно влияющей на процессы создания и языковой номинации смыслов, в том числе и словообразовательными способами.

Выдвинув функциональный принцип в основу организации системы словообразования, Г. С. Зенков на генератологическом (процессуальном) уровне подвел множество однофункциональных словообразовательных типов под функционально-семантическую единицу более высокой степени абстракции – дериватему, которая обобщает и фокусирует в себе словообразовательные значения целого ряда словообразовательных типов, отвлекаясь от них по линии словообразовательных средств. В одну дериватему входят словообразовательные модели, по образцу которых созданы производные слова типа *грязнить, желтить, пьянить, рыхлить*, в другую – модели, включающие дериваты типа *выпрямить, высветить, укрупнить, обогатить* и т. д. Основанием для выделения такой категории служат конкретные производные слова со словообразовательным значением «наделять признаком, названным мотивирующим прилагательным».

Как отмечает Л. А. Араева, «для структурно-системной лингвистики, равно как и для когнитивной, первостепенную значимость имеет рассмотрение языковых фактов в рамках модели (категории)» [5, с. 23]. Следовательно, дериватема Г. С. Зенкова тоже носит категориальный характер и является результатом функционального осмысления словообразовательных значений, что также имеет отношение к мыслительной деятельности человека, только на абстрактно-логическом уровне, т. к. «мозг человека работает по аналогии... в таких категориях, как словообразовательные типы» [6, с. 38]. В силу абстрактного характера дериватема способна классифицировать словообразовательные факты как результат деривационного процесса, но не может объяснить мотивы и природу их возникновения.

Человеческий фактор в дериватологии

Методология антропоцентрической лингвистики коренным образом изменила подходы к изучению языка, поскольку ее онтологические основания позволяют привлечь человеческий фактор к описанию языка не как к результату, а как к процессу в том понимании, какое мы встречаем у В. фон Гумбольдта: «По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее. <...> Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а сама деятельность (Energeia)» [4, с. 70]. Если язык – это деятельность, то он никак «не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем» [7, с. 6].

Анализируя концепцию Э. Бенвениста, Ю. С. Степанов формулирует положение, которое считается отличительной чертой антропоцентрического направления в языке: «Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» [8, с. 15]. Отметим, что язык возникает, развивается и функционирует по меркам не абстрактного человека, а конкретного, причем с учетом национально-культурного, ландшафтного и хозяйственного пространства, в котором исторически формируется этнос, т. к. «язык и жизнь суть неразделимые понятия» [4, с. 112]. Следовательно, процессы создания новых слов не могут изучаться абстрактно и формально, а должны рассматриваться как ответ на запросы и вызовы конкретного этнического коллектива. «Язык, какую бы форму он ни принимал, всегда есть духовное воплощение индивидуальной жизни нации» [4, с. 72]. Язык представляется лингвокультурным кодом, своеобразным ключом к пониманию языковой картины мира [9, с. 56].

Таким образом, если мы активно вводим фактор человека в методологию описания живого языка, то мы не можем не учитывать особенности национальной психологии и этнокультурные особенности нации, которые отражаются в семантике и прагматике языковых форм, создавая неповторимую идиоматичность языка. Сложность изучения второго языка обусловлена не только своеобразием его грамматического строения, но и тем, как человек видит и интерпретирует мир. Не случайно В. фон Гумбольдт сравнивал процесс овладения другим языком с занятием иной позиции в прежнем видении мира [4, с. 80].

При этом важно заметить, что другая позиция наблюдателя обнаруживается при условии, если описываемый язык рассматривается через призму другого языка, в сравнении с которым вскрывается идиоматичность первого. Носитель родного языка сам не способен осознать и заметить его своеобразие, поскольку он настолько врос в его стихию, формы и языковую семантику, что и не представляет, как это могло быть иначе.

Семантическая сторона каждого национального языка стремится воплотиться в языковых знаках, создать свое идиоматичное национально-культурное пространство, содержание которого отражает образ мира в представлении членов данного языкового коллектива. Между людьми, погруженными в это пространство, создается общая интертекстуальность, синергетичность, облегчающая взаимопонимание, процессы идентификации и категоризации языковой личности по принципу фамильного сходства. Этим целям служит индивидуальность слов, которые «в разных языках, даже обозначая в целом одинаковые понятия, все-таки никогда не бывают в подлинном смысле синонимами» [4, с. 181]. Эта индивидуальность создается за счет различия способов видения одного и того же предмета разными языками для удовлетворения внутренних потребностей этноса. Например, представители тюркских народов видят в печени человека (кирг. *боор*) средоточие родственных чувств,

а через призму его внутренних органов (кирг. *ич* 'живот, желудок') – свои ощущения, переживания, а также используют название этого органа для характеристики моральных качеств человека³. Не случайно тюркские языки называют «печеночными» языками.

СГ *боор* 'печень' в киргизском языке

боорум (моя печень) 'родной, единокровный'
бооркер (имеющий отношение к печени) 'отзывчивый, склонный поддерживать родственные отношения'
боордош (имеющий единую печень) 'дружественный'

СГ *ич* в киргизском языке

ичим ачышат (внутренности, словно посыпаны солью) 'сожалею, скорблю'
ичим чыкпайт (внутренности не сходятся) 'не доверяю, не верю'
ичим күйөт (внутренности горят) 'сильно переживаю'
ичи тар (внутренности тесные) 'завистливый, скупой'
ичи кенен (внутренности вместительные) 'добрый, щедрый'

Каждый этнос производит такую категоризацию и национально-культурную интерпретацию фактов окружающего мира средствами языка, которая максимально обеспечивает процессы, связанные с выживанием и развитием данного общества. Поэтому источником формирования семантики языковых форм в первую очередь является сама жизнь и человеческая деятельность, без связи с которыми язык становится мертвым. Даже мертвые языки при обретении ими связи с непосредственной действительностью «мгновенно возвращаются к жизни» [4, с. 112]. Примером такого возрождения может служить иврит. Таким образом, жизнь питает язык энергией, придает ему импульс для развития.

С этой точки зрения наиболее тесная и очевидная связь с жизнью обнаруживается у словообразования, которое отличается динамичным и процессуальным характером, определяя своеобразие и идиоматичность каждого языка. Основываясь на том, что «никогда нельзя полностью определено установить, ...с какой степенью методической точности он [язык] переходит от исходных понятий к производным», В. фон Гумбольдт называл словообразование самой глубокой и загадочной сферой языка [4, с. 112–113]. Надо полагать, что загадочным является как собственно словообразование, так и все процессы языковой номинации, общая цель которых – воплотить некий смысл в языковом знаке.

Современная наука, в том числе и лингвистика, стремится не только к междисциплинарности, но и к интегративности. «Лишь интегративный характер современных лингвистических исследований позволит создать такой сложный, многомерный, уникальный лингвистический образ языка» [10, с. 348]. Поэтому имеет смысл объединить в целях языковой типологии механизмы морфемной и семантической деривации, т. к. с точки зрения когнитивной

лингвистики их лингвистическая природа одинакова, «различна лишь роль в них единства акустической оболочки и акустического образа слова» [11, с. 219], см. также [12–15]. Смысл, созданный способом морфемной деривации в одном языке, в другом может быть получен путем семантического словообразования. Ср., рус. *выступ* 'выдающаяся вперед часть чего-л.' (морфемный дериват) и кирг. *тумшук* 'клюв, морда, рыло' – перен. *выступ* (вторичная номинация (метафора), семантический дериват). Например, *Тетиги тумшуктун учунда чөп арасында отурган эки кишини көрдүңбү?* – Видишь тех двоих, которые сидят на краю выступа среди трав? Один и тот же факт реального мира носителями разных языков был увиден и осмыслен по-разному.

Таким образом, лексическое значение мотивированного слова формируется как результат национально-культурной интерпретации и осмысления когнитивно-дискурсивной ситуации, в которой создается новый концепт, требующий соответствующего означивания. Внутренней пружиной его появления является потребность экономно закрепить в мотивированном слове в соответствии с запросами общества содержание, вначале представленное в форме пропозиции.

В этой связи не лишне задаться вопросом, откуда берутся и как формируются смысловые наращения, создающие национально-культурную идиоматичность слова. Ответ заключается в тесной связи процессов языковой номинации с жизнью, в соответствии с которой происходит переработка человеческого знания и опыта в мотивированные знаки. В этой связи целью настоящей статьи является попытка объяснить процессы языковой номинации и семиозиса языкового знака с позиций антропоцентрической лингвистики.

Говоря о том, что сущность языка не исчерпывается его грамматической структурой, В. фон Гумбольдт писал, что «его более своеобразный и подлинный характер покоится на чем-то гораздо более тонком, сокровенном и менее доступном для анализа» [4, с. 162]. Метод пропозиционально-фреймового моделирования, разработанный Л. А. Араевой и ее научной школой, позволяет исследовать «это сокровенное и менее доступное для анализа» – работу человеческого мозга; вскрыть механизм действия «черного ящика» по созданию новых слов с учетом национально-культурных особенностей этноса. Объектом исследования явился эмпирический материал, извлеченный из толковых, морфемных и словообразовательных словарей русского и киргизского языков, а также наблюдения за дискурсивной деятельностью носителей этих языков.

Результаты и обсуждение

Метод пропозиционально-фреймового моделирования исходит из допущения, что на самом абстрактном, глубинном уровне все языки устроены одинаково, а в их основе лежат универсальные для всех языков структурно-логические схемы в форме пропозициональных структур (ПС).

³ Кыргыз тилинин сөздүгү, түз. И. Абдувалиев, А. Акматалиев. Бишкек: Avrasya Yayınları, 2010. 1460 б. (Dictionary of the Kyrgyz language.)

Благодаря ПС возможен перевод с одного языка на другой, взаимопонимание между носителями разных языков и культур. Л. А. Араева и соавторы считают, что «Оязыковленные суждения (пропозиции), репрезентированные в границах пропозициональных структур, оказываются в плену конкретного языка, формируются с помощью тех грамматических средств, которые характерны для того или иного языка и тех культурных традиций, которые веками складывались у того или иного народа и запечатлены в его языке» [16, с. 50]. Представим процессы развертывания абстрактных ПС в языковые пропозиции и закрепление их в лексической системе языка (рис. 1).

Рис. 1. Пропозиционально-фреймовое моделирование
Fig. 1. Propositional frame modeling

Когда необходимо обозначить какую-либо ранее неизвестную вещь или факт из дискурсивной ситуации, человек на начальном этапе использует ословненное суждение в форме развернутой пропозиции, одновременно насаивая на нее свое восприятие и оценки, образы, ассоциации, эмоции, в результате чего создается национально-культурный фон данного концепта.

Созданию слова всегда предшествует какая-либо актуальная для этнического коллектива типизированная ситуация, в которой зарождается концепт. Говоря о роли практической деятельности (ситуации) для концепции Л. С. Выготского во вступительной статье к его сочинениям, А. Н. Леонтьев писал: «Вместо библейского "Вначале было слово" Гёте пишет "Вначале было дело". Для Выготского в проблеме генеза мышления логическое ударение смещается на слово "вначале". Итак, вначале было дело (практическая деятельность), которое опосредовалось словом» [17, с. 31]. Смысл, выделенный и обозначенный с помощью пропозиции, с течением времени становился стереотипным суждением, обретал свойства концепта, т.к. «возникновение слова есть не одномоментный целенаправленный акт, результатом которого является новая лексическая единица (ее модель заранее известна творцу новообразования), а естественный коммуникативно-речевой акт, протяженный во времени и отражающий путь деривационного развития слова» [18, с. 39].

У человека появляется мотив к наречению некоего факта в условиях типизированной когнитивно-дискурсивной ситуации (рис. 2). Далее в его сознании возникает соответствующий

образ, подпитанный национально-культурными фоновыми знаниями. На следующем этапе человек пытается передать данный концепт в форме пропозиции, из которой бессознательно выбирается актуальный мотивировочный признак, закладываемый в основу процесса номинации. Так, слово *школьник* было создано путем свертывания ословленного суждения (пропозиции), передающего ситуацию 'тот, кто учится в школе'. Из этой пропозиции, следуя логике Н. В. Крушевского, «мы выбираем ... качество, кажущееся нам в данное время более важным, берем уже существующее слово, обозначающее что-нибудь родственное этому качеству, и из него делаем название нашему предмету» [19, с. 395]. В пропозиции *человек учится в школе* ключевыми являются слова *школа*, *учится*, которые и становятся мотивировочными признаками для производных слов *школьник*, *ученик*, *учащийся*. В киргизском языке выстраивается пропозиция *мектепте окуган бала*, в которой для коллективного сознания киргизов мотивировочным признаком становится лишь слово *окуган* 'учится', от которого образуется слово *окуучу* 'ученик'. Система киргизского языка допускает создание искусственного новообразования на базе мотивировочного признака *мектепчи** 'школа', в котором мог ситуативно закрепиться один из смыслов: директор школы, учитель или школьник, однако этого не произошло.

По Н. В. Крушевскому, «мало-помалу, вследствие продолжительного употребления, слово соединяется в такую неразрывную связь с представлением о вещи, что становится собственным и полным ее знаком, приобретает способность всякий раз возбуждать в нашем уме представление о вещи со всеми ее признаками» [19, с. 395]. Методом пропозиционально-фреймового моделирования становится возможным определить национально-культурную специфику когнитивной дефиниции, цель которой – описать, как носители того или иного языка понимают и интерпретируют

Рис. 2. Этапы семиозиса смысла в мотивированную единицу
Fig. 2. Stages of folding (semiosis) of meaning into a motivated unit

факты и явления окружающей действительности и используют эти смыслы для создания языковой картины мира. Эти смыслы актуализируются, становятся принадлежностью и типизированным значением языкового знака, которое с течением времени входит в языковое существование человека, отражая его жизненный опыт, чувства и мысли [20, с. 547].

В отношении мотивированных слов отметим, что типизированное значение словообразовательной структуры слова и дополнительные семантические компоненты, отражающие дискурсивную специфику применения мотивированного слова, сплавляются в единое лексическое значение слова, которое превращается в сознании носителя языка в мотивированный стереотип, обладающий национально-культурной ценностью. Стереотип – это представление о предмете, сформированное в коллективном языковом сознании, а ценность – «это то, что для человека и сообщества считается хорошим, ценным» [21, с. 217]. Мотивированные стереотипы создаются: 1) с ориентацией на лексико-словообразовательный образец; 2) с опорой на модель отношений словообразовательной производности [22, с. 49].

К первой группе мотивированных стереотипов относятся производные единицы со значением наименования мяса животных, птиц и рыб: *баранина, конина, свинина, курятина, осетрина*. Когнитивная дефиниция, отраженная в словарях различного типа, показывает, что стереотипные образы этих предметов обладают примерно одинаковым набором общих признаков в языковом сознании носителей разных языков, различаясь глубиной и степенью детализации знаний об этих предметах. К примеру, если для русского человека баранина – это всего лишь мясо данного животного, то для киргиза каждая часть туши барана, разделанного по определенным правилам, имеет ритуальный смысл. Что касается конины, то здесь на первый план выдвигается ценностная составляющая данного концепта, которая определяется средой проживания этноса, родом его занятий, национально-культурными традициями. В архетипах сознания киргизов и казахов утвердилось представление, что *чучук* 'конская колбаса' и *карта* 'прямая кишка лошади' являются лакомыми блюдами. Наличие подобной коннотации обусловлено тем, что эти кочевые народы, испокон веков занимавшиеся скотоводством, предпочитали есть мясо не любой лошади, а молодой, которую специально откармливали для забоя. На свадьбах и поминках до сих пор широко используют блюда из мяса этих животных для угощения многочисленных гостей.

В русском языковом сознании отношение к конине прямо противоположное: конское мясо не входит в предпочтения русских людей. Ср.: *Конина – и то раз в день... то есть,*

что я ... раз в неделю, говорю, конину едим (Е. И. Замятин); *Мяса почти нет совсем, оно очень дорого, да и то это – конина или малопитательная телятина или баранина* (С. Б. Веселовский)⁴.

Ко второй группе мотивированных стереотипов относятся слова с различной лексической семантикой, что позволяет отразить все многообразие модусов окружающего мира, множество различных ситуаций. Ср., слова киргизского языка, созданные по модели "глагол + ме (аффикс)" и реализующие ПС 'действие – результат действия': *кес* 'резать' – *кесме* 'лапша'; *тер* 'собирать' – *терме* 'импровизация без определенной темы'; *төк* 'лить' – *төкмө акын* 'певец-импровизатор (льется у него песня)'; *жар* 'дробить' – *жарма* 'похлебка из дробленого жареного зерна (пшеницы или ячменя, приправленная молоком, жиром, а также без приправы)' [23, с. 162].

Заключение

Мотивированное слово создается не само по себе, вне времени и пространства, а как результат отражения типизированной коммуникативной ситуации, компоненты которой (предметы, признаки, действия и др.) говорящий стремится обозначить. На значение, репрезентируемое словообразовательной структурой слова, накладываются дополнительные смыслы как результат отражения когнитивно-дискурсивной ситуации, в которой сформировалось слово. Они суживают и лексикализуют смысл мотивированного слова, делая его индивидуальным. Так, слово *кесме* могло обозначать любой предмет, полученный как результат действия *кес* (нарезанную бумагу, хлеб, стружки, овощи и др.). Однако благодаря дополнительным смыслам, приобретенным из внеязыковой действительности в определенной когнитивно-дискурсивной ситуации, слово *кесме* содержит в себе именно то знание о мире, которое закрепилось в сознании носителей языка (т. е. 'лапша'), в котором при употреблении слова одновременно всплывают все сопутствующие смыслы, отображается его национально-культурная специфика, определяющая стратегию и тактику речевого поведения.

Интересно заметить, что соотносительные по семантике концепты, создаваемые путем осмысления пропозиций того или иного языка, могут по-разному означаться в разных языках. Например, *кесме* 'лапша' в киргизском языке – результат морфемной деривации, в то время как соотносительное с ним русское слово *лапша* появилось в процессе первичного означивания концепта. Однако в русском языке образная составляющая данного концепта оказалась значимой в качестве мотивировочного признака, благодаря чему слово *лапша* активно используется в качестве источника процессов вторичной номинации⁵.

⁴ Примеры взяты из Национального корпуса русского языка. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 25.11.2021).

⁵ Лапша. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/180591/%D0%9B%D0%B0%D0%BF%D1%88%D0%B0> (дата обращения: 25.11.2021).

Лапша	
Первичная номинация	Вторичная номинация
1) изделие из пресного теста в виде узких тонких полосок	1) обрезки бумаги, ткани
2) кушанье, приготовленное из такого изделия	2) бесхарактерный, безвольный человек
	3) оценка чего-либо как выполненного небрежно, неточно, так, что концы с концами не сходятся

В тех случаях, когда еще не завершился процесс лексикализации значения, дополнительный смысл, черпаемый из внеязыковой действительности, может получить вербальное обозначение, в результате чего создаются номинативные словосочетания. Например, в дискурсе киргизской речи можно услышать уточнения выводимого значения: *ас* – ‘висеть’ – *асма* ‘висячий’. Слово *асма* не привязано жестко к какой-либо ситуации, поэтому приходится дополнять его смыслами, относящими слово к той или иной ситуации: *асма көпүрө* ‘висячий мост’, *асма үкөл* ‘висячий укол, капельница’. При этом обратим внимание на то, что ключевой мотивировочный признак из пропозиции избирается говорящим бессознательно, произвольно, и он может быть различным для разных языков. Ср., кирг. *асма үкөл* ‘висячий укол, капельница’ (мотивировочный признак опирается на слово *ас* – ‘висеть’ из пропозиции *бир нерсеге асылып, тамчылап берилген укол*); рус. *капельница* ‘прибор, устройство, откуда капает жидкость тонкой струей’ (актуальным в пропозиции становится признак ‘капать’, легший в основу создания слова). Как только данное слово закрепится за одной из ситуаций,

необходимость в пояснительном слове отпадет, как это случилось со словами *кесме*, *терме*, *жарма* и др.

Понятия *мотивация* и *мотивировочный признак* относятся к одним из базовых принципов в организации элементов в систему языка. Они рождаются на пропозиционально-фреймовом уровне и служат целям генерирования слова, в процессе которого, по А. С. Выготскому, «мысль совершается в слове, а не выражается только в нем» [17, с. 162].

Способность мотивированного слова приспосабливать системное значение семантической структуры к отображению конкретной реальности, дополняя его наращенными смыслами, делает язык гибким орудием человеческой мысли, способным передавать и описывать все разнообразие мира.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Междунар. научн. конф. «Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения», посвященной памяти проф. Л. А. Араевой. Кемерово, 3–5 февраля 2022 г.

Acknowledgment: The article is based on the report presented at the International Scientific Conference Actual Issues of Linguistics and Literary Studies, held in Kemerovo on February 3–5, 2022, and dedicated to the memory of Prof. L. A. Araeva.

Литература / References

1. Зенков Г. С. Вопросы теории словообразования. Фрунзе: Б. и., 1969. 165 с.
Zenkov G. S. *Theory of word formation*. Frunze, 1969, 165. (In Russ.)
2. Зенков Г. С. Принципы организации словообразовательных элементов в систему и возможности ее описания. Бишкек: КРСУ, 2004. 346 с.
Zenkov G. S. *Principles of organization of word-building elements into a system and the possibilities of its description*. Bishkek: KRSU, 2004, 346. (In Russ.)
3. Карасик В. И. Биосоциальная сущность языка в лингвокультурологическом аспекте. *Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования*, отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2012. Вып. 17. С. 25–37.
Karasik V. I. Biosocial essence of the language in the linguaculturological aspect. *Cognitive linguistics and conceptual studies*, ed. Pimenova M. V. Kemerovo: KemSU, 2012, iss. 17, 25–37. (In Russ.)
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
Humboldt W. von. *Selected works on linguistics*. Moscow: Progress, 1984, 397. (In Russ.)
5. Араева Л. А. Аргументация языковых фактов в аспекте антропоцентрической парадигмы. *Лингвистика как форма жизни*, под ред. П. А. Катыхшева, Т. В. Артёмовой. М.: Ленанд, 2015. Вып. 3. С. 21–46.
Araeva L. A. Argumentation of linguistic facts in the aspect of the antropocentric paradigm. *Linguistics as a form of life*, eds. Katyshev P. A., Artemova T. V. Moscow: Lenand, 2015, iss. 3, 21–46. (In Russ.)
6. Араева Л. А. Словообразовательный тип. М.: Либроком, 2009. 272 с.
Araeva L. A. *Word-formation type*. Moscow: Librokom, 2009, 272. (In Russ.)
7. Кравченко А. В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: ИГУ, 1996. 160 с.
Kravchenko A. V. *Language and perception: cognitive aspects of linguistic categorization*. Irkutsk: ISU, 1996, 160. (In Russ.)
8. Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. *Общая лингвистика*, под ред. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. С. 5–16.

- Stepanov Iu. S. Emile Benveniste and linguistics on the path of transformation. *General linguistics*, ed. Stepanov Iu. S. Moscow: Progress, 1974, 5–16. (In Russ.)
9. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта; Наука, 2016. 180 с.
Maslova V. A., Pimenova M. V. *Linguistic culture codes*. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 180. (In Russ.)
10. Сабитова З. К. Новые лингвистические направления XX–XXI вв. *Język i metoda*. 2012. № 1. С. 347–360.
Sabitova Z. K. New linguistic directions of the XX–XXI centuries. *Język i metoda*, 2012, (1): 347–360. (In Russ.)
11. Щербак Н. Н. Семантическое словообразование как лингвистическая проблема. *Омский научный вестник*. 2006. № 1. С. 215–220.
Shcherbakova N. N. Semantic word formation as linguistic problem. *Omskiy nauchnyy vestnik*, 2006, (1): 215–220. (In Russ.)
12. Тагаев М. Дж. Морфемно-словообразовательный словарь как тип когнитивно-дискурсивного описания функционирования неродного языка. *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология*. 2004. Т. 17. № 1. С. 44–51.
Tagaev M. Dzh. Morphemic-derivative dictionary as a type of cognitive-discursive description of the functioning of a non-native language. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya: Filologiya*, 2004, 17(1): 44–51. (In Russ.)
13. Тагаев М. Дж. Полипарадигмальное описание морфемики и словообразования (на материале русского и киргизского языков). Бишкек: КРСУ, 2004. 282 с.
Tagaev M. Dzh. *Polyparadigm description of morphemics and word formation in the Russian and Kyrgyz languages*. Bishkek: KRSU, 2004, 282. (In Russ.)
14. Бутакова Л. О. Природа семантической деривации: когнитивный аспект. *Семантическая деривация и ее взаимодействие с морфемной*, ред. Б. И. Осипов. Омск: ОмГУ, 2003. С. 20–35.
Butakova L. O. The nature of semantic derivation: the cognitive aspect. *Semantic derivation and its interaction with morphemic*, ed. Osipov B. I. Omsk: OmSU, 2003, 172. (In Russ.)
15. Тагаев М. Дж. Морфемно-словообразовательная концептосфера как дискурсивно-семантическое поле смыслопорождения. *Вестн. Віцеб. дзярж. ун-та*. 2004. № 4. С. 64–69.
Tagaev M. Dzh. Morphemic word-building as a discursive-semantic field of meaning generation. *Vestnik VDU*, 2004, (4): 64–69. (In Russ.)
16. Языковая картина мира телеутов, науч. ред. Л. А. Араева; отв. ред. А. В. Проскурина. 2-е изд., испр. и доп. Кемерово: КемГУ, 2018. 280 с.
Linguistic worldview of the Teleuts, eds. Araeva L. A., Proskurina A. V. 2nd ed. Kemerovo: KemSU, 2018, 280. (In Russ.)
17. Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
Vygotsky L. S. *Collected works. Vol. 1. Theory and history of psychology*. Moscow: Pedagogika, 1982, 488. (In Russ.)
18. Голев Н. Д. Словообразование как эволютивный процесс. *Русский язык в школе*. 2010. № 12. С. 39–44.
Golev N. D. Word formation as an evolutionary process. *Russkii yazyk v shkole*, 2010, (12): 39–44. (In Russ.)
19. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. *Хрестоматия по истории русского языкознания*, сост. Ф. М. Березин, под ред. Ф. П. Филина. 2-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1977. С. 382–398.
Krushevskii N. V. Essay on the science of language. *The history of Russian linguistics*, comp. Berezin F. M., ed. Filin F. P. 2nd ed. Moscow: Vyssh. shk., 1977, 382–398. (In Russ.)
20. Плахотная Ю. И. Ассоциация как механизм когнитивной деятельности в формировании концептуальной картины мира. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23. № 2. С. 541–550. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-541-550>
Plakhotnaya Yu. I. Association as a cognitive activity mechanism in shaping a conceptual worldview. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 541–550. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-541-550>
21. Небжеговска-Бартмиńska С. Стереотипы и ценности в языковой картине мира. *Текст в языке, речи, культуре*. Мн.: РИВШ, 2017. С. 215–233.
Niebrzegowska-Bartmińska S. Stereotypes and values in the linguistic worldview. *Text in language, speech, and culture*. Minsk: RIVSh, 2017, 215–233. (In Russ.)
22. Кубрякова Е. С. Размышления об аналогии. *Сущность, развитие и функции языка*, отв. ред. Г. В. Степанов. М.: Наука, 1987. С. 43–51.
Kubryakova E. S. Reflections on analogy. *Essence, development, and functions of the language*, ed. Stepanov G. V. Moscow: Nauka, 1987, 43–51. (In Russ.)
23. Камбаралиева У. Д., Стернин И. А. Русское и киргизское коммуникативное поведение. Воронеж: Ритм, 2021. 216 с.
Kambaralieva U. Dzh., Sternin I. A. *Russian and Kyrgyz communicative behavior*. Voronezh: Ritm, 2021, 216. (In Russ.)

Оригинальная статья

Итеративно-таксисное межкатегориальное взаимодействие (на материале немецкого и русского языков)

Архипова Ирина Викторовна

Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, г. Новосибирск

<https://orcid.org/0000-0002-0685-335X>

irarch@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.12.2021. Принята после рецензирования 21.01.2022. Принята в печать 10.03.2022.

Аннотация: Функционально-семантические категории таксиса и итеративности тесно взаимосвязаны. Пересечение и синкретическое объединение данных функционально-семантических категорий делает возможным определить модель их межкатегориального взаимодействия как модель межкатегориального кроссинга. Цель – рассмотреть вопрос итеративно-таксисного межкатегориального взаимодействия в контексте актуализации различных итеративно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности в немецком и русском языках. Межкатегориальный кроссинг категорий таксиса и итеративности детерминирует актуализацию различных итеративно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности в немецком и русском языках. Они актуализируются в итеративных высказываниях различных подтипов (вербально-итеративного, девербативно-итеративного, атрибутивно-итеративного, адвербиально-итеративного), содержащих итеративные девербативы, итеративные глаголы и итеративные квантификаторы (атрибуты, адвербиалы). В связи с этим в немецком и русском языках нами выделяются такие разновидности итеративно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности, как (1) девербативно-итеративные; (2) вербально-итеративные; (3) адвербиально-итеративные и атрибутивно-итеративные. Актуализация тех или иных итеративно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности обусловлена наличием генетически-итеративных, генетически-мультипликативных, словообразовательно-итеративных девербативов, итеративных глаголов различной семантики (собственно итеративов, диминутивов, мультипликативов, дистрибутивов и др.) и итеративных квантификаторов (атрибутов и адвербиалов).

Ключевые слова: таксис, итеративность, межкатегориальное взаимодействие, межкатегориальный кроссинг, итеративные девербативы, итеративные глаголы, итеративные квантификаторы, итеративно-таксисные категориальные ситуации

Цитирование: Архипова И. В. Итеративно-таксисное межкатегориальное взаимодействие (на материале немецкого и русского языков). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 2. С. 194–202. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-194-202>

Full article

Iterative-Taxis Intercategorical Interaction in German and Russian

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Russia, Novosibirsk

<https://orcid.org/0000-0002-0685-335X>

irarch@yandex.ru

Received 15 Dec 2021. Accepted after peer review 21 Jan 2022. Accepted for publication 10 Mar 2022.

Abstract: The article features iterative-taxis categorical situations of simultaneity and non-simultaneity in German and Russian. The functional and semantic categories of taxis and iteration are closely interrelated. The intersection and syncretic unification of these functional-semantic categories makes it possible to define the model of their intercategorical interaction as a model of intercategorical crossing. Intercategorical crossing of taxis and iterative categories determines the actualization of various iterative-taxis categorical situations of simultaneity and non-simultaneity. They are actualized in iterative statements of various subtypes, e.g., verbal-iterative, deverbially-iterative, attributive-iterative, adverbially-iterative, etc., which contain iterative deverbatives, iterative verbs, and iterative quantifiers, i.e., attributes and adverbials. German and Russian proved to have such varieties of iterative-taxis categorical situations of simultaneity and non-simultaneity as (1) deverbative-iterative, (2) verbal-iterative, and (3) adverbially-iterative and attributive-iterative. Actualization of certain iterative-taxis categorical situations of simultaneity and non-simultaneity depends on genetically-iterative, genetically-multiplicative, and word-formation-iterative deverbatives, as well as on iterative verbs of different semantics (actual iteratives, diminutives, multiplicative, distributives, etc.) and iterative quantifiers (attributes and adverbials).

Keywords: taxis, iterativity, intercategory interaction, intercategory crossing, iterative deverbatives, iterative verbs, iterative quantifiers, iterative-taxis categorial situations

Citation: Arkhipova I. V. Iterative-Taxis Intercategory Interaction in German and Russian. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(2): 194–202. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-194-202>

Введение

Проблема актуализации таксисной категориальной семантики одновременности и разновременности в разнотипных языках освещается в функционально-семантическом и сравнительно-типологическом аспектах в работах ряда отечественных языковедов [1–12]. Проблема актуализации категориальной семантики итеративности в немецком, русском, английском и других языках рассматривается в работах российских ученых [13–22]. Зарубежные языковеды не рассматривают таксис как самостоятельную грамматическую категорию, а лишь освещают вопросы категориальной семантики аспектуальности [23–25].

Проблемы межкатегориальных связей близких друг другу функционально-семантических категорий таксиса и итеративности остаются на сегодня вне поля рассмотрения отечественных и зарубежных лингвистов.

Как правило, современные исследования являются т. н. моноисследованиями и затрагивают лишь описание отдельных семантических категорий и субкатегорий: таксиса, аспектуальности, фазовости, итеративности и др., в том числе в контексте их языковой актуализации в различных языках (русском, немецком, английском, французском и др.). Исследования категории итеративности (кратности, множественности) посвящены описанию семантических типов глагольной множественности и средствам их языкового выражения [14–16; 18–19]. Работа А. Б. Шлуинского выполнена в сравнительно-типологическом аспекте и содержит анализ предикатной множественности в разнотипных языках (болгарском, датском, китайском, корейском, литовском, таджикском, французском, чешском и др.) [20]. Е. С. Комиссарова провела детальный анализ семантики и функционирования итеративных квантификаторов, в частности различных итеративных адвербиалов, в функционально-семантическом аспекте [17].

Функционально-семантическая категория итеративности в аспекте ее межкатегориального взаимодействия с категорией таксиса не рассматривалась ранее. Научная новизна настоящей работы связана с рассмотрением вопроса межкатегориального взаимодействия функционально-семантических категорий таксиса и итеративности в аспекте установления модели их взаимодействия.

Актуальность исследования обусловлена введением понятия *межкатегориального кроссинга*, предусматривающего

интеграцию и пересечение функционально-семантических категорий таксиса и итеративности и детерминирующего языковую актуализацию итеративно-таксисных значений в немецком и русском языках.

Цель – рассмотреть вопрос межкатегориального взаимодействия функционально-семантических категорий таксиса и итеративности в аспекте их пересечения и интегративного объединения.

Описана модель межкатегориального взаимодействия функционально-семантических категорий таксиса и итеративности, определяемая нами как модель межкатегориального кроссинга, а также проанализированы различные варианты примарно-итеративно-таксисных и секундарно-итеративно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности в немецких и русских высказываниях итеративного типа девербативно-итеративного, вербально-итеративного, адвербиально-итеративного и атрибутивно-итеративного подтипов.

Используемые материалы и полученные результаты могут быть задействованы в практике преподавания немецкого и русского языков в высшей школе, при проведении спецкурсов и спецсеминаров по вопросам функциональной грамматики, теории таксиса, аспектологии и др., что является практической значимостью исследования.

Методы и материалы

Использовались такие общенаучные и лингвистические методы: описательный, гипотетико-дедуктивный, индуктивный, метод сплошной выборки, метод классификации, контекстуальный метод, метод обобщения и интерпретации языкового материала; приемы моделирования и контекстуального анализа.

Материалом исследования послужили немецкие и русские высказывания итеративного типа, содержащие девербативы в сочетании с монотаксисными и политаксисными предложениями темпоральной и обстоятельственной семантики. Высказывания данного типа были получены методом сплошной выборки из электронных баз данных Лейпцигского корпуса (LC)¹, Национального корпуса русского языка (НКРЯ)² и Немецкого электронного словаря (Dwds)³. Общее количество обследованных языковых фрагментов составило более 8000.

¹ LC. Режим доступа: <https://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 15.11.2022).

² НКРЯ. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 15.11.2022).

³ Dwds. Режим доступа: https://www.all-de.com/hilfe_sp_erlernen/nachschlagewerke/83-dwds.html (дата обращения: 15.11.2022).

Результаты

В ходе исследования мы рассмотрели вопрос наличия межкатегориальных связей между функционально-семантическими категориями таксиса и итеративности и определили модель их межкатегориального взаимодействия как модель *межкатегориального кроссинга*. Под термином *межкатегориальный кроссинг* следует понимать межкатегориальное синкретическое объединение, интеграцию и пересечение функционально-семантических полей таксиса и итеративности в контексте языковой актуализации итеративно-таксисных категориальных ситуаций. Межкатегориальный кроссинг функционально-семантических полей таксиса и итеративности детерминирует актуализацию различных вариантов итеративно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности (примарного и секундарного характера) в высказываниях итеративного типа в немецком и русском языках.

В высказываниях итеративного типа с моноксисными и политаксисными предложениями темпоральной семантики актуализируются итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования. В высказываниях итеративного типа, содержащих девербативы с моноксисными и политаксисными предложениями обстоятельственной семантики, актуализируются различные итеративно-секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности.

Мы выделяем следующие разновидности итеративно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности, актуализируемых в высказываниях итеративного типа различных подтипов (девербативно-итеративного, вербально-итеративного, адвербиально-итеративного или атрибутивно-итеративного):

- 1) девербативно-итеративные;
- 2) вербально-итеративные;
- 3) адвербиально-итеративные и атрибутивно-итеративные.

Немецкий язык

В немецких высказываниях девербативно-итеративного подтипа актуализируются:

- 1) итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности;
- 2) итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации разновременности (предшествования и следования);
- 3) итеративно-секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности (итеративно-модально-таксисные, итеративно-инструментально-таксисные, итеративно-медиально-таксисные, итеративно-каузально-таксисные, итеративно-кондиционально-таксисные, итеративно-концессивно-таксисные, итеративно-консекутивно-таксисные, итеративно-финально-таксисные).

Например:

(1) *Denn das habe ihn während der letzten Besuche in der Kita Schinkel sehr berührt* (LC) – Во время последних посещений детского учреждения Шинкеля это очень тронуло⁴.

(2) *Sahne wird beim Schlagen besonders luftig, wenn sie gut gekühlt ist* (LC) – Сливки становятся очень воздушными если их взбивать хорошо охлажденными.

(3) *An der Einsatzstelle öffnete die betroffene Person nach dem Klingeln allerdings selbstständig die Tür* (LC) – После звонка в дверь он все же открыл сам.

(4) *Nach langem Zittern erlöst sie das Siegtor von Mario Götze* (LC) – После длительного содрогания она открыла победные ворота Марио Гетце.

(5) *Nach den Untersuchungen der Kriminaltechniker wurde an mehreren Stellen Feuer* (LC) – Согласно расследованиям криминалистов огонь был во многих местах.

(6) *Nach vielen Unterredungen mit Vertretern der Verbände gilt es nun, die Regierung auf diese administrativen Herausforderungen aufmerksam zu machen* (LC) – После продолжительных разговоров с представителями профсоюзов нужно обратить внимание правительства на административные требования.

(7) *Der Daumen wird vor die Dose gebracht, und der Öffner wird mit dem Zeigefinger langsam, unter mittlerem Zischen der entweichenden Kohlensäure, nach oben gebogen* (LC) – Нужно взять жестяную банку большим пальцем, а потом медленно открывать ее указательным пальцем, потянув вверх, под звуки шипящей углекислоты.

(8) *Das haben die Feuerwehrleute prima hinbekommen, und darum fällt der Baum mit lautem Krachen auch genau dorthin, wo sie ihn haben wollen* (LC) – Пожарники прекрасно справились, и поэтому дерево с громким треском упало как раз туда, куда они и хотели.

(9) *Und dabei wird Zukunft für Deutschland entstehen, zum Zittern gibt es gar keinen Anlass* (LC) – Будущее у Германии, для дрожи и страха повода нет.

(10) *Durchs Zittern wird unsere Körpertemperatur erhöht* (LC) – Температура нашего тела повышается, когда нас трясет.

(11) *Ungeachtet möglicher Besuche aus Mitteldeutschland wird bereits von ersten Krawallen im Zusammenhang mit der Fußball-EM berichtet* (LC) – Несмотря на возможные визиты из Центральной Германии, уже сообщается о первых дебошах в связи с чемпионатом Европы по футболу.

(12) *Trotz aller Angriffe bleibt Corbyn stets sachlich* (LC) – Несмотря на все нападки, Корбин всегда остается объективным.

(13) *Bei genaueren Untersuchungen stellte sich heraus, dass sich ein Fehler eingeschlichen hatte* (LC) – При более детальных исследованиях было установлено, что закралась ошибка.

(14) *Infolge der Angriffe trat 1921 Konsul Baschwitz als Vorsitzender zurück* (LC) – Вследствие нападок консул Башвитц в 1921 году ушел с поста председателя.

⁴ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

(15) *Die Entscheidung kam aufgrund der Angriffe auf Sarajevo zustande* (LC) – Решение было принято из-за атак на Сараево.

(16) *Jeder Schulklasse wurde ein Zahnarzt zugewiesen, und dank den Besuchen von "Zahntanten" lernt seither jedes Kind, wie es seine Zähne richtig putzt* (LC) – У каждого класса был свой зубной врач, поэтому благодаря визитам «зубных тетей» каждый ребенок учился, как правильно чистить зубы.

В высказываниях (1) и (2) с моноксисным темпоральным предлогом *während* и политаксисным предлогом *bei* в темпоральном значении актуализируются итеративно-примарно-таксисная и мультипликативно-примарно-таксисная категориальные ситуации одновременности. В качестве актуализаторов данных категориальных ситуаций одновременности выступают словообразовательно-итеративный девербатив *die Besuche* и генетически-мультипликативный девербатив *das Schlagen* (см. предложные девербативы *während der letzten Besuche, beim Schlagen*).

В примерах (3–6) с моноксисным темпоральным предлогом следования *nach* актуализируются итеративно-примарно-таксисные и мультипликативно-примарно-таксисные категориальные ситуации следования. В качестве актуализаторов категориальной семантики итеративно-примарного таксиса следования выступают словообразовательно-итеративные девербативы *die Untersuchungen, die Unterredungen* (см. *nach den Untersuchungen der Kriminaltechniker, nach vielen Unterredungen mit Vertretern der Verbände* в высказываниях (5) и (6)). В роли актуализаторов мультипликативно-примарно-таксисных категориальных ситуаций следования выступают генетически-мультипликативные девербативы *das Klingeln, das Zittern* (см. *nach dem Klingeln, nach langem Zittern* в высказываниях (3) и (4)).

В высказываниях (7) и (8) с политаксисными предлогами *unter* и *mit* в модальном значении актуализируются мультипликативно-модально-таксисные категориальные ситуации одновременности. В роли актуализаторов данных категориальных ситуаций выступают следующие предложные девербативы мультипликативной семантики с политаксисными предлогами модальной семантики *unter* и *mit*: *unter mittlerem Zischen der entweichenden Kohlensäure, mit lautem Krachen*.

В примере (9) с моноксисным финальным предлогом *zu* актуализируется мультипликативно-финально-таксисная категориальная ситуация одновременности, детерминированная генетически-мультипликативным девербативом *das Zittern*.

В высказывании (10) с политаксисным предлогом *durch* в инструментальном значении тот же самый генетически-мультипликативный девербатив *das Zittern* выступает в качестве актуализатора мультипликативно-инструментально-таксисной категориальной ситуации одновременности. Соответственно, разновидность

мультипликативно-таксисной категориальной ситуации одновременности или разновременности маркирует в силу своего семантического потенциала моноксисный или политаксисный предлог (в этой связи ср. высказывания (4), (9) и (10) с предлогами *nach, zu, durch*).

В примерах (11) и (12) с моноксисными concessивными предлогами *ungeachtet* и *trotz* актуализируются итеративно-concessивно-таксисные категориальные ситуации одновременности, детерминированные словообразовательно-итеративными девербативами *die Besuche* и *die Angriffe* (см.: *ungeachtet möglicher Besuche aus Mitteldeutschland, trotz aller Angriffe*).

В высказывании (13) с политаксисным предлогом *bei* в кондициональном значении и дополнительным кондициональным экспликатором *genauer* актуализируется итеративно-кондиционально-таксисная категориальная ситуация одновременности, обусловленная наличием словообразовательно-итеративного девербатива *die Untersuchungen* (см. предложный девербатив *bei genaueren Untersuchungen*).

В примере (14) с моноксисным консекитивным предлогом *infolge* – итеративно-консекитивно-таксисная категориальная ситуация одновременности. В качестве актуализатора категориальной семантики итеративно-консекитивного таксиса одновременности в данном случае выступает словообразовательно-итеративный девербатив, употребляемый в форме множественного числа: *die Angriffe*.

В высказываниях (15) и (16) с моноксисными каузальными предлогами *aufgrund* и *dank* актуализируются итеративно-каузально-таксисные категориальные ситуации одновременности. В качестве актуализаторов категориальной семантики итеративно-каузального таксиса одновременности выступают словообразовательно-итеративные девербативы *die Angriffe* и *die Besuche*.

Во всех вышеприведенных высказываниях девербативно-итеративного подтипа (1–16) речь идет об актуализации различных девербативно-итеративных категориальных ситуаций одновременности и разновременности (примарного или секундарного характера).

В немецком языке наибольшей прототипичностью характеризуются девербативы с семантикой генетической итеративности и мультипликативности, а также словообразовательно-итеративные девербативы: *das Zittern, das Flüstern, das Schwenken, das Knurren, das Knistern, das Zucken, das Streicheln, die Angriffe, die Besuche, die Unterredungen, die Untersuchungen, die Verabredungen*. Например:

(17) *Bei den Besuchen bei meinen Großeltern als kleines Kind war das Labyrinth aus Gassen ein Spielplatz für mich und meine Cousins* (Dwds) – Во время посещений бабушки и дедушки для меня и моих кузенов игровой площадкой стал лабиринт переулков.

(18) *Der Angerufene sieht schon beim Klingeln die Nummer des Anrufers* (Dwds) – Абонент видит при звонке номер того, кто звонит.

(19) *Hübsch, jung und elegant, von einer Wolke zarten Parfüms umhüllt, mit dem Knistern seidener Unterkleider, traten sie in das Zimmer* (Dwds) – Они вошли в комнату, окутанные облаком нежного парфюма и шуршащим шелковым одеянием, милые, юные и элегантные.

(20) *Es klingt sehr angenehm, wenn wir eine Antwort mit Flüstern empfangen* (Dwds) – Звучит очень приятно, когда нам в ответ раздается шепот.

В примерах (17–20) с генетически-мультипликативными девербативами *das Klingeln*, *das Knistern* и *das Flüstern* (18–20) и словообразовательно-итеративным девербативом *die Besuche* (17) актуализируются итеративно-примарно-таксисная категориальная ситуация одновременности (17), мультипликативно-примарно-таксисная категориальная ситуация одновременности (18), а также мультипликативно-модально-таксисная и мультипликативно-медиально-таксисная категориальные ситуации одновременности (19–20). Высказывания (17–20) относятся к девербативно-итеративному подтипу и репрезентируют т. н. девербативно-итеративно-примарно-таксисную, девербативно-мультипликативно-примарно-таксисную, девербативно-мультипликативно-модально-таксисную и девербативно-мультипликативно-медиально-таксисную категориальные ситуации одновременности.

В высказываниях адвербиально-итеративного и атрибутивно-итеративного подтипов репрезентируются адвербиально-итеративно-таксисные и атрибутивно-итеративно-таксисные категориальные ситуации одновременности и разновременности. Их актуализация обусловлена наличием различных итеративных адвербиалов и атрибутов *immer*, *wieder*, *oft*, *selten*, *manchmal*, *regelmäßig*, *gewöhnlich*, *morgens*, *meistens*, *jeder*, *manch(e)*, *jedesmalig*, *mehrmalig* и др. [6; 15], например:

(21) *Bei jedem Besuch suchen wir uns die Freundschaft der Kinder dadurch zu erwerben, daß wir sie bis zur Bewußtlosigkeit mit Bonbons oder Schokolade füttern* (LC) – При каждом посещении мы заручаемся дружбой детей тем, что неосознанно кормим их конфетами и шоколадом.

(22) *Jedes Männchen okkupiert, meistens schon vor der Ankunft des Weibchens, ein bestimmtes Revier* (LC) – Каждый самец занимает определенную территорию, чаще всего уже перед появлением самки.

(23) *Nach jedem Angriff wuchs der Patriotismus ...* (LC) – После каждой атаки рос патриотизм...

(24) *Erst nach mehrmaligem Klopfen geht die Tür auf* (LC) – Дверь открылась только после неоднократного стука в нее.

(25) *Nach jedem Angriff der Amerikaner tritt Informationsminister Mohammed Saeed El Sahaf vor die Presse und sagt, dass die Amerikaner eine Bande von Verbrechern sind, die Tag und Nacht lügen und denen man die Köpfe abschneiden wird* (LC) – После каждой нападки американцев министр по вопросам информации Мухамед Саид Эль Сахаф выступает перед прессой и говорит, что американцы – это банда преступников, которые глут день и ночь, и им надо отрезать голову.

(26) *Dem Hunde des Grünwald wurde bei jedem Besuch ein Huhn gebraten* (Dwds) – При каждом визите псу Грюнвальда жарили курицу.

(27) *Seine Geschichten malte Onkel Willi bei jedem Besuch bunter aus* (Dwds) – Дядя Вилли во время каждого визита рассказывал новые истории.

В высказываниях (21–27) актуализируются итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности (21, 26, 27) (с политаксисным предлогом темпоральной семантики *bei*), а также итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации предшествования (22) и следования (23–25). Актуализируемые итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования детерминированы итеративными атрибутами *jeder*, *mehrmalig* и итеративными адвербиалами *wieder*, *meistens*. В качестве маркеров вышеназванных итеративно-примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности, предшествования и следования выступают политаксисный предлог *bei* в темпоральном значении и монотаксисные предлоги темпоральной семантики *vor* и *nach*.

В немецких высказываниях вербально-итеративного подтипа актуализируются вербально-итеративно-таксисные категориальные ситуации одновременности или разновременности (примарного или секундарного характера), например:

(28) *Damit uns niemand beisammen sehen konnte, pflegten wir uns beim Abschied schon am Ausgange des Parkes zu trennen, so daß ich nicht einmal wußte, in welcher Stadtgegend sie zu Hause war* (Dwds) – Мы обычно прощались у входа в парк, чтобы никто не мог видеть нас вместе и чтобы никто даже не знал, в каком районе города она живет.

В примере (28) актуализируется вербально-итеративно-примарно-таксисная категориальная ситуация узитативной одновременности, детерминированная итеративным глаголом *pflegen*.

Русский язык

В обследованных высказываниях с предложными девербативами в русском языке актуализируются следующие варианты итеративно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности:

- 1) итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности в высказываниях с монотаксисными и политаксисными предложениями темпоральной семантики *во время*, *в течение*, *при*;
- 2) итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации разновременности (предшествования / следования) в высказываниях с монотаксисными предложениями темпоральной семантики *с*, *после*, *перед*, *до*, *накануне*;
- 3) итеративно-секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности в высказываниях с монотаксисными предложениями обстоятельственной семантики *под*, *несмотря на*, *независимо от*, *вопреки*, *в силу*, *благодаря*, *из-за*, *от*, *вследствие*, *ради*, *для* и др.

Например:

(29) Они неоднократно обеспечивали личную безопасность первых лиц государства **во время их посещений Чечни** (НКРЯ).

(30) **После этих обещаний властей** жители разошлись по домам (НКРЯ).

(31) **После испытаний** и доработки модель направили в серийное производство (НКРЯ).

(32) Один из ее руководителей подал в отставку **из-за обвинений в связи с наркобизнесом** (НКРЯ).

(33) Однако благотворительный аукцион **вопреки ожиданиям** он вести не собирался (НКРЯ).

В высказываниях (29–31) с монотаксисными предложениями темпоральной семантики *во время* и *после* и словообразовательно-итеративными девербативами *посещения*, *обещания*, *испытания* актуализируются итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности и следования. В примерах (32) и (33) с монотаксисными предложениями каузальной и concessивной семантики *из-за* и *вопреки* – итеративно-каузально-таксисная и итеративно-concessивно-таксисная категориальные ситуации одновременности (см. предложные девербативы *из-за обвинений в связи с наркобизнесом*, *вопреки ожиданиям*).

При актуализации итеративно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности прототипический характер приобретают:

- 1) генетически-итеративные и генетически-мультипликативные, а также словообразовательно-итеративные девербативы;
- 2) итеративные глаголы;
- 3) итеративные квантификаторы (адвербиалы и атрибуты): *дважды*, *всегда*, *часто*, *иногда*, *обычно*, *ежедневно*, *регулярно*, *постоянно*, *изредка*, *каждый раз*, *всякий раз* и др.

В первых двух случаях речь идет об актуализации вербально-итеративно-таксисных и девербативно-итеративно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности. В последнем случае при наличии различных итеративных атрибутов и адвербиалов актуализируются атрибутивно-итеративные и адвербиально-итеративные категориальные ситуации одновременности и разновременности. Например:

(34) **После приезда Валерии** они виделись **дважды**... (НКРЯ).

(35) **При появлении дамы всегда** вставал, не садился, пока та не сядет (НКРЯ).

(36) **Дважды после посещений консульства** Ковалев был задержан и обыскан (НКРЯ).

(37) Признаться, **после посещений Татьяны**... у меня всякий раз возникало особое чувство – гармонии, что ли (НКРЯ).

В примерах (34–37) с монотаксисным предложением темпоральной семантики *после* и политаксисным предложением *при* в темпоральном значении актуализируются итеративно-

примарно-таксисные категориальные ситуации следования и одновременности, детерминированные итеративными адвербиалами *дважды*, *всегда* и *всякий раз*. Данные варианты итеративно-примарно-таксисных категориальных ситуаций определяется нами как адвербиально-итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации (в силу наличия в высказываниях итеративных адвербиалов).

В русских высказываниях итеративного типа трех подтипов (девербативно-итеративного, вербально-итеративного, адвербиально-итеративного, атрибутивно-итеративного) с различными монотаксисными и политаксисными предложениями темпоральной и обстоятельственной семантики актуализируются следующие разновидности итеративно-таксисных категориальных ситуаций:

- 1) итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности;
- 2) итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации разновременности;
- 3) итеративно-вторично-таксисные категориальные ситуации одновременности (итеративно-модально-таксисные, итеративно-каузально-таксисные, итеративно-кондиционально-таксисные, итеративно-concessивно-таксисные, итеративно-консекутивно-таксисные, итеративно-финально-таксисные).

Например:

(38) Он обнаружил небесное тело с помощью собственного любительского телескопа **во время наблюдений** в свободное время (НКРЯ).

(39) Не раз он ловил себя на том, что **при встречах** произносит «чао», **при расставаниях** – «ариведерчи»... (НКРЯ).

(40) **После подозрений в нарушении закона** он покинул пост (НКРЯ).

(41) Однако сроки рассмотрения были перенесены **из-за возражений Минфина** (НКРЯ).

(42) После того, как воду налили, мы продолжаем обход фермы – **под птичье щебетание**, которое, по признанию Олега Годорова, ему очень нравится (НКРЯ).

(43) Наиболее часто оно развивается **вследствие нарушений гормонального баланса либо обмена веществ** (НКРЯ).

В высказываниях (38) и (39) с монотаксисным предложением темпоральной семантики *во время* и политаксисным предложением в темпоральном значении *при* актуализируются итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности. В примере (40) с монотаксисным предложением темпоральной семантики *после* – итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации следования. В высказывании (41) с монотаксисным предложением каузальной семантики *из-за* – итеративно-каузально-таксисная категориальная ситуация одновременности.

В качестве таксисных актуализаторов в высказываниях (38–41) выступают словообразовательно-итеративные девербативы *наблюдения*, *встречи*, *расставания*, *подозрения*, *возражения*.

В высказывании (42) с монотаксисным предлогом модальной семантики *под* актуализируется мультипликативно-модально-таксисная категориальная ситуация одновременности, детерминированная наличием девербатива-мультипликатива *щебетание*.

В высказывании (43), содержащем монотаксисный консекutivoный предлог *вследствие* и словообразовательно-итеративный девербатив *нарушения*, актуализируется итеративно-консекutivoно-таксисная категориальная ситуация одновременности.

К прототипическим эффектам итеративно-таксисных категориальных ситуаций в русском языке относятся словообразовательно-итеративные, а также генетически-итеративные и генетически-мультипликативные девербативы (*посещения, наблюдения, нарушения, встречи, расставания, шуриание, шелест, лепет, бормотание, жужжание, щебетание, журчание* и др.), например:

(44) Кто-то крикнул *под жужжание стартера*: «Мы повезли!» (НКРЯ).

(45) *Под шуриание страничек голоса* вступали попеременно тенор и баритон (НКРЯ).

(46) Часа через два собрали одежду и пошли босиком вверх по реке *под бормотание и лепет воды* (НКРЯ).

(47) *Под журчание струи* я задумался о вечном (НКРЯ).

(48) Это у тебя *после встреч с родителем* заниженная самооценка (НКРЯ).

(49) *После нескольких посещений врачей* девочке поставили страшный диагноз (НКРЯ).

В высказываниях (44–47) девербативно-итеративного подтипа актуализируются мультипликативно-модально-таксисные категориальные ситуации одновременности. Данные высказывания содержат монотаксисный предлог модальной семантики *под* и девербативы-мультипликативы *шуриание, журчание, бормотание, лепет*. При условии сочетания с монотаксисным предлогом модального значения *под* вышеперечисленные девербативы мультипликативной семантики выступают в качестве актуализаторов мультипликативно-модально-таксисных категориальных ситуаций одновременности. В высказываниях (48) и (49) с монотаксисным темпоральным предлогом *после* актуализируются итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации следования. Словообразовательно-итеративные девербативы *посещения* и *встречи* при их сочетании с монотаксисным предлогом следования *после* выступают в качестве актуализаторов категориальной семантики итеративно-примарного таксиса следования.

Заключение

Функционально-семантическая категория таксиса тесно взаимосвязана с категорией итеративности. Пересечение и синкретическое объединение данных функционально-семантических полей делает возможным определить модель их межкугориального взаимодействия как модель

межкугориального кроссинга. В силу межкугориального кроссинга функционально-семантических категорий таксиса и итеративности в итеративных высказываниях девербативно-итеративного, вербально-итеративного, атрибутивно-итеративного и адвербиально-итеративного подтипов актуализируются различные итеративно-таксисные категориальные ситуации одновременности и разновременности. Данные категориальные ситуации актуализируются в итеративных высказываниях, содержащих итеративные девербативы, итеративные глаголы и итеративные квантификаторы (атрибуты, адвербиалы). Нами выделены такие разновидности итеративно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности: (1) девербативно-итеративные; (2) вербально-итеративные (3) адвербиально-итеративные и атрибутивно-итеративные.

Актуализация различных итеративно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности детерминирована наличием в обследованных высказываниях немецкого и русского языков генетически-итеративных, генетически-мультипликативных и словообразовательно-итеративных девербативов, итеративных глаголов и итеративных квантификаторов (адвербиалов и атрибутов).

В контексте итеративно-таксисного межкугориального взаимодействия в обоих рассматриваемых языках мы обнаруживаем типологически схожие языковые феномены: девербативы генетически-итеративной и словообразовательно-итеративной семантики, актуализирующие девербативно-итеративные категориальные ситуации одновременности и разновременности. Итеративные глаголы и итеративные квантификаторы характерны для обоих языков и детерминируют актуализацию вербально-итеративных, адвербиально-итеративных и атрибутивно-итеративных категориальных значений одновременности и разновременности.

Перспективы дальнейшего исследования вопроса итеративно-таксисного межкугориального взаимодействия в контексте актуализации итеративно-таксисных категориальных ситуаций могут быть связаны с рассмотрением данной проблематики в ракурсе сравнительно-типологических исследований с целью установления типологических различий в немецком и русском языках, а также с привлечением языкового материала других разноструктурных языков (английского, нидерландского, польского и др.).

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Архипова И. В. Категория таксиса в разноструктурных языках. Новосибирск: НГПУ, 2020. 173 с.
Arkhipova I. V. *Taxis category in different-structured languages*. Novosibirsk: NSPU, 2020, 173. (In Russ.)
2. Бондарко А. В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса. *Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис*, отв. ред. А. В. Бондарко. 7-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 234–242.
Bondarko A. V. General characteristics of the semantics and structure of the taxis field. *Theory of functional grammar: Introduction, aspectuality, temporal localization, and taxis*, ed. Bondarko A. V. 7nd ed. Moscow: LENAND, 2017, 234–242. (In Russ.)
3. Коцкова Я. Неличные формы глагола как средства выражения таксиса в русском и чешском языках. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2019. Т. 3. № 15. С. 87–110. <https://doi.org/10.30842/alp2306573715304>
Kocková J. Non-finite forms of verbs as means expression of the taxis in Russian and Czech. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 2019, 3(15): 87–110. (In Russ.) <https://doi.org/10.30842/alp2306573715304>
4. Ляшенко Н. А. Функционально-семантическое поле таксиса в английском языке. Склярова Н. Г., Николаева А. В., Симонова К. Н., Ляшенко Н. А., Молчанова С. Е. *Функционально-семантические поля разных типов в английском и русском языках*. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2019. С. 101–129.
Lyashenko N. A. Functional-semantic field of taxis in English. In: Sklyarova N. G., Nikolaeva A. V., Simonova K. N., Lyashenko N. A., Molchanova S. E. *Various types of functional semantic fields in the English and Russian languages*. Rostov-on-Don: Fund for Science and Education, 2019, 101–129. (In Russ.)
5. Ляшенко Н. А. Функционально-семантическое поле таксиса в русском языке. Склярова Н. Г., Николаева А. В., Симонова К. Н., Ляшенко Н. А., Молчанова С. Е. *Функционально-семантические поля разных типов в английском и русском языках*. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2019. С. 229–245.
Lyashenko N. A. Functional-semantic field of taxis in Russian. In: Sklyarova N. G., Nikolaeva A. V., Simonova K. N., Lyashenko N. A., Molchanova S. E. *Various types of functional semantic fields in the English and Russian languages*. Rostov-on-Don: Fund for Science and Education, 2019, 229–245. (In Russ.)
6. Мишаева М. В. Комбинаторика зависимой и опорной таксисных форм в английском языке. *Вестник Дагестанского государственного университета*. 2005. № 6. С. 94–99.
Mishaeva M. V. Typology of dependent taxis in English and Dargin languages. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universitet*, 2005, (6): 94–99. (In Russ.)
7. Неद्याлков В. П., Отаина Т. А. Типологические и сопоставительные аспекты зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским). *Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис*, отв. ред. А. В. Бондарко. 7-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 296–319.
Nedyalkov V. P., Otaina T. A. Typological and comparative aspects of dependent taxis (based on the material of the Nivkh language in comparison with Russian). *Theory of functional grammar: Introduction, aspectuality, temporal localization, and taxis*, ed. Bondarko A. V. 7nd ed. Moscow: LENAND, 2017, 296–319. (In Russ.)
8. Неद्याлков И. В. Зависимый таксис в разноструктурных языках: значения одновременности / предшествования / следования. *Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность*, отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 2002. С. 156–173.
Nedyalkov I. V. Dependent taxis in multi-structured languages: values of simultaneity / precedence / following. *Problems of functional grammar: semantic invariance / variation*, ed. Bondarko A. V. St. Petersburg: Nauka, 2003, 156–173. (In Russ.)
9. Ханбалаева С. Н. Алломорфизм выражения таксисных отношений (на материале русского и лезгинского, а также даргинского, аварского и английского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 53 с.
Khanbalaeva S. N. *Allomorphy of taxis relations in Russian, Lezghin, Dargin, Avar, and English*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2011, 53. (In Russ.)
10. Храковский В. С. Таксисные конструкции (опыт классификации). *Теоретические проблемы функциональной грамматики: мат.-лы Всерос. науч. конф. (Санкт-Петербург, 26–28 сентября 2001 г.)* СПб.: Наука, 2001. С. 109–112.
Hrakovskij V. S. Taxis constructions (classification experience). *Theoretical problems of functional grammar: Proc. All-Russian Sci. Conf., St. Petersburg, 26–28 Sep 2001*. St. Petersburg: Nauka, 2001, 109–112. (In Russ.)
11. Храковский В. С. Категория таксиса (общая характеристика). *Вопросы языкознания*. 2003. № 2. С. 32–54.
Hrakovskij V. S. The category of taxis (general characteristics). *Voprosy Jazykoznanija*, 2003, (2): 32–54. (In Russ.)

12. Храковский В. С. Семантика, синтаксис, типология. *Типология таксисных конструкций*, отв. ред. В. С. Храковский. М.: Знак, 2009. С. 11–113.
Xrakovskij V. S. Semantics, syntax, and typology. *Typology of taxis structures*, ed. Xrakovskij V. S. Moscow: Znak, 2009, 11–113. (In Russ.)
13. Архипова И. В. Таксис и итеративность: межкугаториальное взаимодействие. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2020. № 4. С. 112–116.
Arkhipova I. V. Taxis and iterativity: inter-categorical interaction. *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 2020, (4): 112–116. (In Russ.)
14. Гайломазова Е. С. Числовая квантификация (категория итеративности). *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2012. № 2. С. 105–112.
Gaylomazova E. S. Numerical quantification (iterativity category). *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, 2012, (2): 105–112. (In Russ.)
15. Долинина И. Б. Количественность в сфере предикатов (категория «глагольной множественности»). *Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность*, отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 219–245.
Dolinina I. B. Quantity in the sphere of predicates (the category of "verbal plurality"). *Functional Grammar Theory: Quality. Quantity*, ed. Bondarko A. V. St. Petersburg: Nauka, 1996, 219–245. (In Russ.)
16. Кибардина С. М. Выражение множественности ситуаций в немецком языке. *Типология итеративных конструкций*, отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989. С. 170–179.
Kibardina S. M. Expression of plurality of situations in the German language. *Typology of iterative designs*, ed. Xrakovskij V. S. Leningrad: Nauka, 1989, 170–179. (In Russ.)
17. Комиссарова Е. С. Итеративные адвербиальные единицы в функционально-семантическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2014. 20 с.
Komissarova E. S. *Iterative adverbial units in the functional and semantic aspect*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Perm, 2014, 20. (In Russ.)
18. Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация. *Типология итеративных конструкций*, отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989. С. 5–54.
Xrakovskij V. S. Semantic types of a set of situations and their natural classification. *Typology of iterative designs*, ed. Xrakovskij V. S. Leningrad: Nauka, 1989, 5–54. (In Russ.)
19. Храковский В. С. Кратность. *Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис*, отв. ред. А. В. Бондарко. 7-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 124–152.
Xrakovskij V. S. Iterativity. *Theory of functional grammar: Introduction, aspectuality, temporal localization, and taxis*, ed. Bondarko A. V. 7nd ed. Moscow: LENAND, 2017, 124–152. (In Russ.)
20. Шлуинский А. Б. К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны. *Вопросы языкознания*. 2006. № 1. С. 46–75.
Shluinsky A. B. On the typology of predicate plurality: organization of the semantic zone. *Voprosy Jazykoznanija*, 2006, (1): 46–75. (In Russ.)
21. Шустова С. В., Комиссарова Е. С. К вопросу о межкугаториальном взаимодействии (на примере категории итеративности в немецком языке). *Евразийский вестник гуманитарных исследований*. 2015. № 1. С. 115–118.
Shustova S. V., Komissarova E. S. On the issue of category interaction (by the example of the category of iterativeness in the German language). *Evrasiiskii vestnik gumanitarnykh issledovanii*, 2015, (1): 115–118. (In Russ.)
22. Червяков А. А. О категории итеративности в современном английском языке. *Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки*. 2019. № 3. С. 98–101.
Chervyakov A. A. On iterative category in modern English. *Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology*, 2019, (3): 98–101. (In Russ.)
23. Durst-Andersen D. Aspect as a communicative category. *Evidence from English, Russian and French. Lingua*, 2018, 209: 44–77. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2018.04.002>
24. Bache C. *Verbal aspect: A general theory and its application to present-day English*. Odense: Odense University Press, 1985, 337.
25. Theuer C. *Die Aktionsarten im Russischen und ihre deutschen Entsprechungen*. GRIN Verlag, 2003, 41.

Оригинальная статья

Языковые средства выражения эмоции *отвращение* в современном немецком языке

Корогодина Изабелла Викторовна

Иркутский государственный медицинский университет, Россия, г. Иркутск

korogodina@mail.ru

Поступила в редакцию 13.01.2022. Принята после рецензирования 31.03.2022. Принята в печать 04.04.2022.

Аннотация: Выявляются языковые средства первичной и вторичной номинации, экспрессивные междометия, служащие для описания эмоции *отвращение*. Цель – анализ языковых реализаций эмоции *отвращение* и описание ее физиологических характеристик, отражающих фундаментальный статус данной эмоции. Предмет – лексема *Ekel*, языковые метафоры, метафоры с соматическими компонентами и экспрессивные междометия. Задачи: изучить и проанализировать языковые репрезентации эмоции *отвращение*, выделить их соматические компоненты, описать физиологические характеристики эмоции *отвращение* и ее способность к интенсивности. Рассмотрена классификация языковых метафор по уровню языковой иерархии, по типу переноса и по критерию стилистической значимости. Отличительной характеристикой эмоции *отвращение* является наличие телесных ощущений – приступа удушья, тошноты, рвотного рефлекса при ее переживании. Репрезентация эмоции *отвращение* экспрессивными междометиями отражает ее интенсивность. Отвращение репрезентуется на трех уровнях: невербальном – мимикой и жестами; физиологическом – тошнотой, приступами удушья, рвотным рефлексом; вербальном – базовой лексемой-репрезентантом *der Ekel*, метафорой-словом *die Grenze*, метафорой-словом с соматическим компонентом *Brechmittel*, метафорой-словосочетанием *Ekel schüren*, метафорой-предложением с соматическим компонентом *Das Ekelhafte würgt mich* и экспрессивными междометиями *Bäh!*, *Ih!*, *Igitt!*, *Pfui!*

Ключевые слова: отвращение, физиологическая характеристика, метафора, метафоры с соматическими компонентами, экспрессивные междометия

Цитирование: Корогодина И. В. Языковые средства выражения эмоции *отвращение* в современном немецком языке. Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 2. С. 203–210. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-203-210>

Full article

Linguistic Representations of *Disgust* in the Modern German Language

Izabella V. Korogodina

Irkutsk State Medical University, Russia, Irkutsk

korogodina@mail.ru

Received 13 Jan 2022. Accepted after peer review 31 Mar 2022. Accepted for publication 4 Apr 2022.

Abstract: The present research featured linguistic units of the primary and secondary nomination, as well as expressive interjections, which describe the emotion of *disgust* and its physiological characteristics. The purpose of the research was to analyze the linguistic representations of *disgust* and to describe the physiological characteristics that reflect the fundamental status of the emotion. The study focused on the German lexeme *Ekel*, linguistic metaphors, metaphors with somatic components, and expressive interjections. The authors analyzed linguistic representations of the emotion of *disgust*, outlined its somatic components, described its physiological characteristics, defined the actual linguistic nomination of *disgust*, classified linguistic metaphors and metaphors with the somatic components according to linguistic hierarchy, and analyzed the somatic components that reflect the physiological characteristics of *disgust*. The emotion of *disgust* appeared to be based on such physical sensations as choking, nausea, and vomiting. The expressive interjections proved to reflect the intensity of the emotion. *Disgust* is represented at three levels: non-verbal – by facial expressions and gestures; physiological – nausea, asthma attacks, gag reflex; verbally – the base lexeme-representative *der Ekel*, the metaphor-word *die Grenze*, the metaphor-word with the somatic component *Brechmittel*, the metaphor-phrase *Ekel schüren*, the metaphor-sentence with the somatic component *Das Ekelhafte würgt mich*, and the expressive interjections *Bäh!*, *Ih!*, *Igitt!*, *Pfui!*

Keywords: disgust, physiological characteristic, metaphor, metaphors with the somatic components, expressive interjections

Citation: Korogodina I. V. Linguistic Representations of *Disgust* in the Modern German Language. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2022, 24(2): 203–210. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-203-210>

Введение

Актуальность данной работы определена интересом антропологической лингвистики к изучению способов языковой реализации эмоций представителей разных культур и языков, описанию их физиологических характеристик, жизнесохраняющих функций, личностно-пристрастных суждений, лежащих в основе эмоционального мировосприятия. Научная новизна заключается в описании физиологических характеристик эмоции *отвращение*, выявлении ее невербальных и вербальных репрезентаций с их отличительными признаками.

Эмоции – одна из самых сложных систем человека, поскольку в их возникновении, развитии и проявлении принимают участие практически все системы – восприятие, физиологические реакции (тошнота, удушье, головокружение), интеллект, физические системы (разнообразная моторика, включая мимику, экспрессивное поведение) и даже речь [1].

Согласно К. Михелю и Ф. Новаку эмоции – это душевный настрой, состояния внутреннего Я, затрагивающие тело, восприятие и поведение ("Emotionen sind Befindlichkeiten, Ich-Zustände, die den Körper, das Erleben und Verhalten betreffen") [2, S. 109]. Они непосредственно связаны с физиологическими изменениями, такими как дрожь, усиленное потоотделение, расстройство функций желудочно-кишечного тракта, и могут обладать различной степенью интенсивности ("Emotionen sind untrennbar mit körperlichen Veränderungen wie... Zittern, Schweißausbrüchen, verstärkter Magen- und Darmtätigkeiten... und können von unterschiedlicher Intensität sein") [2, S. 109].

Немецкие психологи Д. Улих и Ф. Майринг разделяют эмоции на эмоции расположения (Zuneigungsgefühle) и эмоции отторжения (Abneigungsgefühle). К эмоциям расположения относятся любовь, симпатия, привязанность, сопереживание, гордость, одобрение, дружелюбие, душевное стремление (Liebe, Sympathie, Bindung, Mitgefühl, Stolz, Wohlwollen, Freundlichkeit, Sehnsucht). К эмоциям отторжения – отвращение, неприязнь, презрение, гнев, неистовство, ярость, страх, ненависть, ревность (Ekel, Abscheu, Verachtung, Ärger, Wut, Zorn, Angst, Hass, Eifersucht) [3].

По смысловому содержанию эмоции делятся на базовые [4, с. 268], фундаментальные (Grund-Emotionen) [5, S. 148–149], первичные (primäre Emotionen) [6] и комплексные [5, S. 148–149], или оценочные [7]. Фундаментальные эмоции – это психические силы человека, вызванные внешними раздражителями, включающие субъективное восприятие фрагментов мира, тесно связанное с физиологическими реакциями на них ("Grund-Emotionen sind... psychische Kräfte... mit subjektivem Erleben, die durch externe Reize ausgelöst und eng mit physiologischen Veränderungen verknüpft sind") [2, S. 152–153]. Развиваясь из фундаментальных эмоций, комплексные эмоции возникают при аффективно-когнитивном оценивании ситуации ("Bewertungsgefühle... entstammen affektiv-kognitiven Einschätzungen") [7, S. 10].

Эмоции являются главным компонентом коммуникации. При общении люди пытаются уловить эмоциональное состояние своего собеседника, чтобы оценить, что и как он говорит. Оно выражается вербальными (языковыми) и невербальными, или паралингвистическими, средствами – жесты, мимика, позы говорящего, которые связаны между собой, «поскольку без учета обоих восприятие информации может быть неполноценным» [8, с. 329].

Отвращение является фундаментальной эмоцией, т.к. тесно связано с физиологическими реакциями человеческого организма на неприятные раздражители. По мнению немецкого философа А. Колная, отвращение обладает телесной привязанностью, при которой чувственные впечатления сопровождаются телесными реакциями (тошнота, рвотный рефлекс) ("Zur Abgrenzung des Ekl ist Leibgebundenheit wichtig... Beim Ekel spielen Sinneseindrücke und die Andeutung einer körperlichen Reaktion (vomitus) eine Wesensrolle") [9, S. 9]. О значимости телесных ощущений при переживании отвращения пишет и Х. Хастедт в своих философских замечаниях ("Ekel ist eine Empfindung, bei der die leibliche Beteiligung im Zentrum der Aufmerksamkeit steht") [10, S. 15].

Отвращение – отрицательная эмоция, по К. Э. Изарду, она относится к реакциям отстранения [4, с. 268], имеющим «отталкивающий характер» [11, с. 256]. Оно представляет собой негативное отношение субъекта к различным аспектам объекта – запаху, виду, вкусу, звукам, прикосновению; агентам – их внешнему виду, характеру, действиям, поступкам; последствиям событий. При этом аспекты последствия событий оцениваются как неприятные или скверные, поступки агентов – как отвратительные, унижающие человеческое достоинство, а аспекты объектов – как невкусные, омерзительно пахнущие, вредоносные, что соответствует физиологическим характеристикам отвращения.

Являясь отрицательной фундаментальной эмоцией, отвращение актуализируется на трех уровнях:

- невербальном с помощью мимики и жестов ("den nonverbalen Ausdruck von Emotionen als Mimik und Gestik");
- физиологическом – состояниями, сопровождающими отвращение ("körperliche Zustände, die als Emotionen begleitende Reaktionen auftauchen können");
- вербальном – языковыми единицами первичной и вторичной номинации, междометиями ("verbale Repräsentationsformen (auf der Wort-, Satz- und Textebene mittels Interjektionen)") [12, S. 57].

Для невербальной реализации отвращения характерно следующее мимическое выражение лица – наморщить нос, немного подняв его, при этом образуется вертикальная складка на лбу, приоткрывается рот с опусканием нижней губы ("Ekel lasse sich an Naserümpfen, leichtem Heben der Nase, an senkrechten Falten auf der Stirn und einem geöffneten Mund mit dem Herunterziehen der Unterlippe erkennen") [13, S. 380–382].

К физиологическим состояниям, сопровождающим отвращение, относятся такие неприятные внутренние ощущения, как тошнота, рвотный рефлекс, приступ удушья¹.

Для обозначения эмоции *отвращения* в современном немецком языке существует несколько лексем – *Ekel*, *Abscheu*, *Widerwille*. При дефинировании этих лексем толковые немецкие словари указывают на их синонимичность, т. к. они находятся в отношении самоопределения². Несмотря на высокую степень синонимичности лексем *Ekel*, *Abscheu*, *Widerwille*, существуют различия в их физиологической маркированности.

А. Колнай определяет лексему *Ekel*, в отличие от лексем *Abscheu* и *Widerwille*, как физиологически маркированную – вызывающую физиологические реакции – тошноту (*somatische Übelkeit*) и рвотный рефлекс (*"abgeschwächter Brechreiz"*) [9, S. 11]. С учетом физиологической маркированности лексемы *Ekel* она является наиболее актуальным языковым номинантом для эмоции *отвращения*, т. к. выражает весь объем знаний носителей языка о данной эмоции, включая ее физиологические характеристики.

Для языкового выражения эмоций не всегда пригодны лексемы в их прямом номинативном значении, поскольку речь идет о внутреннем мире человека, который моделируется по образцу внешнего, материального. Основным источником психологической лексики является лексика физическая (наблюдаемая), используемая во вторичных, метафорических смыслах, поэтому наиболее адекватным лингвистическим описанием эмоций считают описание через метафоры [14, с. 387].

Метафора является единицей вторичной косвенной номинации. Под вторичной номинацией следует понимать «переосмысление уже имеющихся в языке номинативных средств с целью использования готовых языковых форм в новом для них отношении именования» [15, с. 132]. Имеющиеся в языке средства первичной номинации используются в новом для них отношении именования при «переносе формата – материальной фонетически, морфологически оформленной оболочки с одного денотата – фрагмента реальной действительности на другой» [16, с. 62]. При этом один денотат – реальный, на который переносятся свойства и характеристики, а другой – фиктивный, с которого переносятся свойства и характеристики.

Для языкового описания эмоции *отвращения* используются метафоры-слова, метафоры-словосочетания, метафоры с соматическим компонентом, под которыми понимается вид метафор, отсылающих «к жестам, мимике и психосоматике человеческого тела» [17, с. 56],

«к физиологическим процессам, характеризующим состояние человека» [18, с. 33]. Используя названия частей тела и их двигательных функций (*"includes movements of separate parts of the body"*) [19, p. 245], органов, физиологических реакций и процессов в переносном значении, люди стараются полнее передать свои мысли, описать самые разные сферы действительности, включая эмоции, и произвести большее впечатление от сказанного. Собственное тело для человека ближе всего, с ним сравнивают, когда описывают эмоциональную сферу жизнедеятельности.

Базовый словарь немецкого языка рассматривает рвотный рефлекс и удушье как соматические компоненты – физиологические реакции отвращения. В качестве синонима к лексеме *Ekel* им зафиксированы выражения: *für jn. ein Brechmittel sein* (быть омерзительным / рвотным средством для кого-либо), *der Ekel würgte ihn* (Отвращение душило его)³.

Метафоры, описывающие эмоцию *отвращения*, подразделяются по типу переноса на односторонние семасиологические, односторонние ономасиологические метафоры-слова и метафоры-предложения, двусторонние метафоры-словосочетания с полным метафорическим переносом; по критерию стилистической значимости – на узуальные и окказиональные метафоры. Односторонние семасиологические метафоры с полным метафорическим переносом характеризуются наличием одного и того же формата. Фиктивный денотат выражается эксплицитно, реальный же выявляется только из контекста [16, с. 78–79]. Односторонние ономасиологические метафоры с полным метафорическим переносом отличаются наличием денотатов (фиктивного и реального) в рамках одного предложения [16, с. 80]. В двусторонних метафорических словосочетаниях с полным метафорическим переносом «оба денотата (и реальный, и фиктивный) присутствуют эксплицитно, привлечение контекста для их декодирования совсем необязательно, компоненты, их составляющие, сочетаются синтаксически» [16, с. 111–112]. Узуальные метафоры характеризуются привычной формой словоупотребления, в них отсутствует элемент оригинальности и индивидуального творчества. Окказиональные метафоры отражают индивидуальное видение мира, поэтому они «субъективны и случайны относительно общего знания» [14, с. 192–194].

Наряду с единицей первичной номинации (лексемой *Ekel*) и единицами вторичной номинации (метафорами-словами, метафорами-словосочетаниями и метафорами с соматическим компонентом) отрицательная фундаментальная эмоция *отвращения* актуализируется междометиями.

¹ Mackensen L. Deutsches Wörterbuch. 12, völlig neu bearbeitete und stark erweiterte Auflage unter Mitarbeit von Dr. Gesine Schwarz-Mackensen. München: Südwest Verlag, 1986. 691 S.; Pfeifer W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Berlin: Akademie Verlag GmbH, 1993. 1665 S.

² Duden Deutsches Universalwörterbuch, hrsg. und bearb. vom wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. 3, völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich-Dudenverl.: Dudenverl., 1996. S. 67, 420; Wahrig. Deutsches Wörterbuch, Herausgegeben in Zusammenarbeit mit zahlreichen Wissenschaftlern und anderen Fachleuten. Mit einem "Lexikon der deutschen Sprachlehre". Gütersloh-Berlin-München: Bertelsmann Lexikon-Verlag, 1972. S. 4176, 263, 1076.

³ Basiswörterbuch Deutsch als Fremdsprache: Das einsprachige Lernerwörterbuch. Stuttgart: Ernst Klett International, 1999. S. 159.

В современных лингвистических исследованиях междометия определяют как чувственные слова, служащие для выражения ощущений или эмоций ("Interjektionen werden häufig "Empfindungswörter" genannt, deren Funktion als Ausdruck einer Empfindung oder Emotion herausgestellt wird") [12, S. 155], как кратчайшие выразители эмоций – они как языковые единицы не выполняют номинативную функцию в широком смысле – не указывают на фрагменты мира, а только выражают экспрессивность эмоционального состояния ("Sie haben keine referenzielle (nominative) Funktion, d.h. mit Interjektionen verweisen wir nicht auf Gegenstände (im weitesten Sinne) in der Welt, sondern sie dienen ausschließlich der Expressivität des emotionalen Empfindens") [20, с. 97]. Экспрессивность междометий заключается в их способности выражать эмоции человека, «его реакции на происходящие события» [21, с. 80]. По мнению Монике Шварц-Фризель, экспрессивные междометия *Bäh!*, *Ih!*, *Igitt!*, *Pfui!* служат для выражения отвращения в современном немецком языке [12, S. 156].

Методы и материалы

Для определения роли вербальных репрезентаций лексемы *Ekel*, метафор, междометий *Bäh!*, *Ih!*, *Igitt!*, *Pfui!* при описании отрицательной фундаментальной эмоции *отвращение* проанализированы материалы текстов современных немецкоязычных СМИ⁴. Для описания языкового номинанта отвращения (лексемы *Ekel*) проанализировано 10 текстов, для определения роли метафор с соматическим компонентом и экспрессивных междометий, характеризующих физиологические характеристики отвращения и его способность к интенсивности, – 20 текстов.

Использованы анализ словарных дефиниций, описательный метод, метод компонентного анализа, метод контекстуального анализа. В ходе анализа словарных дефиниций был определен актуальный языковой номинант отвращения – лексема *Ekel*, синонимичные лексеме *Ekel* метафоры с соматическим компонентом *ein Brechmittel sein*, *der Ekel würgte ihn*, экспрессивные междометия *Bäh!*, *Ih!*, *Igitt!*, *Pfui!*, выражающие данную эмоцию. С помощью описательного метода языковые метафоры, актуализирующие отвращение, были классифицированы по уровню языковой иерархии, типу переноса, критерию стилистической значимости. Компонентный анализ выявил, что отвращение вербализуется узуальными, односторонними ономастическими метафорами-словами и метафорами-предложениями, окказиональными двусторонними метафорами-словосочетаниями. С помощью контекстуального анализа определена роль метафор с соматическим компонентом, описывающих физиологические аспекты отвращения, и экспрессивных междометий, указывающих на его интенсивность.

Результаты

Единица первичной номинации

(1) *Rund 100 Coronafälle gibt es im Flüchtlingslager Vathy auf der griechischen Insel Samos. Betroffene werden auf engstem Raum eingepfercht ... Joseph soll der Mann hier heißen, in dessen Coronaquarantäne im Flüchtlingslager auf der griechischen Ägäisinsel Samos das Video entstanden ist. Es zeigt die Bedingungen, unter denen die Bewohner*innen des Camps isoliert werden, wenn sie positiv auf das Coronavirus getestet werden ... Das Camp ist seit den ersten bestätigten Fällen in einem Lockdown, die Flüchtlinge sollen das Gelände möglichst wenig verlassen, die Eingänge werden von Polizistinnen kontrolliert – und wer positiv getestet wird, kommt für 14 Tage in Container. So wie Joseph ... Für das gesamte Camp gibt es nach Angaben der Hilfsorganisation Ärzte ohne Grenzen nur zwei Militärärzte und drei Krankenpfleger*innen. Unter mangelndem Wasser hätten sie nicht gelitten, sagt Joseph. "Aber das Problem war das Essen", klagt er, **der Ekel** klingt in seiner Stimme durch. "Es ist verfault" ... Die Kamera zeigt in einer Plastikverpackung eine Art Fladenbrot, auf dem es bläulich-pelzig schimmert⁵ – Около 100 случаев заражения коронавирусом в лагере беженцев Фати на греческом острове Самос. Беженец Йозеф рассказывает об условиях пребывания зараженных в самоизоляции. Беженцам, у которых положительные результаты ПЦР-теста, запрещено покидать помещения, входы охраняет полиция. 14 дней они вынуждены проводить в контейнере. В лагере только 2 военных врача и 3 медбрата. Не хватает воды. Йозеф жалуется, что пища испорчена и покрыта плесенью, *отвращение* звучит в его словах.*

В данном примере с помощью лексемы *Ekel* (актуального языкового номинанта) выражается отвращение беженца Йозефа (*sagt Joseph ... klagt er*) и жителей лагеря для беженцев на греческом острове Самос к еде, которой их кормят (*Aber das Problem war das Essen*), она испорчена (*Es ist verfault*) и покрыта голубоватой плесенью (*eine Art Fladenbrot, auf dem es bläulich-pelzig schimmert*). Отвращение, вербализованное лексемой *Ekel*, испытывает Йозеф не только к заплесневевшей еде, но и к условиям, в которых вынуждены жить беженцы с положительным тестом на коронавирус. После положительного теста их размещают на 14 дней в контейнере (*wer positiv getestet wird, kommt für 14 Tage in Container*), где они, как преступники, находятся под надзором полиции (*die Eingänge werden von Polizistinnen kontrolliert*). Лексема *Ekel* является не только языковой экспликацией отвращения к заплесневелому виду еды, но и репрезентирует негативную оценку поступка агентов – полицейских, которые загнали больных коронавирусом, как животных, в контейнер (*Betroffene werden auf engstem Raum eingepfercht*), как отвратительных, приводящих к дальнейшему распространению коронавируса. События,

⁴ Taz.de. Режим доступа: www.taz.de

⁵ Oer E. Isolation von Geflüchteten mit Corona. Eingeschlossen im Container. 27.10.2020. Режим доступа: <https://taz.de/Isolation-von-Gefluechteten-mit-Corona/!5720893&s=Isolation+von+Gefl%C3%BChteten+mit+Corona+Eingeschlossen+im+Container/> (дата обращения: 15.12.2021). Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

которые происходят в лагере для беженцев на острове Самос: изоляция больных в контейнерах (*kommt für 14 Tage in Container*), обеспечение некачественной пищей (*eine Art Fladenbrot, auf dem es bläulich-pelzig schimmert*), нехватка врачей (*nach Angaben der Hilfsorganisation Ärzte ohne Grenzen nur zwei Militärärzte und drei Krankenpfleger*innen*) – оцениваются и автором статьи, и беженцем Йозефом как скверные, вредоносные, поэтому отвращение к ним звучит в голосе говорящего (*der Ekel klingt in seiner Stimme durch*).

Единицы вторичной номинации

Метафора-слово

(2) *Was ist überhaupt Ekel? ...Spuck in ein Glas, und trink danach den Inhalt. Sofort steigt ein sagenhaftes Ekelgefühl in einem auf, und das ist sehr gut. Verdeutlicht diese Metapher doch, dass Ekel eine Grenze markiert zwischen dem eigenen Körper und dem fremden Anderen... Wenn diese Schwelle zwischen Innen- und Außenwelt überschritten wird, kommt Ekel auf, der allerdings nicht natürlich entstanden ist, sondern sich kulturell entwickelt hat. Verantwortlich für die Ekelgrenzen sind Sitten und Regeln, die in einer Kultur festgelegt sind*⁶ – Что такое, вообще, отвращение? ... Плевок в стакан и выпитое затем содержимое сразу же вызывает чувство отвращения. Эта метафора разъясняет, что отвращение определяет границу между своим телом и чем-то инородным, чужим. Если перешагнуть этот порог между внутренним и внешним миром, возникает культурно обусловленное отвращение. Границы отвращения обусловлены обычаями и правилами определенного культурного сообщества.

В данном примере отвращение (*der Ekel*) сравнивается с границей (*die Grenze*), которую устанавливает индивид между своим собственным телом и телом другого человека (*dass Ekel eine Grenze markiert zwischen dem eigenen Körper und dem fremden Anderen*), чтобы отграничить свою культуру от чужой, непонятной и чуждой (*Verantwortlich für die Ekelgrenzen sind Sitten und Regeln, die in einer Kultur festgelegt sind*), и если эту культурную границу – обычай и нравы другой нации – перешагнуть, появляется неприязнь, отстранение (*Wenn diese Schwelle... überschritten wird, kommt Ekel auf*). Лексема *die Grenze* является односторонней ономазиологической метафорой-словом с полным метафорическим переносом. Фиктивный (*die Grenze*) и реальный (*der Ekel*) денотаты данной метафоры-слова выражены эксплицитно в рамках одного предложения. Односторонняя ономазиологическая метафора-слово *die Grenze* является также узуальной метафорой, обусловленной частым употреблением в рамках немецкого сообщества.

Метафора-словосочетание

(3) *Die gierigen Blutsauger treiben verschärft ihr Unwesen. Impfungen schützen zwar nicht vor Bissen, aber weitgehend vor Krankheiten Zeckenalarm in Hamburg: Auf Plakaten hundertfach vergrößert schüren die bissigen Biester Angst und Ekel. Von März bis September übertragen sie zum Beispiel Meningitis. Apotheker werben für Insektenabwehrmittel und Impfungen*⁷ – Жадные кровососы бесчинствуют. Прививки защищают не от укусов клещей, а от болезней, которые эти укусы вызывают. Тревожное положение в Гамбурге. На плакатах увеличенные кровососущие бестии подогревают страх и отвращение. С марта по сентябрь переносят клещи менингит. Фармацевты проводят акции в поддержку профилактики и вакцинации.

В данном примере отвращение к клещам и болезням, которыми при укусе они могут заразить (*Angst und Ekel... nicht vor Bissen, aber weitgehend vor Krankheiten Zeckenalarm in Hamburg... Von März bis September übertragen sie zum Beispiel Meningitis*), сравнивается с пожаром (*schüren die bissigen Biester Angst und Ekel*). Отвращение к кровососущим насекомым разжигают и подогревают плакаты, на которых они изображены в увеличенном размере (*Auf Plakaten hundertfach vergrößert*). Уподобление отвращения огню, пожару выражается двусторонней метафорой-словосочетанием *schüren Ekel* (разжигать отвращение) с полным метафорическим переносом. Реальный (*Ekel*) и фиктивный (*Feuer* – огонь) денотаты выражены эксплицитно и сочетаются синтаксически. При употреблении двусторонней метафоры-словосочетания *Ekel schüren* проявляется творческая индивидуальность автора, что позволяет определить данную метафору-словосочетание как окказиональную.

Метафоры с соматическим компонентом

Репрезентируют физиологические характеристики отвращения – нехватку воздуха, тошноту, рвотный рефлекс.

(4) *Zu Weihnachten 1965 veröffentlichten sämtliche Westberliner Zeitungsverleger in ihren Tageszeitungen einen Spendenaufruf für die US-Opfer des Vietnamkriegs. Von den gesammelten 130.000 Mark erwirbt man kleine Freiheitsglocken aus Porzellan und schickt diese an die Familien der in Vietnam gefallenen US-Soldaten. Denn die hätten, so paraphrasiert der Satiriker Wolfgang Neuss, ... ihr Leben lassen müssen, "damit wir ungestört auf'n Kud'amm unsere Weihnachtseinkäufe tätigen können" ... Ekel würgt mir. Ich kotze kurz*⁸ – В канун рождества 1965 года издатели западноберлинских газет объявили благотворительную акцию в память о павших во Вьетнаме американских солдатах. На собранные 130000 марок

⁶ Ringel M. Die grausame Rache des grinsenden Beduinen. 21.07.2009. Режим доступа: <https://taz.de/Archiv-Suche/?15159511&s=Die%2Bgrausame%2BRache%2Bdes%2Bgrinsenden%2BBeduinen/> (дата обращения: 15.12.2021).

⁷ Ullrich L. Bloß nicht rumzecken. 15.05.2003. Режим доступа: <https://taz.de/Archiv-Suche/?1775904&s=Blo%C3%9F%2Bnicht%2BzumZecken&SuchRahmen=Print/> (дата обращения: 15.12.2021).

⁸ Schäfer F. 50. Jahrestag Antikriegsproteste. US-Truppen auf zum Mond! 04.02.2016. Режим доступа: <https://taz.de/50-Jahrestag-Antikriegsproteste/?15271633&s=US+Truppen+auf+zum+Mond/> (дата обращения: 15.12.2021).

приобрели маленькие фарфоровые колокольчики свободы и отправили их семьям погибших солдат. Сатирик Вольфган Нойсс расценивает данную благотворительную акцию как издевку над памятью павших, что они отдали жизни за то, «чтобы мы могли спокойно делать покупки на рождество». При этой мысли его *душит отвращение* до рвотных спазмов.

Метафора-предложение с соматическим компонентом (*Ekel würgt mir*) представляет отвращение сатирика Вольфгана Нойсса к поступку издателей западноберлинских газет – т. н. благотворительной акции в память о погибших во Вьетнаме солдатах, которую они провели в канун рождества 1965 г. (*Zu Weihnachten 1965 veröffentlichen ... einen Spendenaufruf für die US-Opfer des Vietnamkriegs*), и на вырученные средства приобрели фарфоровые колокольчики свободы и отправили их семьям погибших солдат (*schickt diese an die Familien der in Vietnam gefallenen US-Soldaten*), тем самым унижая гибель солдат, погибших, чтобы мы спокойно совершали рождественские покупки. И это отвращение *душит* Вольфгана Нойсса вплоть до рвотных спазм (*Ich kotze kurz*), что отражает психосоматический характер отвращения и соответствует его телесной привязанности. Метафора-предложение с соматическим компонентом является ономазиологической с полным метафорическим переносом. И реальный денотат *отвращение* (*Ekel*), и фиктивный – *удушь* (*Atemnot*), выраженный лексемой *würgt*, присутствуют в рамках одного предложения. Односторонняя ономазиологическая метафора-предложение (*Ekel würgt mir*) является также узуальной (общеупотребительной) метафорой.

(5) *Jemand, der sich früh für die Rückgabe von in der Kolonialzeit entwendeten Kunstwerke eingesetzt hat, ist der ehemalige Direktor des Bremer Überseemuseums Herbert Ganslmayr ... Herbert Ganslmayr ... forderte er auf einer Tagung der internationalen Museumsvereinigung, gestohlene Kulturgüter und Kunstwerke in ihre Herkunftsländer zurückzugeben, aus denen sie zuvor geraubt worden waren ... Die Ablehnung von Ganslmayrs Positionen ging sogar in persönliche Anfeindungen über: In einem Briefwechsel zwischen Andreas Lommel, dem Leiter des Museums für Völkerkunde in München, und Friedrich Kußmaul, dem Direktor der Stuttgarter Linden-Museums, wird Ganslmayr kurz nach seiner Äußerung auf der internationalen Museumstagung als "Brechmittel" bezeichnet*⁹ – Бывший директор трансатлантического музея в Бремене Херберт Гансмайер потребовал на международном форуме музейного искусства вернуть культурные ценности государствам, из которых они были украдены во время колониальных захватов. Данная позиция вызвала враждебность со стороны руководителя этнографического музея в Мюнхене и директора музея в Штуттгарте, которые считают высказывание Херберта Гансмайера *отвратительным*.

Brechmittel (рвотное средство) – метафора-слово с соматическим компонентом – эксплицирует отвращение, неприязнь коллег по цеху к бывшему директору трансатлантического музея в Бремене Херберту Гансмайеру за то, что он на международном форуме объединений музейного искусства потребовал вернуть произведения искусства в страны (*forderte er auf einer Tagung der internationalen Museumsvereinigung, gestohlene Kulturgüter und Kunstwerke in ihre Herkunftsländer zurückzugeben*), из которых они были украдены во время колонизации (*aus denen sie zuvor geraubt worden waren*). Непосредственно после выступления коллеги назвали Херберта Гансмайера рвотным средством (*wird Ganslmayr kurz nach seiner Äußerung auf der internationalen Museumstagung als "Brechmittel" bezeichnet*), которое противно большинству, что приводит к отторжению, враждебному неприятию его позиции. Метафора-слово с соматическим компонентом *Brechmittel* является односторонней семасиологической с полным метафорическим переносом. Фиктивный денотат (*Brechmittel*) эксплицитен, реальный (*Ekel* – отвращение, неприязнь) выявляется из контекста (*Die Ablehnung von Ganslmayrs Positionen ging sogar in persönliche Anfeindungen über*). По критерию стилистической значимости данную одностороннюю семасиологическую метафору-слово с соматическим компонентом можно отнести к узуальным (общеупотребительным) метафорам.

Экспрессивные междометия

(6) *Die Ärztekammer lockert ihre Regeln zur Blutspende – diskriminierend bleiben sie dennoch. Schwuler Sex gilt weiterhin als **bäh und igitt**. Dafür gibt es medizinische Gründe: Rein statistisch gesehen sind Männer, die mit Männern Sex haben, häufiger mit HIV oder Hepatitis C infiziert als andere Menschen*¹⁰ – Пункт сдачи крови привлекает доноров по-своему – дискриминация направлена только на гомосексуалистов. Так как их половое поведение вызывает *отвращение*. На это есть медицинские обоснования: Статистические данные показывают, мужчины нетрадиционной половой ориентации чаще заражаются ВИЧ и гепатитом С.

Междометия *bäh* и *igitt* актуализируют отвращение к гомосексуальному половому поведению, которое может быть потенциально опасным, вредным для здоровья, о чем свидетельствует медицинская статистика. Поведение и поступки агентов-гомосексуалистов оцениваются как потенциально опасные.

(7) *Gamze B. hat ihren Schulabschluss an einer Hamburger Schule gemacht, eine Lehrstelle hat sie auch. Doch die Familie ist von Abschiebung bedroht. Schlimm sei es dort gewesen. Aber hier in Mazedonien? Gamze sei gut in der Schule, das sage auch*

⁹ Thume E. Anfänge der Restitutionsdebatte: Der Rückgabe-Pionier. 23.05.2021. Режим доступа: <https://taz.de/Anfaenge-der-Restitutionsdebatte/!5769743&s=Anf%C3%A4nge+der+Restitutionsdebatte+Der+R%C3%BCckgabe+Pionier/> (дата обращения: 15.12.2021).

¹⁰ Göbel M. Der Homo-Vorbehalt bleibt. 06.08.2017. Режим доступа: <https://taz.de/Kommentar-Reform-der-Blutspenderegeln/!5432677&s=Der+Homo+Vorbehalt+bleibt/> (дата обращения: 15.12.2021).

die deutsche Lehrerin. "Sie will lernen. Aber stattdessen muss sie nach Mazedonien kommen" ... "Wenn ich ihnen keine Schuhe kaufen kann, dann sagen die Leute: „**Ih**, die Zigeunerkinder haben nichts zum Anziehen, kommen dreckig zur Schule.“ Er will nicht, dass sie das erleben müssen. Wo man in Mazedonien auch fragt, berichten Roma von Ausgrenzung, davon, in Restaurants nicht bedient zu werden und dass sie keine Arbeit bekommen¹¹ – Ганце Б. из Македонии закончила школу в Гамбурге, но ее семье угрожает депортация. Глава семьи говорит: «Если я не смогу работать, то не смогу купить обувь детям», тогда люди скажут: «Фууу, цыгане, у них нечего одеть, ходят грязными в школу». Выходцев из Македонии могут не обслужить в ресторане, они не могут получить работу.

В данном примере междометие *Ih* выражает стереотипное негативное отношение – отвращение, неприязнь к выходцам из Македонии – цыганам, как к людям, несоблюдающим личную гигиену. Стереотипное неприязненное отношение к цыганам, сложившееся в современном обществе, затрагивает как бытовую – их не обслуживают в ресторанах (*berichten Roma von Ausgrenzung, davon, es in Restaurants nicht bedient zu werden*), они постоянно находятся под угрозой депортации (*die Familie ist von Abschiebung bedroht*), так и профессиональную – они не могут получить работу (*dass sie keine Arbeit bekommen*) – сферы жизнедеятельности.

(8) Stuttgart – Schuhe, Taschen, Fahrradrahmen: Mit dem boomenden Welthandel sind auch beim Zoll in Stuttgart zuletzt wieder deutlich mehr gefälschte Produkte gelandet. Die Zahl der aus dem Verkehr gezogenen Plagiate meist aus Fernost sei im vergangenen Jahr auf gut 30 000 Stück (2016: 12 000) angestiegen, wie Thomas Seemann vom Hauptzollamt Stuttgart am Donnerstag mitteilte. "Außen hui, innen **pfui**", kommentierte er einen schicken Sportschuh¹² – Штуттгарт – Обувь, сумки, велосипедные рамы: С ростом мировой торговли на таможне наблюдается учащение случаев контрабанды. Как сообщает Томас Зеemann, представитель таможни Штуттгарта, число «фальшивых» товаров по сравнению с прошлым годом возросло на 30000. Их качество Томас Зеemann характеризует так: «Снаружи красота, а изнутри тьфу».

Отвращение сотрудника Главного таможенного управления Штуттгарта Томаса Зеemannа к контрафактной импортной продукции выражено междометием *pfui*. Расположение данного междометия в конце предложения усиливает негативную оценку сотрудником таможни качества контрафактной продукции, несмотря на ее безупречный внешний вид. Периферийная позиция междометия свидетельствует о нарастании отвращения и превращения его в негативное эмоциональное отношение субъекта к объекту ("Am Ende eines Satzes (rechtsperipher) summieren die Interjektionen die emotionale Einstellung des Produzenten") [12, S. 157] –

контрафактной продукции, чье качество оценивается как вредоносное, компрометирующее производителей фирменной обуви (*seien die gefälschten Markenschuhe aufgetaucht*).

Заключение

Отвращение – фундаментальная эмоция, выражающая негативное отношение субъекта к последствиям событий, поступкам и действиям агентов, аспектам объектов. Для отвращения как фундаментальной эмоции характерна телесная привязанность – телесные ощущения, физиологические реакции на неприятные раздражители. Отвращение репрезентируется на трех уровнях: невербальном – мимикой и жестами; физиологическом – тошнотой, приступами удушья, рвотным рефлексом; вербальном – базовой лексемой-репрезентантом *der Ekel*, метафорой-словом *die Grenze*, метафорой-словом с соматическим компонентом *Brechmittel*, метафорой-словосочетанием *Ekel schüren*, метафорой-предложением с соматическим компонентом *Das Ekelhafte würgt mich* и экспрессивными междометиями *Bäh!*, *Ih!*, *Igitt!*, *Pfui!* По типу метафорического переноса метафора-слово *die Grenze* является односторонней ономазиологической, метафора-слово с соматическим компонентом *Brechmittel* – односторонней семасиологической, метафора-словосочетание *Ekel schüren* – двусторонней, метафора-предложение с соматическим компонентом *Ekel würgt mir* – односторонней ономазиологической. По критерию стилистической значимости метафора-слово *die Grenze*, метафора-слово с соматическим компонентом *Brechmittel*, метафора-предложение с соматическим компонентом *Ekel würgt mir* относятся к узуальным (общеупотребительным) метафорам, двустороннее метафорическое сочетание *Ekel schüren* – к окказиональным. Отличительной характеристикой языковых репрезентаций отвращения является наличие метафор с соматическим компонентом, что соответствует его телесным, физиологическим реакциям и подчеркивает фундаментальный статус данной эмоции. Интенсивность отвращения актуализируется экспрессивными междометиями *Bäh!*, *Ih!*, *Igitt!*, *Pfui!* Вербализация отвращения единицами первичной и вторичной номинации, относящимися к разным уровням языковой иерархии, междометиями, выражающими эмоциональную насыщенность отвращения, свидетельствует о широком спектре языковых средств его выражения.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

¹¹ Baack J.-P. Drohende Abschiebung nach Mazedonien. Der Traum vom Bleiben. 17.07.2015. Режим доступа: <https://taz.de/Drohende-Abschiebung-nach-Mazedonien/!5211706/> (дата обращения: 15.12.2021).

¹² Zoll in Stuttgart beschlagnahmt mehr gefälschte Produkte. Режим доступа: <https://www.welt.de/regionales/baden-wuerttemberg/article176030582/Zoll-in-Stuttgart-beschlagnahmt-mehr-gefaelschte-Produkte.html?wtrid=onsite.onsitesearch#Comments> (дата обращения: 15.12.2021).

Литература / References

1. Корогодина И. В. Эмоциональный концепт Ekel и его функциональные характеристики в современном немецком языке. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2019. Т. 21. № 2. С. 529–539. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-529-539>
Korogodina I. V. Emotional concept "Ekel" (Disgust) and its functional properties in the modern German language. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 529–539. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-529-539>
2. Michel C., Novak F. *Kleines psychologisches Wörterbuch*. Verlag Herder Freiburg, 2001, 355.
3. Ulich D., Mayring Ph. *Psychologie der Emotionen*. Stuttgart: Verlag Kohlhammer, 2003, 221.
4. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2000. 464 с.
Izard C. E. *The psychology of emotions*. St. Petersburg: Piter, 2000, 464. (In Russ.)
5. Claus G. *Wörterbuch der Psychologie*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1981, 704.
6. Plutchik R. *The emotions: facts, theories, and a new model*. N. Y.: Random House, 1962, 330.
7. Stemmler G. *Psychology of Emotions: Enzyklopadie of Psychologi*. Bd. 3: *Themenbereich C, Theorien und Forschung*. Göttingen: Hogrefe Verlag, 2009, 605.
8. Владимиров С. В., Байдина А. А. Репрезентация отрицательных эмоций в поведении человека и способы ее передачи на русский язык. *Мир науки, культуры, образования*. 2021. № 4. С. 329–331. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-489-329-331>
Vladimirova S. V., Baidina A. A. Representation of negative emotions in person's behavior and ways of its conveying into Russian. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2021, (4): 329–331. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-489-329-331>
9. Kolnai A. *Ekel Hochmut Haß. Zur Phänomenologie feindlicher Gefühle*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2007, 176.
10. Hastedt H. *Gefühle. Philosophische Bemerkungen*. Stuttgart: Reclam, 2005, 150.
11. Лозневой Р. В. Эмоция отвращения и ценности. *Молодой ученый*. 2020. № 11. С. 255–257.
Losnevoi R. V. Emotion of disgust and values. *Molodoi utchenyi*, 2020, (11): 255–257. (In Russ.)
12. Schwarz-Friesel M. *Sprache und Emotion*. Tübingen und Basel: A. Franke Verlag, 2007, 224.
13. *Psychologie der Emotion*, Hrsg. Scherer K. R. Göttingen-Toronto-Zürich: Hogrefe Verlag, 1990, 387.
14. Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. 2-е изд., испр. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 896 с.
Aroutiounova N. D. *Language and human world*. 2nd ed. Moscow: Iaz. rus. kul'tury, 1999, 896. (In Russ.)
15. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды. *Языковая номинация. Виды наименований*, отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С. 129–221.
Teliya V. N. Secondary nomination and its types. *Language nomination. Types of names*, eds. Serebrennikov B. A., Ufimtseva A. A. Moscow: Nauka, 1977, 129–221. (In Russ.)
16. Хахалова С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. Иркутск: ИГЛУ, 1998. 249 с.
Khakhalova S. A. *Metaphor in language, thought, and culture*. Irkutsk: ISLU, 1998, 249. (In Russ.)
17. Сулимова М. Г. Соматические фразеологизмы в художественном тексте (на примере произведений Эриха Кестнера). *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2013. № 2. С. 56–58.
Sulimova M. G. Somatic idioms in the works of Erich Kästner. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2013, (2): 56–58. (In Russ.)
18. Умаев Р. М., Дударова Л. М., Дзангиева М. М. Классификация соматизмов. *Рефлексия*. 2021. № 1. С. 31–33.
Umaev R. M., Dudarova L. M., Dzangieva M. M. Classification of somatic disorders. *Refleksia*, 2021, (1): 31–33. (In Russ.)
19. Vilimek V., Makhortova T. Yu., Sidorova I. G. A model of non-verbal communication means structuring: an intercultural aspect (on the material of the Czech and Russian cultures). *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2019, 18(3): 239–250. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.20>
20. Лазухина Л. В. Роль междометия как краткого экспрессивного средства в трагедии У. Шекспира «Отелло». *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2017. № 4. С. 97–107. <https://doi.org/10.23683/1995-0640-2017-4-97-107>
Lazukhina L. V. The role of interjections as a brief expressive means in W. Shakespeare's tragedy "Othello". *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, 2017, (4): 97–107. (In Russ.) <https://doi.org/10.23683/1995-0640-2017-4-97-107>
21. Сокурова С. Н. Прагматический потенциал междометий в речи. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. 2021. № 2. С. 78–83. <https://doi.org/10.53598/2410-3489-2021-2-277-78-83>
Sokurova S. N. The pragmatic potential of interjections in speech. *Bulletin of the Adyge State University. Ser. Philology and the Arts*, 2021, (2): 78–83. (In Russ.) <https://doi.org/10.53598/2410-3489-2021-2-277-78-83>

Оригинальная статья

Маргиналии Христинопольского Апостола XII века: состав, палеографические и орфографические особенности

Бакшаева Алёна Андреевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, г. Казань

<http://orcid.org/0000-0003-4404-7663>

aabakshaeva42@gmail.com

Поступила в редакцию 24.01.2022. Принята после рецензирования 17.02.2022. Принята в печать 10.03.2022.

Аннотация: Исследованы экстратексты (записи и приписки) в рукописи галицко-волинского Христинопольского Апостола XII в. (Львовский исторический музей, ОР, № 37). Данный манускрипт является одним из самых ранних сохранившихся списков Апостола, который характеризуется принадлежностью к кирилло-мефодиевской редакции, однако содержит некоторое число внесенных преславских чтений. Проведен палеографический, графико-орфографический и фонетический анализ приписок, выполненных тремя разными писцами, лингвистический анализ записи XIV–XV вв. Дана попытка классификации приписок, выполненных первым почерком, выделены комментарии, призванные облегчить чтение рукописи; правки, вносимые в основной текст, глоссы, схолии, комментарии писца. Результаты анализа экстратекстов Христинопольского Апостола в очередной раз подтверждают вывод о высокой степени унифицированности и нормализованности орфографии рукописи. Особенно важен анализ лингвистических особенностей приписок, выполненных рукой первого писца, так как они, указывая на единую орфографию основного текста и маргиналий, представляют некоторые черты живой древнерусской речи. Экстратексты Христинопольского Апостола отражают разнообразные проявления древнерусского языкового узуса. Данные тексты доказывают высокую степень развития книжной нормы и существование нормализаторских устремлений в древнерусских скрипториях.

Ключевые слова: маргиналии, древнерусский язык, рукописи, XII век, славянский Апостол, экстратексты, палеография, графика, орфография, фонетика

Цитирование: Бакшаева А. А. Маргиналии Христинопольского Апостола XII века: состав, палеографические и орфографические особенности. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 2. С. 211–219. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-211-219>

Full article

Marginalia of the Apostolus Christinopolitanus of the XII Century: Composition, Paleography, and Orthography

Alena A. Bakshaeva

Kazan Federal University, Russia, Kazan

<http://orcid.org/0000-0003-4404-7663>

aabakshaeva42@gmail.com

Received 24 Jan 2022. Accepted after peer review 17 Feb 2022. Accepted for publication 10 Mar 2022.

Abstract: The research features a manuscript of the Galician-Volynian Apostolus Christinopolitanus dated the XII century (The Lviv Historical Museum of Ukraine, No. 37). This manuscript is one of the earliest surviving copies of the Apostolus. It belongs to the Cyrillo-Methodian translation but contains a number of Preslavic readings. This paper focuses on the extratexts, i.e., inscriptions and in-junctions, in the Apostolus Christinopolitanus and presents a paleographic, orthographic, and phonetic analysis of the marginalia made by the three scribes of the manuscript. The author classified the marginalia made by the first scribe. The classification includes such types of postscripts as comments to facilitate the reading and edits to the main text, glosses, scholia, scribe's comments, etc. The analysis confirms that the extratexts were highly unified and standardized. The analysis of the linguistic features of the first scribe's handwritten appendices shows the unified orthography of the main text and the marginalia, as well as reflects some features of the Old Russian of that time. The extratexts of the Apostolus Christinopolitanus also demonstrated a variety of pronunciations of Old Russian linguistic use. These texts prove the high degree of development of the book norm and the existence of normalizing aspirations in ancient Russian scriptoria.

Keywords: marginalia, Old Russian language, manuscripts, XII century, Slavic Apostle, extra-texts, paleography, graphics, orthography, phonetics

Citation: Bakshaeva A. A. Marginalia of the Apostolus Christinopolitanus of the XII Century: Composition, Paleography, and Orthography. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(2): 211–219. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-211-219>

Введение

Среди письменных источников изучения ранней восточно-славянской письменности следует особо выделить маргиналии, т.е. вторичные по отношению к основному текстам записи и приписки на полях рукописей. Основной чертой экстратекстов (термин В. Б. Крысько) как особых источников изучения быта и культуры славян является их автономность от текста самой книги [1, с. 289; 2]. Согласно терминологии В. Б. Крысько, записи разного характера занимают строки, не занятые основным текстом, первые и последние страницы книги, чистые листы, переплеты. Приписки, в свою очередь, содержат комментарии и дополнения к тексту [3, с. 15]. Данные тексты весьма многообразны по структуре и содержанию [3, с. 16–18], их изучение немаловажно и позволяет выявить разнообразные проявления языкового узуса, в том числе и значимые языковые особенности живой разговорной речи.

Христинопольский Апостол XII в.¹ (далее – АпХр) является галицко-волинской рукописью толкового Апостола (об истории и диалектных особенностях рукописи см. [4]). Будучи одним из самых ранних сохранившихся списков Апостола, данный манускрипт отличается также наличием значительного вспомогательного аппарата, призванного облегчить чтение богослужебного текста. На полях рукописи можно обнаружить традиционные элементы оформления – деление на отрезки, указания на чтения, перекрестные ссылки и т.д. Особую ценность АпХр придают приписки – разноплановые комментарии к основному тексту.

Следует отметить, что маргиналии АпХр редко становились объектом изучения специалистов. В изданиях XIX в.² и СК-1984³ зачастую сведения об экстратекстах ограничиваются лишь кратким комментарием, однако уже в СК-2002⁴ тексту толкований уделяется отдельная статья.

Непосредственно предметом исследования маргиналии АпХр предстают в отдельных публикациях последних лет. О. Ясиновская выделяет различные типы маргиналий в рукописи (богослужебные пометы и комментарии

толкового характера), не поясняя, однако, их лингвистические особенности [5]. М. А. Бобрин исследует терминологию «комментируемого фрагмента и толкований на него» как один из существенных параметров для определения редакции памятника, значительное внимание уделено анализу системы разметки и использованию знаков сноски [6].

В публикации О. Б. Страховой важное место занимает изучение знаков сносков в АпХр, особенности которых (особый знак для числа 90, «обратное обозначение» чисел 11–19 в почерке третьего писца, а также соответствие небуквенных справочных знаков византийской системе) позволяют говорить о ранней датировке протографа рукописи АпХр, сохранившем при этом византийскую систему справочных знаков [7, р. 28–34]. Со структурной точки зрения нумерация толкований, схолии и перекрестные ссылки рассмотрены в работе С. М. Михеева: автор делает предположение о принадлежности рукописи к определенному архетипу, чертами которого являются рамочная катена с цифрами и знаками соотношения толкований с основным текстом, наличие перекрестных ссылок, в том числе и с латинскими, и с глаголическими буквами, употребление редкой буквы «холм» [8].

В данной статье рассматриваются маргиналии АпХр. Корпус экстратекстов данной рукописи составляет 11 разновременных записей и более 300 приписок (исключая отметки богослужебных чтений), выполненных несколькими писцами. Впервые проведен палеографический, графико-орфографический и фонетический анализ данных текстов. Кроме того, нами предпринята попытка классификации приписок, выполненных рукой первого писца.

Методы и материалы

Материалом для исследования является электронная фотокопия АпХр, размещенная на сайте Львовского Исторического музея, данные Киевской части рукописи, опубликованной в 1907 г. С. И. Масловым [9], данные

¹ Материалом для исследования является электронная фотокопия АпХр и ее машиночитаемое издание: Христинопольский Апостол. Львовский исторический музей. Режим доступа: http://www.lhm.lviv.ua/proekty/krystynopolskyu_apostol.html (дата обращения: 20.09.2021); Христинопольский Апостол (толковый), XII в. Львовский исторический музей. ОР. № 37. 291 л. Манускрипт. Режим доступа: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?P1=61> (дата обращения: 20.09.2021). Далее по тексту указаны примеры из АпХр с указанием листов.

² См., например: Свенцицкий И. С. Опись музея Ставропигийского института во Львове: По поручению Совета. Львов: Типография Ставропигийского института под управлением Михаила Рефца, 1908. С. 13.

³ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М.: Наука, 1984. С. 101–103.

⁴ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии: XIV век. Вып. 1 (Апокалипсис–Летопись Лаврентьевская). М.: Индик, 2002. С. 563.

интернет-издания⁵ ХрАп XII в., которое входит в Казанскую электронную коллекцию славяно-русских памятников XII–XIV вв. Следует особо отметить, что в рамках данного исследования не рассматривается уникальный текст рамочной катены.

При оформлении примеров старой кириллицей даются ранние записи (XII–XIV вв.), более поздние записи – современным шрифтом (вместо «а йотированного» используется «я»), титла раскрываются, выносные буквы и сокращенные части записываются в строке в скобках.

Экстратексты в Христинопольском Апостоле XII в.

В ходе анализа нами были рассмотрены как записи, не связанные с основным текстом, так и приписки, имеющие непосредственное отношение к библейскому тексту и выполненные тремя писцами АпХр. В рамках каждого почерка нами были выделены группы текстов на основании их содержания и выполняемой функции, распределение маргиналий по тексту ХрАп можно увидеть в табл. 1 (цифры в таблице обозначают общее количество записей и приписок).

1. Записи

В данную группу включены записи, не имеющие прямого отношения к библейскому тексту. Прежде всего, это маргиналии, содержащие элементы библиографического описания рукописи: на кожаной наклейке – надпись конца XIX в.: *Апостолъ Христинопольский. Рукопись пергаменная XII вѣка*, на л. 1 – запись почерком XIX в.:

Библиотека монастыря оо. [отцов] Василиан Кристинополь, на л. 291 об. – 291 листов. А. Петрушевич⁶.

На страницах АпХр присутствуют и другие записи. В Львовской части рукописи находим следующие тексты: на л. 1 (карандашом по-польски *Początek*), на 4 об. – начало молитвы *Pater noster*. Тем же почерком выполнена неясная запись на нижнем поле л. 219, более пространная – на нижнем поле л. 183.

На л. 39 об. запись скорописью XVII в. о военных столкновениях в период восстания под предводительством Богдана Хмельницкого. Первая запись с трудом поддается расшифровке. В ней упоминаются «посполитые рушения»⁷ 1648 и 1651 г. Далее следует текст, посвященный «козацкой войне» под предводительством Богдана Хмельницкого: «*Се аз раб б(о)жій младенець Андрей Рыцицки, еже слышах о козацкой войнѣ, на той час будучой за гетмана козацкого Хмеля. Тогда была война зълна барзо и Руси, де и Полици ся достало: 1-я была война под Кумелками; 2-я под Збаражем; 3-я под Зборовом; 4-я под Бересточком; 5-я под Батогом. Под Сокалом обоз стоял 4 разы*» [10, с. 200–201].

На л. 40 содержится запись, вероятно, почерком писца XIV–XV вв. о порче святых книг: *кже с(ва)тыя книжи рѣжетъ не дан кмѹ в(ог)ъ добра въ сии вѣкъ и въ будущии. Запись выполнена более темными, нежели основной текст, чернилами, небрежным уставом, чернилами того же цвета в основной текст и тексты маргиналий вносятся поздние правки. На л. 111 об. тем же почерком: о мѹдр(о)сти твоя г(о)с(под)и великаа а писалъ квѣхъмъ днакъ оу городищи оу пекарни сѣда на вѣслонѣ при князи семашкѹ. при намѣстницѣ городишскомѣ фегностѣ а лазорѣ ѹ пещѣ.*

Табл. 1. Распределение маргиналий

Tab. 1. Distribution of marginalia

Маргиналии	Деяния Апостолов	Послания Апостолов
1. Записи	не связаны с текстом рукописи (11 записей)	
2. Комментарии, призванные облегчить чтение рукописи (приписки)	АпХр содержит значительное количество надписей, выполненных почерками трех писцов. Нередко при обозначении чтений возникают комплексы (см. л. 1, л. 4, в которых сокращенная помета выполнена рукой основного писца, почерком второго писца выполнена ее «расшифровка», а затем отдельные фрагменты дописываются третьим писцом)	
2.1. Отметки богослужебных чтений		
2.2. Деление на значимые фрагменты текста	43 – первый почерк	218 – первый почерк
3. Редактура основного текста	6 – первый почерк 12 – третий почерк	12 – первый почерк 2 – третий почерк
4. Глоссы	2 – первый почерк	1 – третий почерк
5. Схолии	25 – первый почерк	6 – первый почерк
6. Комментарии писца	–	1 – первый почерк

⁵ Христинопольский апостол (ЛИМ. ОР. № 37. XII в.). Режим доступа: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=94065041 (дата обращения: 20.09.2021).

⁶ СК-1984. С. 102.

⁷ Военная мобилизация польской и литовской шляхты.

В обеих записях используется только графема «юс малый», в то время как в основной части рукописи используются две графемы: «юс малый» в середине слога, «а йотированное» – в начале слога и в сочетаниях *ра, ла, ма* при обозначении палатальности согласных.

Вторая запись содержит яркие диалектные черты и инновации разговорного языка:

- билабиальное /в/, для передачи которого в предложениях используется графема *оу*: *оу городищи оу пекарни, у песь*;
- имя собственное *семашкѹ* с окончанием *ѹ* после заднеязычного в МП ед. ч., в то время как окончание *ѹ* как инновация характерно для вещественных, собирательных, отвлеченных существительных и для слов со значением места и времени;
- прилагательное *городищскомъ* в МП ед. ч. имеет местоименное склонение с отверждением губного согласного;
- отражение бытового письма с графическим эффектом *ъ = о* (*евхъмъ*)⁸, следует отметить, что данное написание может являться результатом описки.

Л. 86 содержит запись о «дефекте» манускрипта. Данная запись выполнена скорописным почерком: *лис(тъ) нѣкто вырѣзал(ъ) зде неполно*.

2. Комментарии, призванные облегчить чтение рукописи (приписки)

Основная часть приписок выполнена тремя писцами. **Первый почерк** – мелкий устав XII века, который, согласно анализу С. М. Михеева, тождествен почерку Галицкого Евангелия 1144 г. [8, с. 248–249].

Первая группа надписей – многочисленные киноварные пометы богослужебных чтений, а также обозначения разного рода, цель которых – привлечь внимание к определенному тексту (*притѣча, законъ, исана, исходъ* и под.) или к его концу (*коньць, зачало* и под.).

Вторая группа надписей отражает деление на значимые фрагменты текста (главы – с помощью заголовков, выполненных крупными, утолщенными буквами, иногда – киноварью; начала – цифровое обозначение кириллическими буквами над началом соответствующего фрагмента, дублируются на полях с сопровождением названия, краткого содержания рубрики, указанием на время чтения).

Данная группа наиболее обширна, она содержит своеобразные «заголовки сюжетов» и приписки, цель которых – актуализировать информацию. Для обозначения заголовков используется буквенная цифирь, некоторые номера опущены.

В качестве примера можно привести выполненные порыжевскими со временем чернилами заголовки на л. 3 к Деян. 14:1 (проповедь в Иконии – *о како въ иконии*

проповѣдавшѣ х(рист)а) и к Деян. 14:8 (исцеление хромого в Листре – *о ицѣлѣвши хромѣмъ*), однако обычно для таких текстов используется киноварь, например на л. 6 к Деян. 15:1 (разногласия о соблюдении Моисеева обряда – *яко не подовакѣ обрѣзати вѣроующих* (так!)).

Любопытна приписка на л. 53, текст дублируется: над небрежной чернильной надписью – киноварный текст. Орфография приписок также отличается: киноварное *вѣггин* и *вѣггн* в записи, выполненной черными чернилами. Следовательно, в данном случае наглядно предстает более высокий статус киноварной записи.

Кроме того, в тексте АпХр выделяется отдельная группа приписок, цель которых – напомнить читающему информацию, о которой речь шла выше (например, на другой стороне страницы). Такие надписи обычно киноварные, для связи с основным текстом писец использует особые знаки – знак в виде запятой в начале отрывка и комбинации запятых и точек в конце (см., например, на л. 13 – *яко оумолк/на вѣвѣша./ тѣгда нзидос(та)*). Часто такие приписки маркируются словами *въ нѣ иже, яко* и под. Помимо маргинальных, изредка встречаются интерлинеарные приписки данного типа, например, на л. 3 или на л. 4, где над строкой обозначены «действующие лица». Разница в начертании графем объясняется необходимостью уменьшить высоту буквы, что не могло не привести к некоторым искажениям.

К группе комментариев, призванных облегчить чтение рукописи, относятся перекрестные ссылки. Они представляют собой элементы богослужебной разметки с указанием *истѣпи*, т. е. «переступить», пропустить кусок текста⁹. Например, помета *истѣпи внимантѣ въ совѣ* на л. 20 об., который содержит богослужебное зачало № 44 из стихов Деян. 16–18, 28–36 (стих Деян. 16:28 начинается словами *внимантѣ въ совѣ*). Всего обнаружено 8 подобных ссылок (помимо приписки на л. 20 об.–53 об., 100 об., 145, 261, 278 об., 279, 283). За указанием *истѣпи* может следовать начало стиха, который следует читать дальше, либо глаголическая или латинская буква, связывающая приписку с основным текстом.

3. Редактура основного текста (вставки пропущенных элементов и замена фрагмента)

Приписки данного типа являются своеобразными «исправлениями», вносимыми в основной текст. Например, на л. 2 на полях приписка *нюденскаго* при помощи знака пропуска (обычно он имеет форму знака креста, по начертанию напоминающего глаголическое «азъ») соотносится со словом *ѿ сѣньма*. На л. 3 при помощи такой сноски «восстановлен» глагол *прѣвѣша* (много же *врѣмѣ оубо прѣвѣша*) и т. п.

⁸ О бытовом письме см. [11, с. 21–35].

⁹ У И. И. Срезневского приводится пример *иступити* «перейти» по Ипат. лет. См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. СПб.: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской АН, 1893. Стб. 1155.

4. Глоссы как разъяснения малоупотребительных слов с их толкованиями

В рукописи АпХр было обнаружено лишь две глоссы руки основного писца на л. 11, л. 16 и л. 37. В первом случае глосса вводится при помощи ряда надстрочных точек, во втором случае используется росчерк.

1. На л. 16 в отрывке текста Деян. 18:3 рассказывается о том, как Павел остался у Акилы и Прискиллы работать. Во фрагменте *вѣше бо хѣттростню* ... писец использует лексему *оусмаръ*, на полях дается пояснение – *хѣтводѣла/ кѣзнью*¹⁰.
2. На л. 37: *северо-восточный ветер – эвроклидон (эуроклудон)*¹¹: *не по мнозѣ/ же возвѣа противънъ имѣ вѣтрѣ/ воурынь наричѣмыи западънѣ/ оугѣльнии – на полях еуроκλδонѣ*.

5. Схолии как комментарии критического, культурологического, грамматического, стилистического характера

Схолии в АпХр выполнены теми же чернилами, что и основной текст. Толкования, разные по объему и содержанию, отмечены, как правило, сочетанием глаголической буквы и трех точек или точки и двух запятых. М. А. Бобрик указывает на то, что «текст этих глосс¹² неизвестен в других рукописях толкового Апостола» [6, с. 388].

Толкования этой группы могут быть маркированы словами:

- *сиречь* к Деян. 13:41: *сиречь в(ог)ѣ ра/спаса и оумре* (л. 2) (после слов основного текста *кмоу же не имате вѣры/ пати аще кто и повѣсть вамѣ*);
- *разумен* к Деян. 16:17 (о служанке, одержимой духом прорицательным): *разоумѣи павѣ/ тако и вѣси разоу/ мѣша в(ог)а вѣшы/наго соуца и(ису)са ра/спатаго того/ во равѣ сѣ павѣль/ равѣ и(ису)с(ѣ) х(рист)о вѣ* (л. 12);
- *сѣмотри* к Деян. 16:35 (о крещении стража темницы): *сѣмотри ѿ почн/тании павѣль рѣ(ч)/ кѣ стражу оужь/никѣ. г(оспод)и т(ису)с(у) х(рист)оу/ а с(ва) ток псаньк рече/ радовашесѣ сѣ вѣсѣмъ домѣмъ сво/имъ вѣровавѣ в(ог)ви* (л. 13).

Другие толкования не содержат слов-маркеров, например, на л. 3 об. дается пояснение к Деян. 14:11–12. В данном фрагменте рассказывается об элинах, которые увидели в Варнаве и Павле Зевса и Ермию¹³. Писец дает следующий комментарий: *еллини вѣрова/хоу чѣвкомѣ оупод/обити в(ог)ы своа а/ мнимни хрѣстиани/ не вѣроуѣють боу по/ довѣтисѣ чѣвкомѣ*.

На л. 11 дано толкование к Деян. 16:7 – *покоушастасѣ во виѣунию ити/ и не дасть нма д(у)хѣ – вѣ асини и вѣ ви/ ѣунии д(у)хѣ ставла/кѣ гла(гола)ти ап(осто)ло/мѣ прѣже вѣды/и тако бѣгги кѣтѣ/ тоу многомѣ сѣбла/знуу гла(голю) щимѣ ѿ д(у)сѣ*. Данная приписка интересна еще и тем, что содержит свою маргиналию – справа от данной схолии видим слово *дух* под титлом, пропущенное в тексте и «восстановленное» при помощи знака сноски. Подобное внимание к оформлению надписей в очередной раз доказывает, насколько строгой и продуманной оказывается последовательность написания в АпХр.

Особый интерес представляют объемные фрагменты текста – на л. 20 об. и л. 35 об. львовской части рукописи и л. 6 об. киевской части, которые содержат ссылки на другие авторитетные тексты. Так, рассуждая о том, почему во фрагменте Деян. 20:17 здесь и в др. местах следует употреблять слово *попы*, а не *епископы*, автор схолии привлекает данные Евангелий, Посланий и Деяний, дает своеобразный анализ употребления в них данных лексем.

Интересна и схолия на л. 35 об. к Деян. 26:29. Павел говорит о том, что он молил бы Бога, чтобы все, слушающие его сегодня, сделали такими, как он. Автор текста толкования обращается к апостолу Павлу как к равному (это позволяет предположить, что он обладает высоким социальным статусом): *чѣто оубо г(лаго)лешн/ бл(ажен)ныи павле/ развѣ оузѣ снхѣ/ то к ти кгоже про/странство. аще/ то ти к срамѣ да вѣ/гакши тако. то/ же прѣдѣ колницѣ/мѣ народѣмѣ/ не ты ли присно/ вѣ вѣхѣ епистолнахѣ ѿ семь сѣ хвалаше и оузнѣ никѣ себе зваше. и оуже намѣ вѣ/ вѣныца мѣсто всюдоу поносиши. чѣто се ти бѣ(сѣ) да вѣгакши оузѣ. ни оубо не вѣга/ю рече ни сѣ стѣжю. нѣ онѣхѣ немоци попоушаю. не оубо могоуѣ припати хва/лѣ мока. а разѣ навѣыкохѣ ѿ г(оспод)а своко не приставлати соузна не вѣлкана кѣ ри/ зѣ вѣтѣсѣ. сего ради тако рѣхѣ*.

Еще один пространный отрывок текста на л. 6 об. к Деян. 12:1 приводится в публикации С. И. Маслова [9]. Отрывок, который обозначен писцом как *Иаковѣк ѡбѣнѣи*, начинается со слов *вѣ вѣрма же оно*. Автор толкования дает пространный комментарий, объясняя, что скрыто за данными словами.

6. Комментарии писца

Примечательная приписка содержится на л. 290 об. Она содержит комментарий переписчика к 2Тим. 3:8: *не розоумѣю сего мѣшела*, т.е. «не знаю, не понимаю, что значит мѣшель». Согласно пражскому словарю старославянского языка, *мѣшель* означает «прибыль, корысть», в свою очередь *мѣшелонѣць* (речь о котором идет в основном

¹⁰ Slovník jazyka staroslověnského. T. IV. Praha: Academia, 1997. S. 773.

¹¹ Slovník jazyka staroslověnského. T. I. Praha: Academia, 1966. S. 589.

¹² Здесь, вероятно, широкое понимание термина *глосса*.

¹³ То есть бог греческой мифологии Гермес, которому в римской мифологии соответствовал Меркурий. Он считался посланцем богов и, согласно легенде, был спутником Зевса (рим. Юпитера), когда боги спускались на землю.

тексте) – ‘корыстолюбец’¹⁴. Следует отметить восточно-славянскую орфограмму – приставку *roz-*, в то время как в основной части рукописи повсеместно используется приставка *raz-*. Примечательно, что именно в тексте приписки писец отступает от старославянского написания, отражая, вероятно, разговорную норму XII в.

Сравнение почерков основной части текста и приписок

Данные палеографического анализа львовской части манускрипта позволяют судить о совпадении начерков текста маргиналий и начерков основного текста АпХр, изменения связаны лишь с необходимостью уменьшить размер буквы. Результаты сравнения почерков основной части текста и приписок можно увидеть в табл. 2.

В приписках, выполненных основным писцом, периодически встречается «i десятиричное», вероятно, с целью экономия места в строке. Регулярно употребляется «он» широкий в позиции начала слога, однако в некоторых случаях в данной позиции можно увидеть «он» узкий (см. *хотѣ о сѣхъ* на л. 26). Напротив, в некоторых случаях «он» широкий употребляется после согласных (см. примеры на л. 58, 74 об.). Однако, несмотря на данные исключения, писец весьма последователен в выборе данной графемы, в то время как «есть» широкое употребляется непоследовательно. Так, на л. 64 об., 67 *еретикъ* пишется с «есть» широкое, но *евангелъско* на л. 70 – с «есть» узкое¹⁵.

Для отражения на письме рефлекса *tj используется исключительно лигатура *ѡ*, которая у восточных славян

обозначала сложный палатальный [ʃʲʲ] (см. [16, с. 128–135]). Старославянская аффриката [ʒdʲ] как чуждая языку восточных славян подвергалась фонетической адаптации [17, с. 651], отсюда – восточнославянский рефлекс в группе *dj: *одежу* (л. 8 об.) (киевская часть), *прѣже* (л. 11), *овъхоженник* (л. 19), *о въвоженни сѣцаго* (л. 110 об.) и под. Следует отметить, что в XII в. написание *ж* является нормативным, причем новая норма носит императивный характер [18, с. 14–49]. Несколько примеров содержат рефлексы групп *kt, *gt: *немоши* (л. 35 об.), *помоши* (л. 172 об.). Сочетания согласных *stj, *skj и *sk перед гласными переднего ряда отражают восточнославянский рефлекс [ʃʲʲ]: *вѣцѣнькѣ* (л. 33), *причащати сѧ* (л. 154 об.), *очищенник* (л. 238) и под.¹⁶

Оформление рефлексов типа *ToгT последовательно отражает южнославянское неполногласие: *о гладѣ* (л. 6 об.) (киевская часть), *о прѣложенни* (л. 2 об.), *поградѣ* (л. 20 об.), *про/странство* (л. 35 об.), *по прогашенни* (л. 79), *по прѣдѣписанию* (л. 101 об.), *о съвлаченни* (л. 115 об.) и под. В группах типа *TьгT наблюдается восточнославянский рефлекс в одноеровой орфографии перед плавным в группах типа TьгT: *самодържателѣ* (л. 8 об.) (киевская часть), *съвършається* (л. 4), *мѣлѣ* (л. 18), *о тьрпѣни* (л. 43 об.), *о дѣлго/тьрпѣ/ни* (л. 51 об.), *о съвършени* (л. 61), *о оутвърженихъ* (л. 83 об.), *първѣкѣ* (л. 101 об.), *дѣлжнѣ* (л. 112 об.), *гърдѣтисѧ* (л. 143), *съмърти* 248, *твърдо* (л. 265 об.) и под. Подобные формы являются диагностическими при установлении процесса падения редуцированных [19, с. 154–157; 20, с. 306–307].

Табл. 2. Сравнение почерков основной части текста и приписок

Tab. 2. Comparative analysis of handwriting of the main text and the appendices

Буква	Комментарий
Живете	верхняя половина буквы меньше нижней, но сравнительно велика, симметрия относительная
Земля	хвост с утончением, опущенный вниз и обращенный к началу строки под небольшим углом
Како	приблизительно равные размеры верхней и нижней части буквы – характерная черта уставного почерка XI–XII вв. [12, с. 171]
Мыслите	древнейшее написание, вероятно, приближено к греческому: «два наклонных столба, посередине дуга», на раннем этапе дуга была кругла и опускалась ниже строки [13, с. 56]
Червь	имеет форму чаши или кубка, чашечка округлой формы и занимает примерно одну треть часть строки, симметрична [14, с. 238]
йотированные	черта прямая, проходит посередине, либо незначительно выше середины (В некоторых приписках встречается особое начертание «а йотированного» (л. 35 об., 38 об.). Данные написания являются единичными. В первом случае, вероятно, мы имеем дело с результатом исправления, а во втором – графическим выделением лексемы «павлова».)
Пси	имеет форму лилии, которая господствует в XII в. [15, с. 159]

¹⁴ Slovník jazyka staroslověnského. T. II. Praha: Academia, 1973. S. 246.

¹⁵ Следует заметить, что на первых страницах рукописи в обозначенной позиции преобладает «есть» узкое, однако оно постепенно вытесняется графемой «есть» широкое, не отмечает графемы «есть» широкое в тексте киевской части и С. И. Маслов.

¹⁶ Косвенным образом это повлияло на закрепление орфограмм с *ѡ* на месте *tj, которое было поддержано, согласно Б. А. Успенскому, македонским влиянием.

Основной текст АпХр отражает четкую систему написания начальных гласных. Так, лексема **кдинъ** и ее производные последовательно пишутся с южнославянским начальным **к**: **кдино** (л. 8 об.), **кдиноа** (л. 11 об.), **кдинолюбни** (л. 215 об.), **кдинкини** (л. 225 об.) и под. Говоря о начальных гласных, особо стоит отметить единичный пример на л. 35 об., встретившийся в тексте схолии рукописи: **и ѡзъ навъкохъ**, который отражает древнерусский рефлекс. Вероятно, при переписывании маргиналий писец оказался менее внимателен, и на страницах рукописи отразилось явление живой древнерусской речи.

В древнерусском языке процесс падения редуцированных гласных хорошо отражается на письме, состояние редуцированных гласных является надежным лингвистическим критерием для датировки рукописи [21, с. 47]. Особенности написания еров в АпХр указывают на начальный этап падения редуцированных. Примечательно, что как и в основном тексте, так и в текстах приписок наблюдается сохранение редуцированных гласных не только в сильной, но и в слабой позиции [22, с. 376–377]. Ниже приведены примеры сохранения редуцированных гласных в тексте маргиналий.

Редуцированный гласный в корне, находясь в сильной позиции, сохраняется, не вокализируется: **мълвѣ** (л. 18), **плѣтъскы** (л. 283 об.). Примечательны и случаи сохранения слабого в корне: **о чѣсти** (л. 8), **въ/сѣмъ** (л. 13), **сѣде** (л. 26), **въдовница** (л. 20 об.) (с заменой этимологического **ь** на **ѣ** перед слогом с непередним гласным в абсолютно слабой позиции), **чѣто** (л. 35 об.), **лѣстивынхъ** (л. 59), **о лѣже** (л. 72), **зѣлымъ** (л. 80 об.) (но **о зловѣ** (л. 67)), **пѣрѣти сѣ** (л. 145 об.), **притѣча** (л. 166 об.), **зѣваник** (л. 205 об.), **о извѣрании** (л. 210), **сѣзѣдании** (л. 234 об.) (с сохранением сильного в приставке и заменой **ь** на **ѣ** перед слогом с непередним гласным – вместо **-зѣд-**), **въплѣтисѣ** (л. 259 об.) (с сохранением сильного в приставке), **о крѣви** (л. 271 об.), **всѣде** (л. 288 об.) (старославянская орфограмма с пропуском сильного еря – **всѣ-**). Слабый редуцированный зачастую сохраняется в суффиксе: **сѣтънищѣ** (л. 1 об.) (киевская часть, с сохранением сильного в корне), **проповѣдавшѣ** (л. 3) (но здесь же – **о ѡцѣлѣвши** с выпадением редуцированного¹⁷), **бывѣшата** (л. 4 об.) (киевская часть), **трѣви/шынѣмъ** (л. 15), **морьскаѣ** (л. 38 об.) (данный пример важен, т.к. пропуск слабого закономерен в древнерусских рукописях данного периода в положении после сонанта **р** [25, с. 281–282]), **подовьна** (л. 52), **евѣггѣльско** (л. 70), **бѣсьскы** (л. 78) и под. Часто редуцированный сохраняется в приставке: **овѣхоженник** (л. 19), **сѣшѣдъ** (л. 27) (с сохранением сильного в корне), **сѣнмище** (л. 27), **сѣмѣрѣнѣ** (л. 61), **сѣгрѣшити** (л. 70 об.), **сѣблю/деньк** (л. 71), **о сѣвѣсти** (л. 74 об.), **о вѣнимании** (л. 82).

Второй почерк

Устав по времени написания близок к основному тексту. Данный почерк более небрежен, киноварные приписки призваны «расшифровать», дополнить указания богослужебных чтений, которые были даны первым писцом.

Следует отметить начертание буквы «како» с характерным наклоном верхнего элемента правой части, небольшую нижнюю часть буквы «цы», наклон и крючкообразную форму графемы «червь». Рисунок буквоцифры «зело» «б» перевернут, т.е. имеет принятое в Древней Руси написание (в основном тексте встречается исконное старославянское написание). Титла над цифрами имеют вид перечеркнутой линии.

Несмотря на то, что пространные приписки, выполненные вторым почерком – редкость, некоторые маргиналии отражают особенности орфографии, доказывающие хронологическую близость данного почерка к основному тексту. Приписка на л. 118 **м(ученьник)ѣ овъць**, т.е. «мученику причастен»¹⁸ содержит лексему с сохранением сильного редуцированного, на л. 204 об. в слове **на рожьство** наблюдается рефлекс ***dj > ж**, а также сохранение слабого редуцированного в суффиксе, на л. 226 – сохранение редуцированного в корне **на ѣспеніе**.

Третий почерк

Полуустав XVI в., которым писец обновляет стершиеся начертания, а также вносит редкие дополнения к основному тексту. Надписи, выполненные этим почерком, либо киноварные (отметки богослужебных чтений), либо выполнены черными чернилами (редактура основного текста). Большее количество приписок сосредоточено в части Деяний. Вставки, как маргинальные, так и интерлинейные, встречаются и в киевской, и в львовской части.

Говоря о палеографических чертах данного почерка, следует отметить опущенные вниз ножки графемы «твердо», смещенную вправо ножку с петлеобразной чашечкой графемы «червь», титло в виде изогнутой линии.

Заключение

Маргиналии АпХр являются важными структурными элементами и образуют обширную систему разноплановых комментариев к основному тексту. Ряд записей несет важную информацию не только о самом памятнике, но и о исторических событиях XVII в. (скорописная запись на л. 39 об.). Комментарии, касающиеся в первую очередь сохранности рукописи (л. 40, л. 111 об., л. 86), дают представление о книжной культуре Древней Руси. Приписки демонстрируют не только значительное разнообразие экстратекстов, имеющих непосредственное отношение к основному тексту (богослужебные пометы, вставки, глоссы, схолии, комментарии писца), но и различные стратегии их оформления.

¹⁷ О диагностическом характере сохранения редуцированного гласного в суффиксах действительных причастий прошедшего времени см. [23, с. 84; 24, с. 343–344].

¹⁸ Slovník jazyka staroslověnského. Т. II. Praha: Academia, 1973. С. 500.

Графико-орфографический и фонетический анализ приписок, выполненных переписчиком основного текста, указывает на единую орфографию основного текста и текстов маргиналий и вместе с тем отражает некоторые черты живой древнерусской речи. Важными представляются одноеровые написания в группах типа *Тѣгѣ, характерные, прежде всего, для древнерусских южных источников. Показательны данные сохранения редуцированных не только в сильной, но и в слабой позиции, свидетельствующие о начальном этапе падения редуцированных гласных в период создания рукописи АпХр. Высокая степень унифицированности и нормализованности в отражении

орфографических и фонетических особенностей характерна не только для основного текста, но и для текста приписок. Данные тексты доказывают высокую степень развития книжной нормы и существование нормализаторских устремлений в древнерусских скрипториях.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Крысько В. Б. Письменные источники по истории русского языка. *Историческая грамматика русского языка*, отв. ред. В. Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2020. С. 279–295.
Krysko V. B. Written sources on the history of the Russian language. *Historical grammar of the Russian language*, ed. Krysko V. B. Moscow: Azbukovnik, 2020, 279–295. (In Russ.)
2. Крысько В. Б. Экстратексты древнерусских рукописей: пролегомены к изданию. *The oldest linguistic attestations and texts in the Slavic languages*, ed. A. Kapetanović. Wien: Verlag Holzhausen, 2018. С. 191–211.
Krysko V. B. Extra-texts of Old Russian manuscripts: prolegomena for publication. *The oldest linguistic attestations and texts in the Slavic languages*, ed. Kapetanović A. Wien: Verlag Holzhausen, 2018, 191–211. (In Russ.)
3. Крысько В. Б. Экстратексты восточнославянских рукописей XI–XIV вв. как источник по истории древнерусского языка. *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2019. Т. 78. № 2. С. 14–32. <https://doi.org/10.31857/S241377150004951-9>
Krysko V. B. The extra-texts of East Slavonic manuscripts from the 11th–14th centuries as a source for the history of the Old Russian. *Izvestiia RAN. Seriiia literatury i iazyka*, 2019, 78(2): 14–32. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S241377150004951-9>
4. Bakshaeva A. A., Zholobov O. F., Sosnowski J. Apostolus Christinopolitanus from the 12th century: Manuscript history and their dialectal features. *Utopia y Praxis Latinoamericana*, 2020, 25(7): 383–389. <https://doi.org/10.5281/zenodo.4009757>
5. Ясіновська О. Катени як жанр герменевтичної літератури: візантійська традиція і слов'янська рецепція (на прикладі Кристінопольського апостола XII століття). *Княжа доба: історія і культура*. 2010. № 3. С. 72–103.
Yasinovska O. Catena as a genre of hermeneutic literature: Byzantine tradition and Slavonic reception (the case of Apostolus Christinopolitanus from the XII century). *Kniazha doba: istoriia i kultura*, 2010, (3): 72–103. (In Ukr.)
6. Бобрик М. А. Терминология библейской цитаты и толкования в рукописях Толкового Апостола XII–XVI веков. *Библеистика. Славистика. Русистика*, отв. ред. Е. Л. Алексеева. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 387–398.
Bobrik M. A. Terminology of Biblical quotation and interpretation in manuscripts of the XII–XVI century Explanatory Apostle. *Bible Studies. Slavistics. Russian Philology*, ed. Alekseeva E. L. St. Petersburg: SPSU, 2011, 387–398. (In Russ.)
7. Strakhov O. B. The adventure of the Dancing Men: professor Ševčenko's theory on the origin of glagolitic. *Palaeoslavica*. 2011, XIX(1): 1–45.
8. Михеев С. М. Нумерация толкований, схолии и перекрестные ссылки в древнерусских рукописях: К ранней истории славянского Толкового апостола. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2021. № 1. С. 246–266. <https://doi.org/10.31912/pvrl-2021.1.13>
Mikheev S. M. Numbering of interpretations, scholia and cross-references in the Old Russian manuscripts: on the early history of the Slavic Explanatory Apostle. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2021, (1): 246–266. (In Russ.) <https://doi.org/10.31912/pvrl-2021.1.13>
9. Маслов С. И. Отрывок Христинопольского апостола, принадлежащий библиотеке Университета св. Владимира. *Известия Отделения русского языка и словесности*. 1910. Т. XV. Кн. 4. С. 229–269.
Maslov S. I. The Apostolus Christinopolitanus passage from the library of St Vladimir's University. *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti*, 1910, XV(4): 229–269. (In Russ.)
10. Воскресенский Г. А. [Рец. на:] Христинопольская рукопись славянского апостола XII в., в издании Венской Императорской Академии Наук [профессором Е. Калужняцким, Вена, 1896]. *Богословский вестник*. 1897. Т. 1. № 1. С. 198–208.
Voskresenskii G. A. [review of:] A Slavonic Apostolus Christinopolitanus manuscript of the XII century in the edition of the Vienna Imperial Academy of Sciences [by Prof. E. Kalužnjácký, Vienna, 1896]. *Bogoslovskii vestnik*, 1897, 1(1): 198–208. (In Russ.)

11. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянских культур, 2004. 872 с.
Zalizniak A. A. *Ancient Novgorod dialect*. Moscow: Iazyki slavianskikh kultur, 2004, 872. (In Russ.)
12. Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. М.: Наука, 1979. 494 с.
Karsky Y. F. *Slavic Cyrillic paleography*. Moscow: Nauka, 1979, 494. (In Russ.)
13. Шляпкин И. А. Русская палеография. СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1913. 102 с.
Shliapkin I. A. *Russian paleography*. St. Petersburg: Tov-vo R. Golike i A. Vilborg, 1913, 102. (In Russ.)
14. Моляков Г. А. Палеография и графика. *Историческая грамматика русского языка*, отв. ред. В. Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2020. С. 233–257.
Molkov G. A. Paleography and graphics. *Historical grammar of the Russian language*, ed. Krysko V. B. Moscow: Azbukovnik, 2020, 233–257. (In Russ.)
15. Черепнин Л. В. Русская палеография. М.: Политиздат, 1956. 616 с.
Cherepnin L. V. *Russian paleography*. Moscow: Politizdat, 1956, 616. (In Russ.)
16. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв). М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
Uspenskii B. A. *History of the Russian literary language (XI–XVII centuries)*. Moscow: Aspekt Press, 2002, 558. (In Russ.)
17. Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М.: Яз. рус. культуры, 2000. 780 с.
Durnovo N. N. *Selected works on the history of the Russian language*. Moscow: Iaz. rus. kultury, 2000, 780. (In Russ.)
18. Живов В. М. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М.: Яз. славянской культуры, 2006. 312 с.
Zhivov V. M. *East Slavic spelling in XI–XIII centuries*. Moscow: Iaz. slavianskoi kultury, 2006, 312. (In Russ.)
19. Моляков Г. А. Формирование орфографических систем в древнерусской письменности XI – начала XIII века: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2021. 494 с.
Molkov G. A. *Formation of orthographic systems in Old Russian scripts of the XI – early XIII centuries*. Dr. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2021, 494. (In Russ.)
20. Попов М. Б. Полногласие и неполногласие. *Историческая грамматика русского языка*, отв. ред. В. Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2020. С. 300–311.
Popov M. B. Full vocalism and lack of full vocalism. *Historical grammar of the Russian language*, ed. Krysko V. B. Moscow: Azbukovnik, 2020, 300–311. (In Russ.)
21. Попов М. Б. К вопросу о падении редуцированных гласных в древнерусском языке: хронология, фонологический механизм, отражение в памятниках. *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*. 2015. Т. 157. № 5. С. 47–67.
Popov M. B. On the fall of reduced vowels in the Old Russian language: chronology, phonological mechanism, reflection in written monuments. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta Seriya Gumanitarnye nauki*, 2006, 157(5): 47–67. (In Russ.)
22. Попов М. Б. Редуцированные. *Историческая грамматика русского языка*, отв. ред. В. Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2020. С. 369–383.
Popov M. B. Reduced vowels. *Historical grammar of the Russian language*, ed. Krysko V. B. Moscow: Azbukovnik, 2020, 369–383. (In Russ.)
23. Жолобов О. Ф. О контрастирующих орфографических системах в рукописи XIII в. (к интернет-изданию Толстовского сборника). *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2018. № 3. С. 77–89.
Zholobov O. F. On contrasting orthographic systems in the manuscript of the XIII century (to the internet edition of the "Tolstoy sbornik"). *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki*, 2018, (3): 77–89. (In Russ.)
24. Крысько В. Б., Моляков Г. А. Языковые особенности Учительного евангелия Константина Преславского и его древнейшего списка. *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2017. Bd. 73. № 2. S. 331–395.
Krysko V. B. Molkov G. A. Linguistic features of the Teaching Gospel of Konstantin Preslavsky and its oldest copy. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 2017, 73(2): 331–395. (In Russ.)
25. Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. I: Введение. Фонетика. М.: Учпедгиз, 1951. 330 с.
Selishchev A. M. *The Old Slavonic language. Pt. I: Introduction. Phonetics*. Moscow: Uchpedgiz, 1951, 330. (In Russ.)

Оригинальная статья

Разработка универсального метода построения модели состава и структуры терминологических полей

Журавлев Александр Павлович
Самарский государственный технический университет, Россия, г. Самара
<https://orcid.org/0000-0002-2553-9307>
palych32@rambler.ru

Поступила в редакцию 20.11.2021. Принята после рецензирования 28.01.2022. Принята в печать 10.03.2022.

Аннотация: Представлена разработка уникального метода построения модели терминополь. Цель разработки – создать основы для компьютерной программы, способной осуществлять оценку знаний учащихся высших учебных заведений как в количественном, так и в качественном аспектах. Метод включает в себя несколько этапов: обработка лексического состава терминополь, выделение структурирующих его элементов, графическое представление модели терминополь. Для разработки указанного способа моделирования использованы такие методы, как тезаурусный подход и метод компонентного анализа лексических значений. Первый позволяет выявить преобладающие виды семантических отношений, связывающих термины в составе терминополь, второй служит для экспликации элементов, структурирующих эти единицы. Произведен выбор наиболее подходящего способа графической репрезентации модели терминополь; таковым признается древовидный граф, который оптимально подходит для представления многоуровневых иерархических структур. На этом графе отображаются элементы двух видов – как сами термины, так и структурирующие их элементы. При разработке метода большое внимание уделяется его универсальности, то есть возможности его адекватного применения к любым терминополь. В дальнейшем планируется применить разработанный метод для построения модели какого-либо конкретного терминополь с учетом характерных особенностей его состава и структуры.

Ключевые слова: компонентный анализ, тезаурус, дифференциальная сема, термин, антоним, синоним, гипероним, гипоним, граф

Цитирование: Журавлев А. П. Разработка универсального метода построения модели состава и структуры терминологических полей. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 2. С. 220–230. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-220-230>

Full article

Versatile Method of Modeling Content and Structure of a Terminological Field

Aleksandr P. Zhuravlev
Samara State Technical University, Russia, Samara
<https://orcid.org/0000-0002-2553-9307>
palych32@rambler.ru

Received 20 Nov 2021. Accepted after peer review 28 Jan 2022. Accepted for publication 10 Mar 2022.

Abstract: The paper introduces a new method for modeling a terminological field with its content and structure. The method is a foundation for a computer program able to evaluate students' professional knowledge both in qualitative and quantitative aspects. The method includes several stages: processing the lexical content of a terminological field, revealing elements that structure this content, and graphical representation of the terminological field model. The list of methods included the thesaurus approach and the componential analysis of lexical meaning. The thesaurus approach detects the basic types of semantic relationships between lexical units within a terminological field. The componential analysis explicates elements that arrange these units. The model is represented as a tree graph structure, which is ideal for visualizing multi-level hierarchic structures. This graph consists of two types of elements: terms and structure units. The method is designed to be flexible and versatile so that it can be effectively applied to any terminological field. The method can be applied to a specific terminological field in order to build its model with particular regard to all characteristic features of its content and structure.

Keywords: componential analysis, thesaurus, differential seme, term, antonym, synonym, hyperonym, hyponym, graph

Citation: Zhuravlev A. P. Versatile Method of Modeling Content and Structure of a Terminological Field. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(2): 220–230. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-220-230>

Введение

Данная статья является частью исследования, посвященного идеографическому моделированию состава и структуры терминополья. Под идеографическим моделированием терминологического поля (представляющего собой частный случай лексико-семантического поля) нами понимается построение его модели на основе идеографического описания как входящих в него терминов, так и семантических связей между ними. По А. Середницкой, идеографическая классификация представляет собой группирование слов по тем понятиям, которые ими выражаются [1]. Идеографическая классификация подразумевает установление иерархических (гиперо-гипонимических) отношений между лексическими микрополями, терминами и тематическими группами, а кроме того, выявление предметно-понятийных отношений между терминами.

Актуальность темы исследования обусловлена возникновением объективных предпосылок для разработки новых подходов к оценке профессиональных знаний. В свете появления большого количества новых профессий (и, следовательно, терминологических полей) для вузов все более важным становится вопрос о контроле над тем, в какой степени учащиеся владеют той или иной терминосистемой. Таким образом, одним из важнейших вызовов, которые встают сегодня перед системой высшего образования, является задача повышения и контроля качества профессионального обучения. Разработанная в данном исследовании методика ориентирована именно на качественную и количественную оценку знаний учащихся и специалистов.

Научная новизна состоит в разработке нового метода построения модели лексико-семантической структуры терминологических полей. Показан иерархический характер структуры терминополья, а для графической презентации его состава и структуры разработан граф, составленный из элементов не одного, а двух типов. Также нами показана возможность использовать предлагаемый метод моделирования для оценивания знаний как в количественном отношении, так и в качественном.

Цель – разработка универсального метода построения модели лексико-семантической структуры терминологических полей. Разработанный нами метод в дальнейшем может послужить основой для разработки квалитетической компьютерной программы, т.е. программы, предназначенной для оценивания уровня знаний студентов.

Задачи:

- 1) проанализировать наиболее актуальные для нашего исследования методы работы с терминопольями как с точки зрения описания входящих в их состав лексических единиц, так и с точки зрения анализа семантических отношений между этими единицами;
- 2) разработать универсальные приемы обработки лексического материала терминопольей;
- 3) выявить преобладающие виды семантических связей между терминологическими единицами, формирующими специализированное лексико-семантическое поле;

- 4) выбрать способ идеографической презентации модели терминополья и обосновать целесообразность этого выбора.

Разработка метода построения модели терминологических полей проводится на основе материала медицинского терминополья *Травматология. Повреждения таза* [2].

Методы

Поскольку данное исследование посвящено разработке формализованных описаний структуры терминопольей, то наиболее актуальным для нас методом анализа эмпирического материала является **метод тезаурусного моделирования**. Не будет преувеличением сказать, что построение тезауруса специальных областей знания является одной из наиболее актуальных прикладных задач современной науки о языке, определяющей направление исследований в области теории и практики терминологического моделирования на протяжении уже нескольких десятков лет.

В своей более ранней работе мы уже отмечали тот факт, что «во второй половине XX века в языкознании наметилась тенденция к его подъему на качественно новый уровень – от дескриптивного метода (простого наблюдения за фактами языка) и анализа языковых закономерностей к синтезу» [3, с. 13]. Иными словами, описательный метод уступил место созданию новых объектов. Последнее нашло свое отражение в работах Ю. Н. Караулова: «Естественный язык, будучи только объектом изучения, долгое время оставался для языковедов феноменом неприкосновенным, некоторым образом "вещью в себе". Лишь в последнее время <...> появились основания для пересмотра устоявшегося взгляда, поскольку намечается особое направление исследований – построение новых лингвистических объектов с заданными свойствами. Реализация этих задач должна осуществляться на принципах лингвистического конструирования» [4, с. 16].

Мы касаемся темы лингвистического конструирования потому, что этот метод может быть эффективно применен для создания разного рода тезаурусов – как относящихся к бытовой лексике, так и к профессиональной: «Сущность тезаурусного подхода к построению словарной статьи заключается в понимании того, что в основе подобного описания лежит методика лингвистического конструирования» [5, с. 117].

В качестве отправной точки мы возьмем мысль И. И. Жучковой о том, что «тезаурусный подход к моделированию терминологии предполагает конструирование семантических полей посредством выделения семантических отношений между терминами» [6, с. 27]. В свою очередь Е. Ю. Горбунов отмечает: «тезаурус является инструментом структурирования понятийного аппарата некой гуманитарно-социальной ПО [предметной области] на основании выделения понятийно-логических связей между объектами» [7, с. 172]. В данном случае автор пишет

конкретно о гуманитарных предметных областях, но тезаурусный подход можно применять и к другим областям профессионального знания, в том числе и естественно-научным.

В другом исследовании И. И. Жучкова указывает на то, что «словарь-тезаурус является одним из наиболее актуальных способов упорядочения терминологических единиц определенной предметной области, а разработка модели терминологического поля данной предметной области на основе тезаурусного подхода предполагает анализ и синтез терминологии и позволяет выявить ее особенности как знаковой системы, определить характеристики входящих в нее лингвистических единиц» [8, с. 232]. В более поздней своей статье упомянутый автор пишет об этом более конкретно: «Одним из способов конструирования понятийной картины ПО [предметной области] является метод тезаурусного моделирования терминологической системы» [9, с. 37].

На актуальность метода тезаурусного моделирования указывает С. О. Коршунова [5, с. 117], отмечая, что «терминология составляет ядро профессиональной коммуникации. Термин работает только в системе, сущность которой заключается в иерархических отношениях, которые успешно выявляются с помощью тезаурусного моделирования» [10, с. 56]. Таким образом, С. О. Коршунова обращает внимание на очень важный дидактический аспект, и метод тезаурусного моделирования может послужить одним из потенциальных путей его реализации. Значимость дидактической стороны тезаурусного моделирования отмечается и другими авторами, например, Н. Н. Горбуновой [11, с. 7], Е. С. Краснопеевой [12, с. 215].

Ю. Н. Карауловым упоминается еще одно весьма важное в современном мире свойство тезаурусного подхода: его высокий потенциал в области поиска информации автоматическими системами [4, с. 222].

В рамках данной статьи мы опираемся на этот материал для того, чтобы кратко сформулировать некоторые основные черты метода тезаурусного моделирования, которые будут иметь значение в нашем дальнейшем исследовании.

1. Тезаурусный подход подразумевает не только описание отдельных лексических единиц, но и обязательное описание семантических отношений между ними. При помощи тезаурусного подхода формируется то, что принято называть семантическим пространством.
2. Применение тезаурусного подхода к массиву лексики (особенно специальной) дает возможность представить его структуру в виде иерархии, состоящей из произвольного числа уровней.
3. По описанным выше причинам тезаурусный подход позволяет создавать модель структуры практически любой предметной области, в том числе для прикладных целей.

Продолжая тему актуальности тезаурусного подхода [3] и прорабатывая вопрос его применения для построения модели состава и структуры терминологического поля,

мы делаем следующий шаг и углубляем наше исследование, переходя к рассмотрению основных видов семантических отношений, отображаемых в тезаурусе. Эти отношения составляют важную часть тезаурусного подхода к описанию лексики, а их выявление и применение для построения лексико-семантических групп терминов будут способствовать решению некоторых задач, поставленных нами в настоящем исследовании.

Исследователи несколько по-разному дифференцируют и толкуют разные виды семантических отношений: так, некоторые пишут о трех основных видах системных связей лексических единиц в составе терминопольа – эквивалентных, иерархических и ассоциативных [13, с. 45; 14, с. 47; 15, с. 48]. Следует пояснить, что под эквивалентными и ассоциативными отношениями подразумеваются соответственно синонимия и антонимия, а под иерархическими – гиперо-гипонимия. Бывает, что исследователи вообще не объединяют типы отношений в группы, а просто перечисляют их: «синонимы, антонимы, паронимы, гипонимы, гиперонимы и т. п.» [16, с. 88].

Помимо вышеупомянутых семантических отношений нас интересуют и некоторые другие, например, *род – вид* и *часть – целое* (т. е. меронимия) [17, с. 265]. У разных исследователей встречаются упоминания таких системных отношений, как омонимия, полисемия и т. д., однако мы не принимаем их рассмотрение, т. к. они не представляются нам релевантными в контексте данной работы.

Можно убедиться, что в качестве основных типов лексико-семантических отношений, объединяющих термины в терминополье, выделяются прежде всего иерархические (гиперо-гипонимия / *род – вид*). На втором месте находятся синонимия, антонимия и меронимия.

Итак, тезаурусный подход имеет большой прикладной потенциал и может выступать в качестве мощного и универсального инструмента для описания состава и структуры предметных областей, поскольку позволяет выявлять и моделировать системные отношения между лексическими единицами в составе терминопольа.

Другим методом, который мы активно используем в нашем исследовании, является **метод компонентного анализа лексических значений**.

Д. Таалайбек уулу и И. А. Костина пишут следующее: «Компонентный анализ исходит из признаков явлений, которые лежат в основе названий предметов действительности. <...> ...такие признаки выражаются частями значения (семантическими компонентами, семами, семантическими множителями, фигурами)» [18, с. 52]. Мысль о значении как совокупности минимальных смысловых компонентов встречается и у других исследователей, например у Н. А. Стадальской [19, с. 112].

Применение компонентного анализа показало, что значение слова не является просто неупорядоченным массивом сем. Наоборот, оно имеет свою структуру: «Несмотря на множество различных мнений о природе компонентного

анализа, в его основе лежит значение слова как организованная структура семантических и дифференцирующих единиц» [20, с. 50]. Здесь мнение автора перекликается с мыслями, изложенными в работе А. М. Кузнецова [21, с. 14].

Эта структура имеет нелинейный характер и представляет собой иерархию [22, с. 295]. Как пишет А. Я. Шайкевич, «В описании системы языка большое значение имеет переход от синтагматических (текстуальных) связей к связям парадигматическим (системным)» [23, с. 370].

Ю. Н. Караулов обозначает семы понятием *семантические множители*, под которыми понимает «элементарные единицы содержательного плана, которые, соединяясь друг с другом в различных количествах и комбинациях, задают значение любого слова в языке» [24, с. 4].

Представление о массиве элементарных компонентов значения – сем – как об иерархически упорядоченной структуре является ключевым для нашего исследования. Действительно, адекватно описать можно только структурно оформленный массив компонентов значения, т.е. массив, в котором эти компоненты объединены некоторыми системными отношениями.

Исследователи дают несколько разные определения метода компонентного анализа, но в них содержатся общие черты: «В целом компонентный анализ можно определить как метод исследования содержательной стороны значимых единиц языка, разрабатываемый в рамках структурной семантики и имеющий целью разложение значения на минимальные семантические составляющие» [21, с. 8]. Сходные определения содержатся в других работах, например у О. Н. Селиверстовой [25, с. 81].

Традиционно выделяются несколько типов сем. В рамках нашего исследования нас более всего интересует деление сем на интегральные и дифференциальные [19, с. 112].

Необходимо отметить, что к анализу значения ни в коем случае не следует подходить сугубо структурно. Комбинирование ограниченного числа дифференциальных признаков может дать результат в плане выражения, но не содержания. Действительно, наше познание не ограничено; язык, являясь средством выражения содержания, есть лишь проекция этого содержания и вследствие этого ограничен, как и всякая проекция. Иными словами, индивид, оперируя ограниченными возможностями языка, отображает бесконечный мир конечными средствами [26, с. 181–182].

Следует отметить, что выявление сем – не цель, а способ структурировать лексико-семантическую группу или терминополь. Среди исследователей распространено мнение, что «предел членения семемы на семы задается мерой человеческого знания о денотате. В практических целях членение семемы на семы выполняется в ограниченных пределах в зависимости от поставленных задач» [27, с. 35].

Метод компонентного анализа с полным правом может быть использован в нашем исследовании для анализа лексического значения в рамках лексико-семантических полей, относящихся к специализированным областям знания.

Результаты

Обработка лексического состава терминополья

Разрабатывая универсально применимый метод моделирования состава и структуры терминополья, мы в первую очередь должны выделить некоторые основные его этапы; более того, нам нужно проработать приемы обработки лексического материала на каждом из них.

При выделении этапов предлагаемой нами процедуры, равно как и при разработке связанных с ними приемов, нужно действовать с учетом некоторых соображений. С одной стороны, разрабатываемый нами метод построения модели терминополья должен характеризоваться максимально возможной степенью универсальности, поскольку этот метод в перспективе предполагается применять к лексико-семантическим полям, относящимся к самым разным областям профессионального знания. С другой – нам крайне важно предусмотреть возможность того, чтобы прорабатываемые нами приемы помогали максимально адекватно моделировать структуру конкретного терминополья с учетом характерных особенностей его строения и лексического наполнения.

Итак, *первым этапом* разрабатываемого нами метода построения модели терминополья станет обработка его лексического состава; речь идет об отборе лексики и ее анализе. Это нужно для адаптации лексической базы терминополья для последующего моделирования его структуры. Данный этап включает в себя несколько процедур.

Во-первых, при формировании лексической подборки мы решили включать в нее лишь термины, отличающиеся наибольшей частотностью употребления в выбранной предметной области. Дело в том, что одни термины характеризуются большей частотностью использования, чем другие, а некоторые вообще могут стать неактуальными и в конечном итоге исчезнуть из общения специалистов между собой. В предыдущих своих работах мы пришли к выводу, что такие терминологические единицы следует исключать из рассмотрения, т.к. они «вряд ли полезны в рамках своей предметной области и не внесут какого-либо существенного вклада в модель ее лексико-семантической структуры» [28, с. 56].

Во-вторых, в составе очень многих предметных областей присутствуют нетерминологические единицы, никак не закрепленные в справочниках или словарях по этому предмету. И все же эти «нетермины» широко употребляются специалистами наряду с терминами – либо в качестве их синонимов, либо для ликвидации лакун. Мы считаем, что вопрос о включении такого рода лексических единиц в подборку должен решаться исследователем с учетом особенностей конкретного терминологического поля. С одной стороны, с прикладной точки зрения желательно устранять лакуны в профессиональном лексиконе, с другой – в некоторых случаях нетерминологические единицы могут быть нежелательным явлением, «засоряющим» исследуемый лексический материал и, соответственно, отрицательно влияющим на достоверность результатов исследования.

Представляется очевидным тот факт, что процедура отбора лексики для формирования лексической базы терминопольа с целью смоделировать его состав и структуру должна осуществляться в тесном взаимодействии со специалистом-предметником. Лишь человек, погруженный в конкретную предметную область, сможет пояснить исследователю-лингвисту, какие именно термины и жаргонизмы действительно актуальны на настоящий момент.

Следующий шаг – анализ лексических единиц, формирующих созданную на предыдущем шаге выборку; эта процедура проводится с целью установления характера семантических взаимодействий между терминами и нетерминологическими единицами в составе терминопольа. Ранее мы пришли к заключению, что для этой цели можно использовать метод тезаурусного моделирования [28, с. 57]. В то же время мы отмечали, что «терминопольа, относящиеся к разным предметным областям, могут характеризоваться разными видами преобладающих в них системных связей» [28, с. 57]. Например, в рамках одних терминопольей лексические единицы соотносятся друг с другом преимущественно по принципу многоуровневой иерархии, в то время как в составе терминопольей, принадлежащих к другим областям профессионального знания, термины могут относиться друг к другу как *целое – часть*.

Для удобной и наглядной репрезентации семантических отношений между терминами, образующими терминологическое поле, нами было принято решение представлять лексическую выборку в специальных таблицах. Вид таких таблиц может меняться в зависимости от особенностей конкретного терминопольа, но основной принцип их построения остается неизменным.

В первой графе таблицы предполагается указывать уникальный индекс термина. Во второй графе должен приводиться сам термин. В последующих графах указываются выделенные в ходе анализа массива профессиональной лексики преобладающие виды семантических отношений, объединяющих термины в составе терминопольа. Количество таких граф и указываемые в них типы отношений определяются характерными особенностями конкретного терминопольа. К примеру, там могут быть указаны синонимы, антонимы, гиперонимы и т. д.

Таковы предлагаемые нами приемы обработки лексического состава терминопольа. Мы считаем, что основные критерии составления выборки профессиональной лексики для задач моделирования будут примерно одинаковы для всех терминопольей; характерные особенности конкретного терминопольа подразумевают наличие тех или иных нюансов.

Таким образом, разработанные приемы имеют универсальный характер и могут быть адекватно применены к лексическому составу любой предметной области.

Однако проработка лексической составляющей терминопольа – это только первый этап процедуры построения его модели. **Второй этап** (весьма ответственный) –

систематизация этого материала. Структурирование лексического материала осуществляется в силу разных причин. В нашем исследовании мы делаем это для наглядного представления материала в учебных целях; в перспективе разработка определенных правил и процедур организации лексической базы терминопольа может послужить делу создания оценивающей компьютерной программы.

Ранее мы уже упоминали, что анализ лексического наполнения терминологического поля (наподобие описанного выше) может способствовать осуществлению оценки знаний именно в количественном плане, а для оценки профессиональных знаний по неким качественным параметрам нам необходимо «структурировать лексический материал с использованием каких-либо категорий» [28, с. 58]. Этому и посвящен второй этап предлагаемого нами метода: проведя анализ лексического наполнения терминопольа, мы приступаем к поиску путей представления его структуры.

По этой причине второй этап построения модели терминопольа подразумевает выявление элементов, которые будут упорядочивать лексическое наполнение терминологического поля, группируя термины по неким общим принципам. Так мы предполагаем получить группы из двух и более терминов, состоящих друг с другом в отношении антонимии.

В рамках настоящего исследования для выделения структурирующих элементов мы решили использовать метод компонентного анализа, поскольку очень часто лексические единицы в составе терминопольа связаны между собой отношениями несовместимости; в математической комбинаторике это называется «или-или». Действительно, подавляющее большинство терминов в составе терминологического поля противопоставлены друг другу и формируют различного размера группы антонимов. Это происходит потому, что они реализуют какой-то общий компонент значения; лингвист, работая совместно со специалистом-предметником, может легко этот компонент выделить.

В свете этого использование дифференциальных сем в качестве основы для выделения структурирующих элементов представляется нам наиболее подходящим и эффективным приемом.

Считаем необходимым отметить следующее о выделении структурирующих элементов: в исследовательских работах, связанных с проблемами описания терминологии и создания профессиональных тезаурусов, многие авторы принимают в рассмотрение (и, соответственно, визуально отображают) только термины. С элементами, структурирующими эти термины, наблюдается следующая ситуация: они или приводятся в форме довольно неоднозначных определений (т.е. подразумевающих наличие более чем одного толкования; программная реализация таких формулировок практически невозможна), или не указаны вовсе, а лишь подразумеваются. Е. Ю. Горбунов отмечал эту проблему, описывая трудности, возникающие при построении модели

некоторых областей знания: «Во-первых, это нечетко структурированная, "мягкая", с трудом поддающаяся дискретной модельной структуризации природа гуманитарных объектов. Во-вторых, это невыработанность во многих гуманитарных предметных областях (ПО) четких и надежных классификационных критериев» [29, с. 169].

Данную ситуацию необходимо рассматривать с двух сторон. С одной стороны, мы принимаем излагаемую этими авторами точку зрения. Но с другой – мы должны помнить о важности практического применения предлагаемого нами метода построения модели состава и структуры терминологического поля. В этой связи мы посчитали обоснованным шагом репрезентировать не только термины, формирующие лексическую базу терминопоя, но и те элементы, которые структурируют эти термины с учетом всех видов семантических отношений между ними. В этом вопросе мы руководствуемся рядом соображений.

Во-первых, вычленение упорядочивающих элементов необходимо для достижения поставленной нами цели. Мы не видим возможности для разработки универсально применимого метода построения модели терминологического поля, если не будут эксплицированы структурирующие это поле элементы. Не будем забывать, что нашей целью в перспективе является возможное применение настоящих наработок для программной реализации алгоритма оценивания профессиональных знаний. Структурирующие элементы выступают здесь в качестве остова предметной области, в том числе и с точки зрения иерархии; вокруг этого остова упорядоченно располагаются термины. Зная структурирующие элементы, можно быстро и просто построить компьютерную модель любой предметной области.

Во-вторых, выполнить ряд поставленных нами задач можно лишь в том случае, если учебный материал будет репрезентирован в форме, обеспечивающей доступную подачу его студентам. Это требуется для создания в мышлении учащихся адекватно выстроенной терминологической картины изучаемой ими профессиональной области, и важность наличия при этом четко эксплицированных структурирующих элементов трудно переоценить.

Как следствие, структурирующие элементы могут способствовать выявлению и устранению лакун в профессиональных знаниях учащихся. Часто наблюдается следующая ситуация: студент знает термин, но не помнит его антонима. Причиной тому может служить тот факт, что у этого студента есть знание лексического состава изучаемой им предметной области, однако нет понимания ее структуры. Профессиональная лексика хранится в его памяти неупорядоченным массивом.

Знание и понимание не только состава, но и структуры профессионального знания обеспечит гораздо более высокий уровень владения материалом, а также позволит ликвидировать лакуны: уяснив для себя структурирующие элементы, учащийся запомнит и относящиеся к ним

группы терминов. (Далее по тексту по отношению к структурирующим элементам мы будем употреблять наименование *критерии*.)

Итак, мы решили вырабатывать критерии формирования антонимических групп терминов на основе дифференциальных сем. При этом мы исходили из следующих предпосылок.

1. Принимаемые к рассмотрению критерии должны быть часто используемыми и наиболее релевантными для данной предметной области на настоящий момент.
2. Используемые для построения модели критерии должны быть общепринятыми (т.е. универсальными). Действительно, в рамках настоящего исследования нас мало интересуют критерии, встречающиеся лишь как частный случай в составе специализированных классификаций.
3. Имеет смысл рассматривать лишь те критерии, которые позволяют сформировать минимально полную группу терминов, т.е. образованную не менее чем двумя лексическими единицами. Таким образом, мы устанавливаем ограничение по минимальному объему антонимической группы. При этом максимальное количество терминов в этой группе теоретически может быть неограниченным; как правило, в состав группы входят не более четырех терминов. Мы заостряем свое внимание на этом пункте по той причине, что очень часто имеет место следующая ситуация: парный термин либо вообще отсутствует, либо является профессионализмом, жаргонизмом, а то и вовсе неологизмом. В любом случае термином такое слово не является, но тем не менее активно употребляется профессионалами (например, для ликвидации лакун). Однако в нашем случае нам совершенно необходимо указать антонимическую пару терминов полностью, поскольку программа для оценивания знаний по определению не допускает наличия лакун.

По итогам проведенного отбора предполагается составлять специальную таблицу критериев для наглядной демонстрации того, как эти критерии выстраивают термины в некую структуру. В отличие от таблицы, которую предполагалось строить на предыдущем этапе, таблица критериев имеет строго три столбца. Первый столбец служит для указания индекса критерия, коррелирующего с индексами терминов из построенной ранее таблицы. Во второй графе приводится непосредственно сам критерий. Третья графа используется для перечисления терминов, входящих в состав антонимической группы, которая выделяется согласно данному критерию.

Наконец, *третий этап* разрабатываемого в настоящем исследовании метода построения модели терминопоя заключается в идеографической репрезентации его состава и структуры. Ниже мы рассмотрим способ визуального представления нашей модели.

Выбор способа графического представления состава и структуры терминополья

При выборе способа визуального представления состава и структуры терминологического поля для получения нужных нам результатов мы должны учитывать несколько важных факторов. В частности, выбираемый нами способ должен быть функциональным. Аспект функциональности приобретает особое значение по причине того, что целью настоящего исследования является разработка метода построения модели терминологического поля с перспективой использования этого метода в качестве основы для квалиметрической программы. Более того, этот способ должен быть способен реализовывать предлагаемые нами приемы работы с лексическим составом терминополья и способствовать их реализации в виде алгоритма компьютерной программы.

Выбирая способ визуального представления структуры терминополья, мы считаем необходимым сделать следующее замечание: разговор идет не только и не столько об отображении на модели того или иного терминополья только лишь его лексического состава. С технической точки зрения репрезентация лексических единиц не представляет затруднений. Нашей главной задачей в данном случае является представление принципов построения того или иного терминополья, где были бы учтены все присущие ему типы системных отношений между терминами. В силу определенных причин структура специализированной предметной области (и, следовательно, относящегося к ней терминополья) часто имеет вид сложной многоуровневой системы, упорядоченной по иерархическому принципу. В этой связи нам представлялся логичным вывод, что для адекватного отображения такой структуры необходимо идеографическое представление ее по принципу разветвленной многоуровневой структуры. Такое графическое представление позволяет визуализировать не только горизонтальные отношения между терминами (например, между синонимами, антонимами и т. д.), но и вертикальные (между гиперонимом и гипонимами, меронимами и т. д.).

Приняв во внимание все упомянутые условия, мы приняли решение использовать граф в качестве способа идеографической репрезентации модели терминополья. Использование графа в такой функции является вполне распространенным явлением, причем не только в направлениях, связанных с языкознанием. В этом факте нет ничего удивительного, поскольку графовые структуры идеально отвечают требованиям по репрезентации знаний в виде разного рода классификаций. Кроме того, теория графов является смежной с такими областями, как логика, математика и программирование, что делает возможной реализацию результатов настоящего исследования в виде программы для оценивания знаний.

Итак, общая структура терминологического поля может быть представлена в виде графовой структуры. При этом каждый полилексемный термин, каждый ответ учащегося

может быть представлен в виде графа, являющегося частным случаем графа терминополья. Путем сопоставления такого частного графа с общим графом терминополья (естественно, с применением параметров количественной и качественной оценки) можно будет произвести оценивание степени владения студентом как лексическим материалом, так и структурирующими элементами, организующими этот материал в четко выстроенную языковую картину предметной области.

При выборе способа графического представления состава и структуры терминополья было важно ответить как на вопрос о характере представляемой на графе информации, так и на вопрос о способе ее организации. И мы снова возвращаемся к вопросу о необходимости экспликации элементов, структурирующих лексическую базу терминополья; однако теперь мы рассмотрим этот вопрос в ключе идеографической репрезентации состава и структуры терминополья.

Дело в том, что при использовании графа как способа репрезентации некоей базы знаний, на нем очень часто отображают только термины. При этом на таком графе, как правило, не представлены какие-либо явно выраженные структурирующие элементы, объясняющие расположение этих терминов или понятий именно в таком порядке; а ведь сам граф может иметь достаточно сложную структуру, насыщающую несколько уровней.

Однако, нельзя сказать, что упомянутых структурирующих элементов нет вообще. Это не так – они представлены, но имплицитно. Теоретически человек может интуитивно догадаться о критериях объединения каких-либо понятий в группы. Однако так происходит только в случае с простейшими классификациями на бытовом уровне. Когда же речь заходит о профессиональной классификации и, соответственно, о профессиональном обучении, имплицитный характер структурирующих элементов может представлять серьезную проблему как в плане подачи материала, так и в плане его восприятия и усвоения. Обратимся к монографии А. Н. Краснова «Психолого-педагогические основы технологии открытого тестирования» [2], содержащей свыше 300 ответов студентов относительно классификации повреждений таза, и рассмотрим один из них:

Переломы таза

I – открытые

II – закрытые

- а) (1) со смещением тазового кольца
- (2) без смещения тазового кольца

- б) (1) с нарушением функции органов малого таза
- (2) без нарушения функции органов малого таза

Визуализация примера как графа представлена рис. 1. Из приведенного графа следует, что рассматриваемый ответ содержит только лексическую информацию; ни одного явно выраженного структурирующего элемента здесь не наблюдается.

Так, совершенно неочевидно, как связаны между собой термины *открытые переломы* и *закрытые переломы*. Иными словами, непонятно, почему они входят в одну группу, а термины *переломы с нарушением функции органов малого таза* и *без нарушения* – в другую. В рассматриваемом нами ответе не представлено то, что можно было бы назвать опорными точками; при их наличии преподаватель смог бы провести оценку знаний обучаемого не только в количественном отношении (по степени лексического наполнения ответа), но и в качественном (по полноте и целостности структуры ответа).

Конечно, экзаменатор так или иначе извлекает эти опорные точки из того ответа, что дает учащийся, и поэтому в принципе способен оценить его знания в качественном отношении. Тем не менее по причине того, что студента будет тестировать не живой человек, а компьютер, опорные точки классификации должны быть представлены в его ответе максимально четко и однозначно. В этой связи очевидно, что единственным способом решения этой проблемы является экспликация элементов, структурирующих состав терминопоя. Именно они и выступают в роли тех

самых необходимых нам точек, на которые сможет опереться программа для качественного и количественного оценивания знаний.

Вновь обратимся к примеру, очевидно, что термины *открытые переломы* и *закрытые переломы* имеют некий общий смысловой компонент. Значит, их можно объединить в бинарную оппозицию на основе критерия, эксплицированного нами в соответствии с этим компонентом. Назовем этот критерий *по наличию раны* и обозначим его Кр-1. Совершенно так же мы поступаем и с другими группами терминов-антонимов из рассматриваемого ответа. В результате получаем еще два критерия: Кр-2 – *по наличию смещения тазового кольца* и Кр-3 – *по наличию нарушения функции органов малого таза*. На рис. 2 показан граф, адаптированный для процедуры оценивания квалиметрической программой. На графе появились четко выраженные опорные точки – критерии выделения антонимических групп терминов. Эти термины восходят к гиперониму – корневой вершине графа *переломы таза*.

Итак, для идеографической репрезентации состава и структуры терминопоя мы выбрали граф как способ, наиболее подходящий для целей нашего исследования. При этом граф состоит из элементов двух видов – лексических единиц (терминов) и структурирующих элементов (критериев объединения этих терминов в группы). Движение по такому графу можно осуществлять как вверх (восходящее движение), так и вниз (нисходящее движение). Нисходящее движение более предпочтительно в плане обучения, поскольку постепенное движение от общего к частному позволяет обучаемому охватить структуру предметной области в целом.

Заключение

На данном этапе мы считаем разработку метода построения модели лексико-семантической структуры терминопоя в целом законченной. Мы описали основные этапы процедуры моделирования, основанные на методах компонентного анализа и тезаурусного моделирования, а также выявили преобладающие виды семантических отношений, связывающих термины в составе терминопоя. Кроме того, мы показали необходимость экспликации элементов,

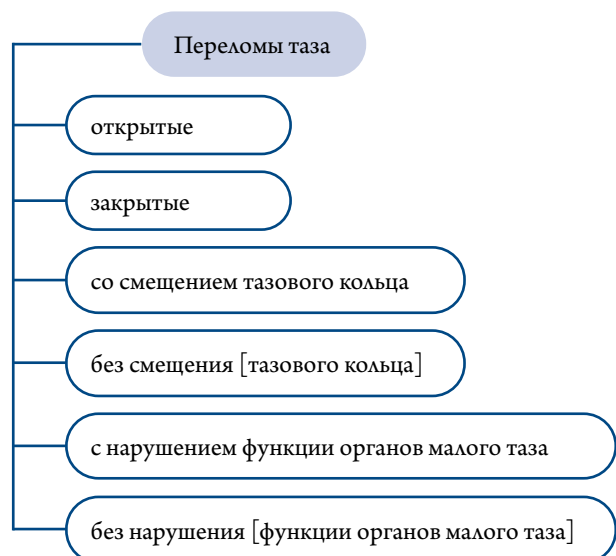

Рис. 1. Граф, содержащий только термины
Fig. 1. A terms-only graph

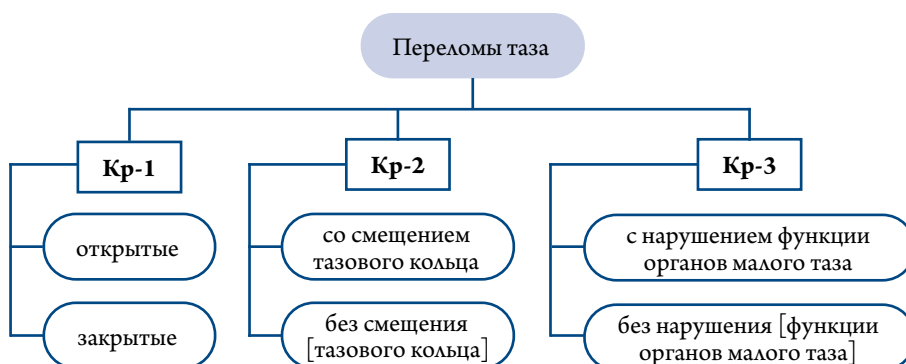

Рис. 2. Граф ответа с эксплицированными структурирующими элементами
Fig. 2. A graph representing both terms and structure units

структурирующих лексическую базу терминопоя (критериев), и выбрали подходящий способ графического представления его структуры и лексического наполнения. Конечно, предлагаемый нами метод не полон и не идеален, но судить о его сильных и слабых сторонах можно будет только при применении его к конкретному терминопоя.

По итогам проведенного нами исследования сделаны следующие выводы:

1. Метод тезаурусного моделирования может быть эффективно и адекватно применен для установления характера преобладающих видов семантических отношений, связывающих лексические единицы в составе терминопоя.
2. После осуществления предложенной нами процедуры обработки лексической базы терминопоя эту базу можно репрезентировать в виде древовидного графа с ярко выраженной иерархической структурой.
3. Для адекватного отображения состава и структуры терминопоя на графе необходимо репрезентировать не только лексические единицы, но и структурирующие их элементы. Эти элементы можно сформулировать с применением метода компонентного анализа на основе дифференциальных сем, выделенных на этапе обработки лексического материала терминопоя. Такое представление состава

и структуры терминопоя позволяет, помимо прочего, реализовать процедуру оценивания качественной и количественной составляющей ответов студентов в виде квалиметрической компьютерной программы, поскольку теория графов и программирование тесно связаны между собой.

Собранные материалы и сделанные выводы в перспективе могут послужить методологической основой для разработки систем автоматизированной количественной и качественной оценки знаний учащихся всех уровней, а также специалистов всех профилей. Результаты работы могут быть использованы для создания справочников по какой-либо предметной области, при разработке специальных курсов по терминоведению, полемому анализу и идеографическому моделированию. В дальнейшем нами планируется применить разработанный метод к конкретному терминологическому полю с учетом характерных особенностей его структуры и лексического состава.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Середницкая А. Метод отбора реестровых единиц идеографического словаря глаголов перемещения украинского языка. *Украинская национальная идея: реалии и перспективы развития*. 2008. № 20. С. 156–159.
Serednitskaia A. A. A method of sorting out registered units for ideographic vocabulary of Ukrainian movement verbs. *Ukrainskaia natsionalnaia ideia: realii i perspektivy razvitiia*, 2008, (20): 156–159. (In Russ.)
2. Краснов А. Н. Психолого-педагогические основы технологии открытого тестирования. Самара: СамНЦ РАН, 2005. 442 с.
Krasnov A. N. *Psychological and pedagogical basis of open testing technology*. Samara: SSC RAS, 2005, 442. (In Russ.)
3. Журавлев А. П. Актуальность применения тезаурусного подхода для моделирования лексико-семантической структуры терминопоя. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*. 2021. Т. 23. № 78. С. 13–16. <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2021-23-78-13-16>
Zhuravlev A. P. Applicability of the thesaurus approach to modelling the lexical-semantic structure of a terminological field. *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences*, 2021, 23(78): 13–16. (In Russ.) <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2021-23-78-13-16>
4. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус русского литературного языка. М.: Наука, 1981. 367 с.
Karaulov Yu. N. *Linguistic engineering and standard Russian thesaurus*. Moscow: Nauka, 1981, 367. (In Russ.)
5. Коршунова С. О. Роль тезаурусного моделирования в организации терминопоя «Text – текст». *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2009. № 1. С. 116–124.
Korshunova S. O. The interlingual field "Text – tekst" as a result of thesaurus modeling. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2009, (1): 116–124. (In Russ.)
6. Жучкова И. И. Тезаурусное моделирование английской спортивной терминологии (на примере семантического поля "Football" (футбол)). *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. 2021. № 3. С. 25–30. <https://doi.org/10.37972/chgpu.2021.112.3.004>
Zhuchkova I. I. Thesaurus modelling of English terminology of sport (semantic field "Football"). *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I. Ya. Yakovleva*, 2021, (3): 25–30. (In Russ.) <https://doi.org/10.37972/chgpu.2021.112.3.004>
7. Горбунов Е. Ю. Лингвистический потенциал тезаурусного моделирования как инновационная образовательная технология. *Теория и практика приоритетных научных исследований: мат-лы III Международ. науч.-практ. конф. (Смоленск, 30 апреля 2018 г.)* Смоленск: НОВАЛЕНСО, 2018. С. 170–173.

- Gorbunov E. Yu. Linguistic potential of thesaurus modelling as an innovative educational technology. *Theory and practice of priority scientific research: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf., Smolensk, 30 Apr 2018. Smolensk: NOVALENDO, 2018, 170–173. (In Russ.)*
8. Жучкова И. И. Преимущества компьютерной реализации гипертекстового тезауруса английских терминов по лингвистике текста. *Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты: мат.-лы V Междунар. науч. конф. (Тольятти, 15–17 апреля 2015 г.) Тольятти: ТГУ, 2015. С. 232–238.*
Zhuchkova I. I. Advantages of computer implementation of hypertext thesaurus of English text linguistics terminology. *Text: philological, socio-cultural, regional and methodological aspects: Proc. 5th Int. Sci.-Prac. Conf., Tolyatti, 15–17 Apr 2015. Tolyatti: TSU, 2015, 232–238. (In Russ.)*
 9. Жучкова И. И. Методика построения тезауруса английской терминологии лингвистики текста. *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2016. Т. 1. № 1. С. 36–42.*
Zhuchkova I. I. Methodology for constructing terminological English-Russian "text linguistics" thesaurus. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva, 2016, 1(1): 36–42. (In Russ.)*
 10. Коршунова С. О. Тезаурус как способ систематизации юридической терминологии. *Проблемы современного российского законодательства: мат.-лы IV Всерос. науч.-практ. конф. (Иркутск, 11 сентября 2015 г.) Иркутск, 2015. С. 56–59.*
Korshunova S. O. Thesaurus as the way of arranging law terminology. *Problems of modern Russian legislation: Proc. 4th All-Russian Sci.-Prac. Conf., Irkutsk, 11 Sep 2015. Irkutsk, 2015, 56–59. (In Russ.)*
 11. Горбунова Н. Н. Некоторые результаты тезаурусного моделирования англоязычной терминосистемы менеджмента. *Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2014. № 2. С. 7–17.*
Gorbunova N. N. Some results of thesaurus modelling of the English management terminology system. *Uchenye zapiski Natsionalnogo obshchestva prikladnoi lingvistiki, 2014, (2): 7–17. (In Russ.)*
 12. Краснопева Е. С. Об использовании тезаурусного подхода в качестве дидактического инструмента при представлении новой терминологии в курсах теории перевода. *Исследование лингвокреативных процессов в когнитивно-дискурсивном аспекте: мат.-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 23 ноября 2016 г.) Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 214–219.*
Krasnopereva E. S. Thesaurus approach as a didactic tool when presenting new terminology within the translation theory course. *The study of linguo-creative processes in the cognitive-discursive aspect: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Chelyabinsk, 23 Nov 2016. Chelyabinsk: Entsiklopediia, 2016, 214–219. (In Russ.)*
 13. Быкова С. Е. Терминология как объект тезаурусного моделирования. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 25. С. 45–49.*
Bykova S. E. Terminology as object of thesaurus modeling. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics, 2012, (25): 45–49. (In Russ.)*
 14. Ведерникова Ю. В. Тезаурусный подход к моделированию английской когнитивно-лингвистической терминологии на примере терминополья Blending theory (теория блендинга). *Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12. С. 47–50.*
Vedernikova Yu. V. A thesaurus approach to the modeling English cognitive and linguistic terminology by the example of the term field of the notion Blending theory. *Philology. Theory & Practice, 2015, (12): 47–50. (In Russ.)*
 15. Горбунов Е. Ю. Семантико-синергетические принципы тезаурусного моделирования семантического поля термина Lexicology 'Лексикология'. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2015. № 2. С. 46–53.*
Gorbunov E. Yu. Semiotic-synergetic principles of thesaurus modelling of the semantic field of the term Lexicology. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I. Ya. Yakovleva, 2015, (2): 46–53. (In Russ.)*
 16. Сергеева Т. Н. Тезаурусное моделирование предметной области «Корпусная лингвистика» на примере английского языка. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 1. С. 87–91.*
Sergeeva T. N. Thesaurus modeling of the object domain Corpus Linguistics based on the English sources. *Vektor nauki Toliattinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009, (1): 87–91. (In Russ.)*
 17. Гаврилова Н. В. Принципы построения терминосистем французской и английской деловой терминологии «Международной экономики» в тезаурусном аспекте. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 7. С. 264–267.*
Gavrilova N. V. Creating principles of French and English business terminology systems in International economics based on the thesaurus approach. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki, 2009, (7): 264–267. (In Russ.)*
 18. Таалайбек уулу Д., Костина И. А. Оппозитивный анализ как инструмент компонентного анализа. *Тенденции развития науки и образования. 2018. № 39-4. С. 51–53. <https://doi.org/10.18411/lj-06-2018-72>*
Taalaibek uulu D., Kostina I. A. Oppositive analysis as an instrument of componential analysis. *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia, 2018, (39-4): 51–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.18411/lj-06-2018-72>*

19. Стадульская Н. А. Компонентный анализ значения слова как способ выявления содержания концепта. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2012. № 32. С. 112–117.
Stadulskaya N. A. Componential analysis of word meaning as the way of determining the content of a concept. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2012, (32): 112–117. (In Russ.)
20. Храмова А. В., Амирова О. Г. Метод компонентного анализа глаголов с общим значением «манера передвижения» в английском и русском языках. *Развитие образования*. 2020. № 2. С. 49–54. <https://doi.org/10.31483/r-75570>
Hramova A. V., Amirova O. G. Componential analysis of verbs with general meaning "Manner of movement" in English and Russian languages. *Razvitie obrazovaniya*, 2020, (2): 49–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.31483/r-75570>
21. Кузнецов А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М.: Наука, 1986. 123 с.
Kuznetsov A. M. *From componential analysis to componential synthesis*. Moscow: Nauka, 1986, 123. (In Russ.)
22. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. О компонентном анализе значимых единиц языка. *Принципы и методы семантических исследований*, отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1976. С. 291–314.
Gulyga E. V., Shendels E. I. Componential analysis of notional lexical units. *Principles and methods of semantic research*, ed. Yartseva V. N. Moscow: Nauka, 1976, 291–314. (In Russ.)
23. Шайкевич А. Я. Дистрибутивно-статистический анализ в семантике. *Принципы и методы семантических исследований*, отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1976. С. 353–378.
Shaikovich A. Y. Distributional and statistical analysis in semantics. *Principles and methods of semantic research*, ed. Yartseva V. N. Moscow: Nauka, 1976, 353–378. (In Russ.)
24. Караулов Ю. Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. М.: Наука, 1980. 208 с.
Karaulov Yu. N. *Frequency word book of semantic multipliers in Russian*. Moscow: Nauka, 1980, 208. (In Russ.)
25. Селиверстова О. Н. Труды по семантике. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 960 с.
Seliverstova O. N. *Semantic studies*. Moscow: Iaz. slavian. kultury, 2004, 960. (In Russ.)
26. Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. 208 с.
Savitsky V. M. *Principles of general idiomatics*. Moscow: Gnozis, 2006, 208. (In Russ.)
27. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: ВГУ 1985. 170 с.
Sternin I. A. *Lexical meaning in language*. Voronezh: VSU, 1985, 170. (In Russ.)
28. Журавлев А. П. Разработка метода моделирования состава и структуры терминополья в общем и терминополья «Повреждения таза» в частности. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2020. № 3. С. 56–65. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10307>
Zhuravlev A. P. Developing a method of modeling lexical-semantic structure of a terminological field in general and the "Pelvis injuries" field in particular. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2020, (3): 56–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10307>
29. Горбунов Е. Ю. Технология тезаурусного моделирования английских лингвистических терминов. *Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков: VI Междунар. науч. конф.* (Тольятти, 11–12 октября 2018 г.) Тольятти: ТГУ, 2018. С. 169–176.
Gorbunov E. Yu. Technology for thesaurus modeling of English linguistic terms. *Actual problems of theoretical and applied linguistics and optimization of teaching foreign languages: VI Intern. Sci. Conf.*, Togliatti, 11–12 Oct 2018. Togliatti: TSU, 2018, 169–176. (In Russ.)

Оригинальная статья

Актуальное членение предложения как средство текстовой организации

Салтанова Надежда Юрьевна

Московский городской педагогический университет, Россия, г. Москва

<https://orcid.org/0000-0002-6403-7430>

nsaltan@mail.ru

Поступила в редакцию 10.02.2022. Принята после рецензирования 11.04.2022. Принята в печать 18.04.2022.

Аннотация: Вопрос актуального членения был поднят еще в начале XX в. Существовало множество подходов к изучению данной проблемы, но все они сводились к отношению темы (известного) и ремы (нового) в отдельно взятой языковой единице. Субъектно-предикативная связь в предложении является основополагающим фактором выделения его в независимую грамматически и логически завершенную единицу. В потоке речи такие единицы (предложения-высказывания) не всегда имеют связанный характер, поскольку только объединенные общим смыслом единицы представляют собой сверхфразовое единство, для которого характерны завершенность темы и синтаксическая целостность. Только когда тема-рематическая связь предложения-высказывания может перерасти в тема-рематические отношения объединенных между собой синтаксической и грамматической связью предложений, образуются гипертема и гиперрема текста, оформление которых диктует направленность развития сюжетной линии произведения (одна тема может стать в ходе повествования коммуникативным ядром для нескольких гиперрем). Цель – изучить пути передачи ядра сообщения и информативной базы, известной получателю, а также способы возможных связей при инверсии, то есть возможности интерпретации ремы как темы за счет выделения данного и нового при изменении порядка слов. Сравнение единиц, представляющих собой сверхфразовое единство, позволяет выделить значимый семантико-синтаксический блок – абзац как минимальную единицу членения текста и предикативно-релятивный комплекс – объединение нескольких сверхфразовых единств в одно, маркированное наличием единой коммуникативной составляющей. Изучение этих особенностей является обоснованием тому, что актуальное членение – это больше, чем тема-рематические связи, но представляет собой единицу коммуникативного членения, несмотря на то, что существует тенденция отождествлять эти понятия. Анализ процессов взаимодействия языковых единиц дает возможность определить степень информативности их членов, выделить смысловые компоненты, наиболее точно передающие мысль, поскольку одна и та же языковая единица может иметь неоднозначную интерпретацию, решение которой зачастую возможно благодаря экстралингвистическим связям. В таком ракурсе обосновано утверждение, что текст как единица языка, характеризующаяся единством семантико-синтаксических связей, обладает главной чертой, которая делает его уникальным концептом авторской задумки, основан на сформированной суперреме, где коммуникативный посыл автора к читателю или говорящего к слушающему является темой, а выводы, восприятие и анализ с последующим наложением субъективного мироощущения сквозь призму авторской задумки и способов ее реализации – коммуникативным ядром, ради которого произведение создано.

Ключевые слова: актуальное членение предложения, когезия, тема высказывания, рема высказывания, порядок слов, гипертема, гиперрема, суперрема, предложение-высказывание, сверхфразовое единство, абзац, текст, коммуникативная целостность, авторское Я, ядро, коммуникативная ситуация

Цитирование: Салтанова Н. Ю. Актуальное членение предложения как средство текстовой организации. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 2. С. 231–238. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-231-238>

Full article

Topic-Comment Relation as a Means of Textual Organization

Nadezhda Yu. Saltanova

Moscow City University, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0002-6403-7430>

nsaltan@mail.ru

Received 10 Feb 2022. Accepted after peer review 11 Apr 2022. Accepted for publication 18 Apr 2022.

Abstract: Mechanisms of topic-comment relations, or actual division of the sentence, attracted scientists of previous centuries. However, the general idea was that of connection between the theme and the rheme. Subject and predicate connection is an independent unit of grammatical and logical unity. In spontaneous speech, such units are seldom coherent. The coherence is a result of the speaker's purpose that turns a flow of sentences into a super-phrasal unity with a common theme

and syntactic coherence. The connection of the theme and the rheme makes a foundation for the hyper-theme and the hyper-rheme of the narrative. The research featured the ways of transmitting the new and the known to the recipient. It also included coherence achieved by inversion, when the rheme can be interpreted as the theme as a result of inverted word order. A comparative analysis of parts within the super-phrasal unity revealed an important semantic-syntactic entity called "abstract" as a minimal element of text division. The predicative-relative complex that unites a few super-phrasal unities accompanies abstract division. Therefore, actual division is much broader than a mere connection of themes and rhemes but remains a part of communicative value in spite of the tendency to identify them as equivalents. A thorough analysis of coherence of linguistic units made it possible to describe the level of their informative value, as well as to single out the semantic components that render the idea to the greatest extent. In an ambiguous situation, it enables to choose the right variant thanks to extra-linguistic connections. Thus, the text is a unit marked by the coherence of semantic and syntactic relations. The text is a realization of the author's viewpoint developed thanks to a unique concept that constitutes the super-rheme, while the general theme is given in the form of the author's subjective appeal to the reader.

Keywords: actual division of a sentence, cohesion, theme of a sentence, rheme of a sentence, word order, monorheme, dirheme, hyper-theme, hyper-rheme, super-rheme, statement, super-phrasal unity, abstract, text, communicative integrity, author's conception, core, communicative situation

Citation: Saltanova N. Yu. Topic-Comment Relation as a Means of Textual Organization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(2): 231–238. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-231-238>

Введение

Механизмы и структура актуального членения, способы его реализации не только на уровне предложения, но и в тексте имеют основополагающее значение в восприятии когнитивно-коммуникативной направленности сверхфразового единства. Связь слов в предложении на уровне следования его членов не является основополагающим фактором при передаче смыслового посыла, поскольку предложение-высказывание, хотя и является грамматически и логически законченной языковой единицей, выполняет только частичную коммуникативную функцию. Полностью акт коммуникации раскрывается в тексте при взаимодействии говорящего и слушающего, где есть ответная реакция в виде восприятия, осмысления и вывода. Теоретические и практические изыскания представлены в трудах зарубежных и отечественных теоретиков и практиков в области лингвистики, одним из основоположников которого является В. Матезиус [1], первым определивший суть актуального членения. Значимо мнение И. И. Ковтуновой [2], обосновавшей актуальность, что стало отправной точкой исследования.

Цель работы состоит в исследовании путей передачи ядра сообщения и информативной базы, известной получателю, а также способов возможных связей при инверсии, т. е. возможности интерпретации ремы как темы за счет выделения данного и нового при изменении порядка слов. Таким образом, в задачи исследования входит определение средств и способов выражения тема-рематических связей на уровне различных языковых единиц (предложение, сверхфразовое единство, абзац). Новизна заключается в том, что помимо примеров использования отдельных предложений, предлагающих чисто механический план разложения на актуальные единицы, как это представлено в классическом подходе, нами используются такие объемные единицы, как сверхфразовое единство и абзац, что подчеркивает значимость актуального

членения в обширных текстовых кластерах, и тем самым дает возможность определить роль этого явления в создании гипертекста, в том числе и художественного.

Теоретическая значимость состоит в том, что полученные результаты могут послужить основой для анализа особенностей актуального членения в текстах произведений одного автора. Практическая значимость – в том, что тема-рематические связи, выступающие в роли «меток» для перехода от одного структурированного информационного блока к другому, могут быть использованы при изучении вопросов актуального членения применительно к текстам различных жанров.

Сопоставительный анализ предложений позволяет определить зависимость выделения тема-рематических связей от акцентологического ударения и порядка слов. В русском языке порядок слов не является фиксированным, поэтому не может служить методом выделения темы и ремы в отличие от английского, где тема указана в начале предложения, а рема – в конце. Только комплекс маркеров – порядок слов, расстановка акцентов при помощи ударения, использование частиц и роль второстепенных членов предложения – помогает дифференцировать актуальную информацию. Изучение последовательности предложений в тексте и их информативной составляющей позволяет выделить гипертему и гиперрему сверхфразового единства, когда несколько предложений, объединенных общей идеей, выполняют функцию информативной базы для одного, являющегося ремой.

Материалом послужили случайно выбранные предложения, которые целесообразно рассматривать как модель языковой единицы, построенной на базе предикативной связи. Эти единичные предложения, не включенные в контекст, позволили проследить зависимость актуального членения от таких факторов, как акцентологическое ударение и порядок слов. Для анализа особенностей актуального

членения в сверхфразовых единствах мы выбрали примеры из повести Л. Н. Толстого «Казак». Изучив особенности стиля данного произведения, мы можем утверждать, что он максимально приближен к реальной жизни, герои погружаются в мир ежедневных забот, происшествий, эмоций и отношений, что повлияло на модель оформления текстовых единиц, в том числе выбранных нами в качестве примеров. Это позволило выделить особенности реализации тема-рематических связей в абзацах данного художественного произведения, что ведет к признанию значимости тема-рематических связей на уровне текста.

В основе любого текста лежит когезия (лат. *cohaesus* – связанный, сцепленный) – лексическая и грамматическая связанность предложений-высказываний в цепочку скоррелированных элементов, определяющих развитие основной темы за счет поэтапного ввода новых лексико-грамматических единиц, входящих в линейно-динамическую структуру сверхфразового единства. Изучение проблемы актуального членения неотделимо от данного понятия, поскольку «включает лингвистические средства (грамматические, лексические, фонетические), благодаря которым предложения в тексте соединены в более крупные единицы на структурном уровне» [3, с. 40].

Цепочка предложений, построенных в определенной последовательности, в зависимости от смысловой нагрузки образует сверхфразовое единство – синтаксическое целое, микротекст, который рассматривают в лингвистике как смысловой блок. Текст – сложное явление с комплексной структурно-семантической организацией, что делает его цельным, оформленным единством, противопоставленным простой последовательности предложений. Текст – феномен, характеризующийся сопряженностью коммуникативной целостности, смысловой завершенности, логическими, грамматическими и семантическими связями.

Следует отметить, что термин *предложение* имеет двоякую интерпретацию: предложение как отдельная грамматически и интонационно оформленная единица; высказывание как «акт высказывания, высказывание как речевое действие» [4, с. 328]. Возникает вопрос, как отдельно взятые предложения-высказывания выстраиваются в содержательный, законченный текст и соотносятся друг с другом. В своем исследовании мы опирались на труды известных лингвистов: О. И. Москальской [5], К. Г. Крушельницкой [6; 7], Н. Д. Арутюновой [8], О. С. Иссерс [9], что позволило установить разницу между актуальным и коммуникативным членением, определить роль смыслового членения, изучить структурные составляющие текста, которые преобразуют его в уникальную языковую единицу.

Понятие **актуальное членение** в языкознании

Термин *актуальное членение* был введен чешским лингвистом В. Матезиусом: «Основные элементы актуального членения предложения – это исходная (или основа)

высказывания, то есть то, что является в данной ситуации известным или, по крайней мере, может быть легко понято и из чего исходит говорящий, и ядро высказывания, то есть то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания» [1].

И. И. Ковтунова приводит следующее определение: «Членение на тему и рему называют актуальным членением, поскольку это членение актуально, существенно в данном контексте или в данной конкретной ситуации для говорящего или пишущего» [2, с. 7].

Несмотря на то что большинство исследователей вопроса актуального членения опирается именно на трактовку В. Матезиуса, в нашей статье мы примем во внимание позиции О. А. Лаптевой [10], Т. М. Николаевой [11], А. А. Пумпянского [12]. Их интерпретация вопроса будет использована нами при аналитической оценке языковых единиц, представляющих собой материал для актуального членения (предложение, высказывание, сверхфразовое единство, абзац, текст).

Принимая во внимание различные подходы к определению актуального членения, можно выявить одну объединяющую их закономерность. Основа актуального членения – это своего рода соотношение или противопоставление старого и нового, известного и неизвестного, темы и ремы. Различие темы и ремы заключается в разнице коммуникативной составляющей. Если тема – это известная получателю часть информации (некая содержательная база), то рема – ядро высказывания (ради чего иницируется акт коммуникации). Но стоит учитывать, что тема и рема могут выражаться одним и тем же словом, а разница обусловлена ситуативными условиями.

(1) *Отец купил сыну велосипед*. В примере *отец* выступает в роли известной для получателя части высказывания. *Велосипед* – ядро, составляющее основной смысл (сын получил именно велосипед, а не самокат).

(2) *Отец купил велосипед сыну*. По аналогии с первым примером *отец* – исходная, отправная точка коммуникативной ситуации. Но в отличие от вышеприведенного примера, ремой является слово *сын*, автор высказывания посредством данной ремы подчеркивает, что именно сын получил подарок, а не дочь.

(3) *Купил велосипед сыну отец*. Опираясь на систему определения тема-рематических отношений, можно выделить в качестве ремы слово *отец*, в то время как оставшаяся часть будет выступать темой, поскольку данное слово актуализирует информацию, важную для получателя. Именно *отец*, а не мать преподнес подарок.

Исходя из этих примеров, можно утверждать значимость порядка слов в предложении, являющегося неотъемлемой составляющей при актуальном членении. Но при этом целесообразно уточнить, что именно инверсия используется в качестве показателя актуального членения в аналитических языках, где фиксированный порядок слов имеет главенствующее значение.

Способы выражения тема-рематических связей в предложении

Русский язык относится к группе флективных языков с преобладанием синтетических форм, что отражается в развитой морфологии, которой подчинены правила синтагматики и синтаксиса. Основной чертой синтетических языков в отличие от аналитических является нерегламентированный порядок следования различных членов предложения. Порядок слов имеет важное значение при коммуникативно-синтаксической организации высказывания. Согласно И. Р. Гальперину, с помощью инверсии как средства экспрессивности высказыванию добавляется логическое ударение или дополнительная эмоциональная окраска [13, с. 204]. Соответственно, значимая роль в выявлении темы и ремы принадлежит не грамматической, а стилистической инверсии, как утверждает А. В. Михалчева, «для придания экспрессивности путем использования эмфатического варианта актуального членения предложения» [14, с. 346]. Важным пунктом в вопросе актуального членения предложения становится интонация как ведущий фактор выявления темы и ремы в устной речи, в то время как в письменной речи порядок следования слов в предложении определяет ядро высказывания.

Обратимся к примеру (1). Если ранее тема-рематические отношения выделялись при помощи порядка слов, то при помощи интонации или акцентологического ударения можно выделить ядро высказывания, при этом изменение порядка слов не потребуется: *Отец купил сыну велосипед* (а не самокат); *Отец купил сыну велосипед* (а не дочери); *Отец купил сыну велосипед* (а не мать).

Цели определения тема-рематических отношений служит ряд дополнительных средств. По И. И. Ковтуновой, при помощи частиц *а* и *же* выделяют тему; для обозначения ремы используются частицы *только*, *лишь* [2]. Н. С. Валгина к группе частиц, определяющих тему, относит частицу *ведь* [15]. В. В. Бабайцева, кроме порядка слов, интонации и использования частиц как инструментария актуального членения, выделяет повтор слов [16].

Но существует еще ряд способов разграничения темы и ремы. Среди них можно выделить использование однородных и второстепенных членов предложения, а также союзов. «Однородные члены предложения перетягивают на себя логическое ударение. Внимание читателя или слушателя акцентируется на состоянии субъекта» [17, с. 45].

(4) *Воздух был редок, недвижим и звучен* (Толстой Л. Н. Казаки). В данном примере подлежащее *воздух* выступает в качестве темы, а составное именное сказуемое, выраженное однородными членами в именной части: *редок, недвижим и звучен* – ядро, или рема, новая информация, отвечающая на вопрос *какой?* и дающая характеристику подлежащему в отдельно взятом предложении. Новая рема при этой же теме придаст новое значение или характеристику объекта. Можно заключить, что данное предложение содержит в себе психологическое суждение автора, оформленное при помощи порядка слов.

(5) *Только иногда мелькнет березка или мрачной тенью встанет перед тобою ель* (Федосеев Г. А. Пашка из Медвежьего лога). Пример использования частицы для обозначения ремы, эта служебная часть речи вносит различные оттенки значения и эмоциональную окраску в предложение. В примере (5) обстоятельство *только иногда*, выраженное сочетанием частицы и наречия, представляет собой новое, а значит актуальное ядро, которое автор решил выделить.

(6) *Да, но провести еще две ночи в Коломбо мне очень трудно* (Бунин И. А. Братья). Пример использования сочетания сказуемого *трудно* с обстоятельством *очень* в роли ремы, поскольку информация о затруднительной ситуации, которую представляет собой дополнительное пребывание в данном месте, имеет акцентологическое значение, важное для понимания смысла.

Одним из способов обозначения тема-рематических связей можно считать пунктуацию, которая выполняет следующие функции: 1) маркирует эмоциональные паузы; 2) выражает эмоции героя: ирония, возмущение и др.; 3) погружает читателя в ситуацию, происходящую в пьесе; 4) отражает отношение автора к высказываемому; 5) показывает ритмико-мелодическое строение речи; 6) подсказывает читателю эмоциональную реакцию, которую от него ожидают (ремарки автора); 7) выделяет необходимое автору слово или часть предложения, т. е. рему [18, с. 69–70].

Рассматривая особенности выделения тема-рематических связей, подчеркнем значимость авторского Я, которое выражается на всех языковых уровнях: фоническом, стилистическом и идейно-образном: «свобода стиха при его классичности, органичности (даже разговорности) звучания выражается в нестандартном синтаксисе в связи с авторской пунктуацией, с особенностями актуального членения предложения» [19, с. 312]. Многочисленные примеры максимально выделенных за счет эмоционально-смысловых акцентов слов и словосочетаний в составе предложения составляют смысловое ядро, информационный посыл данного произведения, стилистически оформленный автором окружающей действительности согласно индивидуальному восприятию:

(7) *Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.*

*И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след –
Очаровательные франты
Минувших лет.*

(Цветаева М. Генералам двадцатого года)

Мы полагаем, что авторский стиль и индивидуальная манера изложения играют немаловажную роль в определении коммуникативного ядра и способов его передачи в тексте [20, с. 367].

Многоточие также относится к пунктуационным средствам художественной выразительности: «В ряде случаев многоточие помогает выразить комплекс эмоций, сомнение, волнение, разочарование и страх и выделяет наиболее важную часть высказывания – многоточие указывает на паузы в речи персонажа, который испытывает неуверенность или размышляет, пытаясь подобрать правильные слова, выделяет наиболее важную часть высказывания» [21, с. 47].

В вопросе изучения актуального членения стоит обратить внимание на особенности семантико-синтаксического выражения актуального и грамматического членения. Тема и рема позволяют отделить известную получателю информацию от новой, но совершенно необязательно присутствие обеих в предложении. В таком случае можно выделить высказывания, несущие целиком новую информацию (монорема), и такие, где тема не имеет новизны (дирема), поэтому ее наличие не обязательно, известное часто опускается, поскольку только рема отвечает за коммуникативную организацию предложения.

(8) *Еще застрелят тебя, Андреич, – сказал он* (Толстой Л. Н. Казаки). Именно *еще застрелят* и является ядром высказывания. Для читателя важна мысль о том, что герой произведения подвергается опасности, в то время как информация о данном (еще один из синонимов к определению *тема*) в отдельно взятом, вычленном из текста предложении-высказывании отсутствует.

Актуальное членение сверхфразового единства

Помимо выделения темы и ремы при актуальном членении следует рассматривать вопрос актуального членения на уровне текста, поскольку отдельно взятое предложение-высказывание не всегда может быть приравнено к тексту. Главная характеристика – целостность, подкрепленная комплексом синтаксических и грамматических показателей. В тексте гипертема и гиперрема выступают в качестве исходных точек. Первая раскрывает информацию о том, что говорится в комплексе первого смыслового блока, вторая – о чем идет речь во втором (оценка, пояснение, характеристика, описание, выраженные различными способами).

(9) *Проехав еще несколько шагов, они увидели Гурку, сидевшего за песчаным бугром и заряжавшего ружье. Гурка от скуки перестреливался с абреками, сидевшими за другим песчаным бугром. Пулька просвистела оттуда. Хорунжий был бледен и путался. Лукашка слез с лошади, кинул ее казаку и пошел к Гурке. Оленин, сделав то же самое и согнувшись, пошел за ним. Только что они подошли к стрелявшему казаку, как две пули просвистели над ними. Лукашка, смеясь, оглянулся на Оленина и пригнулся. – Еще застрелят тебя, Андреич, – сказал он. – Ступай-ка лучше прочь. Тебе тут не дело* (Толстой Л. Н. Казаки).

Гипертемой данного отрывка является описание сложившейся ситуации. Автор не конкретизирует, но на уровне подсознания читателя складывается уже готовое комплексное определение темы *война*, акцентированное в данном

произведении за счет описания военных действий, развернувшихся между казаками и абреками, включая состояние участников: *Хорунжий был бледен и путался*; поведение – *Гурка от скуки перестреливался с абреками, сидевшими за другим песчаным бугром*; действия / события, происходящие в процессе вооруженного конфликта – *Пулька просвистела оттуда*. Гиперрема текста выражена во фразе *Еще застрелят тебя, Андреич, – сказал он. – Ступай-ка лучше прочь. Тебе тут не дело*. Эта часть составляет основную мысль, автор подчеркивает, что молодому дворянину Дмитрию Оленину не стоит находиться на поле военных действий, где ему грозит опасность, угроза носит далеко не шуточный характер для молодого человека с недостаточным жизненным опытом. Одновременно автор подводит читателя еще к одному информационному блоку – забота и опека над молодым человеком со стороны говорящего.

Абзац как переход от данного к новому

При изучении особенностей актуального членения мы опирались на принцип *от меньшего к большему* и изначально проанализировали особенности тема-рематических связей на уровне предложения. Мы установили, что высказывание не всегда можно рассматривать как текст, поскольку оно не наделено присущей ему характеристикой, а именно логической завершенностью. Анализ особенностей актуального членения сверхфразового единства показал, что правильное говорить о коммуникативном членении, не приравнивая его к членению актуальному, определяя их как взаимодополняющие и взаимозависимые. Традиционно в лингвистике тексту приписывают такие характеристики, как целостность, связанность и завершенность. Это продукт речевой деятельности, обладающий информативной интенцией (намерение субъекта передать информацию посредством использования языковых знаков). Но текст является коммуникативно ориентированным речевым произведением и отличается целенаправленностью.

Исследуя проблему актуального членения на текстовом уровне, где текст является произведением автора, целесообразно говорить о коммуникативном членении на уровне абзаца. В данной ситуации именно абзац следует трактовать как сверхфразовое единство, поскольку он представляет собой «сложную структурно-семантическую единицу, коммуникативная значимость которой не является результатом простого сложения составляющих ее самостоятельных предложений» [22, с. 70]. Н. А. Кулинцева и О. Л. Зайцева так определяют значимость абзаца: «Абзац способствует формированию структурной, синтаксической, целостности текста и вместе с тем организует внутреннюю смысловую целостность текста, что выражается в коммуникативной преемственности между составляющими текст единицами – абзацами и абзачными комплексами. Иными словами, каждая последующая составляющая часть в тексте опирается в коммуникативном плане на предшествующую часть, продвигая высказывание от известного, "данного",

к новому» [23, с. 184]. Предложение, заканчивающее первый абзац (пример (10)), эксплицитно является коммуникативным началом для нового сверхфразового единства.

(10) Лукашка, казалось, совершенно успокоился и понял отношения Оленина к нему. Его спокойствие и простота обращения удивили Оленина и были даже немного неприятны ему. **Они долго беседовали, и уже поздно Лукашка, не пьяный (он никогда не бывал пьян), но много выпивши, пожав Оленину руку, вышел от него.**

Оленин выглянул в окно посмотреть, что он будет делать, выйдя от него. Лукашка шел тихо, опустив голову вниз. Потом, выведя коня за ворота, вдруг встряхнул головой, как кошка вскочил на него, перекинул повод недоуздки и, гикнув, закатился вдоль по улице. Оленин думал, что он пойдет поделиться своею радостью с Марьянкой; но, несмотря на то, что Лука этого не сделал, ему было так хорошо на душе, как никогда в мире. Он как мальчик радовался и не мог удержаться, чтобы не рассказать Ванюше не только то, что он подарил лошадь Луке, но и зачем подарил, и всю свою новую теорию счастья (Толстой Л. Н. Казаки).

Создание внутритекстовых сверхфразовых единств не имеет определенных правил или ограничений. «Абзацное членение имеет авторскую специфику, так как абзац выделяется по воле автора, в соответствии с присущим ему стилем, а также определяется объективными грамматическими законами, что помогает автору организовать свою речь... Абзац представляет собой композиционно-стилистическую единицу. Абзацное членение в большинстве случаев зависит от воли автора, но в то же время подчиняется внутренним правилам текстообразования» [24, с. 317]. Мы можем утверждать, что объединение нескольких языковых единиц, выраженных посредством языковых знаков, в сверхфразовое единство не является итоговым уровнем актуального членения.

Текстообразующей единицей высшего ранга с коммуникативным и когнитивным намерением, в каждом случае интерпретации являющейся уникальной, а поэтому и субъективной, следует считать суперрему. Возможность выделения ее становится реальной только при взаимовыгодном использовании актуального и коммуникативного членения. Суперрема – цель произведения, лингвистические и экстралингвистические факторы – инструментарий для создания коммуникативного ядра, а актуальное членение – необходимый инструмент выделения составляющих суперрему смысловых единиц (тема-рематических связей).

Актуальное и синтаксическое членение сверхфразового единства

Очевидно, что выделение синтаксических и семантических связей не может восприниматься как эквивалент, несмотря на то что речь идет об организации по типу *субъект – предикат*. «Актуальное членение предложения следует разделять с понятием синтаксического членения. Если синтаксическое членение расщепляет структуру предложения

на его грамматические компоненты, то актуальное членение проясняет прием вовлечения предложения в предметный контекст, на основании которого оно появляется... Главные компоненты синтаксического членения предложения – это грамматический субъект и грамматический предикат. Главные компоненты актуального членения предложения – это исходная точка (или основа) высказывания, то есть то, что является в данной ситуации известным или, по крайней мере, может быть легко понято и из чего исходит говорящий, и ядро высказывания, то есть то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания» [25, с. 1729].

И хотя традиционно в лингвистике именно в подлежащем содержится известная получателю информация, а предикат таким образом является ремой, не стоит ограничивать актуальное членение синтаксисом. В данной ситуации целесообразно говорить не о порядке следования языковых единиц, а об экстралингвистических факторах, определяющих их взаимодействие.

Соответственно, вопрос актуального членения предполагает дальнейшее развитие и изучение проблемы, поскольку современный этап развития лингвистики характеризуется «усилением лингвопрагматических тенденций, явным переходом традиционных к языковым явлениям в прагматический, где центральное место занимает проблема речевых актов, в которых говорящий, реализуя интенцию, мобилизует вербальные / невербальные средства для достижения эффективного воздействия на адресата» [26, с. 101].

Заключение

Изучив особенности передачи ядра сообщения и информативной базы на примере отдельных предложений, сверхфразовых единств и отрывков из художественного произведения, мы установили, что порядок следования единиц при актуальном членении в русском языке не предопределен. Существует возможность интерпретации ремы как темы за счет актуализации новой и уже знакомой читателю информации.

На примере организации сверхфразового единства мы определили наличие определенной иерархии в реализации коммуникативной цели в ситуации, участниками которой являются говорящий и слушающий или пишущий и читающий. Информативное пространство необходимо интерпретировать как предложение-высказывание – логически и грамматически законченную языковую единицу, но возможность актуального членения с интерпретацией информативной базы возможна только на уровне текста.

Любой обмен информацией – это коммуникативный акт, представляющий собой восприятие и анализ информации средствами языка. Используя отдельные предложения и выдержки из текста художественного произведения, что представляло для нас больший интерес в исследовании, мы пришли к выводу, что дискурсивный анализ – это способ обработки текста, лингвистической оцифровки или перевода полученного в ходе интеракции объема данных

для последующего сохранения и выработки алгоритма использования (в данном случае интерпретации содержания текста). «В последние годы коммуникативный синтаксис становится важнейшей составной частью теоретического курса грамматики, так как большинство явлений синтаксиса может быть описано всесторонне, если в качестве отправной точки рассмотрения синтаксических структур принять не традиционное членение на подлежащее и сказуемое, а членение на ремю и тему. Это означает нахождение функциональной перспективы предложения, распределение элементов высказывания по важности подачи информации. Такое членение предложения представляет собой членение на более высоком уровне, по сравнению с синтаксическим уровнем, так как оно основано главным образом на смысловых связях или отношениях между частями предложения и между предложениями» [27, с. 93].

Исходя из проанализированных примеров и сопоставления возможных вариантов интерпретации актуального

членения как на уровне предложения-высказывания, так и на уровне текста, можно сделать вывод, что актуальное членение – значимое и неотъемлемое явление в ракурсе восприятия коммуникативной направленности и аналитической оценки на уровне сверхфразового единства. Систематизированные данные могут лечь в основу разработки когнитивно-коммуникативного подхода как способа формирования знаний, умений и навыков, позволяющих овладеть анализом структурно-семантических характеристик языковых единиц, их употребления на уровне предложений-высказываний и текстов.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения. *Пражский лингвистический кружок*, сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.
Mathesius V. On the so-called actual division of the sentence. *Prague Linguistic Circle*, comp. and ed. Kondrashova N. A. Moscow: Progress, 1967, 239–245. (In Russ.)
- Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: УРСС, 2002. 240 с.
Kovtunova I. I. *Modern Russian. Word order and actual division*. Moscow: URSS, 2002, 240. (In Russ.)
- Величко М. А. Когезия и когерентность: особенности разграничения и определения понятий. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. 2016. № 2. С. 39–43.
Velichko M. A. Cohesion and coherence: specifics of differentiation and definition of the terms. *The Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History*, 2016, (2): 39–43. (In Russ.)
- Казарян Л. Г. Синтаксис высказывания: предложение <> текст <> художественный текст. *Преподаватель XXI век*. 2009. № 1-2. С. 328–336.
Kazarian L. G. Utterance syntax: sentence <> text <> literary text. *Prepodavatel XXI vek*, 2009, (1-2): 328–336. (In Russ.)
- Москальская О. И. Текст как лингвистическое понятие. *Иностранные языки в высшей школе*. 2008. № 4. С. 112–122.
Moskalskaya O. I. Text as a linguistic unit. *Inostrannye iazyki v shkole*, 2008, (4): 112–122. (In Russ.)
- Крушельницкая К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения. *Вопросы языкознания*. 1956. № 5. С. 55–67.
Krushelnitskaya K. G. To the problem of semantic division of a sentence. *Voprosy Jazykoznanija*, 1956, (5): 55–67. (In Russ.)
- Крушельницкая К. Г. О синтаксической природе актуального членения предложения. *Инвариантные синтаксические значения и структура предложения*, отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1969. С. 96–103.
Krushelnitskaya K. G. The semantic nature of actual division. *Invariant syntactic meanings and sentence structure*, ed. Aroutiounova N. D. Moscow: Nauka, 1969, 96–103. (In Russ.)
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1988. 383 с.
Aroutiounova N. D. *A sentence and its meaning*. Moscow: Nauka, 1988, 383. (In Russ.)
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: ОмГУ, 1999. 285 с.
Issers O. S. *Communicative strategies and tactics in Russian speech*. Omsk: OmSU, 1999, 285. (In Russ.)
- Лаптева О. А. Нерешенные вопросы теории актуального членения. *Вопросы языкознания*. 1972. № 2. С. 35–47.
Lapteva O. A. The unsolved questions on the theory of actual division. *Voprosy Jazykoznanija*, 1972, (2): 35–47. (In Russ.)
- Николаева Т. М. Актуальное членение – категория грамматики текста. *Вопросы языкознания*. 1972. № 2. С. 48–54.
Nikolaeva T. M. Actual division as a grammatical category. *Voprosy Jazykoznanija*, 1972, (2): 48–54. (In Russ.)
- Пумпянский А. Л. О логико-грамматическом членении предложения. *Вопросы языкознания*. 1972. № 2. С. 66–76.
Pumpianskii A. L. Logic-grammatical division of a sentence. *Voprosy Jazykoznanija*, 1972, (2): 66–76. (In Russ.)
- Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. М.: Либроком, 2014. 336 с.
Galperin I. R. *English stylistics*. Moscow: Librokom, 2014, 336. (In Russ.)

14. Михалчева А. В. О некоторых особенностях использования экспрессивного порядка слов (на материале англоязычного публицистического текста). *Университет XXI века: научное измерение*: мат-лы науч. конф. (Тула, 13–29 июня 2018 г.). Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2018. С. 334–347.
Mikhalcheva A. V. Peculiarities of expressive word order in English journalistic texts. *University of the XXI century: scientific dimension*: Proc. Sci. Conf., Tula, 13–29 Jun 2018. Tula: TSPU, 2018, 334–347. (In Russ.)
15. Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис. 4-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2003. 416 с.
Valgina N. S. *Modern Russian language: Syntax*, 4th ed. Moscow: Vyssh. shk, 2003, 416. (In Russ.)
16. Бабайцева В. В. Отражение многоаспектности предложения в практике обучения русскому языку в школе. Бабайцева В. В. *Избранное. 1955–2005*. М.-Ставрополь: СГУ, 2005. С. 180–191.
Babaytseva V. V. Reflection of the multidimensionality of the proposal in teaching the Russian language at school. In: Babaitseva V. V. *Selected works. 1955–2005*. Moscow-Stavropol: SSU, 2005, 180–191. (In Russ.)
17. Тухватулина С. И. Актуальное членение предложения и способы его выражения. *Русская речь*. 2015. № 4. С. 41–46.
Tukhvatulina S. I. Actual division and means of its expression. *Russkaya Rech*, 2015, (4): 41–46. (In Russ.)
18. Сулейменова А. Р. Пунктуация как средство актуального членения предложения в современном китайском языке. *Язык, наука, образование*: сб. мат-лов II Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 4 июня 2021 г.) Омск: ОмГПУ, 2021. С. 66–70.
Suleymenova A. R. Punctuation as a means of actual sentence division in modern Chinese. *Language, science, education*: Proc. II All-Russian Sci.-Prac. Conf., Omsk, 4 Jun 2021. Omsk: OSPU, 2021, 66–70. (In Russ.)
19. Салтанова Н. Ю. Актуальное членение предложения: поэтический текст (на материале стихотворения М. Цветаевой). *Балтийский гуманитарный журнал*. 2020. Т. 9. № 3. С. 311–314. <https://doi.org/10.26140/bgз3-2020-0903-0077>
Saltanova N. Yu. Actual sentence division: poetic text (based on a poem by M. Tsvetaeva). *Baltic Humanitarian Journal*, 2020, 9(3): 311–314. (In Russ.) <https://doi.org/10.26140/bgз3-2020-0903-0077>
20. Салтанова Н. Ю. Коммуникативный синтаксис: выразительное членение как использование потенциала языковой системы, как доказательство перспектив научного развития. *Мир науки, культуры, образования*. 2020. № 4. С. 367–368. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00793>
Saltanova N. Yu. Communicative syntax: expressive division as the use of potential of the language system, as proof of perspective for scientific development. *The world of science, culture and education*, 2020, (4): 367–368. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00793>
21. Казанцева А. Э. Многообразие как преобладающий тип графических выразительных средств в романе С. Кинселла "The Undomestic Goddess". *Наука России: цели и задачи*: сб. науч. тр. по мат-лам VIII Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 10 апреля 2018 г.) Екатеринбург: Л-Журнал, 2018. С. 46–47. <https://doi.org/10.18411/sr-10-04-2018-13>
Kazantseva A. E. Ellipses as the leading graphical means of expression in the novel "The Undomestic Goddess" by S. Kinsell. *Science of Russia: goals and objectives*: Proc. VIII Intern. Sci. Conf., Ekaterinburg, 10 Apr 2018. Ekaterinburg: L-Zhurnal, 2018, 46–47. (In Russ.) <https://doi.org/10.18411/sr-10-04-2018-13>
22. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
Galperin I. R. *Text as an object of linguistic research*. Moscow: Nauka, 1981, 139. (In Russ.)
23. Кулинцева Н. А., Зайцева О. Л. Сильная позиция финального компонента абзаца в связном тексте. *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2019. № 2. С. 180–188.
Kulintseva N. A., Zaitseva O. L. A strong position of the final element the paragraph in the coherent text. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, (2): 180–188. (In Russ.)
24. Ли И. Абзацное членение текста: тактика автора и восприятие читателей (по данным лингвистического эксперимента). *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*. 2015. № 3. С. 313–319.
Li Y. Paragraphization in text: tactics of its author and perception of readers (according to linguistic experiment). *Vestnik TvGU Series: Philology*, 2015, (3): 313–319. (In Russ.)
25. Закс О. А. Расхождение между актуальным и синтаксическим членением предложения. *Синергия наук*. 2017. № 18. С. 1727–1731.
Zaks O. L. Discrepancies between actual and syntactic division of the sentence. *Sinergiiia nauk*, 2017, (18): 1727–1731. (In Russ.)
26. Фоминых Б. И. Лингвистика общения. *Русский язык за рубежом*. 1999. № 1. С. 101.
Fominykh B. I. Linguistics of communication. *Russian Language Abroad*, 1999, (1): 101. (In Russ.)
27. Попова И. Д. Основные взгляды на проблему актуального членения предложения. *Вестник Камчатского государственного технического университета*. 2010. № 13. С. 92–95.
Popova I. D. The main views on the problem of the actual division of the sentence translation. *Bulletin of Kamchatka State Technical University*, 2010, (13): 92–95. (In Russ.)

Оригинальная статья

К особенностям актуализации сложного антиценностного концепта *insincerity* в комическом дискурсе английской лингвокультуры

Бочкарев Арсентий Игоревич

Новосибирский государственный технический университет, Россия, г. Новосибирск

<https://orcid.org/0000-0003-3869-2797>

arsentiy_87@mail.ru

Поступила в редакцию 18.02.2022. Принята после рецензирования 15.03.2022. Принята в печать 04.04.2022.

Аннотация: Актуальность данного исследования предопределена тем, что антиценностный концепт *insincerity* впервые рассматривается как сложный концепт. Кроме того, не проводилось исследований концепта *insincerity* в рамках комического дискурса. Цель – анализ специфики реализации первичной и вторичной функций антиценностного концепта *insincerity* в комическом дискурсе английской лингвокультуры. Применяется аксиологический подход к исследованию комического. Основным методом – когнитивный анализ. Материалом для исследования послужили 50 выпусков стендап-комедий, 40 эпизодов различных скетчкомов и 500 эпизодов различных ситкомов. Автор определяет неискренность как сложный комический концепт, актуализирующийся через первичную и вторичную функции. В своей первичной функции актуализация осуществляется через осознанную ложь или лицемерие. Следует отметить, что ложь обычно высмеивается через количественные характеристики, в то время как лицемерие – через качественные. Вторичной функцией является инструментальная, то есть осмеяние различных явлений сопровождается актуализацией концепта *insincerity* при высмеивании преимущественно таких антиценностей, как жадность, трусость, жестокость и похоть. Отмечено, что в современной английской культуре проявление неискренности при осмеянии других антиценностей может восприниматься положительно.

Ключевые слова: антиценности, ценности, комический дискурс, ценностная концептосфера комического, ложь, лицемерие

Цитирование: Бочкарев А. И. К особенностям актуализации сложного антиценностного концепта *insincerity* в комическом дискурсе английской лингвокультуры. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 2. С. 239–246. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-239-246>

Full article

Actualizing the Complex Anti-Value Concept of Insincerity in Comic Discourse of English Linguistic Culture

Arsentiy I. Bochkarev

Novosibirsk State Technical University, Russia, Novosibirsk

<https://orcid.org/0000-0003-3869-2797>

arsentiy_87@mail.ru

Received 18 Feb 2022. Accepted after peer review 15 Mar 2022. Accepted for publication 4 Apr 2022.

Abstract: The article introduces the primary and secondary functions of the anti-value concept of insincerity in the comic discourse of English culture. The anti-value concept of insincerity is considered as a complex concept. The author performed a cognitive and axiological analyses of the primary and secondary functions of this concept within comic discourse. The analysis featured 50 episodes of stand-up comedy, 40 episodes of various sketchcoms, and 500 episodes of various sitcoms. Insincerity proved to be a complex humorous concept actualized through primary and secondary functions. The primary function of the concept is realized through obvious lies or hypocrisy. In its secondary function, the concept of insincerity is actualized in making fun of various anti-values, e.g., greed, cowardice, cruelty, lust, etc. In modern English culture, insincerity is a positive means of ridiculing other anti-values. In such cases, stupidity of the deceived one is usually ridiculed, and insincerity becomes a sign of smartness or cunning.

Keywords: anti-values, values, humorous discourse, axiological conceptual framework of humor, lying, hypocrisy

Citation: Bochkarev A. I. Actualizing the Complex Anti-Value Concept of Insincerity in Comic Discourse of English Linguistic Culture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(2): 239–246. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-239-246>

Введение

Цель данного исследования заключается в подробном анализе особенностей реализации первичной и вторичной функций антиценностного концепта *insincerity* в рамках комического дискурса. На сегодняшний день существует множество работ, посвященных исследованию концептов, также пристальное внимание уделяется изучению различных аспектов комического дискурса, при этом ценностная концептосфера комического до сих пор подробно не проанализирована. В основном исследования по актуализации концептов в комическом дискурсе посвящены описанию таких концептов, как глупость [1; 2], обжорство [3], похоть [4; 5], пьянство [6; 7], трусость [8], но отсутствуют работы по изучению антиценностного концепта *неискренность* в комическом дискурсе, что обуславливает актуальность данного исследования.

Концепты, подвергающиеся осмеянию / восхвалению, могут выполнять как первичные, так и вторичные функции. Под первичной функцией концепта понимается его актуализация через когнитивные признаки данного концепта, которые могут реализовываться сами по себе без актуализации других концептов и участвовать в создании комического эффекта при реализации вторичных функций других концептов. Под вторичной функцией – инструментальное использование концепта для реализации первичной функции других концептов. Таким образом, все комические концепты можно разделить на две группы: 1) простые и 2) сложные. К простым комическим концептам относятся те концепты, которые актуализируются в основном через свою первичную функцию. К сложным – те, которые реализуются как через первичную, так и через вторичную функции.

Во многих языках существует огромное количество слов, относящихся к выражению ложности в процессе коммуникации. Вслед за С. Н. Плотниковой мы считаем целесообразным остановиться на термине *неискренность* (*insincerity*). В английском и русском языках термин *неискренность* (*insincerity*) выражает наиболее широкий круг явлений, относящихся к ложности [9, с. 17–24]. Кроме того, концепт *insincerity* относится к этической сфере бытования ценностей, т. к. *неискренность* – это всегда осознанный выбор человека. В свою очередь, *ложь*, находясь в оппозиции к истине, может быть неосознанной, т. е. человек может считать ложные высказывания истинными. В. З. Демьянков

называет подобное явление заблуждением [10, с. 375]. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, в случае концептов *правда* и *ложь* семантическое поле разворачивается вокруг них, а не вокруг тактик человеческого поведения [11, с. 34], т. е. концепт *ложь* относится к истинностной сфере бытования ценностей. Наше исследование показало, что именно концепт *insincerity*, в частности осознанные *ложь* и *лицемерие*, является предметом осмеяния в комическом дискурсе.

Под *неискренностью* понимают «осознанную дискурсивную стратегию языковой личности, основанную на выражении особого личностного смысла, суть которого состоит в замене истинных (с точки зрения данной языковой личности) пропозиций на ложные» [9, с. 25]. Концепт *неискренности* «предполагает разрыв между знанием и представлением этого знания» [9, с. 65]. В англоязычных словарях *insincerity* определяется как *the act or practice of saying or doing something that you do not really mean or believe*¹; *not expressing your feelings or opinions honestly*². Соответственно, *неискренность* выражается через два основных состояния (лицемерие и лживость), которые имеют негативную коннотацию.

Под *лицемерием* (*hypocrisy*) понимается *behaviour that does not meet the moral standards or match the opinions that somebody claims to have*³; *behaviour in which someone claims to have certain moral principles or beliefs but behaves in a way that shows they are not sincere*⁴. Таким образом, *лицемерие* выражается через поведение, которое не соответствует убеждениям человека. Как отмечает Ю. А. Храмова, *лицемерие* выражается преимущественно через лексику с негативной коннотацией и предполагает разного рода наказания в случае его раскрытия. Кроме того, *лицемерие* может протекать в двух фазах: 1) открытой; 2) скрытой [12], при этом открытое *лицемерие* обычно обусловлено намерением, отличным от *неискренности*. Во многих случаях открытого *лицемерия* при помощи данного состояния актуализируются положительно оцениваемые концепты. Например, М. М. Филиппова отмечает связь *лицемерия* с такими концептами, как вежливость, тактичность, дипломатичность и т. д. [13]. Выделяют следующие составляющие *лицемерия*: мимикрия, конформизм, религиозное *лицемерие*, вежливость [14, с. 223].

Под *лживостью* (*lying*) понимается *to say or write something that you know is not true*⁵; *if something lies, it shows*

¹ *Insincerity. Oxford Learner's Dictionaries*. Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/insincerity?q=Insincerity> (дата обращения: 16.02.2022).

² *Insincerity. Macmillan Dictionary*. Режим доступа: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/insincere?q=Insincerity#insincere> (дата обращения: 16.02.2022).

³ *Hypocrisy. Oxford Learner's Dictionaries*. Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/hypocrisy?q=Hypocrisy> (дата обращения: 16.02.2022).

⁴ *Hypocrisy. Macmillan Dictionary*. Режим доступа: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/hypocrisy?q=Hypocrisy+> (дата обращения: 16.02.2022).

⁵ *Lie. Oxford Learner's Dictionaries*. Режим доступа: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/lie2_1 (дата обращения: 16.02.2022).

or suggests facts that are not true⁶. Соответственно, лживость обычно выражается вербально через утверждения, несоответствующие истине. В основе лжи лежат метафорические образы, связанные с грехом, т.е. ложь является однозначной антиценностью с этической точки зрения. При этом в определенных случаях ложь находит оправдание в обыденной жизни, например ложь во спасение [15]. Эффективным результатом лжи является обман [16].

Итак, неискренность может проявляться либо через поведение, которое не соответствует убеждениям человека, либо через вербальное выражение утверждений, которые не являются правдивыми. Несмотря на то, что неискренность традиционно относится к антиценностям, исследователи отмечают неоднозначное отношение общества к неискренности, т.е. неискренность, направленная на достижение благих целей, может быть оправдана.

Одной из актуальных задач при исследовании комического является определение ценностных и антиценностных характеристик комического объекта. С точки зрения Х.-Г. Гадамера, «предельное» понимание оценивания есть его понимание как концептуализации действительности [17, с. 322].

В своей работе мы рассматриваем комическое в рамках аксиологической лингвистики. Как отмечает В. И. Карасик, предметом аксиологической лингвистики является «изучение языкового воплощения ценностей», которые «определяют выбор и закрепление смыслов в содержании языковых единиц и коммуникативных моделей поведения» [18, с. 4]. Объектом аксиологической лингвистики являются ценности и антиценности. Е. Ф. Серебrenникова выделяет пять основных областей бытования и выведения ценностей: область истины, область прекрасного, область этики, область удовольствия, область практической пользы [19, с. 29]. Многие исследователи отмечают, что зачастую не существует четкой границы между ценностями и антиценностями, т.к. одним из признаков современной эпохи является ценностный нигилизм, т.е. многие ценности теряют свое значение в современном обществе [20–22]. При этом сама система базовых ценностей и антиценностей не претерпевает существенных изменений. Так, возможно либо изменение отношения к важности самих ценностей, либо трансформация ценностей в антиценности и наоборот. Как отмечает В. А. Марьянич, ценностной доминантой многих современных культур является утилитаризм [21], т.е. в современном обществе на первый план выходят ценности из области практической пользы.

Ценности являются концентратом культуры и выражаются преимущественно в оценках [6, с. 7], а современная культура воспринимается во многом «как специфическая система ценностей и идей» [23, с. 225]. Соответственно, в тех комических жанрах, где присутствует реакция зрителей, принадлежность того или иного явления к ценностям или антиценностям соответствующей культуры можно

определить на основании реакции зрителей. Наше исследование показало, что актуализация ценностей может сопровождаться смехом и аплодисментами зрителей. В свою очередь актуализация антиценностей сопровождается смехом и неодобрительными / удивленными возгласами зрителей.

Концептосфера представляет собой совокупность концептов определенной нации, и она шире семантической сферы, представленной значениями слов языка [24, с. 5]. Важнейшей частью концептосферы являются ценности, которые могут быть описаны в виде культурных концептов, состоящих из трех сторон – образ, понятие и ценность [6, с. 98]. Совокупность высмеиваемых антиценностных концептов и восхваляемых ценностных концептов образует ценностную концептосферу комического.

В качестве практического материала мы взяли записи и скрипты 50 выпусков стендап-комедий, 500 эпизодов различных ситкомов и 40 эпизодов различных скетчкомов. Безусловным преимуществом данного материала является то, что существует возможность определения уровня комического эффекта, основываясь на реакции зрителя или закадровом смехе, используемом авторами для выделения наиболее смешных, на их взгляд, моментов.

Результаты

Антиценностный концепт *insincerity* относится к сложным комическим концептам, т.к. помимо реализации своей первичной функции в большинстве случаев он выполняет инструментальную функцию, т.е. другие антиценностные концепты высмеиваются через неискренность. В целом очевидность проявления восхваляемых ценностей и осмеиваемых антиценностей в комическом дискурсе является одним из условий достижения комического эффекта, поэтому неискренность должна быть очевидной. Таким образом, в комическом дискурсе неискренность не достигает своей главной цели, а именно не вводит в заблуждение всех участников коммуникации. Так, адресат понимает, что объект осмеяния проявляет неискренность, при этом часть коммуникантов может поверить объекту осмеяния. На этом приеме строятся многие эпизоды в комедийных фильмах, например: один персонаж обманывает другого персонажа, при этом зритель распознает неискренность объекта осмеяния, который обычно плохо скрывает ложь / лицемерие.

Первичные характеристики антиценностного концепта *insincerity* в комическом дискурсе

Как было отмечено выше, неискренность выражается через два основных состояния: осознанную ложь и лицемерие, которые подвергаются осмеянию. Следует отметить, что антиценностный концепт *insincerity* довольно редко выступают в своей первичной функции в рамках комического дискурса.

⁶ Lying. *Macmillan Dictionary*. Режим доступа: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/lying> (дата обращения: 16.02.2022).

А. Осознанная ложь

Одним из главных примеров проявления осознанной лжи в современной английской комедии является Викки Поллард из скетч-шоу «Маленькая Британия». Почти во всех эпизодах, посвященных Викки, логическая структура ее речи одинаковая. Вначале она обманывает собеседника, отрицая свою причастность к тому или иному событию. Затем она выдумывает цепь событий, которая не связана с задаваемым вопросом. Закадровый смех используется обычно в конце высказываний Викки, хотя комичной является именно совокупность всех высказываний. В примере (1) Викки отрицает тот факт, что она столкнула маленькую девочку в бассейн. В качестве ответа на данный вопрос она рассказывает неправдоподобные сплетни о своей знакомой. Кроме того, ложь подкрепляется **использованием имен собственных** (*Redmond sisters, Carrie's bag, Kamal Sharma's party, Shelley, Craig Herman*) для придания правдоподобности словам говорящего. Также ложь реализуется посредством **ухода от ответа**.

(1) *Excuse me, can I have a word? I've just been speaking to a little girl who says you pushed her in the pool. Did you? – No, but yeah, but no, because what happened was you know the Redmond sisters? They put a verruca sock in Carrie's bag and she completely had an eppy and went to Kamal Sharma's party with a compass but Shelley gave Craig Herman a blowy for a bite of his Funny Foot⁷.*

Ложь является самым распространенным осмеиваемым концептом в рамках политического юмора. Данная черта приписывается многим политикам и является их главным недостатком. Ложь политиков обычно высмеивается через ложность предоставляемой ими информации. В примере (2) комический эффект основан на **гиперболизации** недостоверности информации, представленной в книгах политиков. Кроме того, ложь реализуется посредством **прямого обмана** (*book... in the fantasy aisle*).

(2) *I know many of you have been looking for Sarah Palin's book. It is a bitch to find. Good luck. I found it somewhere between fiction and non-fiction in the fantasy aisle⁸.*

В. Лицемерие

В тех ситуациях, когда лицемерие подвергается осмеянию, оно не имеет под собой каких-либо оснований (зачастую лицемерие может быть оправдано желанием быть вежливым). В примере (3) высмеиваются лицемерные отношения людей, фотографирующихся на камеру. Комический эффект основан на **гиперболизации** лицемерия, т. е. утверждается, что человек при фотографировании готов обнять

человека, которого он никогда не обнимет при любых других обстоятельствах. Необходимо отметить, что лицемерие представляет собой несоответствие между внутренними убеждениями (*would never touch*) и поведением объекта осмеяния (*arm around somebody*):

(3) *Let's get that person so we can be standing here even longer with fake, frozen smiles and our arm around somebody you would never touch in any other social situation⁹.*

Скетчком «Маленькая Британия» сфокусирован на высмеивании лицемерия современного общества. Основными высмеиваемыми персонажами являются: мужчина, который имитирует девиантное поведение других людей; мужчина, который притворяется женщиной; здоровый человек, который притворяется инвалидом. В примере (4) мужчина переодевается в женщину и неумело пытается имитировать поведение женщины. Комический эффект основан на **контрасте** между словами (*Pay me no heed*) и поведением (переоделся в женщину) объекта осмеяния. Лицемерие представляет собой несоответствие между: 1) реальным полом объекта осмеяния (мужчина) и внешними атрибутами другого пола (женского), к которым прибегает объект осмеяния; 2) поведением и словами объекта осмеяния.

(4) *Ooh! Ooh! Absolutely tipping it down out there. That's the only reason I came in here alone, without a chaperone. I am a lady, you see. Pay me no heed¹⁰.*

В современной американской культуре описанное выше явление не относится к примерам лицемерия и не может подвергаться осмеянию. Данный пример подтверждает наблюдение А. Партингтона, согласно которому в британском юморе толерантность не играет такой значительной роли, как в американском юморе, т. е. в британском юморе осмеянию подвергаются нетрадиционная сексуальная ориентация и поведение женщин, которое не соответствует принятым в обществе этическим нормам [25, p. 231].

Следует отметить, что ложь обычно высмеивается через количественные характеристики, т. е. объект осмеяния часто пытается обмануть людей, а лицемерие высмеивается через качественные характеристики, т. е. объект осмеяния проявляет высокий уровень лицемерия.

Вторичные характеристики антиценностного концепта *insincerity* в комическом дискурсе

Особенностью актуализации концепта *insincerity* является тот факт, что в комическом дискурсе он реализуется преимущественно через свою вторичную функцию, а именно через осмеяние различных антиценностей (жадность, трусость, жестокость и похоть).

⁷ Little Britain. Season 1. Episode 2. Режим доступа: <https://subsaga.com/bbc/comedy/little-britain/series-1/episode-2.html> (дата обращения: 16.02.2022). Здесь и далее по тексту полужирным шрифтом выделены те фрагменты, которые сопровождались наиболее интенсивным смехом.

⁸ Williams R. Weapons of Self Destruction. 2009. Режим доступа: <https://scrapsfromtheloft.com/2019/04/30/robin-williams-weapons-of-self-destruction-transcript/> (дата обращения: 16.02.2022).

⁹ Seinfeld J. 23 Hours to Kill. 2020. Режим доступа: <https://scrapsfromtheloft.com/2020/05/06/jerry-seinfeld-23-hours-to-kill-transcript/> (дата обращения: 16.02.2022).

¹⁰ Little Britain. Season 1. Episode 1. Режим доступа: <https://subsaga.com/bbc/comedy/little-britain/series-1/episode-1.html> (дата обращения: 16.02.2022).

А. Высмеивание жадности

Антиценностный концепт *insincerity* может быть связан с концептом *жадность*, т. е. люди обманывают других людей для получения материальных благ.

В примере (5) комический эффект основан на **метафоре**: взимание денег с покупателя приравнивается к совершению насильственного акта над ним. Лицемерие основано на несоответствии между формальным (*really big smile*) и реальным (*unzips his pants and proceeds to service the account*) отношением объекта осмеяния к покупателю.

(5) *You know that big, bullshit, businessman smile? And if you're a customer, whoa... that's when you get the really big smile! Customers always get the really big smile as the businessman carefully positions himself directly behind the customer and unzips his pants and proceeds to service the account!*¹¹

Зачастую при актуализации концепта *жадность* неискренность воспринимается более или менее положительно и ассоциируется с проявлением ума или хитрости. В примере (6) обманщик покупает фигурки супергероев у своего друга по очень низкой цене. Далее обманщик начинает продавать данные фигурки намного дороже, чем он их только что купил. Ложь высмеивается через оппозицию *искренность* – *неискренность*. С одной стороны, коммуникант обманывает своего друга, с другой – он легко признается в этом обмане.

(6) *Stuart: Okay, I can give you 20 bucks for the whole box. Raj: But you charged me hundreds for this stuff. Stuart: I know. And I did it with a straight face. Raj: But I need to earn enough money so I can go to Comic-Con. Stuart: Well, all right. I'll give you 25 bucks. That's my best offer. Raj: I have no choice. Stuart: You know, if you want to make extra money, I could throw some work your way. Raj: Really? I'll do anything. Stuart: Great, you're hired. First thing you can do is put price tags on these. Start the little ones at fifty!*¹²

Следует отметить, что в тех случаях, когда неискренность воспринимается в качестве антиценности, объект, проявивший неискренность, в итоге получает какое-либо наказание. В примере (6) высмеивается обманутый человек, который в итоге начинает работать на обманщика в костюме зазывалы в магазин.

В. Высмеивание трусости

Проявление трусости может сопровождаться актуализацией неискренности, т. е. причиной лжи является боязнь адресанта что-то сделать.

В примере (7) очевидность лжи адресанта обусловлена тем, что он не мог забыть поделиться с бабушкой информацией, которую он донес всем остальным. Соответственно, комический эффект основан на **гиперболе**. Ложь реализуется посредством **сокрытия информации**.

(7) *You know, last year, my grandma asked me if I had a boyfriend. And I realized, in that moment, that I'd... quite forgotten... to come out to Grandma!*¹³

Проведенный нами анализ показал, что неискренность, выражающаяся при актуализации трусости, обычно не воспринимается положительно.

С. Высмеивание жестокости

Концепт *жестокость* также может сопровождаться актуализацией концепта *insincerity*. Зачастую такие примеры являются образцами черного юмора.

В примере (8) объект осмеяния подарил ребенку умирающего щенка, обвинив затем ребенка в смерти щенка, т. е. объект осмеяния прибегает ко лжи, для того чтобы расстроить ребенка. Кроме того, ложь реализуется посредством **прямого обмана** (*Maybe you rolled over it in the night*).

(8) *"Oh, my puppy's dead. My puppy's dead." They go, "Oh, what? The puppy your uncle got you? He did his bit, and whatever happened after that isn't his problem." They go, "Yeah." And I go, "Maybe you rolled over it in the night!"*¹⁴

В тех случаях, когда неискренность сопровождает жестокость при осмеянии глупости, она может восприниматься положительно. В примере (9) коммуниканты обманывают главного героя, не говоря ему о том, что у него на спине появилась татуировка бабочки. Далее они вместе с другим коммуникантом будут высмеивать главного героя, не знающего о наличии татуировки. Необходимо отметить, что ложь реализуется посредством **ухода от ответа**.

(9) *Ted: I met this crazy girl, I almost got a tattoo. Don't worry. I didn't, but it was... It was amazing. I think it's safe to say, I am winning this breakup. (butterfly tattoo is appearing at the Ted's back) Lily: Look. Marshall: Oh, my God. Ted: What? Marshall: Nothing. This J. Crew catalog. Who brings two Golden Retrievers in a canoe? (Ted goes away)*¹⁵.

Следует отметить, что жестокость может восприниматься положительно только в том случае, если она не сопровождается нанесением тяжких телесных повреждений человеку, совершившему глупый поступок.

¹¹ Carlin G. You are all diseased. 1999. Режим доступа: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/george-carlin-you-are-all-diseased-transcript/> (дата обращения: 16.02.2022).

¹² The Big Bang Theory. The Comic-Con Conundrum. Режим доступа: <https://bigbangtrans.wordpress.com/series-10-episode-17-the-comic-con-conundrum/> (дата обращения: 16.02.2022).

¹³ Gadsby H. Nanette. 2017. Режим доступа: https://www.scripts.com/script/hannah_gadsby%3A_nanette_9564 (дата обращения: 16.02.2022).

¹⁴ Gervais R. Out of England 2. 2010. Режим доступа: <https://scrapsfromtheloft.com/2017/06/23/ricky-gervais-england-2-2010-full-transcript/> (дата обращения: 16.02.2022).

¹⁵ How I Met Your Mother. Wait for it. Режим доступа: https://sublikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-3/episode-1-Wait_for_It (дата обращения: 16.02.2022).

D. Высмеивание похоти

Проявление похоти, которое сопровождается актуализацией неискренности, обусловлено желанием объекта осмеяния достичь своей цели любой ценой. В последующем примере комический эффект создается за счет **переворота исходной ситуации**. Так, изначально наиболее вероятную интерпретацию ситуации можно представить следующим образом: адресант имитирует голос мужа девушки (возможно, умершего) по ее просьбе. Как следствие, девушка соглашается вступить с ним в интимную близость. Итоговая интерпретация выглядит следующим образом: объект осмеяния имитирует голос другого человека, для того чтобы обмануть слепую девушку. Ложь реализуется посредством **прямого обмана** (*to get her husband's voice right*).

(10) *I had a relationship with a blind girl which was rewarding but challenging. It took me ages to get her husband's voice right. You didn't see that coming. Neither did she*¹⁶.

Похоть, которая достигает своего результата при помощи неискренности, воспринимается положительно только в случае проявления глупости другого человека. В примере (11) девушка верит откровенно недостоверной информации мужчины, который благодаря обману добивается поставленной цели. Следует отметить, что обману способствует использование **имен собственных** (*NASA, moon*). В свою очередь комический эффект основан на **создании новых номинаций** (*SNASA, smoon*). Также ложь реализуется посредством **прямого обмана** (*I'm actually in ... SNASA. I have been to the... smoon*).

(11) *Girl: You're an astronaut? Barney: I'm actually in a top secret government space program called secret NASA or SNASA. Girl: SNASA. Do you go to the moon? Barney: Well, not the moon you're familiar with, though I have been to the... smoon. Girl: The smoon*¹⁷.

Таким образом, проявление различных антиценностей, сопровождаемое актуализацией концепта *insincerity*, часто приводит к негативной реакции зрителей, например вызывает пренебрежительные и / или удивленные вздохи зрителей. Кроме того, проявление вышеперечисленных антиценностей без актуализации неискренности воспринимается зрителями менее негативно. При этом зачастую проявление неискренности воспринимается положительно. В таких случаях обычно высмеивается глупость человека, которого удалось обмануть, а неискренность является признаком ума или хитрости. Соответственно, когда неискренность приводит к определенному результату, она может восприниматься в качестве ценности.

Заключение

В современном обществе на смену системы этических ценностей приходит система ценностей из практической

области. Это приводит к тому, что этические ценности могут восприниматься как утилитарные антиценности и наоборот. В настоящий момент данный переход привел к тому, что некоторые ценности и антиценности приобретают двойственную природу, т. е. могут выступать в качестве как ценностей, так и антиценностей.

В ходе анализа практического материала сделаны следующие выводы относительно особенностей актуализации сложного антиценностного концепта *insincerity* в комическом дискурсе английской лингвокультуры:

1. В комическом дискурсе неискренность в основном выражается при помощи гиперболы, т. е. неискренность становится комичной, если она гиперболизирована. Кроме того, ложь зачастую сопровождается использованием имен собственных для правдоподобности. Также ложь преимущественно реализуется посредством прямого обмана или ухода от ответа. В свою очередь лицемерие представляет собой несоответствие между внутренними убеждениями и поведением объекта осмеяния.

2. Неискренность в своей первичной функции воспринимается отрицательно, т. е. отношение к проявлению неискренности не претерпевает существенного изменения.

3. Неискренность в инструментальной функции может восприниматься как негативно, так и позитивно. Изменение отношения общества к неискренности проявляется именно в данной сфере бытования концепта. Так, в системе этических ценностей неискренность может восприниматься позитивно только в тех случаях, когда она оправдывает проявление определенных ценностей. В современной английской культуре неискренность может восприниматься положительно даже в тех случаях, когда она оправдывает такие антиценности, как похоть, жестокость и жадность. Следует отметить, что в подобных случаях неискренность получает положительное восприятие, только если она успешна, т. е. приводит к обману, при этом обманутый коммуникант демонстрирует очевидную глупость. Это обусловлено тем, что в системе ценностей из практической области достижение результата всегда оценивается положительно. Соответственно, любой результат является признаком проявления ума. С другой стороны, если неискренность актуализируется в своем экстремуме (например, обман ребенка), то смех обычно сопровождается неодобрительными возгласами зрителей.

Таким образом, в современной английской лингвокультуре неискренность в своей первичной функции является однозначной антиценностью, а во вторичной функции имеет двойственную природу.

Дальнейшая перспектива исследования заключается в анализе других ценностных и антиценностных концептов для построения ценностной концептосферы комического.

¹⁶ Carr J. Being Funny. 2011. Режим доступа: <https://scrapsfromtheloft.com/2018/01/25/jimmy-carr-being-funny-transcript/> (дата обращения: 16.02.2022).

¹⁷ How I Met Your Mother. The Playbook. Режим доступа: https://subslikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-5/episode-8-The_Playbook (дата обращения: 16.02.2022).

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Attardo S. *Humorous texts: a semantic and pragmatic analysis*. Berlin-N. Y.: Mouton de Gruyter, 2001, 238.
2. Davies Ch. Ethnic jokes, moral values and social boundaries. *The British Journal of Sociology*, 1982, 33(3), 384–403. <https://doi.org/10.2307/589483>
3. Бочкарев А. И. Основные высмеиваемые характеристики антиценностного концепта 'Gluttony' (на материале англоязычных стендап-комедий и ситуационных комедий). *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки*. 2021. Т. 163. № 4-5. С. 109–118. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2021.4-5.109-118>
Bochkarev A. I. The main humorous characteristics of the anti-value concept of gluttony (based on English-language stand-up and situation comedies). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, 163(4-5): 109–118. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2021.4-5.109-118>
4. Mindess H. The panorama of humor and the meaning of life. *American Behavioral Scientist*, 1987, 30(3): 82–95. <https://doi.org/10.1177/000276487030003007>
5. Raskin V. *Semantic mechanisms of humor*. Boston: D. Reidel Publishing Company, 1985, 284.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
Karasik V. I. *Lingual circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002, 477. (In Russ.)
7. Кулинич М. А. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2000. 35 с.
Kulinich M. A. *Semantics, structure, and pragmatics of English humor*. Dr. Cultural Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2000, 35. (In Russ.)
8. Бочкарев А. И. Антиценностный концепт *трусость* в комическом дискурсе англосаксонской лингвокультуры. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23. № 4. С. 1016–1023. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1016-1023>
Bochkarev A. I. The anti-value concept of cowardice in humorous discourse of Anglo-Saxon linguistic culture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 1016–1023. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1016-1023>
9. Плотнокова С. Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск: ИГЛУ, 2000. 244 с.
Plotnikova S. N. *Insincere discourse in cognitive and structural-functional aspects*. Irkutsk: ISLU, 2000, 244. (In Russ.)
10. Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1981. Т. 40. № 4. С. 368–377.
Demyankov V. Z. Pragmatic foundations of statement interpretation. *Izvestiia AN SSSR. Seriya literatury i iazyka*, 1981, 40(4): 368–377. (In Russ.)
11. Арутюнова Н. Д. Речеповеденческие акты и истинность. Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи. «Я» и «Другой». *Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис*, отв. ред. Т. В. Булыгина. М.: Наука, 1992. С. 6–52.
Aroutiounova N. D. Speech acts and truthfulness. Speech acts in the mirror of someone else's speech. "I" and "The Other". *The human factor in language. Communication. Modality. Deixis*, ed. Bulygina T. V. Moscow: Nauka, 1992, 6–52. (In Russ.)
12. Храмова Ю. А. Репрезентация концепта «Искренность» в английской и русской лингвокультурах. *Креативная лингвистика-2*, под ред. Е. М. Стомпель. Астрахань: Астраханский ун-т, 2010. Вып. 2. С. 82–89.
Khramova Yu. A. Representation of the concept "Sincerity" in English and Russian cultures. *Creative linguistics-2*, ed. Stompel E. M. Astrakhan: Astrakhan University, 2010, iss. 2, 82–89. (In Russ.)
13. Филиппова М. М. Изучая концепт «hypocrisy» (лицемерие) в культурах англоговорящего мира: что полезного мы можем почерпнуть? *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2018. № 1. С. 365–381.
Philippova M. M. Studying the concept "Hypocrisy" in English-speaking cultures: what good things can we learn from it? *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2018, (1): 365–381. (In Russ.)
14. Плаксина В. А. Кластерная организация концепта «лицемерие / hypocrisy». *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*. 2017. Т. 16. № 3. С. 221–226. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.23>
Plaksina V. A. Cluster concept "Litsemerie" (Hypocrisy). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2017, 16(3): 221–226. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.23>

15. Земскова Н. А. Языковая личность и концепт «Ложь»: проблема интерпретации. *Социальные варианты языка-III: мат-лы Междунар. науч. конф.* (Н. Новгород, 22–23 апреля 2004 г.) Н. Новгород: НГЛУ, 2004. С. 370–372.
Zemskova N. A. Linguistic personality and the concept "lie": problem of interpretation. *Social variants of language-III: Proc. Intern. Sci. Conf.*, Nizhny Novgorod, 22–23 Apr 2004. Nizhny Novgorod: NSLU, 2004, 370–372. (In Russ.)
16. Панченко Н. Н. Обман. *Антология концептов*, под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 174–192.
Panchenko N. N. Falsehood. *Anthology of concepts*, eds. Karasik V. I., Sternin I. A. Volgograd: Paradigma, 2005, vol. 1, 174–192. (In Russ.)
17. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
Gadamer H.-G. *Truth and method: fundamentals of philosophical hermeneutics*. Moscow: Progress, 1988, 704. (In Russ.)
18. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М.: Гнозис, 2019. 424 с.
Karasik V. I. *Language spiral: values, signs, and motives*. Moscow: Gnosis, 2019, 422. (In Russ.)
19. Серебренникова Е. Ф. Ключевые понятия аксиологического анализа. Серебренникова Е. Ф., Антипов Н. П., Ладыгин Ю. А., Малинович Ю. М., Плотникова С. Н., Тарева Е. Г., Хахалова С. А., Казыдуб Н. Н., Литвиненко Т. Е., Семенова Т. И., Готлиб О. М., Малинович М. В., Шарунов А. И., Кулагина О. А. *Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов*. М.: Тезаурус, 2011. С. 27–40.
Serebrennikova E. F. Key terms of axiological analysis. In: Serebrennikova E. F., Antipiev N. P., Ladygin Y. A., Malinovich Yu. M., Plotnikova S. N., Tareva E. G., Khakhalova S. A., Kazydub N. N., Litvinenko T. E., Semenova T. I., Gotlib O. M., Malinovich M. V., Sharunov A. I., Kulagina O. A. *Linguistics and axiology: ethnosemiology of value meanings*. Moscow: Tezaurus, 2011, 27–40. (In Russ.)
20. Серебренникова Е. Ф. Аспекты аксиологической лингвистики. Серебренникова Е. Ф., Антипов Н. П., Ладыгин Ю. А., Малинович Ю. М., Плотникова С. Н., Тарева Е. Г., Хахалова С. А., Казыдуб Н. Н., Литвиненко Т. Е., Семенова Т. И., Готлиб О. М., Малинович М. В., Шарунов А. И., Кулагина О. А. *Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов*. М.: Тезаурус, 2011. С. 7–26.
Serebrennikova E. F. Aspects of axiological linguistics. In: Serebrennikova E. F., Antipiev N. P., Ladygin Y. A., Malinovich Yu. M., Plotnikova S. N., Tareva E. G., Khakhalova S. A., Kazydub N. N., Litvinenko T. E., Semenova T. I., Gotlib O. M., Malinovich M. V., Sharunov A. I., Kulagina O. A. *Linguistics and axiology: ethnosemiology of value meanings*. Moscow: Tezaurus, 2011, 7–26. (In Russ.)
21. Марьянич В. А. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста. М.: URSS, 2013. 272 с.
Maryanchik V. A. *Axiology and evaluativeness of the media-political text*. Moscow: URSS, 2013, 272. (In Russ.)
22. Bréchon P. *Les valeurs des Français*. Paris: Armand Colin, 2003, 352.
23. Нелюбова Н. Ю., Хильтбруннер В. И., Ершов В. И. Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2019. Т. 23. № 1. С. 223–243. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243>
Nelyubova N. Yu., Hiltbrunner V. I., Ershov V. I. The reflection of the hierarchy of values in the proverbial fund of the Russian and French languages. *Russian Journal of Linguistics*, 2019, 23(1): 223–243. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243>
24. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка. *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.
Lihachev D. S. Conceptual Framework of the Russian Language. *Izvestiia RAN. Seriiia literatury i iazyka*, 1993, 52(1): 3–9. (In Russ.)
25. Partington A. *Linguistics of laughter: a corpus-assisted study of laughter-talk*. London-N. Y.: Routledge Taylor & Francis Group, 2006, 262.

Оригинальная статья

Доместическая когнитивная модель в аспекте образных признаков концептов *луна* и *небо*

Ибраимова Бермет Муратовна

Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына,
Кыргызстан, г. Бишкек<https://orcid.org/0000-0002-4208-7891>bermet.ibraimova.94@mail.ru

Машанло Сания Абубакировна

Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына,
Кыргызстан, г. Бишкек<https://orcid.org/0000-0001-8608-8530>

Поступила в редакцию 13.11.2021. Принята после рецензирования 10.01.2022. Принята в печать 10.03.2022.

Аннотация: Актуальность изучения доместической когнитивной модели концептов *луна* и *небо* состоит в обращении к теме связи образных и архитектурных признаков концептов русской лингвокультуры, закрепленных за соответствующими объектами мира. Цель – описать доместическую когнитивную модель, объективированную образными признаками в структурах концептов *луна* и *небо*. Задачи: 1) определить набор вариантов доместической когнитивной модели посредством актуализации когнитивных признаков концептов *луна* и *небо*; 2) выделить образные признаки, реализуемые в выявленных когнитивных моделях дома, в структурах концептов *луна* и *небо*. Основные методы: концептуальный, описательный и интерпретативный. Научная новизна исследования заключается в первом опыте обращения к теме сопоставления доместической когнитивной модели и соответствующих образных признаков в структурах концептов *луна* и *небо*. Итогом исследования языкового материала стало обнаружение пяти основных вариантов доместической когнитивной модели. Их наличие в языковой картине мира обусловлено несколькими факторами: 1) значимостью темы дома для любого носителя языка; 2) переносом признаков обжитого пространства земли на небо и небесные объекты; 3) сравнением освоенного и неосвоенного пространства земли и неба; 4) библейской аллюзией на сюжет сотворения мира Богом, в том числе созидания неба и луны и заселения неба. Варианты доместической когнитивной модели концептов *небо* и *луна* следующие: 1. Небо – здание / строение (образные признаки: семи- или девятиэтажное строение со слуховым окном); луна – светильник (канделябр, лампа, лампочка, галогенный светильник, рожок, фонарь). 2. Небо – дом / здание (дом с крышей, окнами, дверьми, порогом, полом, стенами); луна – светильник (керосиновая лампа, свеча). 3. Небо – шатёр (царские хоромы, храм, церковь, военное укрепление); луна не участвует в описаниях этой модели. 4. Небо – юрта (строение со стенами из войлока в виде купола с порогом, отделяющим обжитой мир от чужого); луна не участвует в описаниях этой модели. 5. Небо – жилище Бога (храм с куполом и сводчатым потолком, иконостасом); луна – светильник (лампада, священный светильник в общей системе освещения (наравне с солнцем)).

Ключевые слова: когнитивные признаки, структура концепта, языковая картина мира, концептология, лингвокультурология, когнитивная лингвистика

Цитирование: Ибраимова Б. М., Машанло С. А. Доместическая когнитивная модель в аспекте образных признаков концептов *луна* и *небо*. Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 2. С. 247–254. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-247-254>

Full article

Domestic Cognitive Model: Figurative Signs of the *Moon* and the *Sky* Concepts

Bermet M. Ibraimova

Balasagyn Kyrgyz National University, Kyrgyzstan, Bishkek
<https://orcid.org/0000-0002-4208-7891>bermet.ibraimova.94@mail.ru

Saniia A. Mashanlo

Balasagyn Kyrgyz National University, Kyrgyzstan, Bishkek
<https://orcid.org/0000-0001-8608-8530>

Received 13 Nov 2021. Accepted after peer review 10 Jan 2022. Accepted for publication 10 Mar 2022.

Abstract: The article describes a domestic cognitive model objectified by figurative signs of the moon and the sky concept structures. The authors determined the set of variants of the domestic cognitive model by updating the cognitive signs of the moon and the sky concepts. Using conceptual, descriptive, and interpretive analyses, they also highlighted the figurative signs realized in the cognitive models of the house. The research generalized the figurative and architectural signs of the Russian linguaculture, assigned to the moon and the sky. It revealed five main variants of the domestic cognitive model. Their presence in the linguistic worldview can be explained by several factors: 1. The importance of the topic for all native speakers. 2. Transfer

of signs of the habitable space of the earth to the sky and celestial objects. 3. Comparison of the developed and undeveloped space of the earth and the sky. 4. Biblical allusion to the Genesis, including the creation of the sky and the moon. Variants of the domestic cognitive model of the sky and the moon concepts were as follows: 1. sky – building / structure, e.g., a high rise with a dormer window; moon – lamp, e.g., candelabrum, lamp, light bulb, halogen lamp, horn, lantern, etc. 2. Sky – house / building, e.g., a house with a roof, windows, doors, threshold, floor, walls; moon – lamp, e.g., kerosene lamp, candle, etc. 3. Sky – tent, e.g., royal mansions, temple, church, military fortification. The moon has no place in this model. 4. Sky – yurt, e.g., a structure with walls made of felt in the form of a dome with a threshold separating the inhabited world from the alien. The moon is not represented in this model. 5. The sky – dwelling of God, e.g., a temple with a dome and a vaulted ceiling, an iconostasis; moon – lamp, e.g., a celestial lamp as sacred as the sun).

Keywords: cognitive signs, concept structure, language picture of the world, conceptology, linguaculture, cognitive linguistics

Citation: Ibraimova B. M., Mashanlo S. A. Domestic Cognitive Model: Figurative Signs of the Moon and the Sky Concepts. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(2): 247–254. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-247-254>

Введение

Сфера неба и небесных объектов (в том числе луна) представляет особый интерес для лингвистов-концептологов, которые замечают расхождения в их описании в языковой и научной картинах мира. Небо и небесные объекты в русской лингвокультуре имеют свои специфические образы, которые требуют изучения и обобщения. Статья посвящена исследованию образных domestic признаков концептов луна и небо в русской лингвокультуре. Эти образные признаки реализуются в соответствующих когнитивных моделях. Когнитивная модель – это стереотипный образ, с помощью которого организуется некоторый жизненный опыт. Такая модель определяет нашу концептуальную организацию опыта, оценку этого опыта, а также то, что мы хотим выразить [1, с. 33].

Объект исследования – domestic макромодель небо – дом / здание, луна – светильник. Предмет – способы экспликации этой модели в языковом материале. Основными методами в статье выступают концептуальный, описательный и интерпретативный. Источником языкового материала является Национальный корпус русского языка (НКРЯ)¹.

Образные признаки концепта луна уже были предметом отдельных исследований в научной литературе, например на материале русского, английского и немецкого языков [2]. Проанализированы образы, скрывающиеся в мотивирующих признаках концепта луна [3]. Луна в указанных языках объективируется посредством разных лингвокультурных кодов: витального [4], соматического [5], вегетативного [6], зооморфного [7], антропоморфного [8; 9], пищевого и вещественного [10]. Луна имеет глубокий символический смысл, заложенный в мифах [11–14]. Отдельный ряд образуют работы, посвященные описанию концепта луна в индивидуально-авторской картине мира [15; 16].

Есть ряд диссертационных исследований концепта небо. Е. Е. Демидова сопоставила структуры и способы актуализации когнитивных признаков русского и английского

концептов небо и heaven [17]. Сюэин Чжао описал бинарные концепты небо и земля, обращаясь к русской языковой картине мира [18]. Н. И. Федорова в качестве материала исследования использует народные приметы для анализа особенностей концепта небо [19].

В отдельном блоке статей исследуются различные аспекты концепта небо: в русской лингвокультуре [20; 21], в русской языковой картине мира [22], в русской и китайской картинах мира [23; 24], в якутской языковой картине мира [25], в индивидуально-авторской картине мира С. Н. Сергеева-Ценского [26].

Результаты

В русской лингвокультуре существует когнитивная макромодель Вселенная / небо – дом / здание; луна – светильник: весь мир может быть представлен в образе дома (Вселенная – место, куда вселились люди). Эта макромодель распадается на несколько когнитивных микромоделей, их объединяет одна когнитивная модель небо – дом / здание; луна – светильник, пять вариантов которой рассматриваются в данной статье.

Небо описывается метафорами здания. В русском языке есть несколько сочетаний и сложных слов, в которых проявляются архитектурные метафоры: купол неба, свод неба, небосвод. Купол, свод – особый стиль построения внешнего облика и внутреннего пространства здания. Устроение – стертая метафора постройки здания неба: *Взгляните, как небо устроено, или солнце, или луна, или звезды!* (Ладинский А. П. Последний путь Владимира Мономаха).

1. Небо – здание / строение; луна – светильник

Небо в русской лингвокультуре представляется многоэтажным строением. На это прямо указывают языковые факты. В русском языке есть выражение *быть на седьмом небе от счастья*.

¹ НКРЯ. Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 11.06.2021).

По одной из версий этажей в мире семь. По другой версии мир – это девятиэтажное строение: *Другие содержат и обращают круг звездного неба (одного из девяти небес), особые ангелы приставлены к солнцу, луне, морю; иные приставлены к земным государствам, другие находятся при верных людях* (Костомаров Н. И. Русская история в жизне-описаниях ее главнейших деятелей). За всеми сферами наблюдают; в систему наблюдения входит луна.

Среди славянских народов бытует представление о многоэтажности небес. В словаре *Славянские древности* указано: «Широко распространены верования о многочисленности и многоуровневости небес: чаще всего говорится о семи небесах (или их слоях, складках), что восходит к древним книжным источникам и апокрифическим текстам» [27, с. 378].

В мифологии разных народов существуют разные представления об устройстве небес. «В "Авесте" небо уподобляется дворцу из небесного вещества; в арабо-мусульманской традиции описываются многоярусные небеса из драгоценных, блестящих, сверкающих материалов: золота, хрусталя, жемчуга, смарагдов» [28, с. 716]. В языковом материале обнаружены иллюстративные примеры материала дома-неба из камня.

Метафорами строения описывается дом неба: *Вслед за Псалтирью и Шестодневом Иоанна Экзарха он с умилением говорит о том, как дивно «господним промыслом» устроен мир, «како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звезды, и тма и свет, и земля на водах положена»* (Гудзий Н. К. История древней русской литературы). Строение неба-дома имеет отличительные особенности – в нем есть слуховое окно.

Луна – источник света в здании неба: *На небе горела полная луна – как будто космический свет лился в небесное слуховое окошко* (Бабаян С. Ротмистр Неженцев). Луна – не простой источник света: она выполняет роль декоративного украшения неба: *Сохраняя свое, по меньшей мере, странное спокойствие, уверенное в своей допотопности и извечности, над нами стояло ночное небо, декоративно подсвеченное луной* (Аксенов В. Апельсины из Марокко).

Эстетическая функция луны многократно подчеркивается в языковом материале: *Как всегда, ночь была великолепна: с вечера рядышком украшали небо молодая Луна и красавица Венера, потом очаровательный блеск планет и звезд монгольского свода* (Козлов П. К. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923–1926 гг.). Луна украшает этот мир, расцветивая небо и Вселенную в целом.

Луна как источник света описывается через когнитивные признаки:

- галогеновый светильник: *Высоко в небе сияла галогеновая американская луна* (Баранец В. Генштаб без тайн);
- канделябр: *И вместо потолка стало небо, а вместо канделябров – разбитая на куски луна* (Хаецкая Е. Синие стрекозы Вавилона);
- лампа: *Луна светила ярко, как настольная лампа* (Громов В. Компромат для олигарха);

- лампочка: *Луна казалась горячей, точь-в-точь как электрическая лампочка, когда она нагревается* (Шагинян М. С. О собаке, не узнавшей хозяина);
- рожок: *На ясном небе горели частые звезды и рожок новой луны...* (Осипович (Новодворский) А. О. Сувенир);
- фонарь: *А может быть, всего там и скучней, и нет, быть может, более скучно-тоскливого места на земле: метелица метет без просвета и продыха, рваные серые облака, луна фонарем мигает...* (Шляпентох Д. Конец Истории: благословенный Иов).

Все указанные признаки актуализируют смыслы светильника внутри дома или осветительного прибора внутри усадьбы или улиц городов (фонарь, рожок).

Купол неба образуют звезды: *Над ней было небо, яркая луна кружилась среди облаков, звёзды в черных дырах скользили, двигались, спустились, почти задевая лицо, прыгнули вверх, образовав купол* (Бувайло М. Тридцать шесть страниц). Луна при этом располагается среди звезд, плавает по куполу неба: *По темному куполу ночного неба плыла луна, и огромные глыбы известняка казались в ее неверном свете еще больше* (Александрова Н. Последний ученик да Винчи). При этом купол неба может быть украшен звездами: *Гигантский купол неба обклеен, казалось, изнутри звездами, подковка луны напоминала горькую гримаску ребенка, обиженного взрослыми* (Азольский А. ВМБ).

2. Небо – дом / здание; луна – светильник

Второй вариант доместической модели мироустройства обусловлен характерными для него признаками, среди них: крыша: *Небо вместо крыши, греческий дворик из Эрмитажа* (Найман А. Любимый интерес); окно, дверь, пол, потолок, стены: *Теперь, когда небо окончательно заволочло тучами и дождь пошел сплошной стеной, направление движения стало ему более или менее ясно* (Водолазкин Е. Лавр).

Небо – крыша над головой: *Пальцем в небо показала: – А це крыша над головой* (Василенко С. Дурочка). Оно выковано из металла: *Ведь он выковал уж небо, Крышу воздуха сковал он* (Озеров А. Онежская быль). Крыша неба имеет двойственный облик: она может быть устроена в виде купола или быть плоской: *А для древних египтян – четырехугольное поле, окруженное горами и прикрытое небом – хрустальной чашей или даже плоской железной крышей, покоящейся на четырех «столах»* (Гречихин А. Жила-была Вселенная). Купол считается сложной инженерной конструкцией.

Небо последовательно актуализируется доместическими признаками крыши, окна, двери, порога, пола, стен: *С неба обрушилась стена из воды, закрывавшая все видимое пространство* (Аромштам М. С. Мохнатый ребенок). Сам мир имеет особенности устройства: *Стень была их кухней, небо – крышей* (Панова В. Ф. Сентиментальный роман). Небо – крыша мира: *День был серый, темное небо образовало над степью крышу* (Шукшин В. Племянник главбуха). Небесные осадки описываются в образах стен мира-дома.

Здание неба имеет окна: **В небе образовалось окно**, и **мощный столб солнечных лучей опустился на болото**, как бы освещающая поля боя для будущего скульптора (Аксенов В. Круглые сутки нон-стоп). Окна в небе определенной формы – квадратные: Там шла какая-то непрерывная контрольная по геометрии: **выстраивались фигуры – окружности, углы и трапеции, а прямо в центре неба образовался квадрат – окно**, довольно четко обозначенное алмазным пунктиром... (Рубина Д. Медная шкатулка). Крыша, стены и окна – традиционные элементы русского дома.

Другим устойчивым признаком традиционного здания является **дверь**, он характерен для описания неба: **Дятел долбит еловую дверь небес...** (Велтистов Е. Победитель невозможного). Признак **дверь** обнаружен в тексте Библии: **Затем я увидел: вот отворилась в небе дверь**, и голос, тот самый трубный голос, что я слышал вначале, заговорил со мной (Откр. 1:4). Дверь – значимый элемент любого жилища.

Для неба-дома свойственна концептуализация в языковом материале через признаки:

- порог: **Вот и последний солдат замер на пороге неба** (Гулин В. Прыжок-марш!), порог знаменует границу обжитого и чуждого пространства: **У порога Родопского неба** «Оглянись», – сказала Магда, и я в последний раз увидела Родопы (Чешкова А. У порога Родопского неба);
- потолок: **Черное звездное небо Техаса стало потолком...** (Азольский А. Монахи), потолок показывает границу между человеческим миром и божественным: **Небо** покоилось близко, как **потолок**, – в России совсем другое небо (Набатникова Т. День рождения кошки);
- пол: **Это было шестиугольное сооружение со стенами из рифленого стекла темно-синего цвета, с вечным не-небом вместо крыши, с облачным покровом вместо пола**, и облака в храме были чернее китайской туши (Хаяцкая Е. Синие стрекозы Вавилона / Семеро праведных в раю господина), полом в здании мира служат облачное покрытие или земное поле: **Помню, я попросила его попробовать спеть Ирино стихотворение «Небо, Ваше высочество, поле, Ваше величество» – просящееся быть спетым (для меня уж точно)** (Панн Л. Об Олеге Вулфе).

Свет луны может передаваться через признаки керосиновая лампа и свеча: **Не горит Луна-свеча** (Галанин А. Дневники и размышления о прожитом). Луна символизирует гармонию и уют в доме: **Млечный серп луны над бедными домиками местечка, серп луны, часто обращенный в керосиновую лампу с трехлинейным стеклом**, какая висела в небогатых домах российской провинции, **символизируя покой семейного очага**, – тоже символ (Дангулов С. А. Шаггал). Освещенное пространство в доме создает у человека ощущение уюта и покоя.

3. Небо – шатер

Эта модель характеризует жизнь кочевого народа. Русский народ не считается таковым. Устройство мира, согласно

мифологиям разных народов, предполагает разную форму неба. «Наиболее простое представление о форме неба – это представление о небе как шатре, шалаше, палатке, куполе, который образует стены и крышу над полом землей» [28, с. 716].

По одной версии образ шатрового мироустройства пришел в русскую лингвокультуру вместе с Библией. В Евангелии от Марка читаем: **Твои облачения – величие и слава, как плащом, Ты окутан светом. Небо, словно шатер, раскинул, над водами чертоги возвел. Облака – колесница Твоя** (Марк 1:2–3). Тем не менее факты русской лингвокультуры показывают частотный образ шатра-мира-дома. Шатрово-купольный стиль считается исконно-русским стилем архитектуры. П. Н. Максимов и Н. Н. Воронин предполагают, что шатровые церкви представляют «распространенный тип древнерусского храма уже в домонгольское время» [29, с. 264].

Небо рисуется через образ высокого шатра: **Шестой десяток доживаю на свете, а всё ещё не могу наглядеться на дела господни, не могу наглядеться на чистое небо, похожее на высокий шатёр**, и на землю, которая всякий год новою травой и новыми цветами покрывается (Карамзин Н. М. Бедная Лиза). Такой шатер имеет большой размер и окрашен в голубой цвет: **Здесь же небо раскинулось гигантским голубым шатром**, и это было так красиво, что захотелось закричать в голос и побежать, что есть сил туда, где это прекрасное полотно было прикреплено к земле (Лавряшина Ю. Улитка в тарелке). Все небо – гигантский шатер, накрывший землю.

Шатер используется как образец архитектурного стиля. Шатрово-купольный стиль характерен для постройки:

- храмов: **Трапезная упиралась в мощный четверик колокольни, расширяющийся паволом, над которым на резных столбах вонзались в небо четыре четырёхскатных шатра** (Иванов А. Сердце Пармы);
- соборов, церквей: **Главные художественные остатки находятся, как и следует ожидать, на первой возвышенности, где господствует устремленный в небо шатер Коломенской церкви** (Згура В. Коломенское).

В этом же стиле построены башни Кремля и других военных укреплений: **Далёкое безоблачное небо тонко и нежно светилось майской синевой над серыми шатрами острожных башен** (Иванов А. Сердце Пармы).

Шатер – это царственный свод. Через эти признаки эксплицируется значение близости к месту обитания Бога: **Небо когда-то представлялось Гамлету «необъятным шатром воздуха... царственным сводом, выложенным золотой искрой»** (Козинцев Г. Наш современник Вильям Шекспир). Шатер неба охватывает всю землю: **На моих соплеменников падал неба шатер** (Вознесенский А. На виртуальном ветру). Полом в шатре неба является ровная земля: **Безоблачное небо ярко-голубым шатром охватывало плоскую равнину, покрытую пожелтевшей травой** (Бережков В. Рядом со Сталиным).

4. Небо – юрта

Модель близка третьей: она характеризует дом кочевого народа. Жилище-небо описывается метафорой юрты: *Здесь небо было обито тремя слоями войлока, и местоположение луны угадывалось лишь по мутному пятну света* (Вергелис А. П. Катастрофа). Стены такого дома сделаны из войлока.

Для дома-юрты неба свойственны признаки:

- порог: *На небе догорал медно-красный порог юрты Ульгения* (Зазубрин В. Я. Горы);
- купол: *Если идти в нисходящей гамме: синий купол неба – куполообразная юрта* – в юрте человек в звёздчато расшитой тюбетейке, в руках у него опрокинувшийся куполок пиалы (Кржижановский С. Д. Салыр-Гюль).

Данная модель представлена малым количеством языкового материала, что говорит о невысокой степени актуальности этой модели для русской лингвокультуры.

5. Небо – жилище Бога; луна – светильник

Пятый вариант доместической когнитивной модели восходит к Библии. Библейский сюжет о сотворении мира положен в основу целого ряда доместических метафор неба и луны: *А бог есть един, ему же служат христиане и поклоняются, иже сотворил небо и землю, солнце, луну и звезды, и человека и дал есть ему жить на земле; ему же я и сын мой веруем* (Татищев В. Н. История российская в семи томах). Небо и луна – результат творчества Бога.

Крыша в виде купола, полотно внутри в виде свода – эти архитектурные детали характерны для храмов, а храм – обитель бога. Этими деталями описывается небо: *Довольно скоро я снова вышел к избе, в которой остановился, но уйти спать было невозможно, все было как на литургии, в том первом храме, куполом которого был свод небес с луной и бесчисленными звездами, на литургии, где и земля, и снег, и деревья, те же звезды – славили и славили Господа* (Шаров В. Воскрешение Лазаря).

Согласно народной космологии, небо – творение и обитель Бога [27]. Бог в русской лингвокультуре предстает в образе архитектора, строителя (слова *создатель, созидать* однокоренные со словом *здание*).

Мир-Вселенная – многоэтажное божественное строение, созданное / построенное создателем: *Поэтому-то система неоплатонизма и могла оказать философскую поддержку падавшему языческому политеизму: из сверхмирного и сверхбожественного последовательно эмануруют боги и мир, причем нижние его этажи уходят в тьму небытия, тогда как верхние залиты ослепительным светом, – в небе же загорается система божественных лун, светящихся, правда, не своим, а отраженным светом, однако утвержденных на своде небесном* (Булгаков С. Н. Свет невечерний).

Луна входит в систему священных светильников, освещающих этот мир.

Этот вариант доместической модели похож на первый. Бог-создатель находится выше семи сфер – этажей мира.

Эти сферы находятся у ног его: *В небесах на престоле – Вседержитель; у ног Его, в семи небесных сферах – солнце, луна, звезды...* (Мережковский Д. С. Воскрешение Боги). Луна располагается в одной из сфер неба.

Создатель украсил свое творение – мир, Вселенную – двумя светильниками – солнцем и луной: *В четвертый день украсил небо звездами, и два светила великия на небе положил, солнце и луну, из того первородного света, как бы некоторыя превеликия сложил тела, понеже весь тот первого дня свет на звезды и светила употреблен* (Архиепископ Платон. Катихизис второй надесятый).

На детали храма указывают некоторые признаки неба:

- иконостас: *Прямо над устьем в небе льдисто пылала Луна, а за ней сиял весь иконостас мироздания* (Иванов А. Сердце Пармы),
- лампада: *Но и их Иуда разглядел смутно, ему показалось, что над Еришалаимом засветились десять невиданных по размерам лампад, спорящих со светом единственной лампады, которая всё выше подымалась над Еришалаимом, – лампады луны* (Булгаков М. А. Мастер и Маргарита), признаком лампада эксплицируется смысл освещения неба-дома Бога. Храм, собор уподобляется небу – храму Божию: *Афонский старец Паисий, который знал его, повествует о нём такими словами: «Он жил на Святой Горе, подобно птице небесной, под открытым небом, как под куполом дома Божия: у него не было своей келии, как у других отцов»* (Кокухин Н. Невидимые старцы, или Афон сокровенный).

Небо – жилище Бога – обитаемо: *Например, религиозное представление о мироздании, где земля находится в центре, наверху, на небе, живёт Бог и находится «рай» или «царство небесное», а где-то внизу, под землёй, находится ад, – конечно, совершенно несогласно с научным представлением о бесконечности мироздания, о вращении земли вокруг солнца и т. п.* (Франк С. Л. Религия и наука). Небо называется раем, царством небесным.

Заключение

Доместическая макромодель Вселенная / небо – дом / здание; луна – светильник преобразуется в когнитивную модель небо – дом / здание; луна – светильник. Изученная доместическая когнитивная модель в языковом материале представлена пятью вариантами с соответствующими образными признаками: 1) небо – здание / строение (семиэтажное или девятиэтажное строение со слуховым окном); луна – светильник (канделябр, лампа, лампочка, галогенный светильник, рожок, фонарь); 2) небо – дом / здание (дом с крышей, окнами, дверьми, порогом, полом, стенами); луна – светильник (керосиновая лампа, свеча); 3) небо – шатер (царские хоромы, храм, церковь, военное укрепление); луна не участвует в описаниях этой когнитивной модели; 4) небо – юрта (строение со стенами из войлока в виде купола с порогом, отделяющим обжитой

мир от чужого); луна не участвует в описаниях этой когнитивной модели; 5) небо – жилище Бога (храм с куполом и сводчатым потолком, иконостасом); луна – светильник (лампада, священный светильник в общей системе освещения (наравне с солнцем)).

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Пименова М. В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001. 497 с.
Pimenova M. V. *Concepts of the inner world (Russian-English correspondence)*. Dr. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2001, 497. (In Russ.)
2. Захарова Т. В. Образные признаки неживой природы концептов луна и *Mond*. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 1-4. С. 166–171.
Zakharova T. V. Figurative signs of inanimate nature in the concepts *Luna* and *Mond*. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (1-4): 166–171. (In Russ.)
3. Захарова Т. В. Мотивирующие признаки концептов луна и *Mond*. *Знак-сознание-знание*, гл. ред. В. И. Теркулов. Горловка: ГГПИИЯ, 2011. Вып. 1. С. 161–167.
Zakharova T. V. Motivating signs of concepts *Luna* and *Mond*. *Sign-consciousness-knowledge*, ed. Terkulov V. I. Gorlovka: GSPIFL, 2011, iss. 1, 161–167. (In Russ.)
4. Захарова Т. В. Сопоставительный анализ витальных признаков концептов луна и *Mond*. *Новое в когнитивной лингвистике XXI века*, отв. ред. М. В. Пименова. Бишкек-Волгоград-Екатеринбург-СПб.: КемГУ, 2015. С. 174–179.
Zakharova T. V. Comparative analysis of the vital signs of the concepts *Luna* and *Mond*. *New in cognitive linguistics of the XXI century*, ed. Pimenova M. V. Bishkek-Volgograd-Ekaterinburg-St. Petersburg: KemSU, 2015, 174–179. (In Russ.)
5. Пименова М. В., Балашова Н. П. Соматические метафоры луны в современных поэтических произведениях. *Гуманитарный вектор*. 2015. № 4. С. 32–38.
Pimenova M. V., Balashova N. P. Somatic metaphors of the moon in poetic works of modern Russian authors. *Humanitarian Vector*, 2015, (4): 32–38. (In Russ.)
6. Балашова Н. П. Вегетативный код лингвокультуры в описании луны. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 2-4. С. 105–108.
Balashova N. P. Vegetative metaphors in the description of the moon. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (2-4): 105–108. (In Russ.)
7. Захарова Т. В., Штайгер Э. А. Зооморфный код в структуре концептов луна и солнце. *Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования*, отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2012. С. 138–146.
Zakharova T. V., Shtayger E. A. Zoomorphic code in the structure of the concepts of the moon and the sun. *Cognitive linguistics and conceptual studies*, ed. Pimenova M. V. Kemerovo: KemSU, 2012, 138–146. (In Russ.)
8. Балашова Н. П. Антропоморфизация небесных объектов как способ концептуализации луны. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 3-1. С. 134–138.
Balashova N. P. Antromorphic aspect of sky objects as a description of the moon concept. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (3-1): 134–138. (In Russ.)
9. Захарова Т. В. Анализ антропоморфных признаков концептов луна и *Mond*. *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2016. № 2. С. 118–122.
Zakharova T. V. The analysis of anthropomorphic characteristics of the *luna* (moon) and *Mond* concepts. *Pyatigorsk State University Bulletin*, 2016, (2): 118–122. (In Russ.)
10. Захарова Т. В. Признаки вещества и пищи концептов луна и *Mond*. *Концептуальные и семантико-грамматические исследования: памяти профессора Е. А. Пименова*, отв. ред. М. В. Пименова. М.: ИЯз РАН, 2011. С. 147–153.
Zakharova T. V. Signs of substance and food in the concepts of the *moon* and *Mond*. *Conceptual and semantic-grammatical research: in memory of professor E. A. Pimenov*, ed. M. V. Pimenov. Moscow: IL RAS, 2011, 147–153. (In Russ.)
11. Захарова Т. В. Символические признаки концептов луна и *Mond*. *Гуманитарный вектор*. 2016. Т. 11. № 5. С. 73–79.
Zakharova T. V. Symbolic signs of concepts *Luna* and *Mond*. *Humanitarian Vector*, 2016, 1(5): 73–79. (In Russ.)

12. Захарова Т. В. Фольклорно-символические ментальные образования (на примере концептов луна и *Mond*). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 9-3. С. 97–100.
Zakharova T. V. Folklore symbolic mental entities (by the example of the concepts *luna* and *Mond*). *Philology. Theory & Practice*, 2016, (9-3): 97–100. (In Russ.)
13. Пименова М. В. Образные и символические признаки луны в русской концептосфере. *Концепт и культура: мат-лы III Междунар. научн. конф. (Кемерово, 27–28 марта 2008 г.)* Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. С. 294–303.
Pimenova M. V. Figurative and symbolic signs of the moon in the Russian conceptual sphere. *Concept and culture: Proc. III Intern. Sci. Conf., Kemerovo, 27–28 Mar 2008*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008, 294–303. (In Russ.)
14. Сидорова Н. П. Мифологический портрет луны в русской концептосфере. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2008. № 2. С. 170–174.
Sidorova N. P. Mythological portrait of the moon in the field of Russian concepts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2008, (2): 170–174. (In Russ.)
15. Захарова Т. В. Концептуализация луны в индивидуально-авторской картине мира Клеменса Брентано. *Вестник Кузбасской государственной педагогической академии*. 2013. № 2. С. 86–89.
Zakharova T. V. Conceptualization of moon in individual and author's world's picture of Clemens Brentano. *Vestnik Kuzbasskoi gosudarstvennoi pedagogicheskoi akademii*, 2013, (2): 86–89. (In Russ.)
16. Пименова М. В. Образы и символы луны в произведениях А. С. Пушкина. *Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: I Междунар. науч. конф. (Чита, 29–30 октября 2007 г.)* Чита: ЗабГГПУ, 2007. С. 260–264.
Pimenova M. V. Images and symbols of the moon in the works of A. S. Pushkin. *Interpretation of the text: linguistic, literary, and methodological aspects: I Intern. Sci. Conf., Chita, 29–30 Oct 2007*. Chita: ZabSHPU, 2007, 260–264. (In Russ.)
17. Демидова Е. Е. Структуры и способы актуализации признаков концептов *небо* и *heaven* в русской и английской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2010. 229 с.
Demidova E. E. Structures and ways of updating the features of the concepts "*nebo*" and "*heaven*" in Russian and English language pictures of the world. Cand. Philol. Sci. Diss. Kemerovo, 2010, 229. (In Russ.)
18. Чжао Сюцин. НЕБО и ЗЕМЛЯ в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 198 с.
Chjao Sutsin. *SKY and EARTH in the Russian language picture of the world*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2010, 198. (In Russ.)
19. Федорова Н. И. Концепт *небо* в народных приметах русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011. 209 с.
Fedorova N. I. *The concept of heaven in folk signs of the Russian language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Kazan, 2011, 209. (In Russ.)
20. Нагиева А. Т. Концепт «небо» в русской лингвокультуре. *Вестник КазНУ. Серия филологическая*. 2013. № 1-2. С. 24–28.
Nagieva A. T. The concept of "heaven" in Russian linguoculture. *KazNU Bulletin. Philology Series*. 2013, (1-2): 24–28. (In Russ.)
21. Федорова Н. И. Номинативное поле концепта *небо* (на примере русских народных примет). *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2011. № 4. С. 105–107.
Fyodorova N. I. Nominative field of the concept sky (on the Russian folk sayings). *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2011, (4): 105–107. (In Russ.)
22. Семенов А. Е. Концепт «небо» в русской языковой объективации: методика интерпретации. *Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива*. 2012. № 3. С. 241–244.
Semenov A. E. Concept "nebo" in Russian linguistic objectification: a method of interpretation. *Uralskiy filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost: Lingvistika kreativa*, 2012, (3): 241–244. (In Russ.)
23. Инь Дунь. Репрезентация концепта «небо» в экзистенциальном континууме русского и китайского языков. *Русский язык: система и функционирование: мат-лы VIII Междунар. науч. конф. (Минск, 16–17 октября 2019 г.)* Мн.: БГУ, 2019. С. 225–229.
Yin Dun. Representation of the concept "heaven" in the existential continuum of the Russian and Chinese languages. *Russian language: system and functioning: Proc. VIII Intern. Sci. Conf., Minsk, 16–17 Oct 2019*. Minsk: BSU, 2019, 225–229. (In Russ.)
24. Цао Х. Концепт «небо» в русской и китайской картине мира. *Наука, образование и культура*. 2016. № 7. С. 103–107.
Cao H. The concept of "heaven" in the Russian and Chinese picture of the world. *Nauka, obrazovanie i kultura*, 2016, (7): 103–107. (In Russ.)
25. Афанасьева Е. Н. Репрезентация концепта «небо» в картине мира якутского языка. *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2013. № 160. С. 75–84.
Afanasyeva E. N. Representation of the concept "sky" in the Yakut language. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena*, 2013, (160): 75–84. (In Russ.)

26. Кузьмина М. Рассказ «Небо» С. Н. Сергеева-Ценского в контексте аксиологем / констант православной языковой картины мира. *Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки*. 2020. № 1. С. 33–43. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2020.1.33>
Kuzmina M. I. S. N. Sergeyev-Tsensky's story "The Sky" in the context of axiologemes / constants of the Orthodox linguistic worldview. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2020, (1): 33–43. (In Russ.) <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2020.1.33>
27. Белова О. В., Плотникова А. А., Толстая С. М. Небо. *Славянские древности*, под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. III. С. 376–380.
Belova O. V., Plotnikova A. A., Tolstaya S. M. Sky. *Slavic antiquities*, ed. Tolstoy N. I. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, vol. III, 376–380. (In Russ.)
28. Брагинская Н. В. Небо. *Мифы народов мира*, гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энцикл., 2008. С. 716–718.
Braginskaya N. V. Sky. *Myths of the World*, ed. Tokarev S. A. Moscow: Sov. entsikl., 1988, 716–718. (In Russ.)
29. Максимов П. Н., Воронин Н. Н. Деревянное зодчество XIII–XVI веков. *История русского искусства*, ред. И. Э. Грабарь, В. Н. Лазарев. М.: АН СССР, 1955. Т. 3. С. 245–281.
Maksimov P. N., Voronin N. N. Wooden architecture of the XIII–XVI centuries. *History of Russian art*, ed. Grabar I. E., Lazarev V. N. Moscow: AS USSR, 1955, vol. 3, 245–281. (In Russ.)

Оригинальная статья

Универсалия гуманность в русской лингвокультуре

Фельде Ольга Викторовна

Сибирский федеральный университет, Россия, г. Красноярск

<https://orcid.org/0000-0003-4299-7833>

Feldeo@list.ru

Бирюлина Екатерина Андреевна

Сибирский федеральный университет, Россия, г. Красноярск

<https://orcid.org/0000-0001-9957-2882>

Поступила в редакцию 25.02.2022. Принята после рецензирования 12.04.2022. Принята в печать 18.04.2022.

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена необходимостью лингвистического анализа важнейших структурообразующих компонентов этического мировоззрения, а также углубления научных знаний о связи языка и этно-исторического сознания русского народа. Цель статьи – рассмотреть динамику содержания универсалии *гуманность* в русской лингвокультуре. Исследование проводится на репрезентативном материале исторических словарей русского языка, древнерусского и старорусского корпусов, современных текстов, размещенных в НКРЯ. Кроме того, привлекаются данные когнитивного эксперимента, которые позволяют получить представление о содержании культурной универсалии *гуманность* в языковом сознании молодежи. Это позволило не только рассмотреть динамику понятийных признаков универсалии *гуманность* в русской лингвокультуре, но и выявить ее неизменную аксиологическую составляющую. Установлено, что на содержание культурной универсалии *гуманность* большое влияние оказали христианская (православная) традиция, западноевропейские социокультурные установки и идеология советской эпохи. Выявлено, что лексема *гуманность* была заимствована в русский язык в первой трети XIX в. из европейских языков как семантический синоним слова *человеколюбие*. В текстах древне- и старорусского языка представлено достаточно большое число лексем, называющих различные практические проявления человеколюбия: *благостыня*, *благосердие*, *благотворение*, *благоутробие*, *милосердие*, *милость* и др. На этапе лексического освоения слово *гуманность* означало, как и в западноевропейских странах, позитивное качество образованных людей. В советский период феномен гуманности стал осмысливаться как бескорыстная помощь неопределенному множеству *бедных и угнетенных*, как *благорасположенность* ко всем *трудящимся* и непримиримая борьба с *врагами*. В современной русской лингвокультуре и языковом сознании студенческой молодежи *гуманность* ассоциируется прежде всего с такими аксиологическими доминантами, как доброта, сострадательность и любовь к ближнему, уважение и бережное отношение ко всему живому.

Ключевые слова: психолингвистология, культурная универсалия, гуманность, понятийный признак, ценностная доминанта, динамика

Цитирование: Фельде О. В., Бирюлина Е. А. Культурная универсалия гуманность в русской лингвокультуре. Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 2. С. 255–265. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-255-265>

Full article

Humanity as a Universal of Russian Linguistic Culture

Olga V. Felde

Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

<https://orcid.org/0000-0003-4299-7833>

Feldeo@list.ru

Ekaterina A. Biryulina

Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

<https://orcid.org/0000-0001-9957-2882>

Received 25 Feb 2022. Accepted after peer review 12 Apr 2022. Accepted for publication 18 Apr 2022.

Abstract: The article introduces the development of the content of *Humanity* as a universal of the Russian linguistic culture and an important structure-forming component of the national ethical worldview. The research objective was to study the relationship between the language and the ethno-historical consciousness of the Russian people. It was based on historical dictionaries of the Russian language, Old East Slavic and Old Russian language corpora, and modern texts from the national corpus of the Russian language. A cognitive experiment revealed the content of *humanity* as a cultural universal in the linguistic consciousness of young people. The research traced the dynamics of the concept and identified its invariable axiological component. The universal of *humanity* was greatly influenced by the Christian (Orthodox) tradition, Western European socio-cultural attitudes, and Soviet ideology. The lexeme entered the Russian language during the first three decades of the XIX century from European languages as a semantic synonym for the *love for mankind*. Some Old East Slavic and Old Russian texts contained a fairly large number of lexemes that name various practical manifestations of humanity, e.g.,

blagostynya, blagoserdnye, blagodel'stvo, blagoutrobiye, miloserdnye, milost', etc. At the stage of lexical development, the word *humanity* meant the positive quality of educated people, like elsewhere in Western Europe. In Soviet Russia, the phenomenon of humanity began to be understood as disinterested help to an indefinite multitude of the "poor and oppressed", as benevolence towards all "working people", and an uncompromising struggle against "enemies". In the modern Russian linguistic culture and the linguistic consciousness of students, *humanity* is associated primarily with such axiological dominants as kindness, compassion, love for one's neighbor, and respect and caring attitude towards all living things.

Keywords: cultural psycholinguistics, cultural universal, humanity, conceptual feature, value-based dominating idea, dynamics

Citation: Felde O. V., Biryulina E. A. *Humanity as a Universal of Russian Linguistic Culture*. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(2): 255–265. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-255-265>

Введение

Второе десятилетие XXI в. ознаменовано появлением новой отрасли лингвистического знания – психолингвокультурологии, основным объектом исследования которой являются национальные лингвокультуры, рассматриваемые сквозь призму обыденного языкового сознания. Методики психолингвокультурологии позволяют увидеть общее и специфичное в национальных лингвокультурах, определить особенности их базовых единиц (концептов, культурных универсалий, прецедентных знаков, стереотипов и т. п.), отраженных в устных и письменных текстах разных жанров. Настоящее исследование выполнено с позиции именно этой отрасли лингвистики.

В центре внимания – культурная универсалия *гуманность*. Под культурной универсалией нами понимается разновидность культурного концепта, присущая всем человеческим культурам на всех этапах их развития. Эта универсалия обладает экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом. Именно к таким феноменам принадлежит гуманность, или человечность, человеколюбие – качество, которое, как справедливо отмечает академик А. А. Гусейнов, является «действенной универсальной нормой», которая отражена в установках всех мировых религий, представлена в антропоцентрированных философских доктринах в виде содержательных позитивных программ отношения к человеку и человечеству, а также в виде перечня безусловных запретов. «Человечность или гуманность в широком смысле является синонимом моральности и может быть расшифрована как любовь к человеку, делание добра ему» [1, с. 149].

Специалисты в области философии, этики, социологии подчеркивают, что содержание культурной универсалии *гуманность* обусловлено философско-антропологическими,

историко-культурными, социокультурными и аксиологическими факторами, в гуманности отражен весь цивилизационно-исторический опыт народа [2–7]. Это обстоятельство выдвигает универсалию *гуманность* в число приоритетных объектов гуманитарного исследования, в том числе и с позиций психолингвокультурологического подхода.

Цель – рассмотреть динамику содержания культурной универсалии *гуманность* в русской лингвокультуре. Выбор объекта исследования обусловлен тем, что гуманность (человеколюбие) является важнейшим понятием этноисторического сознания русских, и тем, что в русской лингвокультуре гуманность представлена в разных ценностно-мировоззренческих формах, что обусловлено влиянием архетипов, установок социальной жизни, доминирующих религиозных, философских и социально-политических доктрин.

Методы и материалы

Эмпирическим материалом исследования служат:

- 1) иллюстративные материалы исторических словарей русского языка: Словарь русского языка XI–XVII вв.¹, Словарь русского языка XVIII в.²;
- 2) материалы Древнерусского корпуса³; материалы Старорусского корпуса⁴;
- 3) материалы Национального корпуса русского языка (НКРЯ)⁵;
- 4) данные лингвистических экспериментов, проведенных в Сибирском федеральном университете (СФУ).

Важно отметить, что в процессе отбора контекстов, эксплицирующих содержание исследуемой культурной универсалии, мы учитывали семантические различия слов *гуманность* и *гуманизм*. Гуманностью обычно называют

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв., Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Наука; Азбуковник, 1975–2015. Вып. 1–30. Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii> (дата обращения: 20.02.2022).

² Словарь русского языка XVIII века, гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, 1985. Вып. 2. 247 с. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/sl18/default.asp?feb/sl18/rub1.html> (дата обращения: 20.02.2022); Словарь русского языка XVIII века, гл. ред. Ю. С. Сорокин. СПб.: Наука, 2001. Вып. 12. 253 с. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/sl18/default.asp?feb/sl18/rub1.html> (дата обращения: 20.02.2022).

³ Древнерусский корпус НКРЯ. Режим доступа: https://ruscorpora.ru/new/search-old_rus.html (дата обращения: 21.02.2022).

⁴ Старорусский корпус НКРЯ. Режим доступа: https://ruscorpora.ru/new/search-mid_rus.html (дата обращения: 21.02.2022).

⁵ НКРЯ. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 21.02.2022).

особое отношение конкретного человека к другому человеку (людям) или живым существам, реальную практику милосердия, а гуманизмом – некий идеологический конструкт, связанный с просвещенческим мировоззрением, чувством прогрессизма, а также рационализированную программу социальных действий [5; 8]. В современной русской речи при нестрогом соблюдении литературной нормы слова *гуманность* и *гуманизм* могут употребляться и как синонимы (*проявил гуманизм к беженцам; его отличает гуманизм*).

На этапе сбора материала применялись следующие методы и приемы исследования: а) поиск в корпусах по ключевому слову *гуманность*; б) выборочная расписка избранных источников; в) лингвистический эксперимент, суть которого заключалась в проведении сочинения-рассуждения на тему «Мои представления о гуманности»; г) лингвистический эксперимент, в задачи которого входило дописать фразы «Когда я думаю о гуманности, я думаю о...» и «Гуманность я могу сравнить с...». Эксперименты проводились в студенческой фокус-группе, в которую вошли 74 студента 1 курса Института управления бизнес-процессами (ИУБП) СФУ и 50 студентов 1 курса Юридического института (ЮИ) СФУ, которые указали в анкете, что русский язык является для них родным.

На исследовательском этапе применялись метод лингвокультурологического анализа; интерпретационный анализ высказывания и метод лингвистического описания.

Сложность лингвистического исследования гуманности заключается в том, что в современной лингвокультуре она проявляется в разных формах: как милосердие, сострадание, альтруизм, филантропия, благотворительность, меценатство, патронаж, жертвенная любовь. В пределах данной статьи будут рассмотрены только примеры со словом *гуманность*.

В психолингвокультурологическом аспекте культурная универсалия *гуманность* изучается нами впервые.

Содержание универсалии *гуманность* в русской книжно-письменной лингвокультуре

В Европе слово *гуманность* получило широкое распространение в период эпохи Возрождения в значении ревностного изучения всего, что составляет целостность человеческого духа. В русский язык оно было заимствовано в первой половине XIX в. из европейских языков (нем. *der Humanität*, фр. *Humanité* < лат. *humanus* – человеческий)⁶. Это было время широкого распространения гуманистического мировоззрения, сложившегося в Германии к концу XVIII в. (И. В. Гете, Ф. Шиллер, И. Г. Гердер). Ведущим представителем гуманистического течения был Вильгельм

фон Гумбольдт, понимавший гуманность как всемерное развитие индивидуальности, что в конечном счете приводит к повышению духовной культуры общества. В европейской традиции получило широкое распространение мнение, что познавательный, эмоциональный и поведенческий компоненты гуманности можно освоить в процессе обучения и воспитания. Социальные установки на усвоение моральных норм культивировали первые немецкие гуманистические гимназии и Берлинский университет, основанный по инициативе В. фон Гумбольдта в 1809 г. [5]. Эти идеи оказали влияние на формирование в русской книжно-письменной лингвокультуре понятия *светская гуманность*. В словаре В. И. Даля (1863 г.) слово *гуманность* толкуется путем подбора русских синонимов, указывающих на конкретные формы проявления такой гуманности: «Гуманность ж. человечность, людскость, благодушие, человеколюбие, милосердие; любовь к ближнему». Важно отметить, что в толкование однокоренного слова *гуманный*, т. е. человеколюбивый, милостивый, милосердый, лексикограф включает компонент «свойственный человеку истинно просвещенному»⁷.

В сочинениях русских мыслителей конца XIX – начала XX века: Н. А. Бердяева [9], В. С. Соловьева [10; 11], С. А. Франка [12] и др. – феномен гуманности рассматривается с христианской точки зрения. Подчеркивается, что без духовного, божественного ориентира невозможно достигнуть истинной социальной направленности гуманности⁸. Особенности христианских представлений о гуманности исследуются также и современными философами [14; 15]. Исследователями отмечается, что гуманистическая идея ценности человеческой жизни, дарованной Богом, содержится уже в ранних памятниках древнерусской письменности, например в Поучении Владимира Мономаха [16].

В русской языковой картине мира в XIX в. сложились два тесно соприкасающихся смысловых поля универсалии *гуманность*: светская гуманность и гуманность христианская (православная). Христианские представления о гуманности коррелируют со смыслами, которые передает лексема *човеколюбие*, зафиксированная в памятниках древнерусской и старорусской письменности в качестве имени одного из важнейших концептов книжно-письменной лингвокультуры. Анализ письменных памятников старорусского периода показал, что в XIV–XVI вв. в понятийное поле концепта *човеколюбие* включаются два основных концептуальных признака: 1) любовь Бога к человечеству: *О великое человеколюбие Божие!... ум человек не может изрещи, колико человеколюбие Божие и какова милость на людех* (Новгородская Карамзинская летопись. Вторая выборка. 1400–1450); 2) любовь человека к своему

⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. С. 258; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1993. Т. 1. С. 226.

⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1989. Т. 1. С. 408.

⁸ Обзор философских представлений о гуманности см. в [13, с. 77].

ближнему: *И так благодарю ти, человеколюбие твое, должны есмы воистинну как солнце еси* (Дьякон Очиж. Формулярный извод фрагмента послания дьякона Очижа [некоему служилому князю?]) с благодарностью за жалованье. 1470–1500).

К концу XVIII в. у концепта *човеколюбие* формируется еще один признак, характеризующий ментальность православного человека, его отношение к миру. В Словаре Академии Российской этот признак назван «благодетельным возчувствованием ко всему роду человеческому»: «**Человѣколюбіе**, бѣя, с. ср. Любость к человеѣческому роду, любовь къ ближнему; благодѣтельное возчувствование ко всему роду человеѣческому»⁹. Следует отметить, что в русской книжно-письменной лингвокультуре до середины XIX в., т. е. до времени заимствования слова *гуманность*, существовало множество обозначений различных форм человеколюбия:

- **Благосердіе** – «доброта, милость, великодушие»¹⁰: *Многажды же и многих ѿ поставленных на властѣхъ, ѡмже увѣрися другѣвъ устроить дѣла, ласкателство кровей неповинныхъ виновными поставляя, подверже неуврачеваннымъ слы^{мъ}, слонравія ложнымъ прельщеніемъ тѣхъ, ѡже прельцають неслобное благосердіе владычющихъ* (Библия (1900). 20. Есфирь)¹¹.
- **Благостыня** – «добродетель, доброе дело, благодеяние»¹²: *И по литургии князи и вся братія идоша с бояры своими и обедаша вкупе с любовію великою, и празноваша празнество светло, и многи благостыня сотвориша убогим, и целовавшеся, разыдошася мирно, каждо восвоися* (Пискаревский летописец. 1600–1650).
- **Благодеяние, благодетельность, благодетельство** – «Поступок, дело, служащее на благо другому; милость, услуга»¹³: *Той же нечестивый царь, забыв к себе благодеяние и милость великаго князя, прельщен будучи словесы жены своея, дерзну тако сотворити* (Лызов А. Скифская история. 1692).
- **Благотворение** – поступок, действие, служащее на пользу другому; милость: *Ихъ же ради по благости Твоей нынѣ съ нами недостойными сликоствую каждо Тобою сотворенная тварь, вышняя и нижняя, совокупившеся {л. 1080 об.} благодареніе Ти приносимъ: небеса – свѣтлость, земля же и воды – благоплодіе всяческихъ, чинъ же свѣтителскій и священнъ и иноческій усердное моленіе и благохваленіе и богодухновенное ликоствованіе, царіе же и князи – благонадежный подвигъ и радостотворное*

благодареніе, воины – храбрость и благотвореніе, народи – благонадежное радование и удивленіе (Степенная книга (Книга Степенная царского родословия). 17-я степень [Иван IV Грозный]. 1560–1563).

- **Благоутробне** – милосердие, милость, щедрость (обычно Бога, государя): *Кто не видит пребезмерного к нам благоутробія, милосердія, благодеянія Божія!*¹⁴.
- **Милость** – «добродетель, состоящая в отпущении слабостей, в умерении наказания, в спомоществовании ближним и проч.»¹⁵: *а потом тебѣ гсдрю своему много челом бую за твою государь милость Михаило Панфилѣвичъ* (Малышкин М. П. И. Т. Малышкин М. П. Салтыкову (1660–1720)).
- **Милосердіе / милосердование** – «човеколюбие, добродетель, предписывающая иметь сострадание к бедности, к несчатыям других и вспомоствованию оных»¹⁶: *Также и жены честныхъ людей, и дочери-девицы чинят сему подобно в том шпитале болящимъ женам и девицам, а делают такое милосердіе неимуцим, желая себе милосердія Божія* (Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 (1699)).
- **Помилование** – «поощаение, отпущение вины чьей, оказание к кому сострадания»¹⁷: *Епископи же рѣша ему: «ты поставленъ еси отъ Бога злымъ на казнъ, а добрымъ на помилование; достоить ти казнити разбоиники, но съ испытаниемъ»* (Новгородская пятая летопись. 1550) и др.

В русской православной и народной (традиционной) лингвокультуре ядром гуманности (човеколюбия), ее главной практической формой являлось и является поныне милосердие, которое реализуется в духовном прощении, в сочувствии и жалости, вызываемой чьим-то страданием, а также в помощи ближнему, в благотворительной деятельности. По мнению В. В. Колесова, милосердию в древнерусской и старорусской культуре отводилась особая роль, т. к. оно воспринималось обществом «выше не только справедливости, но и выше любви, ибо это не просто чувство, но еще и проявление воли на активное чувство» [17, с. 280]. Концепт *милосердие* является базовым и в русской художественной картине мира, что убедительно показано в кандидатской диссертации М. Ю. Никитиной, рассмотревшей содержание и структуру данного концепта в идиостилиях А. С. Пушкина и М. Горького [18].

⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 6. Стб. 690.

¹⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв.

¹¹ Здесь и далее цитаты из памятников старорусского периода приводятся по данным Старорусского корпуса.

¹² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 213.

¹³ Словарь русского языка XI–XVII вв.

¹⁴ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 12.

¹⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. Стб. 131.

¹⁶ Там же. Стб. 133.

¹⁷ Там же. Стб. 135.

Специфику христианской гуманности («благодетельного возчувствования» к людям) показал С. Н. Булгаков в трактате «Свет не вечерний. Созерцания и умозрения» (Отдел третий. Человек), впервые опубликованном в Сергиевом Посаде в 1917 г. В этой работе русский философ и богослов говорит о принципиальной разнице между понятиями *светская гуманность* и *христианская гуманность*. Последнюю он отождествляет с суровой и требовательной христианской любовью: «Нужно отдать себе полный отчет в глубоком различии между так наз. [светской] гуманностью, составляющей душу этого прогресса, и христианской любовью, которая может показаться совсем не гуманною и даже суровой в своей требовательности (как это любил даже преувеличенно подчеркивать К. Н. Леонтьев). Для [светской] гуманности злом является всякое страдание, она хочет всех сделать довольными и счастливыми и верить в осуществимость этого замысла. Христианская же любовь знает и очистительную силу страданий, а, напротив, довольство, "удовлетворение наибольшего числа потребностей", согласно гедонистическому идеалу счастья, для нее явилось бы духовным пленом у князя мира сего. Для [светской] гуманности совсем не существует греха, а зло она знает только как следствие плохой общественности; для христианства социальное зло есть лишь одно из проявлений зла космического, и притом не высшее, не предельное» [19].

Итак, в русской книжно-письменной лингвокультуре в начале XX в. существует два представления о гуманности: 1) светское, когда этот феномен связывается с образованностью, высоким уровнем культуры и знаний, с прогрессом; 2) христианское, традиционное, когда гуманность воспринимается прежде всего как духовная помощь человеку, как сострадание и стремление отстранить человека от греха.

В революционный период одновременно с понятием *гуманизм* переосмысливается и понятие *гуманность*. В этой связи весьма характерное название носит статья А. Блока «Крушение гуманизма», написанная поэтом в 1919 г. На периферию понятийного поля культурной универсалии *гуманность* уходит такой концептуальный признак, как жалость, сочувствие. Под воздействием новой марксистско-ленинской идеологии формируется иная ценностно-мировоззренческая форма гуманности, которая эксплицируется в текстах М. Горького, Альфреда Куреллы и многих других пролетарских авторов. Это гуманность, нацеленная в будущее, на создание наилучших условий для человеческого бытия по сравнению с капитализмом. Революционная пролетарская гуманность – это беспощадное подавление классовых врагов: *...но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду,*

могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя, руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми»; «Чего вы хотите? – удивленно и гневно спрашивал он. – Возможна ли гуманность в такой небывало свирепой драке? Где тут место мягкосердечию и великодушию? Нас блокирует Европа, мы лишены ожидавшейся помощи европейского пролетариата, на нас, со всех сторон медведем лезет контрреволюция, а мы что же? Не должны, не вправе бороться, сопротивляться? Ну, извините, мы не дурачки (высказывание Ленина в изложении М. Горького¹⁸). В статье «Пролетарский гуманизм» М. Горький пишет: «В наши дни пред властью грозно встал исторически и научно обоснованный, подлинно общечеловеческий, пролетарский гуманизм Маркса–Ленина–Сталина, – гуманизм, цель которого – полное освобождение трудового народа всех рас и наций из железных лап капитала». Новый гуманизм писатель называет «подлинным человеколюбием», которое «даёт пролетариату исторически обоснованное право на беспощадную борьбу против капитализма, право на разрушение и уничтожение всех гнуснейших основ буржуазного мира»¹⁹.

В 1950–1970-е гг. изменяется сочетаемость слова *гуманность*: уходят из активного употребления идеологемы *пролетарская гуманность, большевистская гуманность*. Обретает высокую частотность употребления словосочетание *социалистическая гуманность*, которое обозначает «братскую взаимопомощь и товарищеское сотрудничество с угнетенными трудящимися всех стран» [20]. В советской педагогике гуманность начинает рассматриваться как «сложное, социально-ценное качество личности, проявляющееся как укоренившееся в поведении личности устойчивое, позитивное отношение к самому себе, уважительное к окружающим людям и продуктам их труда, обществу, природе. Сущность гуманности составляет взаимодействие когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов, содержательная сторона определяется такими качественными образованиями, как уважение, сочувствие, чуткость, самокритичность и мужество» [21, с. 6]. Воспитание социалистической гуманности выдвигается в число самых актуальных педагогических задач. Плоды такого воспитания находят выражение в литературном творчестве, в многочисленных коммуникативных практиках: *А мы, чекисты, на эту поповскую гуманность плевали, – вдруг взревел и взорвался он. – Так вот, как того поп хочет, так никогда не будет»* (Домбровский Ю. О. Факультет ненужных вещей. Ч. 3. 1978); *Чуткость, гуманность, искренность, правдивость – это все черты характера* (Шахиджанян В. 1001 вопрос про ЭТО. № 1–500. 1999).

¹⁸ Ленин, о котором спорят сегодня – Гуманизм Ленина. 20.10.2012. Режим доступа: <https://leninism.su/lie/4105-lenin-o-kotorom-sporyat-segodnya.html?start=6> (дата обращения: 21.02.2022).

¹⁹ Горький М. Пролетарский гуманизм. Правда. 1934. № 140. 23 мая. Режим доступа: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-361.htm> (дата обращения: 20.02.2022).

В книжно-письменной лингвокультуре постсоветской России сложившаяся в советский период дихотомия *истинная / настоящая гуманность – ложная гуманность* размывается. Слово начинает использоваться не только по отношению к человеку: *Новый эпилятор, сочетающий в себе гуманность и требовательность*²⁰ (Чисто красиво! Домовой. 04.04.2002). Появляются тексты, в которых гуманность выводится на границу моральных принципов: *Но, все же, в ряду моральных принципов понятие гуманности стоит, как бы особняком, потому что оно не входит в «базовое» обеспечение выживаемости, а, зачастую, даже противоречит этому*²¹.

В лингвистический оборот вводится лексема *трансгуманность*, обозначающая стирание границ между биологической, социальной природой человека и механизмом, искусственно созданным конструктом. Исследователи отмечают, что трансгуманизм основан на убеждении в возможности применения технологий, генной инженерии для совершенствования человеческой природы; трансгуманизм настаивает на допустимости новых типов отношений между субъектом и объектом, между человеком и природой [22, с. 14]. Появление нового смысла у культурной универсалии *гуманность* интерпретируется не только современными философами, но и рядовыми носителями русского языка – пользователями социальных сетей: *Гуманность, пускай в том виде, в каком её в основном практикуют в людском обществе, – ещё куда ни шло. По сравнению с выходящей на передовую трансгуманностью – это цветочки. А вот ягодки трансгуманности – далеко за пределами человеческого понимания добра и зла. Инволюция неумолима*²².

Таким образом, смыслы универсалии *гуманность* в русской книжно-письменной лингвокультуре обусловлены такими факторами, как цивилизационная установка на культурный контакт с Западом (светская гуманность); социально-политические установки марксизма-ленинизма (пролетарская гуманность, социалистическая гуманность); установки технократической цивилизации, развитие технологий и робототехники в XXI в. (трансгуманность). На содержание понятия *христианская (православная) гуманность* оказал значительное влияние религиозный постулат, точно сформулированный преп. Иустином (Поповичем): «непогрешимый закон Божий: после Бога – человек; после любви Божией, любви Христовой – любовь к человеку; после боголюбия – человеколюбие»²³.

Для полноты картины следует хотя бы вкратце остановиться и на смыслах универсалии *гуманность* в русской

традиционной (народной) лингвокультуре, макроединицами которой являются устные тексты, в том числе фольклорные. В них мы находим немало высказываний о любви к ближнему, в которых дается установка, какой именно должна быть эта любовь. Народной культурой культивируется идеал возвышенной, молчаливой и жертвенной любви, которую можно сравнить только с любовью к родине. Русские пословицы: *Без любви к человеку нет любви к родине; Любить ближнего надо молча; Друга любить – себя не щадить; Большие той любви не бывает, как друг за друга погибает*. Сопоставительный анализ понятийных и аксиологических признаков универсалии *гуманность* в разных типах русской национальной лингвокультуры может существенно углубить наши представления о мировидении нации.

Культурная универсалия *гуманность* в языковом сознании современной молодежи

Данные проведенных нами лингвистических экспериментов помогают получить ответ на вопрос о том, какие смыслы этой универсалии усвоены поколением, вступающим в активную фазу жизни. Изучение феноменов культуры, моральных констант этноса через призму языкового сознания получило широкое распространение в гуманитарных науках. При этом исследователи применяют различные экспериментальные методы и методики, в том числе и методику мини-сочинений (методику письменной рефлексии на заданную тему). В психолого-педагогических науках такая методика широко используется при диагностике сформированности ценностно-смысловой сферы участников экспериментов [23; 24]. Диагностировались таким образом и знания студентов о гуманности. Исследование проводилось на базе одного из кыргызских медицинских вузов: Е. М. Акинбаев и Г. Дж. Бейшенбиева предложили 389 студентам описать, что такое гуманность, этика и нравственность. Подводя итоги, ученые пришли к выводу, что 27 % участников эксперимента вообще не имеют представления о том, что такое гуманность, поэтому воспитание этого качества у студентов должно стать важной задачей преподавателей медицинских образовательных учреждений [25].

Методика мини-сочинений широко используется и в русистике, прежде всего при изучении обыденного языкового сознания. В частности, следует отметить работы представителей Кемеровской и Уральской лингвистических школ, в которых продемонстрирована эффективность применения данной методики в исследованиях когнитивно-дискурсивной направленности [23; 24; 26].

²⁰ Информационный портал «Живой журнал». Блог пользователя с никнеймом Sostavitel. Гуманность истинная и ложная. Режим доступа: <https://clck.ru/c58tE> (дата обращения: 21.02.2022).

²¹ За рамками биологической эволюции: что такое трансгуманизм. Режим доступа: <https://clck.ru/c58fE> (дата обращения: 21.02.2022).

²² Комментарий к посту «Истинная и ложная гуманность» пользователя с никнеймом drusket от 10.06.2020. Режим доступа: <https://clck.ru/c59MU> (дата обращения: 21.02.2022).

²³ Прп. Иустин (Попович), из проповедей. Толкование на Мф. 22:34. Режим доступа: <http://bible.optina.ru/new:mf:22:39> (дата обращения: 21.02.2022).

Перейдем к анализу данных проведенных нами лингвистических экспериментов. В сочинении-рассуждении на тему «Мое представление о гуманности» приняли участие 124 человека в возрасте 18–19 лет. Анализ сочинений показал, что ключевое слово *гуманность* используется в высказываниях дефиниционного, делиберативного и оценочного характера. Многие студенты дали развернутое описание понятия *гуманность*, заявили о том, что этот феномен относится к важным моральным качествам человека и общества в целом.

В ходе эксперимента только 5,2 % испытуемых, поясняя смысл слова *гуманность*, использовали синонимичные наименования *человечность*, *человеколюбие*, не сближая *гуманность* с другими положительными качествами человека или какими-либо практическими формами проявления гуманности: *Ведь, гуманность – это ничто иное, как человечность, которая необходима для построения высоконравственного общества и сильного государства»* (студ. ЮИ, м., 18 лет); *По моему мнению, гуманность – это человеколюбие* (студ. ИУБП, м., 18 лет); *Гуманность=человечность (Все хорошие качества человека)* (студ. ЮИ, ж., 18 лет); *Вообще, гуманность для меня это человеко-любие, когда самым важным в жизни является человек* (студ. ИУБП, 18 лет) и т. п.

Однако в сознании большинства участников эксперимента универсалия *гуманность* присутствует в неизолированном виде, в тесной связи с концептами, имеющими положительную оценку: любовь, уважение, доброта, помощь, терпимость, толерантность: *Что такое гуманность? В своём прямом значении это слово обозначает терпимость, во всех значениях этого слова* (студ. ИУБП, ж., 19 лет); *Для меня гуманность, прежде всего, предполагает снисходительное отношение к проступкам окружающих, терпимость, потому что ни один человек не застрахован от ошибки* (студ. ИУБП, м., 18 лет); *Что же такое гуманность? Гуманность – это отношение человека к другим людям с должной терпимостью, толерантностью, пониманием и уважением* (студ. ИЮ, м., 18 лет); *На мой взгляд, гуманность это и вправду любовь, но не в том значении, в котором мы привыкли воспринимать это слово. Гуманность, как и толерантность, это принятие человека и положительное отношение к нему, несмотря на негативные качества такого человека. Гуманный человек будет стараться найти подход к каждому, но важно не путать это с таким понятием, как «навязываться»* (студ. ИУБП, ж., 19 лет).

Приведенные примеры показывают, что *гуманность* в ряде случаев (около 15 % примеров от общего числа проанализированных высказываний) сближается с такими концептами, как терпимость и толерантность. Исследователи

отмечают, что имена этих концептов обозначают разные понятия в русской лингвокультуре [27, с. 192; 28]. И. А. Стернин пишет, что «Терпимость – слово старое, для нас привычное, оно означает *терпение человека к "плохому"*... <...> Толерантность – слово новое, заимствованное, оно означает *терпение к иному, другому, непохожему*»²⁴. Полагаем, что выдвижение концептуального признака *терпимость* в ядро смыслового поля универсалии *гуманность* обусловлено усвоенной христианской традицией ставить терпимость, т. е. «способность мириться с кем-, чем-л., относиться снисходительно к кому-, чему-л.; терпимое отношение»²⁵, в один ряд с такими нравственными категориями, как сочувствие, сострадание, самопожертвование, милость к падшим и т. п. (см. об этом в [25]). В ряде сочинений при описании понятия *гуманность* студенты приводят золотое правило нравственности, сформулированное в Библии и текстах других мировых религий: *Когда я слышу это, то сразу вспоминаю пословицу, на примере которой меня воспитывали родители: «Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе»* (студ. ЮИ, ж., 18 лет); *И позже главной политикой гуманности для меня стала фраза моей бабушки, которая так часто её употребляла: «Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе»* (студ. ИУБП, ж., 18 лет).

Как уже отмечалось, представления о гуманности в языковом сознании студентов тесно связаны с другими концептами. Так, в проанализированных нами сочинениях выявлено около 28 % высказываний о гуманности как человеколюбии с оттенком уважения; 22,4 % высказываний – о гуманности с оттенком любви к ближнему и людям вообще; 15,6 % – о гуманности с оттенком заботы и бескорыстной помощи людям и животным; 14,3 % высказываний отражают представление о гуманности с оттенком доброты, доброжелательного отношения к миру. При этом перечисленные оттенки достаточно часто сочетаются в пределах одного высказывания, а также сочетаются с рядом других положительных качеств человека. Приведем некоторые иллюстрирующие примеры:

- *Что же такое гуманность? Это человеколюбие, умение уважать других людей, а также их принципы и ценности* (студ. ЮИ, м., 19 лет); Само слово *гуманность* происходит от слова *человеческий* на латинском языке. Исходя из происхождения, я думаю, что *гуманность – это, прежде всего, человеческое уважение и сострадание. Гуманный человек всегда уважает личность другого, он может сочувствовать другому и относиться с пониманием* (студ. ИУБП, ж., 19 лет).
- *Гуманность – любовь, внимание и уважение к людям. В последнее время все стали агрессировать друг*

²⁴ Стернин И. А. Толерантность и терпимость. 18.10.2014. Режим доступа: <http://sterninia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/188-tolerantnost-i-terpimost> (дата обращения: 21.02.2022).

²⁵ Словарь русского языка, гл. ред. А. П. Евгеньева. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Режим доступа: <https://goo-gl.me/qsajT> (дата обращения: 21.02.2022).

на друга, проявлять неуважение. Эту агрессию можно встретить в длинной очереди в магазине или в полном автобусе вечером, когда все едут уставшие с работы. Также люди стали судить человека по цвету кожи, по росту, по фигуре. Кажется, что слово «гуманность» стало просто красивой картинкой, но это не так. На Земле еще остались люди, которые стараются опровергнуть этот факт. Ведь существуют различные питомники, где помогают беззащитным животным, детские дома, где заботятся о детях, престарелые дома, где ухаживают за пожилыми людьми. Поэтому я считаю, что **гуманность – это качество, которое должен иметь каждый человек, чтобы мир стал лучше** (студ. ИУБП, ж., 18 лет).

- Чтобы дать точное и понятное для каждого определение слову «гуманность», следует подобрать синоним. Превосходным синонимом будет являться «человечность». Удивительно, как одно слово может описать многие человеческие качества в совокупности. Человека тот, кто не бросит товарища в беде, всегда выслушает его и не осудит, иногда даст совет. Следовательно, **гуманность – это уважение к человеческой личности, а также доброе отношение к окружающим**» (студ. ЮИ, ж., 18 лет).
- Что такое гуманность? Для меня гуманность – это **олицетворение доброты, уважения и любви к людям и всему живому** (студ. ЮИ, м., 18 лет); Своё сочинение я хотела бы начать со слов Ф. М. Достоевского: «Гуманность есть только привычка, плод цивилизации. Она может совершенно исчезнуть». Все мы прекрасно знаем, что **гуманность – это человеколюбие, доброе отношение ко всему живому**. Без этого качества человеческое общество начнёт деградировать. Вам может казаться, что цивилизация – это технологии, но в первую очередь – это осознанные люди, которые относятся ко всему окружающему с уважением (студ. ИУБП, ж., 18 лет).

Приведенные выше контексты, репрезентирующие универсалию гуманность, свидетельствуют о широте ее ценностно-смыслового поля. Ядерными признаками универсалии гуманность в современной русской лингвокультуре и сознании молодежи являются терпимость, толерантность, уважение, любовь к людям, доброта. Помимо этого, установлено наличие следующих концептуальных признаков:

1. Качество, присущее настоящему человеку: Кажется, **человек – это единственное существо, которому присуща гуманность**, присуща так называемая «человечность» (студ. ИБУП, ж., 18 лет); В заключение я могу сказать, что гуманность – это то, что делает человека человеком (студ. ИЮ, м., 18 лет).
2. Основа морали и нравственности: Развивать в себе гуманность необходимо каждому человеку, так как именно это качество формирует нравственность и мораль (студ. ЮИ, м., 18 лет).

3. Уважительное отношение к другим нациям и культурам: Что же такое гуманность? Это человеколюбие, умение уважать других людей. **Уважение национальных и общечеловеческих традиций** является составляющей частью гуманности (студ. ИЮ, ж., 19 лет).

4. Любовь, бережное отношение к природе: Гуманность – это уважение людей и их принятие в любом виде, это доброта, взаимопомощь, милосердие, **это охрана природы и экологии** (студ. ИБУП, м., 18 лет); Для меня гуманность – это утверждение о ценности жизни, **бережное отношение к окружающему миру, любовь к живому** (студ. ИБУП, ж., 18 лет).

5. Альтруизм, стремление помогать окружающим: Я полагаю, что понятие гуманности напрямую связано с альтруизмом, так как первое определяет человека как высшую ценность, а второе поддерживает эту позицию всеобъемлющей любовью к окружающим и постоянным стремлением помогать им (студ. ЮИ, м., 18 лет); Синонимом гуманности есть человечность, то есть способность **сочувствовать и помогать окружающим** (студ. ИБУП, м., 18 лет).

6. Плод воспитания: Гуманность – это **плод воспитания**, в настоящее время мало кто даже знает понятие гуманности. Взрослому же человеку практически невозможно привить гуманность, пока он сам не захочет развиваться, развиваться как личность (студ. ИБУП, ж., 18 лет).

7. Система моральных запретов: На мой взгляд, существуют общее правило гуманности: нельзя своими действиями причинять физический и психологический ущерб окружающим (студ. ИУБП, м., 18 лет); Гуманность человека проявляется в его гуманных поступках: не мстить обидчику, а попробовать простить его, не отворачиваться от врага, а помочь ему (студ. ЮИ, ж., 19 лет); Гуманность – это отсутствие зла и невежества в сторону окружающих (студ. ИУБП, ж., 18 лет).

8. Качество, которое имеет разные проявления и по-разному понимается людьми: Слово «гуманность» знакомо всем, но каждый вкладывает в него собственный смысл (студ. ИУБП, ж., 18 лет); Я думаю, что ответ на этот вопрос индивидуален для каждого, ведь каждый понимает это слово по-разному (студ. ЮИ, м., 18 лет).

9. Редко встречающееся качество: К сожалению, в наше время некоторые люди даже не знают, что такое гуманность, что очень расстраивает (студ. ИУБП, м., 18 лет); Я считаю, что гуманность присутствует не у каждого человека. Мне кажется, что многие люди стали забывать, что такое доброе отношение к другим людям и уважение (студ. ИЯ, ж., 19 лет).

Образный слой универсалии гуманность эксплицируется в сочинениях метафорами плод воспитания, редчайший дар. Некоторые студенты считают, что гуманность **заложена** в нас с рождения, ее нужно **пробудить**. В одном из сочинений

гуманность сравнивается с одним из самых редких природных явлений – паргелием, или «ложным солнцем», когда на уровне Солнца в поле зрения появляется светлое радужное пятно, которое возникает вследствие преломления солнечного света в кристалликах льда, парящих в атмосфере: *Что такое гуманность? Гуманность – это любовь к человеку, солидарность к нему, человечность. Я считаю, что на сегодняшнее время гуманность, как паргелий, – самое редкое явление в мире. Сейчас найти таких «золотых» людей всё равно, что искать утюженную рубашку в шкафу холостяка* (студ. ЮИ, ж., 18 лет).

В сочинениях студентов преобладают высокие этические и прагматические оценки гуманности: *К тому же я считаю, что гуманность – это лучшее качество, которое есть у человека. И чем больше людей будут развивать это качество в себе, тем счастливые станет наша жизнь* (студ. ИУБП, ж., 18 лет); *Таким образом, гуманность значительно улучшает и упрощает жизнь в обществе, играет огромную роль в межличностных отношениях, а потому ее необходимо формировать в себе с раннего возраста, в том числе с помощью государства* (студ. ИУБП, м., 18 лет); *Как вообще жить в мире, если в нем не будет гуманности? Да никак, это невозможно* (студ. ИЯ, ж., 18 лет); *Подводя итоги, хочется сказать, что гуманность – одно из самых важнейших качеств человека в современном мире, и нам необходимо развивать его в себе и учить гуманности будущее поколение* (студ. ЮИ, м., 18 лет); *Я считаю, что гуманность – это очень редчайший дар, к которому необходимо относиться бережно. Такой человек честен как с самим с собой, так и с другими. Он жалостлив к другим, не оставит без помощи тех, кто действительно в ней нуждается, будет проявлять доброту и помогать другим даже если они не смогут ему за это отплатить. Поэтому так важно давать детям уроки доброты и заботы. Помните, в детстве мы делали скворечники, кормили животных, а в школе ходили в дома ветеранов, дарили им какие-то маленькие поделки. Всё это показывало нам, что такое гуманность, что простые вещи могут спасти чью-то жизнь или просто сделать человеку приятно. Если мы перестанем давать будущим поколениям такие уроки, то наше общество просто рухнет. Также не стоит самим забывать, что такое человечность. Мы все должны быть гуманными, особенно в такое тяжёлое время* (студ. ИУБП, ж., 18 лет).

Заключение

Универсалия гуманность относится к одним из важнейших единиц русской лингвокультуры. Содержание ценностно-смыслового поля универсалии гуманность обусловлено доминированием в тот или иной исторический период цивилизационных установок, религиозных постулатов, философских и социально-политических доктрин. В русской книжно-письменной лингвокультуре существуют 3 базовых разновидности гуманности: христианская

(православная), социалистическая и светская, каждая из которых характеризуется особым составом форм ее практической реализации. В последние годы формируется также смысловое поле *трансгуманность*.

В ядре ценностно-смыслового поля *христианская гуманность* выявлены концептуальные признаки милосердия, великодушия, любви к ближнему и всему человеческому роду. Специфику ядра ценностно-смыслового поля *светская гуманность* составляют такие признаки, как человеколюбие, уважение к человеку, милосердие, которые сформированы в процессе воспитания и являются чертами образованного и культурного человека. Базовыми признаками ценностно-смыслового поля *социалистическая гуманность* являются бескорыстная помощь угнетенным трудящимся и своим классовым друзьям, непримиримая борьба с врагами во имя всеобщего счастья. В языковом сознании современных студентов отражены установки и представления светской и отчасти христианской гуманности. В целом для универсалии гуманность характерна аксиологическая стратегия ее репрезентации. Во всех текстах отчетливо проявляется положительная оценка данного феномена.

Дальнейшее исследование универсалии гуманность перспективно в аспекте сопоставительной лингвокультурологии, что поможет увидеть специфику гуманности в конкретной национальной лингвокультуре.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: О. В. Фельде – концептуализация, исследование и написание (50 %), редактирование, руководство проектом. Е. А. Бирюлина – проведение эксперимента, формальный анализ полученных данных, исследование и написание (50 %), визуализация.

Contribution: O. V. Felde developed the research concept, wrote (50%) and proofread the manuscript, and supervised the project. E. A. Biryulina performed the experiment, analyzed the data obtained, wrote the manuscript (50%), and made the visualization.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Междунар. научн. конф. «Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения», посвященной памяти проф. Л. А. Араевой. Кемерово, 3–5 февраля 2022 г.

Acknowledgment: The article is based on the report presented at the International Scientific Conference Actual Issues of Linguistics and Literary Studies, held in Kemerovo on February 3–5, 2022, and dedicated to the memory of Prof. L. A. Araeva.

Литература / References

1. Гусейнов А. А. О человечестве и человечности. *Ведомости прикладной этики*. 2016. № 49. С. 137–150.
Guseynov A. A. On humankind and humanity. *Vedomosti prikladnoi etiki*, 2016, (49): 137–150. (In Russ.)
2. Гафуров М. А. Идея человечности и ее социокультурные основания. Уфа: БашГУ, 2010. 118 с.
Gafurov M. A. *The idea of humanity and its socio-cultural foundations*. Ufa: BSU, 2010, 118. (In Russ.)
3. Ефимов В. Ф., Никольский Е. В. Типология современного гуманизма: противостояние антропоцентрических и теоцентрических тенденций. *Вестник Днепропетровского университета им. Альфреда Нобеля. Серия: Филологические науки*. 2012. № 2. С. 45–62.
Efimov V. F., Nikolsky E. V. Typology of modern humanism: opposition of anthropocentric and theocentric tendencies. *Vestnik Dnepropetrovskogo universiteta im. Alfreda Nobelia. Seriya: Filologicheskiye nauki*, 2012, (2): 45–62. (In Russ.)
4. Петрихин А. В. Логико-проблемный анализ соотношения понятий «гуманность», «человечность», «гуманизм». *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*. 2010. № 1. С. 177–181.
Petrikhin A. V. Logic and problem analysis of the correlation of the concept "humanity", "humaneness", "humanism". *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2010, (1): 177–181. (In Russ.)
5. Швачкина Л. А. Идея гуманности в христианстве: истоки и сущность. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2011. № 1. С. 89–96.
Shvachkina L. A. The idea of humanity in christianity: origins and nature. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta*, 2011, (1): 89–96. (In Russ.)
6. Епифанцева Н. Г. Немецкий классический гуманизм эпохи Вильгельма и Александра фон Гумбольдтов. *Вильгельм фон Гумбольдт и его наследие: классика и современность*, отв. ред. Г. Т. Хухуни. М.: МГОУ, 2017. С. 70–75.
Epifantseva N. G. German classical humanism of the epoch of Wilhelm and Alexander von Humboldt. *Wilhelm von Humboldt and his legacy: classic and modern*, ed. Khuukhuni G. T. Moscow: MRSU, 2017, 70–75. (In Russ.)
7. Григорян Т. В. О соотношении категорий «гуманность» и «гуманизм». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 1-1. С. 41–43.
Grigoryan T. V. On the correlation of the categories "humanity" and "humanism". *Philology. Theory & Practice*, 2015, (1-1): 41–43. (In Russ.)
8. Lewis C. S. *Mere Christianity*. Chicago: SGP, 1990, 217.
9. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.
Berdyayev N. A. *The meaning of history*. Moscow: Mysl, 1990, 175. (In Russ.)
10. Соловьев В. С. Кризис западной философии. Соловьев В. С. *Сочинения: в 2 т.* М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 24–122.
Solovyov V. S. Crisis of western philosophy. *Works: in 2 vol.* Moscow: Mysl, 1990, vol. 2, 24–122. (In Russ.)
11. Соловьев В. С. Три силы. Соловьев В. С. *Смысл любви: Избр. произведения*. М.: Современник, 1991. С. 28–40.
Solovyov V. S. Three forces. *The meaning of love: selected works*. Moscow: Sovremennik, 1991, 28–40. (In Russ.)
12. Франк С. Л. Достоевский и кризис гуманизма (к 50-летию дня смерти Достоевского). *О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 гг.*, сост. В. М. Борисов, А. Б. Рогинский. М.: Книга, 1990. С. 391–397.
Frank S. L. Dostoevsky and the crisis of humanism (for the 50th anniversary of Dostoevsky's death). *About Dostoevsky: Dostoevsky's work in Russian thought of 1881–1931*, comps. Borisov V. M., Roginskii A. B. Moscow: Kniga, 1990, 391–397. (In Russ.)
13. Пастушкова О. В. Русский гуманизм: традиции и перспективы развития. *Вестник Воронежского государственного технического университета*. 2012. № 6. С. 77–80.
Pastushkova O. V. Russian humanism: traditions and perspectives of development. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2012, (6): 77–80. (In Russ.)
14. Баранов С. Т. Духовность и гуманность. *Вестник СевКавГТИ*. 2014. № 18. С. 57–60.
Baranov S. T. Spirituality and humanism. *Vestnik SevKavGTI*, 2014, (18): 57–60. (In Russ.)
15. Хохлова Е. В., Белобрыкина О. А. Особенности представлений подростков о героизме. *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*. 2020. № 1. С. 75–93.
Khokhlova E. V., Belobrykina O. A. Features of ideas of teenagers of heroism. *Vestn. pedagog. psihol. Ūzn. Sib.*, 2020, (1), 75–93. (In Russ.)
16. Замалеев А. Ф. Идеи гуманизма и свободомыслия в «Поучении» Владимира Мономаха. Замалеев А. Ф. *Философская мысль в средневековой Руси*. Л.: Наука, 1987. С. 122–136.
Zamaleev A. F. Ideas of humanism and freethinking in Vladimir Monomakh's Teaching. In: Zamaleev A. F. *Philosophical thought in medieval Russia*. St. Petersburg: Nauka, 1987, 122–136. (In Russ.)

17. Колесов В. В. Ненависть и милосердие. Колесов В. В. *Древняя Русь: наследие в слове. Кн. 2. Добро и зло*. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 275–281.
Kolesov V. V. Hatred and mercy. In: Kolesov V. V. *Ancient Russia: word heritage. Book 2. Good and evil*. St. Petersburg: SPbSU, 2001, 275–281. (In Russ.)
18. Никитина М. Ю. Концептуализация милосердия: общезыковой и идиостилевой аспекты: речевые реализации в синхронии и диахронии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2014. 24 с.
Nikitina M. Yu. *Conceptualization of Mercy: general language and idiosyncrasy aspects: speech realizations in synchrony and diachrony*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Saratov, 2014, 24. (In Russ.)
19. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
Bulgakov S. N. *The unfading light. Contemplation and speculation*. Moscow: Respublika, 1994, 415. (In Russ.)
20. Петросян М. И. Социалистическая гуманность. *Вопросы философии*. 1955. № 3. С. 45–58.
Petrosyan M. I. Socialist humanity. *Voprosy filosofii*, 1955, (3): 45–58. (In Russ.)
21. Рзаева Г. Н. Формирование гуманности как социально-ценного качества личности в младшем школьном возрасте: дис. ... канд. пед. наук. Улан-Удэ, 1997. 199 с.
Rzaeva G. N. *Formation of humanity as a socially valuable personality trait in primary school age*. Cand. Ped. Sci. Diss. Ulan-Ude, 1997, 199. (In Russ.)
22. Аксенов И. Г. Трансгуманизм как проблема философской и религиозной антропологии: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2016. 197 с.
Aksenov I. G. *Transhumanism as a problem of philosophical and religious anthropology*. Cand. Philos. Sci. Diss. St. Petersburg, 2016, 197. (In Russ.)
23. Мельник Н. В., Язева Е. Е. Образ Кузбасса в представлении телеутов – малочисленного коренного народа Кемеровской области (на материале сочинений школьников села Беково). *Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: мат-лы III Междунар. науч. конф. (Донецк, 25 октября 2018 г.)*. Донецк: ДонНУ, 2018. Т. 5. С. 17–20.
Melnik N. V., Yazeva E. E. The image of Kuzbass in the view of the Teleuts – a small people of the Kemerovo region (based on the writings of schoolchildren from the village of Bekovo). *Donetsk readings 2018: education, science, innovations, culture, and challenges of our time: Proc. III Intern. Sci. Conf., Donetsk, 25 Oct 2018*. Donetsk: DonNU, 2018, vol. 5, 17–20. (In Russ.)
24. Дзюба Е. В., Еремина С. А., Суетина А. И. Экспериментальное исследование формирования образа России в образовательном дискурсе. Дзюба Е. В., Еремина С. А., Миков В. Ю., Пирожкова И. С., Суетина А. И., Томберг О. В. *Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты*. Екатеринбург: УрГПУ, 2019. С. 19–44.
Dziuba E. V., Eremina S. A., Suetina A. I. An experimental study of the formation of the image of Russia in academic discourse. In: Dziuba E. V., Eremina S. A., Mikov V. Yu., Pirozhkova I. S., Suetina A. I., Tomberg O. V. *Image of Russia in the international educational discourse: lingua-cognitive and linguadidactic aspects*. Ekaterinburg: UrSPU, 2019, 19–44. (In Russ.)
25. Акинбаев Е. М., Бейшенбиева Г. Дж. Оценка знаний студентов о гуманности и особенности его воспитания в высшем медицинском образовательном учреждении. *Вестник КГМА им. И. К. Ахунбаева*. 2015. № 3. С. 13–15.
Akinbaev E. M., Beishenbieva G. Dj. Assessment of student's knowledge about humanity and features of its education upbringing in the institute of higher medical education. *Vestnik KGMA im. I. K. Akhunbaeva*, 2015, (3): 13–15. (In Russ.)
26. Голев Н. Д. Вариативность метаязыкового сознания студентов-филологов и научный плюрализм (антиномический анализ проблемы). *Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты*, отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово: КемГУ, 2012. Ч. IV. С. 306–330.
Golev N. D. Variability of the metalinguistic consciousness of students-philologists and scientific pluralism (antinomic analysis of the problem). *Ordinary metalanguage consciousness: ontological and epistemological aspects*, ed. Golev N. D. Kemerovo: KemSU, 2010, pt. IV, 306–330. (In Russ.)
27. Нагаева К. Э. Терпение, терпимость, толерантность в русской языковой картине мира. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2018. № 12. С. 186–196.
Nagaeva K. E. Patience, tolerance in the Russian linguistic world of view. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2018, (12): 186–195. (In Russ.)
28. Шамсутдинова Е. Ю. Толерантность как коммуникативная категория (лингвистический и лингводидактический аспект): дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 261 с.
Shamsutdinova E. Y. *Tolerance as a communicative category (linguistic and linguadidactic aspect)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2006, 261. (In Russ.)

Оригинальная статья

Типы авторов во фронтовом эпистолярии

Лебедева Наталья Борисовна
Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово

Лебедева Анастасия Сергеевна
Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово
lebedeva.as@kemsma.ru

Поступила в редакцию 15.03.2022. Принята после рецензирования 15.04.2022. Принята в печать 18.04.2022.

Аннотация: Объект исследования – авторы армейских писем. Предмет – способность авторов фронтовых писем к письменно-речевой деятельности. Цель – выявить типы письменно-речевых личностей авторов военных писем. В качестве методов исследования были использованы метод научного описания и сопоставительный метод. Определяется терминологический аппарат исследования (рассматриваются понятия *естественная письменная речь, языковая личность, письменно-языковая личность, текст*); анализируются оригинальные фронтовые письма рядовых носителей языка, прошедших войну. Новизна исследования заключается в том, что в научный оборот введен новый материал: описаны фронтовые письма, представляющие собой особый объект лингвистики – естественную письменную речь. В результате на основании разработанной Н. Б. Лебедевой типологии письменно-речевой личности рядовых носителей языка выявлено и охарактеризовано пять типов языковых личностей. С учетом полученных результатов выстраивается шкала включенности авторов армейских писем в письменный код. На одном полюсе находятся авторы, являющиеся далекими от письменной культуры людьми, слабо владеющими нормами письменного языка, а на другом полюсе – авторы, которые включены в письменный код, легко переходят с устной на письменную речь, имеют большую потребность в передаче информации, своих чувств через письменный канал коммуникации.

Ключевые слова: естественная письменная речь, речевой жанр, письменно-речевая личность, личное письмо, лингво-персонология, языковая личность, наивный автор, письменный текст

Цитирование: Лебедева Н. Б., Лебедева А. С. Типы авторов во фронтовом эпистолярии. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 2. С. 266–272. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-266-272>

Full article

Front Lines Correspondence: Typology of Letter-Writers

Natalya B. Lebedeva
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Anastasia S. Lebedeva
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
lebedeva.as@kemsma.ru

Received 15 Mar 2022. Accepted after peer review 15 Apr 2022. Accepted for publication 18 Apr 2022.

Abstract: The research features letters written by soldiers of the Great Patriotic War. It focuses on the written speech skills of military letter-writers and their written speech personalities. The study involved the method of scientific description and the comparative analysis. The article introduces such terms as *natural written speech, linguistic personality, written speech personality, and text*. War correspondence is an example of natural written speech. Based on N. B. Lebedeva's authentic typology of the written-speech personality, the authors defined five types of linguistic personalities and arranged them according to the inclusion of the letter-writer in the written code. The scale ranges from letter-writers with a poor command of the written language and those who easily switched from oral to written speech. The latter were eager to use the written channel of communication as a means of self-expression.

Keywords: natural written speech, speech genre, written and speech personality, personal writing, linguapersonology, linguistic personality, naive author, written text

Citation: Lebedeva N. B., Lebedeva A. S. Front Lines Correspondence: Typology of Letter-Writers. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(2): 266–272. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-266-272>

Введение

Письменно-речевая деятельность рядового носителя языка, став в начале 2000-х гг. основным объектом изучения Барнаульско-Кемеровской лингвистической школы, обнаруживает несколько аспектов изучения: речеведческий [1–4], лингводидактический [5; 6], лингвоперсонологический [7–10] и др. Данное исследование выполнено на пересечении двух актуальных направлений – лингвоперсонологии и теории естественной письменной речи. Задачами лингвоперсонологии являются портретирование конкретных языковых личностей – лингвоперсон – и создание их типологий на основе различных признаков – лингвоперсоном. Под лингвоперсоной понимается «конкретная языковая личность, реконструируемая из речевых произведений» [11], в свою очередь под лингвоперсономой – «обобщенный тип конкретных языковых личностей» [11], на основе которых строится данное исследование. Термин *естественная письменная речь* (ЕПР) – «речевая деятельность (и ее результат – тексты), которая занимает свое место в парадигме, построенной по координатам "устная / письменная" и "естественная / искусственная" (искусная) речь», основными признаками которой являются: письменная форма; неофициальность (повседневность) сферы бытования; спонтанность как способ осуществления письменно-речевой деятельности; непрофессиональность как способ и характеристика результата, отсутствие промежуточных лиц и инстанций («фильтров») между отправителем и реципиентом текста [12].

На данный момент все больший интерес исследователей вызывает именно непрофессиональная речь, естественная в своем порождении, поскольку она является особым видом мыслительно-речевой деятельности, оставаясь при этом малоисследованной лингвистами. В связи с этим существует потребность в изучении ЕПР и выявлении специфики данного феномена. Результаты некоторых исследований отражены в различных работах [1–3; 9; 10; 13–23], свидетельствующих о том, что в настоящее время накоплен определенный теоретический и эмпирический материал, способствующий некоторому осознанию природы ЕПР и ее существенных характеристик.

При анализе текстов ЕПР мы придерживаемся «принципа гносеологической толерантности», который предлагается Н. Б. Лебедевой [1]. Его суть состоит в том, что тексты рассматриваются как «самоценные феномены», т.е. не допускается их оценивание с нормативных и / или литературно-центрических позиций. Вследствие этого в исследовании и в описании материала сохраняются орфографические, пунктуационные и стилистические особенности при цитировании фрагментов текста [24].

Методы и материалы

При исследовании письменно-речевой личности (ПРЛ) как носителя ЕПР и участника в естественной письменно-речевой деятельности за основу берется аспект соотношения ЕПР и языковой личности [23]. Тексты наивных

авторов, подлежащие нашему исследованию, представляют собой письма с фронта рядовых носителей русского языка, т.е. тех, кто не является профессионалом в области письменно-речевой деятельности – это не писатели, не журналисты, не ученые, а обычные люди, в разной степени далекие от письменной культуры, пишущие речевые произведения, относящиеся к «внелитературному кругу текстов» [24] и называемые «наивными авторами» [9; 10]. Теоретической основой классификации авторов армейских писем послужила разработанная Н. Б. Лебедевой типология письменно-речевых личностей (лингвоперсоном) в лаборатории ЕПР Кемеровского государственного университета (КемГУ) [9]. Объектом исследования являются авторы фронтовых писем. Предметом выступают такие признаки, как степень и характер включенности авторов в письменный мир; их способность к письменно-речевой деятельности, проявленная в армейских письмах. В качестве методов исследования в работе используются метод научного описания и сопоставительный метод, направленный на выявление соотношения анализируемых авторов с разработанной типологией ПРЛ. Материалом исследования послужили письма в количестве 132 единиц (общим объемом – 168 страниц), содержащиеся в Лаборатории ЕПР КемГУ.

Результаты

При описании ПРЛ мы придерживаемся следующих параметров типологии: 1) степень и характер включенности в письменный мир; 2) степень готовности и легкости переключения на письменный код.

Первый параметр включает в себя такие характеристики ПРЛ, как степень владения нормативными кодифицированными и некодифицированными правилами, частотность обращения к письменной деятельности, сфера функционирования создаваемых текстов и степень объемности письменно-речевых произведений.

Второй параметр предполагает рассмотрение личности пишущего с учетом его возможности переключения на письменный код: «личность, с трудом переключающаяся на письменный код, и личность, легко переключающаяся на письменный код» [11, с. 16].

На основании проведенного анализа сделан вывод, что среди авторов исследуемых фронтовых писем выделены 5 типов ПРЛ.

1. ПРЛ, мало вписанная в культурный код, поскольку редко занимается письменной деятельностью. Данный тип ПРЛ робок и, вероятно, малообразован. Этот тип авторов пишет малообъемные тексты частного характера (письма, записки), зачастую лишь при острой необходимости (сообщить важную информацию). Он скован при письме, т.к. плохо владеет письменной речью, что проявляется в следующих характеристиках. Во-первых, авторам данного типа свойственен упрощенный синтаксис и определенный ограниченный словарный запас.

Это проявляется в использовании однообразных синтаксических конструкций, неправильно построенных стилистических приемах и в обилии орфографических и пунктуационных ошибок: *мои дорогие; получаешь ли ты; знаешь дорогой; привет Владимир!* Во-вторых, у авторов в письмах – ограниченная тематика. В своих текстах фронтовики только передают привет, упоминая и перечисляя близких и знакомых: *Дорогие мои Зиночка, Татьяна, мама и Виктор! Шлю горячий привет из Германии; Дорогие папа и мама! Уезжаем сегодня неизвестно куда. Передайте всем привет; Пламенный привет куме Поле, племянникам Ниночке и Галочке, желаю успеха в жизни; Мои дорогие, родные любимые Идуса, Иннусенька, наша мама; Здравствуйте многоуважаемые родители <...> мама брат Миша, крестница Стюра и братья Вовочка и Витя; Добрый день, дорогая жена, Софья Петровна. С приветом к Вам Кузьма Тимофеевич. Посылаю я тебе свой фронтовой привет и желаю быть здоровой. Еще передай привет Ольге, Вите, Кате Грязновой и всей их семье, бабушке Аксинье, Шуре, Елене З., Мише, Вале, Шуре. Передай привет Ивану, тете Анне, Нюре. Всем красноармейский привет.* Такой тип автора составляет 13 % от общего числа исследуемых нами фронтовых писем.

2. ПРА, также с трудом переключающаяся на письменный код, слабо владеющая кодифицированными и некодифицированными нормами языка. Главное отличие заключается в разнообразии тем и усложнении речевых конструкций при написании письма. Тематика у данных авторов выходит за пределы фатической функции. Фронтовиков в письмах интересуют бытовые подробности своих родных: оценки детей, здоровье родителей. Они рассказывают и о своей фронтовой жизни. Усложнение синтаксических и речевых конструкций просматривается в использовании риторических вопросов, сложных предложений с союзами и союзными словами: *Здравствуйте, дорогие бабуся, Аня, Поля и Галина. Привет с фронта вам от вашего внука, племянника и дяди (вот видите, я вправе называть себя и дядей). Вас интересует моя жена, да?; Здравствуй, милая, дорогая жена Тонечка. С приветом Леонид. Передай всем по привету. Сообщаю, что меня ранили в нос, левую руку и ушибло правый глаз. Сейчас нахожусь в госпитале; Добрый день, дорогая мама, сестры Аня, Тася, с горячим приветом к вам Ф. М. Прошу передать привет Бородкиным, Ляпиным и всем знакомым. Тася, ты пишешь о морщинах на лбу, я с тобой вполне согласен: они бывают не от возраста, а от условий жизни; А сейчас я тебе опишу о своей жизни. Живу на полевой почте в госпитале, раненая в руку в предплечье; Мы здесь находимся во фронтовой, грубой обстановке. Но мы живем воспоминаниями о той светлой, счастливой жизни; Какие отметки имеет ученик С. Доронин? Наверное, плохие отметки? Напиши мне, что ты делаешь, когда мамы нет дома?*

Таким образом, авторы не только передают привет, но и сообщают о себе, о своей фронтовой жизни, вступают

в диалог с адресатами. Фокус тем расширяется, но в центре остается только человек (сам фронтовик или тот, с кем или о ком ведется переписка). ПРА этого типа относятся к более грамотным наивным авторам. В исследуемых текстах данный тип авторов составляет 24 %.

3. ПРА, для которой также характерны передача приветов, рассказ о себе или вопросы о судьбе близких, товарищей, знакомых и друзей, но отличительной чертой является смещение фокуса с Я-позиции и расширение фокуса повествования о природе, окружающей среде и боевых товарищах. В текстах авторов, относящихся к данному типу, прослеживается описание, которое передается через литературные тропы: сравнения (*вспоминайте, как живых; на погонах звезд, как на небе в ясную ночь*), эпитеты (*сердечно благодарю; бесполезная мечта; горячий привет*). Текст становится более развернутым: *Дорогая Дуня, пишу тебе о сестре Гане. Ганя живет по-фронтовому, сражается с врагом; Очень трудно вам не иметь известий о Юре! Ведь он мой самый лучший друг в жизни, с которым и будущее будет вместе. Я не могу гадать, где он, но все возможно, что он жив и здоров, и в нашей обстановке может случаться, что писать нельзя; Я решил Вам еще раз написать тяжелую, нерадостную весть о том, что Федор Бульчев убит в бою 5 апреля в 6 час; Близится и к нам весна. Снега осталось мало, хотя его здесь и было всего на 30–40 см. Летают чайки, лебеди и утки. Природа здешняя представляет особый интерес; Лес здесь очень красивый: клены, дубы, ивы, таких в Сибири нет.*

Данный тип автора не чувствует дискомфорта перед листом бумаги. Это проявляется в достаточно широком объеме тем, на которые автор без каких-либо проблем переключается по ходу текста, при этом достаточно хорошо владеет письменной культурой. Авторы без лишней робости излагают чувства, мысли и то, что происходит в их окружении. Этот тип ПРА преобладает в исследуемом материале и составляет 35 %.

4. ПРА, относящаяся к категории грамотных людей, т. е. в достаточной мере владеющих орфографическими нормами, пишущих частно-личные малообъемные тексты. Они способны легко переключаться на письменный код. Число тем у данного типа ПРА расширяется. Присутствует как дружеская, так и любовная переписка, вплоть до выяснения отношений: *Милочка! Сегодня получил от тебя два письма от 17 и 21 октября, в которых ты обижаешься на то, что я тебе стал писать грубые письма! Ведь ты даже сейчас, когда я нахожусь на фронте каких-нибудь 3–4 километра от противника, и то осмеливаешься писать о том, что, якобы, я хочу изменить тебе. Когда мне здесь только в пору думать о том, как бы сохранить свою голову да вернуться к вам.*

Автора интересуют все стороны жизни в тылу: личная жизнь, искусство, события, которые происходят на фронте: *Как живете. Как Николай, Виталий? Как поживает наша молодая чета и их чадо? Как чувствуют себя баба и дедушка? Что в театре? Как работает мамка, что сейчас делает И т. д. и т. п. Обо всех, всем подробно; Как себя чувствует*

Антон Иванович? Ольховские живут в Кемерове, где Лида? Хорошо бы узнать мне ее адрес, а Гутя Наплавкова где? Еще одной характерной чертой данного типа становится обращение со стороны фронтовика к стихотворному типу текста. Автор в письмах переключается с прозы на поэзию и обратно. Письмо в стихотворной форме может носить лирический характер.

Наряду с приветами солдаты находили время, чтобы послать важные строки, слова, цитаты, которые они могут выразить лишь в стихотворной форме: *Вырезки стихов посылаю тебе. Сохрани их, покуда можно будет хранить.*

*В эту ночь при луне,
На чужой стороне
Милый друг, нежный друг,
Вспоминай обо мне...*

Для таких текстов характерна структуризация текстового пространства, т. к. авторам приходится оформлять не только прозаический текст, но и поэтический: стихотворения, песни. В связи с этим наблюдается большая выверенность авторами стилистических, орфографических и пунктуационных ошибок. Адресантами таких писем являются грамотные люди, владеющие кодифицированными и некодифицированными нормами. Данные авторы фронтовых писем вписаны в культурный код и, по-видимому, ранее занимались письменно-речевой деятельностью: *Вот примерно все написанное мной за неделю, но это только начало моей поэтики, думаю, что со временем она улучшится, если я ее совсем не брошу. Вечер, писал на столике около сосны, скоро ужин, пока. Ничего серьезного я об этих стихах не думаю, пишу для того, чтобы развлечь тебя. В один из вечеров, когда я вспомнил о Мариинске, я написал следующие ерундовые «стихи».*

Увижу ль я, о родина, тебя!
*С патронами в карманах
Бродил я по лугам на родине моей,
Душа моя в глубоких была ранах:
Я расставался с родиной своей;
Славику на елку.
Зажигайте ярко свечи,
Песни пойте, как всегда.
Пусть вам светит в этот вечер
Новогодняя звезда.*

Именно в таком типе текста ярко проявляется внутренний мир автора, которому было важно, чтобы частицу его сохранили, запомнили.

Речь авторов данного типа ПРА разнообразна в художественном проявлении. Выделим следующие художественные тропы при создании текстов: сравнения (*он пакостливый, как волк, а трус, как заяц; будь предана своей родине также, как твой отец; немецко-фашистские захватчики, как дикие звери; я нуждаюсь в тебе, как в хлебе*), эпитеты (*до последнего дыхания, до последней капли крови; горячий привет; смертельная опасность; на исковерканной машине; сердечный фронтовой привет; пустое место*). В текстах появляется

оценочная и эмоционально-окрашенная лексика: *я отомщу за него этим гадам; я должен уничтожить гадов двуногих; гонят фашистскую нечисть; пока их бьем и скоро всех добьем; буду истреблять.*

Все это свидетельствует о большом душевном порыве фронтовика, его образованности (самообразованности). Авторы не только перечисляют действия, людей, события, но и дают этому оценку, употребляют литературные тропы при описании происходящего, что подтверждает их начитанность. Благодаря этому они способны быстро переключаться с устного кода на письменный и не ощущают скованности перед листом бумаги при написании письма. В исследуемых текстах данный тип авторов составляет 18 %.

5. ПРА, обладающая большой внутренней потребностью к созданию текстов. Выделенная группа авторов строит коммуникацию с широким кругом лиц, и отличительной чертой становится обращение к соотечественникам через опосредованный канал – редакцию газеты, т. е. адресатом в таких текстах выступают не только близкие и родные люди, но и те, кто прочтут газету и увидят это сообщение: *Дорогие наши тыловики, я сам лично уже был дважды ранен, сейчас опять вернулся в строй и даю слово как комсомолец, что буду бить врага без промаха тем оружием, которое дала мне родина. Писал с фронта; Здравствуй, дорогие товарищи! Вот я и нашел свободную минуту, чтобы сообщить Вам, что жив курилка; Дорогие товарищи кузбассовцы, уходя от вас с трудового фронта в ряды Красной Армии, мне жалко было расставаться с вами, друзья; Письмо землякам 26/X-42. В редакцию газеты «Кузбасс». Здравствуй уважаемые, дорогие товарищи рабочие, работницы, инженерно-технические работники наших фабрик, заводов, шахт, колхозники и колхозницы необъятных полей. Разрешите передать вам свой пламенный боевой командирский привет с фронта «Отечественной войны» ... и пожелать вам всего наилучшего в вашей повседневной плодотворной работе. Авторы не называют конкретных лиц, не обращаются только к знакомым. Они начинают свое письмо с обращения к многотысячной аудитории, используя лексемы товарищи, кузбассовцы, тыловики, земляки и др. Их лексический и стилистический материал многогранен. Обилие эпитетов (*зверские действия; боевой товарищ; вражеские полки*), большой пласт оценочной лексики (*душегубы; гвардейцев-героев; смелый, умный, скромный*) и сложный синтаксис служат подтверждением факта, что этому типу авторов не чуждо обращение к письменной культуре.*

Данному типу ПРА свойственно переключение с прозаического текста на поэтический. Темы в текстах могут быть как любовными, поздравительными, так и дружескими.

Письмо девушке в Сибирь
*Здравствуй Нюра сибирячка!
Шлю привет свой фронтовой.
А еще примите, Нюра,
Поцелуй воздушный мой.*

Прошу поместить в Вашей газете мои стихи.

Перед авторами этого типа стоит задача трансляции своих чувств, слов, эмоций на широкую аудиторию, что требует качественной обработки и выверенности своего материала. В связи с этим наблюдается орфографическая, пунктуационная, стилистическая и синтаксическая грамотность текстов.

Число данных писем составило лишь 10 %, что является самым малым показателем. Это обусловлено тем, что авторы фронтового эпистолярного жанра не имели времени на написание писем, тем более длинных и развернутых. На войне важно было установить контакт с адресатом и передать в письме лишь самое важное.

Заключение

В статье проанализированы тексты фронтовых писем и выделены типы письменной-речевых личностей авторов. Выявлено, что по степени включенности в письменный код авторов исследуемых писем можно отнести к пяти типам ПРА. Первый тип ПРА испытывает трудности при переключении с устного кода на письменный, слабо владеет нормами и правилами письменной речи. Второй тип авторов расширяет круг тем: содержанием писем становится не только передача приветов, но и вопросы частного и бытового характера. Третий тип отличается еще большей включенностью ПРА в письменный код, что позволяет им вести переписку не только на бытовые темы, но и рассуждать в письмах об окружающих вещах. В связи с этим наблюдается усложненный синтаксис. К четвертому типу относятся ПРА, которые чувствуют свободу в письменном-речевом пространстве. Эти авторы обладают грамотной письменной речью, в их сообщениях присутствует поэтическая составляющая. Пятый тип ПРА в достаточной мере владеет кодифицированными и некодифицированными нормами, включен в культурный контекст и свободно переключается на письменный код.

Перспектива дальнейшего исследования заключается в изучении отдельных ПРА с опорой на материалы ЕПР, что позволит не только обнаружить черты, свойственные

той или иной языковой личности, но и, как нам думается, выявить особенности мировоззрения человека и создать модели его мира для последующего изучения жанровой специфики текстов ЕПР.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Междунар. научн. конф. «Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения», посвященной памяти проф. Л. А. Араевой. Кемерово, 3–5 февраля 2022 г.

Acknowledgment: The article is based on the report presented at the International Scientific Conference Actual Issues of Linguistics and Literary Studies, held in Kemerovo on February 3–5, 2022, and dedicated to the memory of Prof. L. A. Araeva.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-412-420005 «Концептуально-ценностный анализ эпистолярного и мемуарного наследия жителей Кузбасса» (соглашение с АКО № 28/2019 от 16.12.2019).

Funding: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of project No. 20-412-420005 "Conceptual and Value Analysis of the Epistolary and Memoir Heritage of Kuzbass Residents" (agreement with ACO No. 28/2019 dated 12/16/2019).

Литература / References

1. Лебедева Н. Б., Зырянова Е. Г., Плаксина Н. Ю., Тюкаева Н. И. Жанры естественной письменной речи: студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М.: КРАСАНД, 2011. 256 с.
Lebedeva N. B., Zyrianova E. G., Plaksina N. Yu., Tyukaeva N. I. *Genres of natural writing: student graffiti, marginal pages of notebooks, private note*. Moscow: KRASAND, 2011, 256. (In Russ.)
2. Рабенко Т. Г. Русский речевой жанр в парадигме лингвистической вариантологии (на материале речевого жанра «личный дневник»). Кемерово: КемГУ, 2018. 171 с.
Rabenko T. G. *Russian speech genre in the paradigm of linguistic variant studies in the speech genre of "personal diary"*. Kemerovo: KemSU, 2018, 171. (In Russ.)
3. Рабенко Т. Г. Инвариантные и варианты признаки жанров естественной письменной речи (на материале жанров «личный дневник», «личное письмо», «личная записка»). *Жанры речи*. 2020. № 1. С. 6–14. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-6-14>
Rabenko T. G. The genres of natural writing "personal diary", "personal letter", "personal note": invariant and variant. *Speech Genres*, 2020, (1): 6–14. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-6-14>

4. Крючкина Н. Ю., Рабенко Т. Г. Личное письмо как жанр естественной письменной речи: гендерный аспект. *Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты*, науч. ред. Н. Б. Лебедева, отв. ред. Т. Г. Рабенко. Кемерово: КемГУ, 2016. Ч. 5. Новое в теории письменной речи и инновационная лингводидактика. С. 175–180.
Kryuchkina N. Yu., Rabenko T. G. Private correspondence as a genre of natural writing speech: gender aspect. *Natural written Russian speech: research and educational aspects*, eds. Lebedeva N. B., Rabenko T. G. Kemerovo: KemSU, 2016, pt. 5, 175–180. (In Russ.)
5. Голев Н. Д. Современная ментально-языковая ситуация в аспекте взаимоотношений ее лингвистического и лингводидактического аспектов. *Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты*: мат-лы конф. (Барнаул, 24–26 января 2003 г.) Барнаул: АлтГУ, 2003. Ч. 2. Теория и практика современной письменной речи. С. 178–192.
Golev N. D. The modern mental-linguistic situation in the aspect of the relationship of its linguistic and linguadidactic aspects. *Natural written Russian speech: research and educational aspects*: Proc. Conf., Barnaul, 24–26 Jan 2003. Barnaul: ASU, 2003, pt. 2, 178–192. (In Russ.)
6. Голев Н. Д., Иркова А. В. Коммуникативный портрет современного российского школьника и студента – пользователя социальных сетей и других форм виртуального общения. *Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ*: мат-лы Всерос. науч. конф. с Междунар. участием. (Барнаул, 24–26 сентября 2020 г.) Барнаул: АлтГПУ, 2020. С. 221–224. <https://doi.org/10.37386/978-5-88210-971-3>
Golev N. D., Irkova A. V. Communicative portrait of the modern Russian schooler and student – users of social networks and other forms of virtual communication. *Fundamental problems of the humanities: experience and development prospects of RFBR research projects*: Proc. All-Russian Sci. Conf. with Intern. Participation. Barnaul: AltSPU, 2020, 221–224. (In Russ.) <https://doi.org/10.37386/978-5-88210-971-3>
7. Шпилная Н. Н., Арсланова К. Т. Графическая языковая личность: типология и диагностика (на материале чат-коммуникации). *Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология*, под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Мельник, С. В. Оленева. М.: ЛЕНАНД, 2016. Вып. 2. С. 308–329.
Shpilnaya N. N., Arslanova K. T. Graphic linguistic personality: typology and diagnostics (based on chat communication). *Linguistic personality: modeling, typology, portraiture. Siberian linguistic personology*, eds. Golev N. D., Melnik N. V., Olenov S. V. Moscow: LENAND, 2016, iss. 2, 308–329. (In Russ.)
8. Шпилная Н. Н. Предисловие. *Диалогическая лингвистика*, под науч. ред. Н. Н. Шпилной, отв. ред. М. В. Воронец, Н. И. Тюкаева. Барнаул: АлтГПУ, 2019. С. 5–6.
Shpilnaya N. N. Foreword. *Dialogic linguistics*, eds. Shpilnaya N. N., Voronets M. V., Tyukaeva N. I. Barnaul: AltSPU, 2019, 5–6. (In Russ.)
9. Лебедева Н. Б., Корюкина Е. А. Наивный автор как письменно-речевая личность: жанровый аспект. Кемерово: КемГУ, 2013. 179 с.
Lebedeva N. B., Koryukina E. A. *Naive author as written personality: genre aspect*. Kemerovo: KemSU, 2013, 179. (In Russ.)
10. Лебедева Н. Б., Корюкина Е. А. «Наивный автор» как лингвоперсона: жанровый аспект. *Культура и текст*. 2013. № 2. С. 251–265.
Lebedeva N. B., Koryukina E. A. Naive author as a lingvoperson: genre dimension. *Kul'tura i tekst*, 2013, (2): 251–265. (In Russ.)
11. Голев Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтологический и гносеологический феномен (к поискам «лингвогносеологем»). *Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты*, отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово-Барнаул: АлтГУ, 2009. Ч. 1. С. 7–40.
Golev N. D. Ordinary metalinguistic consciousness as an ontological and epistemological phenomenon: searching for linguognoseologems. *Ordinary metalinguistic consciousness: ontological and epistemological aspects*, ed. Golev N. D. Kemerovo-Barnaul: ASU, 2009, pt. 1, 7–40. (In Russ.)
12. Лебедева Н. Б. Исследование естественной письменной русской речи как направление изучения языка города. *Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов*: тр. Междунар. науч.-практ. конф. (Кемерово, 4 июля 2008 г.) Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 115–118.
Lebedeva N. B. The study of natural written Russian speech as a direction for studying the language of the city. *Problems of modern linguistics and methods of teaching language courses*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Kemerovo, 4 Jul 2008. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008, 115–118. (In Russ.)
13. Козлова Н. Н., Сандомирская И. И. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. 256 с.
Kozlova N. N., Sandomirskaya I. I. "That's what I want to call a film". *Naive writing: an experience of linguistic sociological reading*. Moscow: Gnozis, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1996, 256. (In Russ.)

14. Тюкаева Н. И. Принципы выделения персонемы в жанре «студенческое граффити». *Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология*, под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Мельник, С. В. Оленева. М.: ЛЕНАНД, 2016. Вып. 2. С. 271–280.
Tyukaeva N. I. Principles of identifying a personeme in the genre of "student graffiti". *Linguistic personality: modeling, typology, portraiture. Siberian linguistic personology*. Moscow: LENAND, 2016, iss. 2, 271–280. (In Russ.)
15. Тюкаева Н. И. Моделирование речевого жанра: формально-функциональный аспект (на примере текстов естественной письменной русской речи). *Культура и текст*. 2019. № 2. С. 189–200.
Tyukaeva N. I. Modeling speech genre: formal and functional aspect (on the basis of natural written Russian texts). *Kul'tura i tekst*, 2019, (2): 189–200. (In Russ.)
16. Плаксина Н. Ю. Маргинальные записи: жанрово-культурологический аспект. *Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации «Язык. Культура. Образование»*. 2006. № 123. С. 147–153.
Plaksina N. Yu. Marginal records of the genre and cultural aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Biulleten operativnoi nauchnoi informatsii "Iazyk. Kultura. Obrazovanie"*, 2006, (123): 147–153. (In Russ.)
17. Сухотерина Т. П. Имя в эпистолярном диалоге (обращение в поздравительной открытке). *Поэтика имени*. Барнаул: БГПУ, 2004. С. 10–13.
Sukhoterina T. P. Name in the epistolary dialogue (address in a greeting card). *Poetics of the name*. Barnaul: BSPU, 2004, 10–13. (In Russ.)
18. Зырянова Е. Г. Частная записка как жанр естественной письменной русской речи: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2009. 218 с.
Zyrianova E. G. *Private note as a genre of natural written Russian speech*. Cand. Philol. Sci. Diss. Kemerovo, 2009, 218. (In Russ.)
19. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как проявление повседневной народной культуры. *Антропотекст–1*, отв. ред. Л. Г. Ким. Томск: ТГУ, 2006. Т. 1. С. 295–303.
Lebedeva N. B. Natural written Russian speech as a manifestation of everyday folk culture. *Anthropotext–1*, ed. Kim L. G. Tomsk: TSU, 2006, vol. 1, 295–303. (In Russ.)
20. Рабенко Т. Г., Лебедева Н. Б. Речевой жанр в фокусе вариантологической модели языка (на материале речевого жанра «личная записка»). *Культура и текст*. 2018. № 1. С. 144–152.
Rabenko T. G., Lebedeva N. B. Speech genre focus variantology language model (based on the speech genre of the "personal note"). *Kul'tura i tekst*, 2018, (1): 144–152. (In Russ.)
21. Лебедева А. С. Военные воспоминания и фронтовые письма: сопоставительный аспект. *Пятый этаж: Междунар. сб. науч. ст. молодых ученых – участников и победителей Всерос. конкурса науч. работ с Междунар. участием «День науки–2018»*. (Барнаул, 20–21 апреля 2018 г.) Барнаул: АлтГПУ, 2018. № 4. С. 14–19.
Lebedeva A. S. War memories and front-line letters: a comparative aspect. *Fifth floor: Intern. Sci. Proc. of young scientists – participants and winners of the All-Russian competition of Sci. works from the Intern. Participation "Science Day–2018"*, Barnaul, 20–21 Apr 2018. Barnaul: AltSPU, 2018, iss. 4, 14–19. (In Russ.)
22. Горовая Я. О., Рабенко Т. Г. Способы диалогизации в жанровой структуре девичьего альбома. *Диалог культур – диалог о мире и во имя мира: мат-лы XI Междунар. студенческой науч.-практ. конф. (Комсомольск-на-Амуре, 23 апреля 2020 г.)* Комсомольск-на-Амуре: АмГППУ, 2020. С. 82–88.
Gorovaya Ya. O., Rabenko T. G. Methods of dialogization in the genre structure of a girl's album. *Dialogue of cultures – a dialogue about peace and for the sake of peace: Proc. XI Intern. Student Sci.-Prac. Conf., Komsomolsk-on-Amur, 23 Apr 2020*. Komsomolsk-on-Amur: ASUHP, 2020, 82–88. (In Russ.)
23. Лебедева Н. Б., Юркевич А. С. К методике жанрового определения текстов естественной письменной речи. *Язык города: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Бийск, 8–9 ноября 2007 г.)* Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина, 2007. С. 217–223.
Lebedeva N. B., Yurkevich A. S. The method of genre definition of natural written speech texts. *Urban language: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Biysk, 8–9 Nov 2007*. Biysk: BPSU named after V. M. Shukshin, 2007, 217–223. (In Russ.)
24. Лебедева А. С., Салтымакова О. А. Типология авторов народных военных мемуаров (на материале текстов естественной письменной речи). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15. № 4. С. 1080–1086. <https://doi.org/10.30853/phil20220167>
Lebedeva A. S., Saltymakova O. A. Typology of authors of folk military memoirs (by the material of texts of natural written speech). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2022, 15(4): 1080–1086. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/phil20220167>
25. Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема. *О русской литературе*. СПб: Искусство–СПБ, 1997. С. 817–826.
Lotman Yu. M. Mass literature as a historical and cultural problem. *Russian literature*. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB, 1997, 817–826. (In Russ.)

Оригинальная статья

Новые форматы интеракции между автором и читателем как параметр лингвокреативности (на материале комиксов «Человек-паук», «Невероятный Халк» и «Сорвиголо»)»

Энгель Елена Александровна

Тюменский индустриальный университет, Россия, г. Тюмень

<https://orcid.org/0000-0003-4472-6922>

engelkind@mail.ru

Петрова Варвара Александровна

Тюменский индустриальный университет, Россия, г. Тюмень

Поступила в редакцию 21.01.2022. Принята после рецензирования 15.03.2022. Принята в печать 04.04.2022.

Аннотация: Современные тенденции в исследовании лингвокреативности сводятся к тому, что текст представляет собой продукт и результат творческой деятельности автора, использующего языковые инновации и лингвокреативные средства в основном на лексическом уровне. Однако лингвокреативность может проявляться на любом из языковых уровней. Предмет исследования – проявление лингвокреативности на коммуникативно-дискурсивном уровне. Цель – определить и описать форматы интеракции между автором и читателем в тексте комикса, которые выступают параметром лингвокреативности на коммуникативно-дискурсивном уровне. На материале американских комиксов «Человек-паук», «Невероятный Халк» и «Сорвиголо» 1960–1980-х гг. обнаруживается традиционная интеракция *рассказчик – читатель / слушатель*, когда авторы комментируют, описывают и делятся с читателями актуальными событиями, происходящими в стране и мире, представляют подробную информацию о функционировании устройств и приборов, используемых героями. Новыми, оригинальными и креативными форматами взаимодействия автора и читателя становятся форматы *мы (создатели) – ты (читатель)* и *мы (создатели и читатели)*. При формате *мы (создатели) – ты (читатель)* авторы делятся своим мнением о завершении номера, кратко представляют содержание последующего номера, в шуточной форме выражают свое восхищение проделанной работой и героями, а также открыто общаются с читателями посредством писем в редакцию. Формат *мы (создатели и читатели)* выражается в совместном участии авторов и читателей в событиях и действиях в комиксе. Данные форматы появляются под влиянием временных, культурных, социальных, экономических и политических факторов и опосредованы дискурсивными практиками ротации, распространения, аппроксимации, сближения и другими.

Ключевые слова: лингвокреативность, креативный текст, комиксы, коммуникативно-дискурсивный уровень, взаимодействие автора и читателя, форматы интеракции в комиксе, дискурсивные практики, дискурсивная практика сближения, дискурсивная практика самопрезентации

Цитирование: Энгель Е. А., Петрова В. А. Новые форматы интеракции между автором и читателем как параметр лингвокреативности (на материале комиксов «Человек-паук», «Невероятный Халк» и «Сорвиголо»). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 2. С. 273–282. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-273-282>

Full article

New Formats of Interaction Between the Author and the Reader as a Parameter of Linguistic Creativity in *Spider-Man*, *The Incredible Hulk*, and *Daredevil* Comic Books

Elena A. Engel

Industrial University of Tyumen, Russia, Tyumen

<https://orcid.org/0000-0003-4472-6922>

engelkind@mail.ru

Varvara A. Petrova

Industrial University of Tyumen, Russia, Tyumen

Received 21 Jan 2022. Accepted after peer review 15 Mar 2022. Accepted for publication 4 Apr 2022.

Abstract: According to linguistic creativity studies, the text is a product of creative activity of the author, who uses linguistic innovations and creative means mainly at the lexical level. However, linguistic creativity can manifest itself at any linguistic level. The present research featured the manifestation of linguistic creativity at the level of communication and discourse. The paper describes the formats of interaction between the author and the reader in the text of a comic book, which acts as a parameter of linguistic creativity on the communicative and discursive level. American comic books about Spider-Man,

Hulk, and Daredevil (1960s–1980s) contain the traditional *narrator – reader / listener* interaction when the author comments on the real events and gives detailed information about the devices and appliances used by the characters. New creative formats include *we (creators) – you (reader)* and *we (creators and readers)*. In the *we (creators) – you (reader)* format, authors share their opinions on the current comic book, publish teasers about the next issue, congratulate themselves and the personages on the work done, and openly communicate with readers through letters to the editorial office. The *we (creators and readers)* format presupposes a joint participation of authors and readers in the story. These formats emerge under the influence of temporal, cultural, social, economic, and political factors and are mediated by the discursive practices of rotation, dissemination, approximation, convergence, etc.

Keywords: linguistic creativity, creative text, comics, communicative and discursive level, author – reader interaction, formats of interaction in comic books, discursive practices, discursive practice of convergence, discursive practice of self-presentation

Citation: Engel E. A., Petrova V. A. New Formats of Interaction Between the Author and the Reader as a Parameter of Linguistic Creativity in *Spider-Man*, *The Incredible Hulk*, and *Daredevil* Comic Books. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(2): 273–282. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-273-282>

Введение

В современной лингвистической науке наблюдается тенденция исследования лингвокреативности [1–11]. Ученые рассматривают текст с различных сторон и видят в нем специфичное проявление (лингво)креативности, отмечают, что художественные тексты по своей природе являются наиболее креативными, т. к. представляют собой продукт творческой деятельности автора, который благодаря своему лингвокреативному мышлению (Б. А. Серебренников), воображению, жизненному опыту и знаниям выстраивает содержание текста креативным способом, обращаясь к необычному замыслу, новому оригинальному сюжету, нетипичному герою и т. д.

Для реализации этой цели в тексте чаще всего имплицитно применяются различные лингвистические креативные средства: языковая игра [12–14], каламбур [15], окказионализмы [16], метафора [11; 17–19], парадокс [20], антитеза [21; 22], мерфизмы [23] и др. Такие тексты связаны с текстуальными и лингвистическими нарушениями и направлены на реализацию в первую очередь эстетической функции – доставить удовольствие читателю и развлечь его во время прочтения текста. Однако помимо нее активизируются и другие функции – информативная, апеллятивная (побудительная), функция возложения, контактная (по К. Бринкеру).

Следует согласиться с мнением В. П. Коровушкина и Дж. О. Фалоджу, что **лингвокреативность** как «творческая двусторонняя способность носителя соответствующего языка создавать из заложенных в этом и других известных ему языках материальных средств и конструктивных механизмов новообразования» [24, с. 32] проявляется на любом языковом уровне (фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, дискурсивном), но наиболее ярко и чаще она проявляется на лексическом уровне. На современном этапе развития лингвистики нет четкого определения конкретных системных параметров (лингво)креативности на каждом из языковых уровней. Использование в лингвистике выделенных психологом

Дж. Гилфордом параметров креативности (оригинальность, семантическая гибкость, семантическая спонтанная гибкость, образная адаптивная гибкость) вызывает дискуссии среди лингвистов.

Цель данной статьи – определить и описать форматы интеракции между автором и читателем, которые выступают параметром лингвокреативности на коммуникативно-дискурсивном уровне. Объект – лингвокреативность. Предмет – параметры лингвокреативности на коммуникативно-дискурсивном уровне. Многообразие определений дискурса, предложенных А. Греймасом, Т. ван Дейком, М. Фуко, Ю. Хабермасом, З. Харрисом, Н. Д. Арутюновой, И. Р. Гальпериным, В. И. Карасиком и другими учеными, говорит о сложности данного явления и различных подходах в его изучении. В нашем исследовании используется коммуникативно-дискурсивный подход к дискурсу как тексту в контексте и как событию, отображающему социальное взаимодействие людей [25 с. 11]. Обращение к такому параметру лингвокреативности обусловлено тем, что комикс, как и любой текст в целом, представляет собой источник и результат коммуникации, взаимодействия и взаимодействия автора и читателя. В. П. Коровушкин и Дж. О. Фалоджу также пишут о проявлении креативности в виде лингвистических «инноваций в процессе интеракции-коммуникации для построения социально-корректного высказывания» [24, с. 33]. В этом случае дискурс представляет собой социальную коммуникацию и социальную практику, позволяющую не только обнаружить диалектическую взаимосвязь между определенными дискурсивными событиями и ситуациями [26, с. 48], представленными в конкретном тексте комикса, но и выявить с помощью языковых форм разной природы личностные и социальные характеристики коммуникантов [27, с. 164].

В процессе коммуникации, возникающей между автором и читателем в тексте на основе поставленных целей, формируются определенные **дискурсивные практики**,

под которыми понимается «некая предрасположенность вести себя сходным образом в широком диапазоне ситуаций, появляющиеся под влиянием временных, культурных, социальных, экономических и политических факторов»¹. В современной дискурсивной теории они являются «распознаваемыми речемыслительными типами деятельности, реализующими цели дискурса»², и причисляются к одной из базисных категорий дискурса [28, с. 9]. Стоит отметить, что каждая из видов практик связана с коммуникативным поведением, реализуемым в определенной сфере (в политике, медицине, медиа, спорте и т. д.), и может изменяться в процессе своего развития в силу репродуктивного характера [27, с. 181]. Поэтому тот или иной текст характеризуется своим набором дискурсивных практик.

Методы и материалы

Для выявления и исследования оригинальных коммуникативно-дискурсивных **форматов интеракции** (англ. *interaction*) **между автором и читателем** используется дискурсивный анализ, являющийся частью филологического анализа (по Н. С. Болотновой). Исследование креативности базируется на анализе и выявлении дискурсивных практик, определении коммуникативных ролей авторов и читателей на основе языкового и контекстуального содержания текста комикса, а также установлении новых форматов интеракции *автор – читатель*.

В качестве материала исследования выступают комиксы «Человек-Паук», «Сорвиголова» и «Невероятный Халк» издательства Marvel, пользовавшиеся популярностью у читателей в 1960–1980-х гг. Общий объем проанализированного материала составляет 900 страниц, общий объем выборки включает 1200 языковых единиц.

Исходя из личных, социальных или политических мотивов, авторы указанных комиксов закладывают в содержание текста свое субъективное видение определенного явления или ситуации, происходящих в конкретный жизненный период или историческую эпоху, делятся этим с читателями непосредственно в данном тексте и ожидают от читателя его правильного восприятия и понимания, опосредованных культурным контекстом³, личным опытом и социальным поведением. Это традиционный формат коммуникации между ними. Однако текст становится креативным в силу того, что в нем появляются новые форматы интеракции, обусловленные изменением мира, дискурсивных практик, возникающих как отклонение от принятых норм и правил, действующих в определенный период.

Результаты

В художественном тексте комикса интеракция между автором и читателем как двумя субъектами может быть скрытой или открытой. Скрытая интеракция возникает в том случае, если читатель полностью зависит от автора и того, что он «говорит» в своем тексте, т. к. автор текста является для него экспертом, авторитетом в некотором вопросе, гарантией логической, моральной, этнической уместности как всех использованных им языковых средств, так и представленной в тексте темы в целом. Читатель «слепо» или целенаправленно следует за автором, погружаясь в представленный им мир и бесконечный культурный контекст, и лишается полной свободы в выборе отличной от автора точки зрения. Таковым является большинство художественных текстов, в том числе и комиксы.

Рассказчик – читатель / слушатель

Уместным, оправданным, порой стандартным форматом интеракции в художественном тексте становится формат *рассказчик – читатель / слушатель*. Автор реализует коммуникативную роль беспристрастного, бесстрастного рассказчика, наблюдателя, очевидца или комментатора некоторого события, которым он хочет поделиться с читателем, а читатель превращается в слушателя этого рассказа, наблюдая и воспринимая все происходящие события в тексте, не вмешиваясь в них. Целями такой скрытой интеракции для каждого из участников становятся передача / восприятие информации, донесение / интерпретация определенной идеи или мысли.

Анализируя комиксы издательства Marvel 1960–1980-х гг., в частности серию комиксов «Человек-паук» (The Amazing Spider-man⁴), «Невероятный Халк» (The Incredible Hulk⁵), «Сорвиголова» (The Daredevil⁶), мы обнаружили данный формат интеракции. Например, в рамках обозначенного формата авторы передают или комментируют информацию о смене событий, места, времени и чувствах героев. Чаще всего это выражается в простом законченном предложении, но возможны односоставные или неполные предложения, используемые в дополнение к соответствующему кадру комикса: *Паркер переоделся в костюм Человека-паука* (The Amazing Spider-man, #25, vol. 1); *Итак, одинокий мальчик размышляет о судьбе общества, находящегося под угрозой!* (The Amazing Spider-man, #5, vol. 1); *Но пока две драматические фигуры исчезают в темноте, позвольте нам вернуться на пару недель назад!* (The Incredible Hulk, #1, vol. 1); *Где доктор Баннер был вежлив, там Халк был груб!*

¹ Понятие дискурсивной практики. Режим доступа: <https://myfilology.ru/yazykoznanie/poniatie-diskursivnoi-praktiki/> (дата обращения: 03.01.2022).

² Там же.

³ Федоров А. В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010. 64 с.

⁴ The Amazing Spider-man. Режим доступа: <https://unicomics.ru/comics/series/amazing-spider-man> (дата обращения: 03.01.2022).

⁵ The Incredible Hulk. Режим доступа: <http://com-x.life/reader/4620/65256> (дата обращения: 03.01.2022).

⁶ The Daredevil. Режим доступа: <http://com-x.life/reader/2124/41678> (дата обращения: 03.01.2022).

Где Баннер был цивилизован, Халк был дикарем! Где Баннер был человеком, Халк был монстром! Монстром со сверхчеловеческой силой. Причиной были гамма-лучи, впитавшиеся в его могучую структуру! (The Incredible Hulk, #1, vol. 1); Несколькими минутами позже одинокая угрюмая фигура стоит на вершине горы над великим убежищем... И в последний раз смотрит на это место, которое могло стать его... домом! (The Incredible Hulk, #106, vol. 1).

Также они повествуют об актуальных событиях, происходящих или происходивших в определенное время. Интересным примером является описание научного эксперимента в пустыне, о котором говорится в первом номере комикса «Невероятный Халк»: *Одинок в пустыне стоит самое опасное оружие, когда-либо созданное человечеством – бомба невероятной мощности, работающая на гамма-излучении!; В бетонном бункере ученые ожидают первых испытаний гамма – бомбы!; Профессор Брюс Баннер, чей гений создал эту бомбу, волнуется больше всех! (The Incredible Hulk, #1, vol. 1).*

С помощью простых предложений описывается, казалось бы, обычный научный опыт, который проходит по следующему сценарию: теоретическое исследование, практическая разработка и создание исследуемого предмета, последующее апробирование предмета и, в случае успешности данного исследования, дальнейшее применение предмета. Однако рассказчик преследует особую цель – передать читателю информацию о первом невероятном изобретении оружия массового поражения – гамма-бомбы. Об уникальности, масштабности и трагичности данного изобретения читатель догадывается сам, воспринимая и интерпретируя используемые автором слова и словосочетания: *самое опасное оружие, созданное человечеством, бомба невероятной мощности, первые испытания гамма-бомбы.* Кроме того, через авторское описание чувств главного героя – ученого Брюса Баннера, создавшего эту бомбу – читатель испытывает волнение, страх и предвкушение того, как пройдет апробация эксперимента.

Использование в тексте автора предложений: *Находясь за несколько миль от эпицентра взрыва, доктор Брюс Баннер все равно чувствует полную силу таинственных гамма-лучей!; Кажется, даже мир замирает на грани бесконечности, когда закладывающий уши крик профессора наполняет воздух!; Пока ошеломленные солдаты встают после аварии, могучее создание, когда-то бывшее Брюсом Баннером, словно раненое чудовище скрывается в ночи (The Incredible Hulk, #1, vol. 1)* – позволяет ему передать вербально и невербально (через соответствующие кадры комикса) (рис. 1), а читателю осознать невообразимо мощное действие гамма-излучения бомбы, повлекшее за собой не только облучение, но и изменение внешнего вида ученого, превратив его в зеленое страшное чудовище. Так появилась новая легенда и родился супергерой Халк. Однако читатель понимает, что авторы хотели не только представить историю возникновения нового героя, но и привлечь их внимание

к актуальным научным событиям конца 1960-х гг. и проблемам глобального характера: в данный период проходили активные научные испытания ядерного оружия, которое могло привести к катастрофическим последствиям. После подписания договора о запрете ядерных испытаний в космическом пространстве, воздухе и под водой (1963) США отправляют в космос спутник с регенераторами гамма- и нейтро-излучением для наблюдения за ядерными взрывами в атмосфере. Это событие и представлено в комиксе «Невероятный Халк».

Рис. 1. Кадр гамма-излучения Брюса Баннера в комиксе The Incredible Hulk, #1, vol. 1

Fig. 1. A shot of Bruce Banner's gamma radiation in The Incredible Hulk comic book, #1, vol. 1

Цель данного формата коммуникации состоит не только в информировании читателей о происходящем в тексте и в мире, но и в оказании воздействия на конкретного читателя и изменении мировоззрения американцев. Специфика комиксов с этой точки зрения состоит в том, что они представляют социальные, политические и экологические проблемы общества и ориентирует человека на необходимость их решения, т. е. побуждают к социальной активности. Именно поэтому часто в тексте комиксов поднимаются не только проблемы личного характера (безответная любовь, насмешки со стороны сверстников, отсутствие денег), но и проблемы национального и мирового уровней: азартные игры (The Daredevil, #1, vol. 1), угон автомобилей (The Daredevil, #2, vol. 1), ограбление (The Daredevil, #4, vol. 1), побег преступника из тюрьмы (The Daredevil, #10, vol. 1; The Amazing Spider-man, #16, vol. 1), рецидивизм (The Daredevil, #3, vol. 1), борьба за гражданские права, наркомания (The Amazing Spider-man, #96–98, vol. 1), политические отношения с другими странами (The Incredible Hulk, #5, vol. 1), угроза национальной обороне (The Daredevil, #17, vol. 1; The Incredible Hulk, #3, vol. 0). Периодическое обновление информации, касающейся событий в Америке и в мире, является типичным для текстов комиксов данного периода. В этом случае следует говорить о *дискурсивной практике ротации*.

Восприятие событий героями, передача отношения одних героев к другим, объяснение фактов, которые могут быть неизвестными героям или читателю, являются также проявлением интеракции *рассказчик – читатель / слушатель*. Так, закладывая информативную функцию в научную справку, представленную в конце номера «Человека-паука», авторы расширяют научные и обыденные знания своих читателей в области физики и химии: *Секреты паутины: паутина паучка настолько прочная, что если бы было возможно увеличить ее толщину до половины дюйма, одной пряди было бы достаточно, чтобы навсегда связать могучее мускулистое существо!; Паутина человека-паука также способна растягиваться в определенной степени, но все же не идет ни в какое сравнение со способностями мистера Фантастика!* (The Amazing Spider-man, #5, vol. 1).

С помощью вербального описания (Как правило, мои суперчувства показывают мне приблизительные изображения объектов! Но когда вокруг слишком много суеты, картинка искажается! (The Daredevil, #2, vol. 1) и визуального представления в виде соответствующего кадра (рис. 2) авторы пытаются показать, как чувствует себя слепой человек и супергерой Сорвиголова, который в результате несчастного случая ослеп и, несмотря на это, смог приспособить свою человеческую жизнь и жизнь супергероя в борьбе с преступниками и злодеями.

Рис. 2. Кадр принципа работы суперчувств Сорвиголовы в комиксе The Daredevil, #2, vol. 1

Fig. 2. A shot of how Daredevil's super-senses work in The Daredevil comic book, #2, vol. 1

Данные примеры наглядно показывают, что традиционные форматы интеракции и коммуникации между автором и читателем могут быть разнообразными и часто связаны с определенными событиями, креативно и целенаправленно представленными читателю. Условия и правила такой коммуникации в комиксе не являются ограниченными, стабильными и фиксированными, а отличаются своим

многообразием, в связи с чем стоит говорить о разнообразии дискурсивных практик. Так, в предоставлении информации осложненного типа и смысла в виде простого, краткого вербального текста, способствующего ее доступности для широкой аудитории читателей комикса, реализуется **дискурсивная практика распространения и аппроксимации** (комментарии авторов относительно места, времени, чувств героев, примеры о функционировании устройств Человека-паука). В свою очередь, воспроизведение или повторение информации в виде кадров комиксов, что составляет его невербальный компонент, облегчает понимание информационно-идеологического содержания текста и выражается в **дискурсивной практике перекодирования** (примеры принципов работы суперчувств Сорвиголовы, рис. 2).

Интеракции открытого формата

В американском комиксе помимо интеракции *рассказчик – читатель / слушатель* выделяются интеракции открытого формата, когда авторы в лице сценариста, художника и редактора и любой читатель, взявший в руки их комикс и погрузившийся в созданный ими мир, являются равноправными собеседниками. В титрах на обложке, первой и последней страницах комикса команда Marvel открыто ведет диалог и общается с читателем посредством текста комикса, что прослеживается в использовании местоимения *мы*. С одной стороны, местоимение *мы* выступает авторским *Мы* и обозначает целый редакционный коллектив (издатель, редактор, сценарист, художник), принимающий участие в создании комикса, с другой – приобретает значение единого *Мы*, т. е. авторы и читатель вместе, как целое. Исходя из этого, следует выделить два формата интеракции: 1) *мы (создатели) – ты (читатель)*; 2) *мы (создатели и читатель)*.

1. Мы (создатели) – ты (читатель)

Коммуникативная роль создателей комикса реализуется в коммуникативных речевых актах, когда авторы, например, выражают свое мнение относительно завершения номера: *Вот приклони голову ко мне на плечо, синие глазки, и давай насладимся тишиной! – Мы⁷ признаемся! Это нетипичное окончание для типичной истории о супергерое! Но мы никогда и не говорили, что Человек-паук типичный герой! На самом деле, в следующем выпуске он сделает кое-что совершенно нетипичное! Но вы увидите сами, когда мы встретимся вновь!* (The Amazing Spider-man, #17, vol. 1). Авторы признают, что нарушают стандартные правила окончания историй, но они гордятся этим приемом, потому что благодаря ему нетипичный герой продолжает существовать, совершать героические поступки в борьбе с несправедливостью и злодеями, удивлять и влюблять в себя читателей.

⁷ Здесь и далее жирный шрифт используется для выделения важных языковых единиц.

Открытость и честность авторов располагают читателей к ним и тому, что они пишут, а эмоционально окрашенная, шутовская и ироничная форма языковых высказываний привлекает интерес читателей к герою и побуждает их к прочтению следующего выпуска комикса: *Больше волнующих моментов, юмора, головокружительных выдумок в следующем выпуске! (The Amazing Spider-man, #8, vol. 1); Знаешь, что, маленький друг? Если ты только начал читать эту историю, мы тебе завидуем! Потому что ты хорошо проведешь время! Этот объемный триллер представит тебе потрясающих суперзлодеев; он наполнен событиями и драмой; и покажет тебе Человека-паука с его обычными человеческими проблемами и слабостями, круче, чем вы его видели ранее! (The Amazing Spider-man, #9, vol. 1); Но если вы вдруг подумали... что наш зеленокожий друг не переживет подобную атаку, то переворачивайте страницу и увидите, насколько вы ошиблись! (The Incredible Hulk, #107, vol. 1); В следующем выпуске: больше увлекательных деталей о жизни и приключениях самого удивительного подростка в мире – Человека-паука – супергероя, которым можешь быть ты! (The Amazing Spider-man, #9, vol. 1); Такие фантазии, как вы любите! (The Incredible Hulk, #4, vol. 1).*

В последнем примере команда Marvel не только информирует о продолжении захватывающих историй о Человеке-пауке в следующем номере, но и вселяет надежду и веру читателей в то, что они сами могут стать супергероями. Безусловно, не героями с такими сверхспособностями, как умение перемещаться в воздухе без специального оборудования или транспорта, паучье чутье (Человек-паук), неимоверная сила и нечеловеческая выносливость ударов и пуль (Халк, Существо, Тор), регенерация (Россомха), бессмертие и телепортирование (Доктор Стрэндж), деформация тела (Мистер Фантастик, Песочный человек), а героями обычной жизни, когда речь идет о спасении близких людей, страны или мира в целом. В 1960–1980-х гг. американцы, в том числе подростки, нуждались в таких героях, поэтому данная идеология распространялась повсеместно, но действенной и эффективной она становилась через текст комикса. Очевидно, что комиксы указанного периода являлись инструментом формирования необходимой системы ценностей в массовом американском сознании и изменении ценностных приоритетов и ориентиров, обусловленных разрушением социальных ценностей и общественных институтов, несогласием с преобладающим политическим направлением и непринятием людей вокруг, личностными и социальными проблемами. Именно в такие непростые для американцев времена комикс становится значимым каналом не только передачи информации и трансляции актуальных для американского общества событий, ценностей и ориентиров, но и инструментом и формой влияния, коммуникации и взаимодействия.

Стоит отметить, что команда Marvel, обращаясь к местному имени *мы*, оригинальным способом выражает свое восхищение и гордость созданными ими героями. Своеобразие

хвастовство и самовосхищение можно увидеть в следующих примерах: *Мы ведь самые преданные фанаты паучка! Дважды подумайте, прежде чем приниматься за чтение этой невероятно длинной истории! Мы должны вас предупредить – это будет справедливо... когда вы прочитаете это... Когда вы насладитесь всеми приколами и сюрпризами, которые может выдать только Человек-паук... Для вас может сказаться неимоверно сложно вновь довольствоваться меньшим по объему журналами! Ну что ж! Поскольку вы дочитали до этого места, значит, нам удалось вас зацепить! Пути назад нет! Приготовьтесь, сейчас вы такое узнаете... Перед вами одно из наиболее волнительных супер-приключений! (The Amazing Spider-man, #10, vol. 1); Забудьте все, что вы читали о паучке до этого!! Забудьте всех супергероев, которых вы до этого видели!! Забудьте о всех своих представлениях о том, какой должен быть настоящий комикс! Этот комикс другой! Этот комикс сенсация! Этот комикс просто для вас! (The Amazing Spider-man, #18, vol. 1); Сейчас начнется лучшая история в вашей жизни! (The Amazing Spider-man, #19, vol. 1).*

Наблюдаемые языковые конструкции: *невероятно длинная история, наиболее волнительные супер-приключения, комикс сенсация, лучшая история в вашей жизни* – говорят о выразительности речи авторов, привлекающей внимание и интерес читателей. Авторы доказывают это не только данным набором единиц и средств, но и текстовым содержанием конкретного и последующих номеров, а читатель в свою очередь убеждается в правдивости и истинности сказанного авторами при постоянном прочтении комикса или серии комиксов.

Открытую форму интеракции *мы (создатели) – ты (читатель)* можно также наблюдать в обращении авторов к читателям с помощью закрытых вопросов: *Тебе комфортно? Ты расслаблен? У тебя есть достаточно времени, чтобы прочитать всю историю без перерыва?!; Готовы?* (The Amazing Spider-man, #19, vol. 1).

С одной стороны, задавая такие вопросы, авторы проявляют заботу и беспокойство о своем читателе и его самочувствии, располагают их к диалогу или беседе, хотя у читателя нет возможности напрямую выразить свои мысли или идеи. Таким образом, беседа остается под контролем авторов, однако читатели не чувствуют того, что их заставляют что-то сделать против их воли. Читатели с нетерпением ждут начала увлекательных историй на последующих страницах. С другой стороны, в таком формате интеракции реализуются две задачи: снять альтернативность ответа на данные вопросы, потому что авторы настолько убеждены в однозначном ответе читателей, что им не требуется другой ответ, и побудить к дальнейшему погружению в очередную серию комикса. Такими манипулятивными методами команда Marvel воздействует на читателя и его эмоциональное состояние, приобретает его любовь и преданность к издаваемым комиксам. Названное дискурсивное поведение, ставшее оригинальным и в последствии

типичным для комиксов Marvel, реализуется одновременно в **дискурсивной практике авторитарности**, при которой по инициативе авторов происходит перехват инициативы, захват мыслей, эмоций и желаний читателей, диктуются дальнейшие действия, и **дискурсивной практике демократичности**, при которой используются коммуникативные стратегии заботы, понимания и побуждения.

При такой интеракции активизируется также **дискурсивная практика индивидуализации**, при которой достигается равновесие между индивидуальными точками зрения, учитывается право выражения личностного мнения и выбора, обсуждаются совместно идеи и проблемы. Авторы комиксов Marvel интересуются мнением своих читателей о героях или прошлом выпуске напрямую через вопросы, задаваемые читателям в титрах текущего выпуска: *Вы считаете, что зеленый гоблин выглядит забавно? Он вызывает у вас улыбку? Забудьте об этом! Он самый злобный и опасный противник, который только был у паучка!* (The Amazing Spider-man, #14, vol. 1); *Значит вы думаете, что для старины паучка уже нет новых суперзлодеев, которых он будет побеждать? Что ж, вас ожидает сюрприз! Самый новый и сильный злодей из всех. Крэйвен, охотник!* (The Amazing Spider-man, #15, vol. 1).

Читатели могли выразить свою личную точку зрения или определенное отношение к герою / антигерою через текст своих писем, отправляемых в редакцию издательства Marvel. О переписке читателей и авторов комиксов мы узнаем непосредственно на страницах комиксов: *Примечание: Человек-паук впервые появился в качестве дополнения к августовской удивительной фантазии! Насколько лестными были ваши отзывы в письмах и открытках, что было решено дать ему свой собственный журнал!; Но что ж, мы надеемся, что вам так же понравился Скорпион, как и нам! Как обычно, мы будем ждать ваших писем и комментариев!* (The Amazing Spider-man, #20, vol. 1); *Многие читатели спрашивали, почему имя Стэна всегда идет первым в титрах! Так что, великодушный Ли согласился, чтобы имя Стиви было первым на этот раз! Как вам такое?* (The Amazing Spider-man, #20, vol. 1); *Не теряй ни минуты!! Нам не терпится услышать твое мнение о Сорвиголове!! Отправляй свои письма Сорвиголове, Стэн Ли и компании, Зра Флур, 655, Мэдисон Эйв Нью-Йорк 21 и поскорее!* (The Daredevil, #4, vol. 1).

При данной практике происходит смена коммуникативных ролей, т. к. авторы становятся читателями полученных личных писем фанатов, а читатели превращаются в создателей комиксов, которые могли даже повлиять на дальнейшую судьбу номера или героя путем изменения его содержания, последующего переиздания или дополнения, появления или исчезновения некоторых героев или злодеев. Большинство стратегий, использованных в данном коммуникативном поведении, основывается на интимизации отношений с читателем, когда ориентируются не столько на их опыт, видение и творческие писательские способности, сколько

на создание мотивов и желаний взаимодействовать с авторами комиксов. Американские читатели чувствовали себя нужными, полезными, свободными, чего им так не хватало в силу различных политических событий, а авторы, используя данную практику и коммуникативные стратегии, поддерживали интерес к своим героям и выходящим выпускам, что, в свою очередь, обеспечивало популярность их комиксов, финансовый доход и удержание лидирующих позиций по сравнению с конкурентным издательством DC. При этом каждый из участников взаимодействия корректно и толерантно относился к другим.

2. Мы (создатели и читатель)

В комиксах Marvel использование местоимения *мы* в значении указания на множество, к которому авторы (вся команда Marvel) причисляют себя и читателей одновременно, обусловлено контекстом и коммуникативными целями. Данное обращение приводит к общности и соучастию во всех событиях как читателей, так и самих авторов. Так, в примерах: *Мы находимся в спальне Питера Паркера; Теперь мы отправляемся совсем в другую часть города!; Каждая история должна где-то начинаться, посему давайте начнем с уединенного склада в непроглядном мраке ночи, где мы станем свидетелями ограбления; Наши преданные читатели помнят, как в прошлом номере Носорог погиб от рук Халка во время ужасающей схватки... А теперь давайте посмотрим на нашего компанейского гиганта, который прыгает над крышами небоскребов вместе с Бетти Росс, ставшей его невольной спутницей в этом путешествии* (The Incredible Hulk, #105, vol. 1); *И пока весь мир читает захватывающие репортажи об аресте Халка за завтраком с кофе и кексами, мы посмотрим, что происходит в тюрьме «Синг.Синг»...* (The Incredible Hulk, #104, vol. 1) – уточняется место нахождения авторов, читателей и героев, если по текстуальному содержанию или смене кадров возникают трудности с его определением и восприятием, описываются дальнейшие действия, касающиеся последующего сюжета, текущего или будущего номера, или прочтения комиксов в общем.

Конструкции: *Как мы знаем, Питер Паркер (он же Человек-паук) отличный молодой ученый, он посвятил много времени изучению пауков и паутины; Как мы знаем, он испускает паутину, активируя кнопку на ладони, после чего срабатывает устройство на запястье – использованы намеренно, чтобы напомнить и показать осведомленность всех читателей и создателей об отличительных умственных способностях Питера Паркера, с помощью которых он разработал прибор для испускания паутины и усовершенствовал свой костюм паука, а также проинформировать об этом читателей, недавно присоединившихся к поклонникам комиксов или пропустивших определенный номер серии. Данный формат интеракции способствует сокращению или устранению иерархической дистанции между ними. Такое взаимодействие реализуется с помощью **дискурсивной практики сближения**, некоторого рода приязни со стороны создателей и читателя.*

Заключение

Американские комиксы издательства Marvel представляют собой материал, который можно исследовать с точки зрения креативности на различных языковых уровнях. Проведенный нами анализ серий комиксов о Человеке-пауке, Халке, Сорвиголове выявил и показал разные форматы интеракции, обусловленные политическими, культурными и личными мотивами и опосредованные разными дискурсивными практиками. Экономический кризис, холодная война, движения за гражданские права и социальное напряжение сказывались не только на обстановке в стране, но и влияли на сознание, настроение и поведение людей. Менялся дискурс, зарождались новые дискурсивные практики, появлялся новый для данной эпохи текст комикса.

Тексты американских комиксов следует считать креативными в силу того, что в них можно выявить открытую форму интеракции авторов с читателями, обозначенную нами двумя форматами: 1) *мы (создатели) – ты (читатель)*; 2) *мы (создатели и читатель)*. В различных коммуникативных ситуациях, при которых авторы в лице всей команды делятся с читателями актуальными событиями, происходящими в стране и мире, представляют подробную информацию о функционировании устройств, приборов, используемых героями для определенных целей, а также совместно с читателем переживают за героев и радуются их победам, прослеживаются дискурсивные практики демократизации, индивидуализации, ротации, распространения, перекодирования и др. В авторском восхищении и хвастовстве

своей работой и героями, ироничном и шутовском выражении мыслей, общении с читателем посредством вопросов, ответы на которые они могли получить в письмах от читателей, обнаруживаются дискурсивные практики самопрезентации и сближения, позволившие тексту комиксов стать оригинальными и креативными в комиксовой индустрии той эпохи. Анализируемые в статье модели речевого поведения авторов и читателей и определенный набор речевых действий, используемых для реализации коммуникативного намерения, показывают специфичные форматы интеракции между автором и читателем, что в свою очередь следует считать креативным параметром на коммуникативно-дискурсивном уровне.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. А. Энгель – концептуализация, администрирование статьи, написание оригинального проекта статьи; В. А. Петрова – ресурсы, написание обзора и редактирование статьи.

Contribution: E. A. Engel designed the research concept and drafted the manuscript; V. A. Petrova provided resources, write the review part, and proofread the article.

Литература / References

1. Вознесенская И. М. «Креативность» в языке и тексте (обзор). *Воспитание языкового вкуса студентов в процессе преподавания русской словесности*: мат-лы XXIV Междунар. науч.-метод. конф. (Санкт-Петербург, 8 февраля 2019 г.) СПб.: СПбГУПТД, 2019. С. 17–21.
Voznesenskaya I. M. "Creativity" in language and text (overview). *Education of the language taste of students in the process of teaching Russian literature*: Proc. XXIV Intern. Sci.-Method. Conf. St. Petersburg, 8 Feb 2019. St. Petersburg: SPbSUITD, 2019, 17–21. (In Russ.)
2. Гридина Т. А. «Делать из мухи слона»: ассоциативная проекция игрового слова в художественном тексте. *Лингвистика креатива-2*, под общ. ред. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: УрГПУ, 2012. С. 272–288.
Gridina T. A. "Making a big deal out of it": the associative projection of the play word in a fiction text. *Creative Linguistics-2*, ed. Gridina T. A., 2nd ed. Ekaterinburg: UrSPU, 2012, 272–288. (In Russ.)
3. Дрожащих Н. В. Когнитивные параметры художественной модели креативного текста. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2017. № 10. С. 88–95. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-10-88-95>
Drozhashchikh N. V. Cognitive parameters of literary model of creative text. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2017, (10): 88–95. (In Russ.) <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-10-88-95>
4. Иссерс О. С. Стратегия рефрейминга в аспекте лингвокреативной деятельности. *Лингвистика креатива*, под общ. ред. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: УрГПУ, 2013. С. 216–230.
Issers O. S. Reframing strategy in linguistic and creative activities. *Creative Linguistics*, ed. Gridina T. A., 2nd ed. Ekaterinburg: UrSPU, 2013, 216–230. (In Russ.)
5. Быков Л. П., Купина Н. А. Языковая игра как средство преобразования идеологических смыслов. *Лингвистика креатива*, под общ. ред. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: УрГПУ, 2013. С. 269–291.
Bykov L. P., Kupina N. A. Language games as a means of transforming ideological meanings. *Creative Linguistics*, ed. Gridina T. A., 2nd ed. Ekaterinburg: UrSPU, 2013, 269–291. (In Russ.)

6. Киосе М. И. Параметры и техники «настройки» лингвистической креативности в детском художественном тексте. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2019. № 4. С. 66–76. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2019-4-66-76>
Kiose M. I. Linguistic creativity in the discourse of children's literature: tuning parameters and techniques. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2019, (4): 66–76. (In Russ.) <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2019-4-66-76>
7. Лобкина А. Т., Мымрин П. А. Программа поиска формальных критериев креативности автора в его тексте. *Информационные технологии: мат-лы 56-й Междунар. науч. студ. конф.* (Новосибирск, 22–27 апреля 2018 г.) Новосибирск: НГУ, 2018. С. 195.
Lobkina A. T., Mymrin P. A. A program for searching for formal criteria of the author's creativity in their text. *Information technology: Proc. 56th Intern. Sci. Stud. Conf.*, Novosibirsk, 22–27 Apr 2018. Novosibirsk: NSU, 2018, 195. (In Russ.)
8. Норман Б. Ю. Лексический повтор как дискурсивная тактика. *Лингвистика креатива*, под общ. ред. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: УрГПУ, 2013. С. 230–245.
Norman B. Yu. Lexical repetition as a discursive tactic. *Creative Linguistics*, ed. Gridina T. A., 2nd ed. Ekaterinburg: UrSPU, 2013, 230–245. (In Russ.)
9. Ремчукова Е. Н. Грамматические категории в зеркале креативности. *Лингвистика креатива*, под общ. ред. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: УрГПУ, 2013. С. 245–269.
Remchukova E. N. Grammatical categories in the mirror of creativity. *Creative Linguistics*, ed. Gridina T. A., 2nd ed. Ekaterinburg: UrSPU, 2013, 245–269. (In Russ.)
10. Фещенко В. В. Лингвокреативность в художественном и научном дискурсах. *Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности*, отв. ред. И. В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. С. 190–257.
Feshchenko V. V. Linguistic creativity in artistic and scientific discourses. *Linguistic creativity in discourses of different types: limits and possibilities*, ed. Zyкова I. V. Moscow: R.Valent, 2021, 190–257. (In Russ.)
11. Чересюк П. А. Метафора как средство словесно-художественной креативности Л. Н. Толстого (на материале романа «Анна Каренина»). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 14. № 9. С. 2705–2709. <https://doi.org/10.30853/phil210460>
Cheresyuk P. A. Metaphor as a means L. N. Tolstoy's literary and artistic creativity (by the material of the novel "Anna Karenina"). *Philology. Theory & Practice*, 2021, 14(9): 2705–2709. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/phil210460>
12. Тимофеева Е. Е. Языковая игра как средство развития лингвокреативных способностей учащихся: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 16 с.
Timofeeva E. E. *Language games as a means of developing students' linguistic and creative abilities*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2006, 16. (In Russ.)
13. Скларова О. С. Языковая игра как способ актуализации лингвокреативности элитарной языковой личности в художественном дискурсе. *Научно-методическое обеспечение преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах в свете теории и практики межкультурной коммуникации: сб. тр. конф. № 16.* (Майкоп, 20 мая 2020 г.) Майкоп: ЭЛИТ, 2020. С. 73–77.
Sklyarova O. S. Language game as an actualization method of linguistic creativity of elite language personality in artistic discourse. *Scientific and methodological providing of teaching foreign languages in non-linguistic faculties in the light of intercultural communication theory and practice: Proc. Conf. No. 16.* Maikop, 20 May 2020. Maikop: ELIT, 2020, 73–77. (In Russ.)
14. Юдина Н. В., Кузнецова Е. А. О лингвокреативном потенциале языковой игры (на примере современных рекламных текстов). *Когнитивные исследования языка*. 2018. № 32. С. 436–443.
Yudina N. V., Kuznetsova E. A. Reviewing the creativity of language game (based on modern advertising texts). *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, 2018, (32): 436–443. (In Russ.)
15. Мурашов А. А. Креативные потенциалы языковой игры: каламбур. *Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива*. 2018. № 2. С. 351–357.
Murashov A. A. Creative potentials of language game: pun. *Uralskiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost: Lingvistika kreativa*, 2018, (2): 351–357. (In Russ.)
16. Устинова Т. В. Лингвокреативность смыслового восприятия окказионализмов в поэтическом тексте. *Лингвистика креатива-4*, под общ. ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: УрГПУ, 2018. С. 213–228.
Ustinova T. V. Linguistic creativity of semantic perception of occasionalisms in a poetic text. *Creative Linguistics-4*, ed. Gridina T. A. Ekaterinburg: UrSPU, 2018, 213–228. (In Russ.)
17. Гридина Т. А. Метафоры детской речи как феномен лингвокреативного мышления и поэтической одаренности. *Лингвистика креатива-4*, под общ. ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: УрГПУ, 2018. С. 11–39.
Gridina T. A. Metaphors of children's speech as a phenomenon of linguistic and creative thinking and poetic gift. *Creative Linguistics-4*, ed. Gridina T. A. Ekaterinburg: UrSPU, 2018, 11–39. (In Russ.)

18. Карл Н. Н. Метафорический аспект репрезентации категории качества в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 26 с.
Karl N. N. *The metaphorical aspect of the representation of the quality category in modern German*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2006, 26. (In Russ.)
19. Михайловски А. Метафора как «креативная» реализация фрейма (постсоветские концепции «революций» в российских, белорусских и украинских СМИ). *Творческий аспект в языке и тексте*, науч. ред. Н. А. Илюхина и А. Эббинхауз. Самара-Würzburg: CaГA, 2021. С. 135–142.
Mikhaylovski A. Metaphor as a "creative" implementation of the frame (post-Soviet concepts of "revolutions" in Russian, Belarusian, and Ukrainian media). *Creative aspect in language and text*, eds. Ilyukhina N. A., Ebbinhaus A. Samara-Würzburg: SaHA, 2021, 135–142. (In Russ.)
20. Гридина Т. А., Кубасов А. В. Лингвокреативная техника создания игрового парадокса в афоризмах С. Д. Кржижановского. *Лингвистика креатива-2*, под общ. ред. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: УрГПУ, 2012. С. 354–376.
Gridina T. A., Kubasov A. V. The linguistic and creative technique of the playful paradox in S. D. Krzhizhanovsky's aphorisms. *Creative Linguistics-2*, ed. Gridina T. A. Ekaterinburg: UrSPU, 2012, 354–376. (In Russ.)
21. Капранова И. П. Антитеза как художественный прием самовыражения автора. *История и обществознание*. 2018. № XV. С. 149–151.
Kapranova I. P. Antithesis as an artistic technique of the author's self-expression. *Istoriia i obshchestvoznaniie*, 2018, (XV): 149–151. (In Russ.)
22. Фурсова Е. В. Дискурсивные параметры стилистического приема антитезы: на материале англоязычного художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 26 с.
Fursova E. V. *Discursive parameters of the stylistic device of antithesis in English-language fiction*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2008, 26. (In Russ.)
23. Иванова Н. С. Опыт лингвистического исследования мерфизмов (на материале американского варианта английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2008. 16 с.
Ivanova N. S. *Experience of a linguistic study of merfisms in American English*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Irkutsk, 2008, 16. (In Russ.)
24. Коровушкин В. П., Фалоджу Дж. О. Лингвокреативный потенциал нигерийско-английского пиджина как проявление современной социально-языковой ситуации в Нигерии. *Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива*. 2013. № 3. С. 32–42.
Korovushkin V. P., Falaju J. O. Linguocreative potential of Nigerian pidgin English as an evidence of the present socio-language situation in Nigeria. *Uralskiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost: Lingvistika kreativa*, 2013, (3): 32–42. (In Russ.)
25. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации. *Антология речевых жанров: повседневная коммуникация*, под общ. ред. К. Ф. Седова. М.: Лабиринт, 2007. С. 7–38.
Sedov K. F. A person in the genre space of everyday communication. *Anthology of speech genres: everyday communication*, ed. Sedov K. F. Moscow: Labirint, 2007, 7–38. (In Russ.)
26. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный Центр, 2009. 356 с.
Titscher S., Meyer M., Wodak R., Vetter E. *Methods of text and discourse analysis*. Kharkov: Gumanitarnyi Tsent, 2009, 356. (In Russ.)
27. Бушев А. В., Казак М. Ю., Карпов А. Е., Кожемякин Е. А., Колтунова М. В., Коротков Е. А., Кушакова Н. О., Манохин Д. К., Масленкова Н. А., Минаева Э. В., Новак М. В., Островская Т. А., Переверзев Е. В., Полонский А. В., Пономарёва Т. А., Синельникова Л. Н., Тяжлов Я. И., Чернышова Т. В., Чудова И. А. Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы. Белгород: ИД Белгород, 2016. 244 с.
Bushev A. V., Kazak M. Yu., Karpov A. E., Kozhemyakin E. A., Koltunova M. V., Korotkov E. A., Kushakova N. O., Manokhin D. K., Maslenkova N. A., Minaeva E. V., Novak M. V., Ostrovskaya T. A., Pereverzev E. V., Polonsky A. V., Ponomareva T. A., Sinelnikova L. N., Tyazhlov Y. I., Chernyshova T. V., Chudova I. A. *Contemporary discourse analysis: agenda, issues, and perspectives*. Belgorod: Belgorod Publ., 2016, 244. (In Russ.)
28. Куликова Л. В., Белецкий С. Б., Бурмакина Н. Г., Детинко Ю. И., Попова Я. В. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации. Красноярск: СФУ, 2015. 182 с.
Kulikova L. V., Beletskiy S. B., Burmakina N. G., Detinko Yu. I., Popova Ia. V. *Discursive practices in contemporary institutional communication*. Krasnoyarsk: SFU, 2015, 182. (In Russ.)

Подписано к печати 20.04.2022.

Дата выхода в свет 17.05.2022.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 15,81. Уч.-изд. л. – 16.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.